

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2012

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки),
12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – президент АН РТ, академик **А.М. Мазгаров**
Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
академик АН РТ **Р.С. Хакимов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
главный редактор издательства «Фэн» АН РТ,
кандидат исторических наук **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Кляшторный С.Г., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хасанова Г.М., кандидат филологических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор – 292-40-34

Зам. гл. редактора – 292-84-82

Ответ. секретарь – 292-15-64

E-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Редакторы

А.Г. Аксенова, В.П. Лашенцова

Технический редактор *В.Н. Галкина*

Переводчик *Д.К. Вахитова*

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Подписано в печать 16.03.2012.

Формат 70x108 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 500 экз.

Заказ 03-12/02-2.

Отпечатано в типографии «Логос».

420108, г.Казань, ул.Портовая, 25 а

Тел.: (843) 231-05-46, 231-05-61

Факс (843) 231-08-71

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2012

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2012

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

- 7 **Хакимов Р.С.** Евразия: история будущего (отрывки)

ИСТОРИЯ

- 15 **Галиуллина Д.М.** Татарский национальный букварь конца XIX – начала XX вв. как особый вид нарратива
- 25 **Галлямова А.Г.** Национально-культурная политика в СССР и самоидентификация татар в 1945–1950-е гг.
- 38 **Гарипова З.Г., Валиев А.М.** Жизненный и творческий путь Р.У. Амирханова
- 48 **Гаркавец А.Н.** Начало кыпчакского книгопечатания
- 53 **Гилязов И.А.** Восточная политика Германии и Волго-татарский легион. Бессмертный подвиг Мусы Джалиля
- 63 **Загидуллин И.К.** Татарское крестьянское движение 1878–1879 гг.
- 76 **Наганова Норихиро.** Мектеб или школа? Введение всеобщего обучения в среде мусульман Поволжья и Приуралья
- 100 **Пачкалов А.В.** Монетные клады XIII–XV вв. на территории Татарстана
- 117 **Сулайманова Ф.Р.** Понятие панисламизма в отечественных справочных изданиях
- 128 **Хамитбаева Н.С.** Театральная жизнь Казани второй половины XIX в. на страницах газеты «Казанские губернские ведомости»
- 136 **Ямалдинов И.И.** Весомый вклад в фольклористику

ФИЛОЛОГИЯ

- 140 **Го Сун Ми.** Национальное своеобразие эстетического идеала в татарской и корейской романтической поэзии
- 148 **Дёрфер Г.** О языке гуннов
- 165 **Михаэль Фридерих.** Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма
- 195 **Салихова А.Р.** Романтические тенденции в татарском театре
- 202 **Хисамова В.Н.** Лексические особенности перевода с английского языка на татарский язык

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 206 **Багаутдинов Ф.Н.** Вопросы религии и вероисповедания в деятельности Казанской губернской прокуратуры (первая половина XIX в.)
- 212 **Чепарина О.А.** Правовые стимулы и ограничения при осуществлении государственными вузами права оперативного управления

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

- 218 **Данилова И.Л.** Художник и цивилизация
- 223 **Загидуллин И.К., Байбулатова Л.Ф., Исаков Р.Р.** Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.
- 223 **Загидуллин И.К., Байбулатова Л.Ф., Исаков Р.Р.** Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы
- 224 **Загидуллин И.К., Ибрагимов Д.И. и др.** История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга 3. Управление, бюджет, хозяйство
- 226 **Загидуллин И.К., Байбулатова Л.Ф.** Образование и просвещение в губернской Казани
- 226 **Загидуллин И.К., Байбулатова Л.Ф., Хамитбаева Н.С.** Из истории и культуры народов Среднего Поволжья
- 227 **Загидуллин И.К., Хамитбаева Н.С.** История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга 2. Население, конфессии, благотворительность
- 229 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

HISTORICAL LEGAL ASPECTS OF STATE FORMATION

- 7 **Khakimov R.S.** Eurasia: History of the future (fragments)

HISTORY

- 15 **Galiullina D.M.** Tatar national primer of the end of the XIX – early XX centuries as a kind of narrative
- 25 **Galliamova A.G.** National cultural policy in the Soviet Union and self-identification of the Tatars in 1945-1950
- 38 **Garipova Z.G., Valiev A.M.** Life and creative activity of Amirkhanov R.U.
- 48 **Garkavets A.N.** The origin of Kipchak printing
- 53 **Gilyazov I.A.** Eastern policy of Germany and the Volga-Tatar legion. The immortal deed of Musa Jalil
- 63 **Zagidullin I.K.** Tatar peasant movement of 1878–1879
- 76 **Naganava Norihiro.** Mekteb or school? The introduction of universal education among the Muslims of the Volga and Ural regions
- 100 **Pachkalov A.V.** Coin hoards of the XIII-XV centuries in Tatarstan
- 117 **Sulaymanova F.R.** The concept of pan-islamism in national reference publications
- 128 **Khamitbaeva N.S.** Theatrical life of Kazan in the second half of the XIX century in the newspaper «Kazan province news»
- 136 **Yamaltdinov I.I.** Significant contribution to the folklore study

PHILOLOGY

- 140 **Kuo Sung Mi.** National identity of the aesthetic ideal in the Tatar and Korean romantic poetry
- 148 **G. Derfer.** The language of huns
- 165 **Michael Friderich.** Gabdoulah Tukay – highly honoured poet at the service of the Tatar nation and the Soviet socialism
- 195 **Salikhova A.R.** Romantic tendencies in the Tatar theatre
- 202 **Khisamova V.N.** Lexical peculiarities of the translation from English into the Tatar language

LAW

- 206 **Bagautdinov F.N.** Issues on religion and faith in the work of Kazan provincial prosecutor (the first half of the 19th century)
- 212 **Cheparina O.A.** Legal incentives and constraints in realizing the right of operational management by the state universities

NEW BOOKS. REVIEWS

- 218 **Danilova I.L.** Artist and civilization
- 223 **Zagidullin I.K., Baibulatova L.F., Iskhakov R.R.** Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and the spiritual development of the Tatar people in the last quarter of the XVIII – the beginning of the XX century.
- 223 **Zagidullin I.K., Baibulatova L.F., Iskhakov R.R.** Special Meeting on Muslim affairs of 1914: Magazines
- 224 **Zagidullin I.K., Ibragimov D.I.** The history of Kazan in documents and materials. XIX century. Book 3. Management, budget, economy
- 226 **Zagidullin I.K., Baibulatova L.F.** Education and enlightenment in the province of Kazan
- 226 **Zagidullin I.K., Baibulatova L.F., Khamitbaeva N.S.** From the history and culture of the peoples of the Middle Volga Region
- 227 **Zagidullin I.K., Khamitbaeva N.S.** The history of Kazan in the documents and materials. XIX century. Book 2. Population confession, charity

ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

229

УДК 321; 323

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО* (отрывки)

Р.С. Хакимов, академик, доктор исторических наук

*«Знаю одно и скажу вам по секрету, что если
Россия будет спасена, то только как евразийская
держава и только через евразийство».*

Лев Гумилев

«Кокон»

«Кокон» как генетический код предопределяет многое в индивидуальном и коллективном поведении. Этот пласт этнической жизни не фиксируется социологией, его можно обнаружить в мифах, легендах, традициях, пословицах и поговорках. Человек не может существовать без этих корней, которые связывают прошлое с современностью и предопределяют будущее. В качестве архетипов они становятся побудительным мотивом. Не должна смущать архаичность первобытных представлений, которые мы пытаемся проследить до наших дней. Как бабочка не похожа на кокон, из которого появляется, так и современные идеи отличаются от предшествующих, тем не менее продолжая их в каких-то существенных моментах.

«Кокон» нельзя описать однозначно, тем более он может существовать как архетип в подсознании, может выражаться в виде символов. Например, у многих народов в мифологии существует образ «мирового яйца» или же «мирового дерева». Через эти образы объясняется появление мироздания и людей, функция богов. «Мировое яйцо» символ плодородия, поскольку из него и рождается мир. В Египте обменивались раскрашенными яйцами как символом возрождения. Их подвешивали в египетских храмах²⁴.

У русских яйца имеют тот же смысл и до сих пор их продолжают красить к Пасхе. У татар обряды, связанные со сбором яиц, были приурочены к сабантую, но порой их называли праздником «красного яйца», иногда «царским праздником». Они опять-таки были связаны с плодородием. Марийцы проводят этот праздник до сева или в Петров день, удмурты — за неделю до Пасхи. Чуваши, собирая яйца, приговаривают:

*Если нам не дадут яйца,
То (куры) будут слепыми.
Если нам дадут яйца,
То (их) куры в день
три раза будут нестись.
Если нам пива не дадут,
То вытечет все пиво из бочки.
Если нам пиво подадут,
То оно будет в избытке²⁵.*

«Кокон» может приобрести форму котла как родового символа. Он характерен для гуннов, затем прослеживается в Тюркском каганате, Золотой Орде и Казанском ханстве. Это своеобразный маркер, который обозначает границы этничности.

У многих народов котел («чаша избобилия», «чаша Грааля») был связан с этническим, родовым происхождением, в нем был выражен сакральный смысл.

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. — 2011, № 4.

У славян совместно выпитая чаша была символом верности, преданности друг другу. У кельтов котел был символ изоляции, неистощимым источником поддержания жизни, возрождения воинов для новой битвы, выполнял функцию ритуального сосуда, подтверждающего властные полномочия.

У татар котел (казан) только по прошествии многих столетий превратился в простую посуду для приготовления пищи, но даже в этой своей функции он находился в центре домашнего очага. А изначально, видимо, в нем готовили мясо жертвенного животного, значит, он носил сакральный характер.

«Кокон» — это набор архетипов, подсознательно влияющих на стереотипы поведения, но на определенной стадии он приобретает рациональное выражение в виде мифов, легенд, сказаний, а затем оформляется в написанной истории, философских трактатах, религиозной догматике, идеологических доктринах, художественных произведениях.

В «кокон» содержится та же дихотомия, как и во всех «оболочках», вернее будет сказать, что изначально содержащаяся дихотомия «кокона» в виде «божественного», сакрального, с одной стороны, и «демонического», бессознательного — с другой, проявляется каждый раз по-новому на каждом последующем уровне жизни, на каждой «оболочке» идентичности. Более отчетливо понимание единства двух противоположных начал хорошо выражено в современной литературе и искусстве в виде неизменной борьбы «добра» со «злом». Просто раньше это называлось сказкой о Кошце Бессмертном, а сегодня блокбастером. Но даже самый современный образ жизни, совершенная организация неотвратно содержит иррациональное. Насколько это живет с нами и среди нас, показывают различные поговорки и пословицы. Мы говорим: «Чужая душа потемки», имея в виду, что она содержит бессознательное, которое может быть как божественным, так и демоническим.

К обычаям, традициям можно относиться как к предрассудкам, мешающим достижению цели, но деятельность с «чистого листа», без учета исторических корней, «зова крови», этнических символов приводит к заполнению вакуума политическими и социальными конструкциями, поиском любых искусственных заменителей под видом перемен и нередко заканчивается кризисом общества. Самомнение новаторов пребывает в иллюзии, что «демоны» исчезли, и не учитывает того факта, что прежние «боги» никуда не делись, несмотря на то, что в лесу не стало леших, а в пруду водяных и русалок. Теперь их называют «факторами» исторического развития, при этом сами люди утешаются тем, что стали якобы хозяевами своей жизни. На самом деле, как пишет Фридрих Хайек, «человек никогда не был и не будет хозяином своей судьбы: самый разум его постоянно совершенствуется за счет того, что ведет его к неизвестному и непредвиденному, где приходится учиться новому»²⁶. Человек не может спланировать и реализовать историческое развитие, он может приспособливаться к течению судьбы.

Современные историки обращают особое внимание на ментальность, под которой понимают общую духовную настроенность, относительно целостную совокупность мыслей, верований, навыков, что создает картину мира и обеспечивает единство культурной традиции. Это система образов и представлений, которой социальные группы руководствуются в своем поведении и в которой выражено их представление о мире в целом и о их собственном месте в этом мире. «Мы убеждены, — пишет Жорж Дюби, — что все социальные отношения складываются как функция этой “системы образов”, которая передается от поколения к поколению в процессе воспитания и обучения и “вследствие определенных экономических условий”». Иначе говоря, ментальность выступает в качестве ключевого элемента общественных отношений. Для Жоржа Дюби, «феода-

лизм — это средневековый тип ментальностей».

Люсьен Февр в матрице ментальности выделяет культуру, традиции, язык, образ жизни и религиозность. Как мы показали выше, ни культура, ни язык, ни религия не могут выступать признаками этнической группы, они не создают общности, а лишь обозначают границы между этносами. Из ментальности в арсенале остаются традиции и образ жизни, которые понимаются очень широко, а порой и не конкретно. Для нашей же цели, т.е. выявления тех ценностей, которые содействуют формированию этнической общности, нужно более определенно выделить исходные критерии. И здесь хотелось бы вновь вернуться к словам жителей удмуртской деревни Гарибашево из Башкортостана, о чем пишет Е.С.Данилко, как «о трансформационном развитии традиционной культуры», ведущем к «замене этнической идентичности ее носителей с удмуртской на татарскую»²⁷. При этом автор добавляет, что существенную роль «сыграл конфессиональный фактор», т.е. переход удмуртов в ислам. Несмотря на явные ассимиляционные процессы, размывание архаического пласта, жители хорошо помнят свое удмуртское происхождение «по крови». Об этом же говорят жители соседних деревень. «Вообще окружающее население, — продолжает Е.С.Данилко, — не воспринимает их как настоящих татар, относя к удмуртам и называя по прозвищу *арлар*, а женщин еще *акей* (от названия женского головного убора)»²⁸. Пытаясь объяснить происхождение «по крови», жители деревни поясняют: «У нас до сих пор много рыжих рождается. Мы знаем, если рыжий, значит удмуртская кровь, татарин, по нашему, черный должен быть»; «Кто светлее, мы говорим “арлар”, значит удмурт. Я сама говорю, что я удмуртка». В качестве доказательства «удмуртского» происхождения приводят также исторические и генеалогические предания, все жители помнят, что деревню основали именно удмурты. Иначе

говоря, для жителей деревни сохраняют значение удмуртское происхождение «по крови», что осознается как рыжий цвет волос и в виде довольно эфемерных преданий.

Отметим другой любопытный факт из деревни Смаиль того же Башкортостана. Там всегда были мечеть и свой мулла из местной династии священнослужителей. «Однако несколько лет назад в Смаиль прибыл новый мулла, тоже местный житель, получивший высшее духовное образование в Казани... Это вызвало скрытое недовольство в среде верующих, для которых молодой мулла — чужак, насаждающий новые правила, привезенные со стороны и расходящиеся с издавна существовавшей в селе религиозной традицией»²⁹. Автор статьи объясняет это наличием расхождения между народным и формальным исламом. На самом деле это различие не имеет большого значения, поскольку понятие «народного ислама» весьма условное, а канонического ислама не существует. В данном случае проявилось глубинное чувство этнической принадлежности, которое разрушается новыми порядками молодого муллы, идущими вразрез не с исламом, а с традициями деревни. И здесь мы обнаруживаем ту же причину, которая склоняет удмуртов выяснять свои корни, а марийцев — притерпеваться «древней вере».

Приведенные примеры полевых исследований показывают, что для этнической общности существенным моментом оказывается происхождение, которое может формулироваться по-разному, но в основе имеет признак общности «по крови». Если попытаться это рационально объяснить, то окажется, что под «удмуртской кровью», «марийской верой» и т.д. имеются в виду представления об этническом происхождении. Несущественно, насколько люди правильно формулируют само происхождение, они могут рассказывать всего лишь предание собственной деревни, или своей локальной общности, даже просто рода. Они ищут общ-

ность в происхождении и в данном случае содержательная сторона оказывается фактором второстепенным, но существен тот архетип, который лежит в основе явления. Это архетип системообразующий. Именно он объединяет такие важные элементы, как язык и культура, предопределяя этническое самосознание. Матрица ментальности становится интегрированной благодаря бессознательным образам или представлениям об этническом происхождении, иначе говоря, «кокон» превращает ментальность в этническую идентичность.

Особыми случаями являются попытки изменить свою этническую принадлежность. Наиболее явно это выразилось у крещеных татар, чьи активности стремились объявить себя самостоятельным народом, притом, что они носители татарского литературного языка и традиционной культуры. Любопытно, что и в этом случае аргументом выступала история. Некоторые из идеологов считали кряшен не перешедшими из ислама в православие, а группой, изначально принявшей христианство еще в Булгарском государстве. Не обсуждая истинность этого тезиса, следует заметить, что в любом случае у татар-мусульман и кряшен корни одни. К тому же после покорения Казанского ханства крещение татар проводилось как государственная политика. В результате часть татар обрусела, а другая часть осталась в лоне татарской культуры, но уже в качестве православных. Сам факт перехода в православие был психологически тяжелым испытанием, оставившим в самосознании кряшен заметный след. В байте «О возврате в ислам» говорится:

*Молимся Аллаху в мусульманство
нас вернуть,
Нам предписано Всевышним
в другой вере терпеть*³⁰.

Нынешняя попытка кряшен позиционировать себя как самостоятельный народ является всего лишь свое-

образной инверсией, т.е. утверждением через отрицание. Это та же татарская идентичность, но в православной маске. Клод Леви-Стросс пишет: «Как и миф, маска отрицает настолько же, насколько она утверждает; она построена не только из того, что она говорит, или считается, что говорит, но и из того, что она исключает»³¹. В жизни крещеные татары часто оказываются наиболее приверженными татарской культуре. Залогом единства народа (мусульман и кряшен) остается то, что в древней основе лежат общие архетипы поведения. Например, сбор крашенных яиц и ритуалы, связанные с яйцами, существуют у всех татар, независимо от религии и происходит это накануне Пасхи (у касимовских и казанских татар), во время Пасхи (у кряшен и татар-мишарей)³². Праздник Нардуган, Сабантуй, ритуалы жертвоприношения едины для всех татар, а значит и архетипы едины.

Очень характерно поведение некоторых представителей сибирских татар, которые приезжают в Казань, чтобы доказать, что они самостоятельный народ. Возникает вопрос: зачем приезжать в Казань и доказывать свою самостоятельность народом?! На самом деле это является своего рода самоутверждением через подчеркивание своей особенности. Сибирские татары – коренной народ Сибири, определявший его облик в течение многих сотен лет, в то же время в древности он имел общие корни со всем татарским народом, позднее находился под сильным влиянием казанской группы татар. Особенности исторического происхождения провоцируют у сибирских татар стремление к обособлению. К тому же у них принятие ислама было связано не с Булгарами, а было привнесено позднее, начиная с Золотой Орды. Но, в конце концов, общность происхождения оказывается сильнее иных мотивов.

Кстати, эта тенденция подчеркивания своих этнографических особенностей, очень естественная и положитель-

ная с точки зрения развития творческого потенциала народа, сослужила плохую службу для гуманитарных наук в Татарстане. Ученые, забыв об интегративных функциях этнологии и языковедения, занялись не просто исследованием особенностей этнических групп татар, но и возвели их в ранг научных направлений. Появилась диалектология как направление, этнографы начали как самостоятельный объект изучать не только сибирских, астраханских, касимовских татар, мишар, кряшен, но и ввели понятия пермских, московских, башкирских и других татар, привязываясь к местности или городу. С точки зрения научной карьеры, видимо, этим проще заниматься, но это не имеет никакого отношения к науке, которая по определению может быть только интегративной, а анализ особенностей отдельных элементов явления всего лишь ступень к синтезу.

У всех народов вопрос происхождения играет ключевую роль, что проявляется в форме мифов, исторических преданий, рассказов и романов, научных трудов, учебных курсов, политических заявлений. В русских пословицах осуждают «Ивана, не помнящего родства». Чингиз Айтматов создал яркий образ манкурта, и само слово вошло в лексику многих языков как нарицательное понятие. В моменты идеологических кризисов этническое происхождение, в целом исторические сюжеты играют особую роль, а порой и замещают идеологию. Именно так происходит сегодня в России, где вместо коммунистических идеалов не появились другие ценности, а потому все народы начали самостоятельно изучать свою историю, при этом не обошлось не только без возрождения былых легенд, но и современного мифотворчества.

Почему же седая старина врывается в нашу сегодняшнюю динамичную жизнь, столь отличную от примитивного прошлого? Здесь мы вступаем в область коллективного бессознательно, содержанием которого являются архетипы как изначальные всеобщие об-

разы этноса³³. Для всех народов существенно определить свое отношение к природным явлениям, в частности, воде (море, река, озеро, пруд), солнцу, луне, лесу, в которых содержится как «божественное», так и «демоническое». К ним изначально люди относились как к живым существам, большим и малым богам, населяя природу духами. И сегодня в языке сохранилось стремление одушевлять природу. Порой мы сами не понимаем импульсы своего поведения, относя это к душевным порывам. Когда мы говорим «душа просит!», то «душу» понимаем не в философском смысле, а как естественный комплекс мотивов, как интегратор противоречивых стимулов поведения. Какие бы современные понятия мы ни вводили в оборот, их матрицы, придающие смысл жизни, уже существовали в прошлом и исторически были оправданы. У любой естественной идеи был прообраз, а бытование его сегодня не означает, что это архаический мусор, оставшийся нам в наследство по недосмотру сознания. Рационализм торжествует только в самых верхних слоях жизнедеятельности народов, в интеллектуальной среде, а реальное поведение строится в основном на стереотипах, весьма бережно называемых традициями.

Жизнь постоянно противостоит страхам и через их преодоление движется по лестнице цивилизации. Эволюция человека шла через преодоление кризисных ситуаций, т.е. столкновение человека с непредвиденными обстоятельствами, решение которых у него не было в арсенале. Это вело к выработке новой модели поведения и трансформации общественных норм на более высокий уровень. Отсюда осознанно изложенные мифы или концепции. Естественно, при этом степень осознанности, а вместе с тем духовности поднимается на новую ступень. Именно состояние шока от встречи с новыми обстоятельствами вынуждало наших предков пересматривать нормы поведения. Современный человек недалеко ушел в этом отношении. Большин-

ство людей от встречи с чем-то новым нервничают, не находя образцы поведения, и только узкий круг личностей ищет пути выхода из кризиса.

В архаическом обществе различного вида запреты, табу сдерживали инстинкты и демонические наклонности в человеческой натуре. По мере усложнения социальных структур они становились тормозом для развития общества. Эволюция стала возможной благодаря ослаблению запретов, что обеспечивало индивидуальную свободу, а вслед за этим социальное творчество. «Свобода, — пишет в своем знаменитом труде “О свободе” Джон Стюарт Милль, — есть единственный верный и неизменный источник всякого улучшения: там, где существует свобода, там может быть столько же независимых центров улучшения, сколько индивидуумов»³⁴. При этом принципы свободы вовсе не стремились что-либо указывать людям, они всего лишь ограждали индивидуальность от давления общества. Именно этот момент стал поворотным в развитии общества. «Прогрессивный принцип, под каким бы видом он ни проявлялся, под видом ли любви к свободе, или любви к улучшению, во всяком случае есть враг господства обычая и необходимо предполагает стремление освободить людей от его ига. В борьбе между этим принципом и обычаем и заключается главный интерес истории человечества»³⁵. Тем самым определилось осевое направление времени, которое Эммануил Кант сформулировал в следующем виде: «История мира есть не что иное, как прогресс осознания Свободы».

Свободная мысль, открытое общество, разделение труда и обменная экономика определили гигантские изменения в эволюции человека. В то же время эта свобода не была произволом, но и не результатом работы интеллектуалов, она стала возможной, пишет Фридрих Хайек, благодаря господству моральных принципов, которые «были с неизбежностью усвоены там, где население состояло из независимых фер-

меров, ремесленников и торговцев, их слуг и подмастерьев, приобщенных к ежедневному опыту наставников. В их этике высоко ценился человек бережливый, трудолюбивый, думающий о будущем своей семьи и своего дела и сколачивающий капитал не для будущего потребления, а для того, чтобы заслужить уважение сограждан, преследующих те же цели»³⁶. Свобода рождалась в переломные моменты жизнедеятельности общества, нередко в период анархии, став трансформацией общества на новую ступень, выдвинув новые ценности и более высокую мораль, о которой философ Давид Юм сказал следующее: «Нет ничего, что было бы для нас важнее нашей репутации, и ни от чего наша репутация не зависит в большей мере, чем от нашего отношения к чужой собственности».

Свобода в обществе утверждается не благодаря революциям, чьи последствия заведомо непредсказуемы, а благодаря традиции. Не бунт рождает свободу, он может стать толчком к разрушению прежних устаревших норм, но может вылиться в произвол. Свобода должна стать частью политической культуры, тогда она окажет позитивное влияние на всю общественную систему и даст преимущество. А сама политическая культура складывается как результат закрепления норм в общественном поведении.

В этой борьбе традиций и свободы нужно видеть диалектику. На самом деле историческая борьба идет не с традициями как системой, а определенными нормами и охранителями прежних взглядов в лице священнослужителей и реакционных идеологов, которые в обществе представляют наиболее консервативную часть интеллектуалов. Вне традиций общество разрушается, ибо в таком случае у него остается только один путь — деградация и возврат к инфантильности. Трудно сказать, какова доля сознательного и бессознательного в этих процессах, но ясно, что и то, и другое обязательно присутствуют. Там же, где пытались все выстро-

ить только на основе рациональных решений как конструирование нового общества, видимость прогресса обернулась жесточайшим регрессом и одержимостью первобытных инстинктов. Это наблюдалось в фашистской Германии, бывшем СССР, но самым страшным даже символическим проявлением этого конструктивистского фанатизма стал режим Пол Пота в Кампучии, истребившего значительную, причем наиболее культурную, часть своего народа.

Традициям трудно противостоять и даже радикальные реформаторы вынуждены учитывать рамки традиций, чтобы не оказаться вне общества. Их влияние определяется силой бессознательного. Клод Леви-Стросс пишет: «Можно сказать, что подсознание – это индивидуальный словарь, в котором каждый из нас записывает лексику истории своей индивидуальности, и что бессознательное, организуя этот словарь по своим законам, придает ему значение и делает его языком, понятным нам самим и другим людям (причем лишь в той мере, в какой он организован по законам бессознательного)»³⁷. Глубинные пласты этнической психики обнаруживаются в критических ситуациях или формулируются в косвенной форме, или же проявляются в отношении к музыке, праздникам, другим элементам культуры, которые выступают в качестве символов. Нередко сознательное оказывается всего лишь рациональной формулировкой бессознательных импульсов или архетипов.

Фридрих Хайек, представитель очень практичной экономической на-

уки, различает в эволюции человеческого общества три слоя напластования правил поведения: «Внизу, конечно, лежат прочные, мало изменившиеся инстинкты, генетически наследуемые и определяемые физиологической структурой человека. Затем располагаются остатки последовательных типов социальных структур, через которые человек прошел: правила, вовсе не выбранные человеком сознательно, но распространившиеся и закрепившиеся благодаря деятельности, благоприятствовавшей в прошлом определенным группам, экспансии которых, возможно, в большей мере служило привлечение неофитов, чем более активное размножение. На самом верху находится тонкий слой правил, сознательно отобранных или модифицированных ради известных целей»³⁸. Как видим, виднейший экономист XX в. весьма скептически относится к современным рационалистам и совсем не воспринимает конструктивистов, относя их к суеверию, при этом весьма позитивно оценивает средний слой традиционно сложившихся структур, особо в них отмечая исторически сложившиеся моральные нормы как условие прогресса общества, добавляя ко всему весьма примечательную фразу: «Человека делает добрым не природа и не разум, а традиция».

Символы трансформации в жизни этноса играют не меньшую роль, нежели архетипы, и они имеют столь же древние корни, как и сами традиции.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁴ См. Энциклопедия символов. – М., 2005. – С. 259.

²⁵ Тартарики. Этнография. – Казань – Москва, 2008. – С. 754.

²⁶ Ф. Хайек. Общество свободных. – Лондон, 1990. – С. 259.

²⁷ Е.С. Данилко. Татары в этнически... – С. 57.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. – С. 63.

³⁰ Татарский эпос... – С. 346.

³¹ Клод Леви-Стросс. Путь масок. – М., 2000. – С. 94.

³² См.: Тартарики. Этнография. – Казань – Москва, 2008. – С. 754.

³³ Архетипы, несмотря на схожесть у разных народов, появляются совершенно независимо, поскольку на бессознательном уровне многие представления строятся по аналогии с семейными отношениями: небо — отец, земля — мать и т.д. Для детей в первые годы жизни мать играет особую роль, поскольку она кормилица, защитница, воспитатель, она всеильна, и вдохновляет детей всю последующую жизнь. Все это переносится на природу, социальные отношения, мировосприятие.

³⁴ Джон Стюарт Милль. О свободе. — СПб., 1900. — С.138–139.

³⁵ Джон Стюарт Милль. О свободе... — С.139.

³⁶ Фридрих Хайек. Общество свободных... — С. 242.

³⁷ Клод Леви-Стросс. Структурная антропология... — С. 212.

³⁸ Фридрих Хайек. Общество свободных... — С. 235.

Аннотация

В данной статье дана попытка осмыслить состояние идейных течений в постперестроечные времена. Показан идеологический вакуум, ставший результатом дискредитации идей коммунизма и падения интереса в общественном мнении к либерализму. Рассматривается классическое евразийство с точки зрения сегодняшних событий, анализируются его историческое значение, недостатки и возможности использовать для интеграции стран в рамках СНГ. Отмечается, что история в современной политической обстановке используется как заменитель полноценной идеологии.

Ключевые слова: Российская империя, государственность, перестройка, распад СССР, СНГ, евразийство, история.

Summary

The attempt to understand the state of ideological tendencies in the post reformatory period is given in the article. Ideological vacuum is shown and it became the result of the discredit of the communism ideas and decrease of interest to liberalism. Classical eurasianism is considered from the point of view of present events, its historical significance is analyzed as well as disadvantages and the possibility to apply for the integration of countries in the context of CIS. History in modern political conditions is used as denominator of valuable ideology.

Key words: Russian Empire, statehood, reformation, disintegration of USSR, CIS, eurasianism, history.

УДК 008(091); 372.416.2

ТАТАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БУКВАРЬ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. КАК ОСОБЫЙ ВИД НАРРАТИВА

Д.М. Галуллина, кандидат исторических наук

С древнейших времен казанские татары ценили образованных людей. Система образования складывалась на протяжении столетий и имела определенные преимущества и недостатки. С утратой государственности появилась угроза потери основных достижений науки и культуры. В период «гонений ислама»¹ пострадало и школьное образование. Основные положительные перемены в жизни татарского населения произошли при правлении Екатерины II. Особенно в 1767 г., когда она посетила Казань. Одним из таких новшеств стало открытие в 1769 г. класса татарского языка в Первой казанской мужской гимназии². В 1789 г. такой же класс был открыт и в Первой астраханской мужской гимназии. Татарский язык с давних пор использовался русским правительством в дипломатических отношениях с восточными странами³.

Самым востребованным учебником в русских гимназиях был букварь. Одна из первых татарских азбук была напечатана в 1778 г. Сагитом Хальфиным, преподавателем татарского языка в Первой казанской мужской гимназии⁴. Тогда был дефицит учебных пособий. Ощущал недостаток учебных пособий и его внук Ибрагим Хальфин. Татарский язык рассматривался как один из переходных этапов в изучении восточных языков. Ибрагим Хальфин в 1804 г. опубликовал «Азбуку и этимологию татарского языка». Учебник давал возможность ознакомиться с турецким, арабским, персидским письмом⁵. А в 1809 г. была издана «Азбука и грамматика татарского языка с правилами араб-

ского чтения, преподаваемые в императорской Казанской гимназии». Но это не букварь, в полном смысле этого слова. Текстов мало. В основном для чтения предлагались тексты религиозного характера и проповедовавшие основные принципы этики и морали. Например: «Кто бога боится и честно поступает, тот не страшится ничего. Уповать на бога и любить его всем сердцем должно. Государя своего почитай и повелениям его повинуйся»⁶. Учебники Сагита и Ибрагима Хальфиных были первыми печатными изданиями по ориенталистике не только в России, но и в Европе. «Арабская грамматика» Сильвестора де Соси была опубликована лишь в 1810 г.⁷ Это были оригинальные и грамотно составленные учебные пособия, но рассчитанные не для татарских детей.

Свой вклад в составление татарских букварей внес и Н.И. Ильминский. Его буквари предназначались для отдельно взятой группы татарского населения – крещеных татар. В начале XIX в. начался массовый переход татар-христиан в ислам. Церковь и правительство забили тревогу. Одной из причин считали языковую проблему. Священнослужители не смогли выучить местные языки. «Христианское просвещение» нерусских народов империи оказалось под угрозой⁸. Миссионер и педагог Н.И. Ильминский разработал особую систему обучения для инородческих школ на основе родного языка⁹. Кроме татар, другие народы не имели письменности, и она создавалась на основе русской графики. Кириллицу исполь-

зовали и для составления букваря крещеных татар. Первый букварь назывался «Княга» (1862), другие «Букварь для крещеных татар» (1871), «Язу ур-та торган княга» (1906)¹⁰. Н.И. Ильминский писал про свой первый букварь, что это учебник «со статьями христианского, вероучительного и молитвенного содержания»¹¹. Система Н.И. Ильминского, крещено-татарские школы сыграли важную роль в просвещении татар-христиан. Его буквари не получили распространения среди татар-мусульман. Но это одна из разновидностей татарского букваря. Именно этот алфавит был использован в конце 1930-х гг. большевиками для «новой» татарской письменности.

Первые «элифба» стали создаваться еще в Волжской Булгарии. Эти учебники использовались в Золотой Орде и Казанском ханстве. Известно о распространении среди населения во второй половине XVIII в. «элифбы» Муртазы Котлыгышева и Ишнияза бин Ширниязя в рукописном виде. Но как выглядели эти учебники, неизвестно. В печатном виде сохранились только буквари начала XIX в.¹² Первым изданием татарской типографии, открытой в 1800 г., также стала татарская азбука «Аттагоджи» («Чтение по слогам») с молитвами для чтения. Книга стала очень популярной и издавалась почти ежегодно, большими тиражами. В дальнейшем она чаще выходила под названием «Элифба иман шарты белэн» («Азбука с молитвами») и как «Шаритель иман» или «Иман шарты» («Условия веры»)¹³. Татарское население называло просто «Элифби» исходя из первых букв алфавита «элиф» и «би» или же «Элебби», «Элпи». На протяжении 125 лет (последнее издание вышло в 1928 г.) книга существенно не изменилась. Хотя почти в каждое издание вносились определенные изменения, в основном добавлялись новые молитвы. Автор учебника неизвестен¹⁴. Существуют различные точки зрения по этому вопросу. Одни источники авторство приписывали Муртазе Котлыгышеву, другие Ишния-

зу Ширниязу¹⁵. Академик А. Каримуллин писал, что этот букварь с древнейших времен служил учебником в татарских мектебах и медресе. Это была первая книга, обучающая чтению и письму арабскими буквами¹⁶. Ш. Марджани появление этой книги связывал с периодом Волжской Булгарии¹⁷. Можно предположить, что Муртаза Котлыгышев или Ишнияз Ширнияз переработали сохранившийся и популярный среди населения учебник. Бесспорно одно, до 1890-х гг. это практически единственный букварь, по которому учились читать и писать широкие слои населения. Мусульманское духовенство придало ей статус «священной». Положительно отзывались об этом букваре и русские миссионеры. В 1894 г. Е. Малов перевел на русский язык. Он же в своей работе «Мухаммеданский букварь» (1894) сравнивал «Иман шарты» с русской схоластической азбукой «Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания» (1634). Он призывал брать пример с татар, которые почти все обучались по одной книге, когда русские буквари менялись каждые 2–3 года. Достоинством «Иман шарты» он считал лаконичное содержание, состоящее из религиозных молитв. Этот учебник до 1917 г. использовался в кадимистских учебных заведениях¹⁸. Но в конце XIX в. религиозный букварь не удовлетворял передовую татарскую интеллигенцию.

Появление джадидских школ послужило толчком к созданию новых учебников и учебных пособий. Недостаток учебников был во всех учебных заведениях. В этот период правительство жестко контролировало учебный процесс в национальных школах. Например, медресе должны были иметь официальное разрешение на преподавание светских предметов¹⁹. Татарские учебные заведения могли быть только религиозными, по строгому предписанию властей. Даже после революции 1905–1907 гг. открывать татарские школы светского характера было запрещено категорически²⁰.

Все же определенные послабления и уступки в отношении национальной школы со стороны правительства были. Начался издательский «бум». На протяжении четверти века — с начала 1890-х гг. до 1917 г. — в Казани было опубликовано около 40 татарских букварей²¹. В начале XX в. Г. Ахмеров насчитал более 15 таких изданий разных авторов. Многие из них, по его мнению, не соответствовали педагогическим нормам и стандартам. В результате он написал работу, где подробно анализировал достоинства и недостатки наиболее распространенных 10 изданий²². Он считал, что только 3 или 4 учебника можно рекомендовать для школы. Именно хорошие учебники издавались только один раз, а «плохие» получили широкое распространение. Состоятельные горожане покупали эти книги и как «закят»²³ отдавали в медресе. Г. Ахмеров описывает распространенные «слухи» на Сенной площади о том, что многие такие учебники пишутся бедными шакирдами, затем выкупаются и печатаются под другой фамилией. Автор уверен, что написать букварь может только высокообразованный человек. Писать короткие, лаконичные и понятные для детей тексты задача непростая. Он подробно анализирует каждый букварь. Прежде всего, проводит лингвистический анализ. Многие учебники поразили его бессмысленным набором слов, фраз и отсутствием доступных, понятных для детей текстов²⁴.

Внедрение в национальных школах нового звукового метода обучения требовало и усовершенствование татарского букваря. О проблемах татарского языка и грамматики впервые заговорил К. Насыйри²⁵. Сложная арабская графика без особых изменений использовалась почти тысячу лет. Арабских букв не хватало для обозначения всех букв татарского языка. Поэтому ученый разработал дополнительную систему знаков на основе арабской графики. Он в татарском языке выделяет десять гласных букв взамен трех арабских и т.д.²⁶ К. Насыйри внес весомый вклад в раз-

витие татарского языка и литературы. Одним из первых доказал и обосновал необходимость татарского литературного языка и боролся за освобождение от влияния турецкого языка. Именно ему мы обязаны первыми исследованиями в области татарской лингвистики. По мнению Г.Ибрагимова, первым словосочетание «татарский язык» употребил К. Насыйри²⁷.

В этот период в татарской литературе и языке не существовало общепринятого языкового стиля и орфографии. В основном татарская интеллектуальная элита конца XIX — начала XX вв. придерживалась общей принятой традиции и старалась писать на языке, который бы понимали ученые из различных тюркоязычных регионов России. Во многом литературный стиль задавал «Терджиман». Влияние его было настолько сильным, что все вышедшие до 1905 г. «прогрессивные», «передовые» книги печатались на наречии, близком османскому²⁸. И. Гаспринскому удалось выработать особый стиль тюрко-татарского языка. А. Бенигсон писал, что за основу был взят упрощенный турецкий язык, освобожденный от заимствований из арабского и персидского языков²⁹. Газету критиковали за сложный и малопонятный язык. Ситуация изменилась после революции 1905 г. Прогрессивная часть татарской интеллигенции выдвинула идею создания самостоятельного татарского национального языка. Этот процесс отразился в эволюции татарского букваря. Во многих букварях термин «татарский язык» заменен термином «төрки тел» («тюркский язык»). Языковой стиль букварей самый разный. Но именно общетюркские корни способствовали популяризации татарского языка и татарских учебников. Например, букварь Х. Максуди «Мөгаллим әүвэл» («Первый учитель») использовался в школах многих тюркоязычных народов России³⁰. Даже в одном из иллюстрированных изданий «Мөгаллим әүвэл» под изображением мальчика и взрослого мужчины была надпись «баба рәсеме» («изображение

отца»). Но «баба» — это не татарское, а турецкое слово. И мужчина на рисунке больше похож на турка с феской на голове³¹. Следует отметить также вклад татарских учителей в Средней Азии в распространение джадидских школ³².

В изучении татарского языка в конце XIX в. были достигнуты определенные успехи. Принимались меры по усовершенствованию преподавания. Поэтому буквари этого периода построены с применением разных методов. Обложки букварей повествуют о двух распространенных методах — «ысуле мэддия» (в отличие от буквенно-слогательного метода используется слог полностью) и «ысуле саутия» (в основу обучения берется звук). Например, с использованием первого метода построена «Мөгаллим әүвәл» Х. Максуды, второго — «Төрки әлифба» Г. Ахмедова. Были сторонники комбинированного метода «мэдди — саутия ысулы»³³. Естественно, на структуру и содержание букварей оказали влияние работы Сагита и Ибрагима Хальфиных, И. Гаспринского, К. Насыри и др. В них отразился уровень науки, общественно-политической мысли, менталитет татарского общества конца XIX — начала XX вв.

Татарский национальный букварь этого периода представляет собой особый вид нарратива со своеобразной структурой, стилем изложения. Это учебник, специально разработанный для джадидских школ, обучающий детей чтению и письму на родном языке. Авторами букварей были люди, закончившие старометодные, религиозные учебные заведения, не имевшие высшего, светского образования. Они составляли интеллектуальную элиту татарского общества и были сторонниками модернизации национальной школы. Учебники показывают сложный процесс становления татарского букваря, развитие национальной педагогики, традиций семейного воспитания. Они рисуют одновременно реальный и желательный мир, в котором должно жить следующее поколение. Детский мир глазами взрослых. Авторы дают

свое видение, модель новой национальной школы. Роль и место ребенка в этой школе. Из букварей мы узнаем не только «мир детей», но и «мир взрослых». Тексты рассказывают о повседневной жизни, досуге татарского общества со своими праздниками и образом жизни.

По мусульманским канонам неделя начинается с субботы, а пятница должна быть выходным днем. Во многих букварях пятница указывается как выходной и праздничный день³⁴. «Инородцы» и «иноверцы» России имели право праздновать свои религиозные праздники и соблюдать религиозные обряды. Это было зафиксировано в «Своде законов Российской империи». Но официально российское законодательство не признавало их выходными днями. До 1917 г. татарское население пыталось решить этот вопрос, но безрезультатно³⁵. В «досуговом календаре» Российской империи не было праздников, объединяющих русских и татар. Эти два народа жили в одном городе, в одном государстве, но редко контактировали. Национально-религиозная политика правительства этому только способствовала. В букварях отсутствует тема Родины и патриотического воспитания. Трудно определить, когда среди татарского населения сформировалось понятие «общей, единой» Родины. И интересы России стали восприниматься как «свои», а не «чужие».

Дореволюционные школьные учебники показывают автономный, замкнутый мир татарского общества, где нет «чужих». В этом «мире» дети ходят в школу, а взрослые занимаются сельским хозяйством или торговлей. Особое внимание уделяется воспитанию подрастающего поколения по законам шариата. Почти все авторы описывают одинаковую модель поведения хорошего и плохого ребенка. Хороший ребенок — это послушный, прилежный, скромный мальчик. Играет он только в своем дворе, саду и только с шакирдами. Ему нельзя играть в школе, на улице с «уличными» мальчишками. Также противопоставлены шумные и оживленные игры. Как шакирд он должен вести

себя прилично «эдэпле». Шакирд — это особый статус в «детском мире». И он должен выделяться, прежде всего, своим поведением и образованием. Именно качественное образование считается основой счастливой и безбедной жизни. Например, Г. Баруди пишет: «Хороший ребенок читает книгу. Он воспитанный. Помогает родителям. Не говорит плохих слов. Здоровается со всеми. Если у него есть деньги, то зря не тратит. Или же покупает книгу. Хороший ребенок любит нищих. Жалеет и не убегает от них. Помогает им. Почитает ученых... Сынок, ты тоже постарайся быть хорошим. Пусть твои родители разбогатеют. Получи их благословение. И ты будешь счастлив и в этом, и потустороннем мире (ахирэт)»³⁶. В исламской культуре, по мнению ряда исследователей, царил культ знания, и мусульмане руководствовались классическими изречениями из Корана: «Поиск знания обязанность каждого мусульманина и мусульманки»; «Поиск знания от колыбели до могилы» и т.д.³⁷ Слово «ислам» означает повиновение Аллаху. Мусульманин обязан выполнять все «приказы» Всевышнего³⁸. Поэтому неудивительно, что уровень грамотности среди татарского населения был высок. Об этом факте часто писали в дореволюционный период К. Фукс, П. Знаменский и др.³⁹

В букварях четко прописаны основные критерии нравственного поведения. Поклонение и служение Всевышнему поставлено на первое место. Наравне с родителями ребенок должен почитать и учителя. Например, Ш. Тахири в своем букваре пишет: «Для нас дороже всех на свете дорогой отец, мать и наставник... Долг перед наставником превыше долга перед родителями, потому что именно учитель способствует становлению полноценной личности»⁴⁰. Учитель играл важную роль в жизни детей. Он не только организовывал учебный процесс, также решал вопросы, связанные с наказаниями. Мы узнаем, что помимо психологического, морального воздействия на «плохих» шакирдов существовали и другие меры. Это не те-

лесные наказания, хотя и этот вид наказаний в некоторых школах сохранялся. Об этом в своем стихотворении «Таз» с юмором писал Г. Тукай⁴¹. В букваре Х. Максуди в тексте «Слова шакирда» ученик сообщает о некоей темной комнате, куда запирали непослушных, прогулявших занятия детей⁴². Существовала ли реально такая практика, сказать сложно. Но в семейном быту телесные наказания и «темные комнаты», похоже, действительно были. Иначе они не появились бы на страницах букварей⁴³. Такая модель поведения взрослых в семье и школе не осуждалась, а укладывалась в морально-этические представления общества. Хотя Ш. Марджани, сам воспитанный в суровых условиях, впоследствии своим ученикам часто говорил: «Детей своих никогда не бейте! Особенно остерегайтесь бить по голове! Я в детстве натерпелся немало»⁴⁴. Скорее всего такие тексты в букварях печатали в воспитательных целях, а не как рекомендация для родителей и учителей.

Татарский букварь учил детей не только чтению и письму, но и основам математики, давал сведения об окружающем мире и основах мусульманской религии. Многие буквари состояли из двух частей: татарской и арабской. Казанские татары с уважением относились к арабскому языку. Сначала детей учили читать и писать на родном языке, а затем переходили к углубленному изучению арабской письменности, необходимой для чтения Корана. По такому принципу построены буквари Х. Максуди, Г. Баруди, Ш. Тахири и др. Скорее всего структура была заимствована из русских букварей. Одним из наиболее распространенных пособий конца XIX в. был учебник известного педагога Д. Тихомирова и Е. Тихомировой «Букварь для совместного обучения чтению и письму с картинками и статьями для первоначальных упражнений в объяснительном чтении для народных школ»⁴⁵. Авторы в качестве текстов давали фольклорный материал, стихи А.С. Пушкина, басни Крылова и др. Также для чтения предлагались рассказы о жизни Иисуса Христа и Бо-

ждей матери. В третьем разделе приводились церковнославянский алфавит, тексты из Священного писания и молитвы. А последний раздел посвящен «первоначальным упражнениям в счете»⁴⁶. Многие татарские буквари конца XIX – начала XX вв. построены по схожей структуре. Из этого учебника были заимствованы не только структура, но и некоторые тексты. Например, рассказы «Два козлика» о двух упрямых козлятах, «Собака и тень» из этого букваря⁴⁷ встречаются в учебнике Х. Забири в несколько иной интерпретации⁴⁸. Татарские авторы также много использовали материалы устного народного творчества, стихи популярных поэтов – Г. Тукая, М. Укмаси, Н. Думави, Дэрдмэнда (Дэрдмэнд)⁴⁹.

Татарский букварь этого периода внешне серый и неинтересный. Отсутствует визуальный ряд. Г. Ахмеров писал, что были и буквари с рисунками. Среди татарских педагогов шла оживленная дискуссия по данному вопросу. Одни считали, что рисунки помогают ребенку лучше усвоить учебный материал, другие, наоборот, думали, что изображения отвлекают внимание ребенка. А третьи не видели смысла изображать предметы, когда можно увидеть собственную модель. Но со временем появились буквари с рисунками А. Мустафы, Г. Алпарова, Ш. Тахири, Х. Максуди и др.⁵⁰ Не все иллюстрированные буквари сохранились. В учебниках Х. Максуди, Х. Забири, Г. Алпарова много общего в размещении иллюстраций. В основном визуальный ряд представлен черно-белыми изображениями отдельных предметов, животных. Сложные, композиционные рисунки отсутствуют. Изображения людей встречаются только в «элифбе» с рисунками Х. Максуди. Например, мужчина и женщина в национальной татарской одежде. Букварь с рисунком Х. Максуди – одно из многочисленных изданий «Мөггаллим әүвәл» («Первый учитель»)⁵¹. «Мөггаллим әүвәл» – один из распространенных букварей в татарских учебных заведениях до 1917 г.

С 1892 по 1918 г. выдержал 31 издание тиражом 1 млн. 200 тыс. экземпляров⁵². Библиотека Казанского университета имеет около десяти изданий разных лет. Среди них одинаковых почти нет. Сохранились два разных издания букваря Х. Забири (1907, 1908)⁵³. В 1913 г. свою работу опубликовал Г. Алпаров⁵⁴. В отличие от предыдущих авторов он изобразил и «новые» предметы школьного быта. Это ученическая парта и классная доска.

Выделялся среди татарских учебников и букварь И.Н. Харитонова «Бүләк» («Подарок», 1912). Он был красочным, ярким и необычным. На обложке написано «Харитон бабай. Бала-лар өчен беренче элифба» («Дедушка Харитон. Первый букварь для детей»). Именно в типографии И.Н. Харитонова были напечатаны многие татарские буквари. Он создавал новые образцы арабо-татарских шрифтов, впоследствии известные как «харитоновские»⁵⁵. Букварь составлен именно для обучения измененной арабской письменности. В учебнике текстов нет, есть только буквы и сопровождающие рисунки. На обложке мальчик и девочка за столом с интересом изучают иллюстрированную книгу, очень похожую на букварь «дедушки Харитона». У мальчика на голове тюбетейка. Девочка одета на европейский манер, с короткой стрижкой, только маленький кокетливый калфак на голове свидетельствует о ее национальности. Рядом со столом на полу котенок удивленно рассматривает игрушечного зайчика на колесиках. Это дети из состоятельной семьи. Впервые в татарском букваре встречаем изображение детей в домашней, непосредственной обстановке. Вещно-предметный мир этих детей «непривычный», «новый» и сильно отличается от привычного «мира» большинства татарских детей начала XX в. Букварь «дедушки Харитона» с яркими красками, красивой обложкой был действительно «подарком» для детей. Своей необычностью он привлек внимание Г. Тукая, который посвятил ему стихотворение

«Сабитның укырга өйрәнүе» («Сабит учится читать»)⁵⁶. Трудно сказать, насколько востребованным был этот букварь в школах. Но среди букварей с рисунками он занимает особое место.

«Энциклопедией домашнего быта» называют букварь педагога и художника Ш. Тахири «Рәсемле әлифба» (1914). Он, как и И.Н. Харитонов, использовал сюжетные рисунки. Прорисовал мельчайшие детали. Например, в интерьере дома зажиточного горожанина можно было увидеть элементы декора, шамаили, ковры, стулья и т.д. Рисовал городские и сельские пейзажи⁵⁷. Ш. Тахири около 40 лет преподавал рисование, черчение и чистописание в КГУШ. Был первым художником татаринном, получившим разрешение на преподавание рисования от Императорской Академии художеств⁵⁸.

Иллюстрации изменили внешний вид татарских учебников. Внешний вид обычного букваря соответствовал основным канонам ислама. Религия запрещала изображение живых существ. Изображения и рисунки, кроме каллиграфических, отсутствовали почти во всех татарских печатных изданиях. Это была общепринятая, восточная традиция. Удивительно также, что рисунки людей и животных появились в букваре Х. Максуди, одного из будущих лидеров «Иттифак аль-муслимин» и автора работ по мусульманским догматам веры⁵⁹. В его учебниках много текстов религиозного характера.

В этом плане следует отметить и букварь «Сәвад хан» («Грамотный человек») Г. Баруди⁶⁰. Он не только известный религиозный деятель, но и один из идеологов джадидизма. В медресе «Мухаммадия», которое он сам основал и которым руководил, в 1891 г. вводит новометодную систему обучения⁶¹. В его учебнике вместе со светскими текстами размещены тексты с религиозным содержанием. В конце XIX в. исчезли со страниц многих букварей религиозные молитвы, но остались тексты с религиозной окраской. По традиции многие буквари начинаются со священных слов

для каждого мусульманина «Әгүүзү билләһи минәш — шәйтанирражим бисмилләһир — рәхмәһир — рахим» («Я прибегаю к Аллаху от проклятого шайтана. Во имя Аллаха милостивого и милосердного») или с сокращенного варианта «Бисмилләһир — рәхмәһир — рахим».

Г. Баруди рассказывает об основных канонах ислама, об обязанностях мусульман перед Всевышним и обществом. В учебнике Г.Ахмерова религиозных текстов нет. Только в одном месте упоминаются «мулла» и «мечеть». Но текст не имеет религиозной окраски⁶². В учебнике М. Курбангалеева неожиданно появляется предложение: «Әжәлдән дару юк» («От смерти нет лекарства»)⁶³. Таких «светских» букварей было мало.

Особо выделяются буквари Х. Максуди. Почти в каждом издании имеется текст об исламе, разъясняющий основные положения мусульманской религии. Но также есть тексты о конце света, о рае, об аде⁶⁴. Подробно описывает, как происходит воскрешение после смерти: «Однажды этот мир погибнет. Люди, животные и все живое умрет. Затем люди воскреснут. Этот день называется кыямәт (воскрешение после смерти). В этот день по воле Аллаха все выйдут из могил. Наступит судный день. Люди, совершившие хорошие поступки, попадут в рай. Пусть Аллах каждого из нас сотворит «святым» и хорошим...»⁶⁵. Такие высказывания не шокировали общество. Учение о смерти тоже входило в систему религиозного образования и воспитания детей. Ислам трудно было отделить или вычеркнуть из школьного обучения. Религия была не просто идеологией, а частью повседневной жизни и национальной культуры. В самый тяжелый период именно религия помогла казанским татарам сохраниться как этносу, а также сохранить язык и культуру.

«Әлифба» ценный источник не только по истории татарской литературы и лингвистики, но и по истории повседневности, истории детства. Особое внимание уделялось обучению и воспитанию детей. Веками сложившиеся

ся морально-этические нормы и общекультурные ценности нашли отражение и в текстах «элифбы». По своей структуре и содержанию буквари разные, но написаны в соответствии с последними педагогическими нормами. «Элифба» рассказывает и о европеизации процесса обучения не только в городах, но и в сельской местности. В тексте «Наша деревня» Х. Максуди маленький шакирд рассказывает о преимуществах новой системы обучения: «В нашей деревне уже год обучают по новому методу. Мы начали учиться полтора месяца назад. Раньше мы не знали ни одной буквы. Сейчас, хвала Аллаху, знаем все тюркские буквы. Умеем читать и писать. Раньше в нашей деревне толком никто не умел писать, кроме одного или двух богатых детей, окончивших медресе в городе. В нашей деревне все немного обучались грамоте. Но никто хорошо не умеет читать и писать...»⁶⁶.

В школах обучаются дети 7–8 лет⁶⁷. Из текстов видно, что дети сидят на скамейках, учитель (хэлфэ) сидит за столом и пишет мелом на доске. Уроки проходили по расписанию⁶⁸. Через каждый час была перемена⁶⁹. В число основных предметов обучения входило: чтение, письмо, математика и рисование⁷⁰. Трудовое воспитание детей в учебниках не на первом месте, на первом плане жизнь ребенка в семье и школе. Описан распорядок дня шакирда. Авторы букварей едины в одном, ребенок перед школой обязательно дол-

жен совершить утренний намаз и позавтракать. Соблюдать основные правила гигиены и приличного поведения в школе и дома⁷¹. После школы дети помогают родителям, затем играют и делают уроки. В свободное время читают книги⁷². Учебники формируют модель «образцовой» детской повседневности. Реальный мир был совсем другим. Не все дети могли ходить в школу и не все пили по утрам чай с сахаром и лепешкой⁷³. Но ребенку-шакирду именно такая модель поведения, по мнению авторов, гарантировала успех в учебе и в будущей взрослой жизни.

В этот период татарская «элифба» не была одним из элементов целенаправленной образовательной и воспитательной политики государства. Авторы преследовали только одну цель — научить детей читать и писать на родном языке. Особая заслуга джадидских школ — это введение обучения на татарском языке, взамен так называемого тюрки или арабского⁷⁴.

В конце XIX — начале XX вв. произошел переворот в системе школьного образования казанских татар. Новая «элифба» возникла под влиянием общественно-политических перемен, которые происходили в национальных регионах России. В этот период была разработана методика составления татарской «элифбы» и заложен фундамент для дальнейших исследований, которые были продолжены в годы советской власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири. — Казань, 2007. — С. 44.

² Татарский энциклопедический словарь. — Казань, 1999. — С. 430–431.

³ Каримуллин А. У истоков татарской книги // Мәгариф. — 1993. — № 3. — С. 35.

⁴ Хальфин С. Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов сочиненная казанских гимназий учителем и адмиралтейской конторы переводчиком Сагитом Хальфиным, и татарских в Казани слобод муллами в оных гимназиях рассмотренная и одобренная. — М., 1778. — 52 с.

⁵ Михайлова С.М. Ибрагим Хасанович Хальфин (1778–1829 гг.). — Казань, 2002. — С. 13.

⁶ Хальфин И. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в императорской Казанской гимназии. — Казань, 1809. — С. 44. Провести сравнительно-сопоставительный анализ «Азбуки» деда и внука не удалось. Из-за технических причин недоступна «Азбука» С. Хальфина, которая была микрофильмирована. «Азбуку и этимологию татарского языка» И.Хальфина найти не удалось.

- ⁷ Михайлова С.М. Ибрагим Хасанович Хальфин (1778–1829 гг.). – Казань, 2002. – С. 13.
- ⁸ Ильминский И.Н. Сборник статей. По поводу 25-летия со дня кончины (27 декабря 1891 года). Вып. 4. – Казань, 1916. – С. 19, 21.
- ⁹ Там же. – С. 83.
- ¹⁰ Сабирзянов Г.С. Букварь // Татарская энциклопедия. Т. 1. – Казань, 2002. – С. 480.
- ¹¹ Ильминский И.Н. Сборник статей. По поводу 25-летия со дня кончины (27 декабря 1891 года). Вып. 4. – Казань, 1916. – С. 106. К сожалению, буквари найти не удалось.
- ¹² Там же. – С. 478.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Ибраһимов Ф.И. Белем әлифбадан башлана. – Казан, 1994. – Б. 30.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Каримуллин А. У истоков татарской книги // Мәгәриф. – 1993. – № 9. – С. 38. Иман (араб. – вера), вера в истинность ислама. «Иман шарты» – сборник молитв, выражающих веру в Аллаха.
- ¹⁷ Вәлиуллин Р. Татар мәктәп – мәдрәсәләре өчен гуманитар фәннәр буенча дәреслекләр (XIX йөз азагы – XX йөз башы). – Казан, 2004. – Б. 54.
- ¹⁸ Ибраһимов Ф. Белем әлифбадан башлана. – Казан, 1994. – Б. 32 – 33.
- ¹⁹ Биктимирова Т. Ступени образования до Сорбонны. – Казань, 2003. – С. 36.
- ²⁰ Амирханов Р. Развитие народного образования у татар в дооктябрьский период // Мәгәриф. – 1992. – № 8. – С. 38.
- ²¹ Сальникова А.А. «Свои» и другие... Ребенок и его окружение в татарском национальном букваре «Алифба»: конец 1980-х – 2000-е годы // И спросила кроха... Образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985–2006 гг. – М. – Тверь. – 2010. – Вып. 7. – С. 274. К сожалению, не все буквари сохранились.
- ²² Әхмәров Г. Әлифба китапларына тәнкыйт. – Казан, 1909. – 64 б.
- ²³ Закят (араб.) налог, предписываемый шариатом и собираемый на нужды мусульманской общины. Татары часто употребляли термин «садака».
- ²⁴ Әхмәров Г. Әлифба китапларына тәнкыйт. – Казан, 1909. – 64 б.
- ²⁵ Курбатов Х. Татар теленең алфавит һәм орфография тарихы. – Казан, 1960. – Б. 30, 36.
- ²⁶ Насыри К. Энмюзәдж. – Казань, 1975. – С. 3.
- ²⁷ Каюм Насыри. Избранные произведения. – Казань, 1977. – С. 8.
- ²⁸ Губайдуллин Г. Гаспринский и язык // Эхо веков. – 1997. – № 3–4. – С. 211.
- ²⁹ Бенигсон А. Исмаил бей Гаспринский (Гаспарлы) и происхождение джадидского движения в России // Россия и Восток. – Казань, 1993. – 88.
- ³⁰ Сабирзянов Г.С. Букварь // Татарская энциклопедия. Т. 1. – Казань, 2002. – С. 480.
- ³¹ Максуди Г. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1914. – Б. 2.
- ³² Вәлиуллин Р. Татар мәктәп – мәдрәсәләре өчен гуманитар фәннәр буенча дәреслекләр (XIX йөз азагы – XX йөз башы). – Казан, 2004. – Б. 27.
- ³³ Ибраһимов Г. Татар телен ничек укытырга? // Милләт, тел, әдәбият. – Казан, 2007. – Б. 118.
- ³⁴ Максуди Г. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1898. – Б. 30 – 31; Зәбири Х. Рәсемле әлифба. – Казан, 1906. – Б. 42 и др.
- ³⁵ Малышева С.Ю. Ежедневные праздники, дни господские и «царские»: время отдыха российского горожанина второй половины XIX – начала XX вв. // Ab Imperio. – 2009. – № 2. – С. 237, 243.
- ³⁶ Баруди Г. Сәвад хан. – Казан, 1897. – Б. 12.
- ³⁷ Сальникова А.А. «Свои» и другие... Ребенок и его окружение в татарском национальном букваре «Алифба»: конец 1980-х – 2000-е годы // И спросила кроха... Образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985–2006 гг. – М. – Тверь. – 2010. – Вып. 7. – С. 275.
- ³⁸ Фазлыев Дж. Основы исламской культуры. – Казань, 2009. – С. 15.
- ³⁹ Сальникова А.А. «Свои» и другие... Ребенок и его окружение в татарском национальном букваре «Алифба»: конец 1980-х – 2000-е годы // И спросила кроха... Образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985–2006 гг. – М. – Тверь. – 2010. – Вып. 7. – С. 275.
- ⁴⁰ Таһири Ш. Мөкәмәл әлифба. – Казан, 1910. – Б. 59 – 60.
- ⁴¹ Тукай Г. Шигырьләр, әкиятләр, поэмалар. – Казан, 1990. – Б. 223.
- ⁴² Максуди Г. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1903. – Б. 45.
- ⁴³ Мөслимов Г. Сабыйларга юл башы. – Казан – Уфа, 1908. – Б. 26.
- ⁴⁴ Юсупов М. Шигабутдин Марджани. – Казань, 2005. – Б. 23–24.

⁴⁵ *Аверьянова Л.Н.* Обзор коллекций букварей из Фонда редкой книги ГНПБ им. К.Д. Ушинского (XVIII – XIX) // Ребенок XVIII – XX веков в мире слов. История русского букваря, книги для чтения и учебной хрестоматии. – М. – Тверь, 2009. – С. 29. Первое издание вышло в 1873 году. Учебник переиздавался неоднократно. К 1912 году было опубликовано 3516000 экземпляров.

⁴⁶ Там же. – С.30.

⁴⁷ *Тихомиров Д.И., Тихомирова Е.Н.* Букварь для совместного чтения, русскому и церковнославянскому чтению и счету для народных школ. – М., 1912. – С. 32, 3.

⁴⁸ *Зэбири Х.* Рәсемле әлифба. – Казан, 1907. – Б. 40.

⁴⁹ *Алтаров Г.* Татар әлифбасы. – Казан, 1913. – 52 б. и др.

⁵⁰ *Ибрагимов Ф.* Белем әлифбадан башлана. – Казан, 1994. – Б. 51.

⁵¹ *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, е. ю., 47 б.

⁵² *Вәлиуллин Р.* Татар мәктәп-мәдрәсәләре өчен гуманитар фәннәр буенча дәреслекләр (XIX йөз азагы – XX йөз башы). – Казан, 2004. – Б. 115.

⁵³ *Зэбири Х.* Рәсемле әлифба. – Казан, 1907. – 50 б.; Рәсемле әлифба. – Казан, 1908. – 48 б.

⁵⁴ *Алтаров Г.* Татар әлифбасы. – Казан, 1913. – 52 б.

⁵⁵ Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 628.

⁵⁶ *Ибрагимов Ф.* Белем әлифбадан башлана. – Казан, 1994. – Б. 51.

⁵⁷ Шакиржан Тагиров – педагог, просветитель, художник. – Казань, 2008. – С.5. Букварь с рисунками найти не удалось.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Татарский энциклопедический словарь. – Казан, 1999. – С.336.

⁶⁰ *Баруди Г.* Сәвад хан. – Казан, 1891. 24 б. В библиотеке Казанского университета сохранилось 8 изданий разных лет.

⁶¹ Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С.63.

⁶² *Әхмәров Г.* Төрки әлифба. – Казан, 1918. – Б. 47.

⁶³ *Корбангалиев М.* Татар әлифбасы. – Казан, 1912. – Б. 31.

⁶⁴ *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1898. – 64 б.; Мөгәллим әүвәл. – Казан, е. ю. – 47 б. и др.

⁶⁵ *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1903. – Б. 56.

⁶⁶ *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1898. – Б. 47–48.

⁶⁷ Там же. – Б. 47.

⁶⁸ Там же. – С.44.

⁶⁹ *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1903. – Б. 48.

⁷⁰ *Корбангалиев М.* Татар әлифбасы. – Казан, 1912. – Б. 31.

⁷¹ *Мөслимов Г.* Сабыйларга юл башы. – Казан – Уфа, 1908. – Б. 22 – 23; *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1903. – Б. 44 и др.

⁷² *Максуди Һ.* Мөгәллим әүвәл. – Казан, 1903. – Б. 46.

⁷³ *Мөслимов Г.* Сабыйларга юл башы. – Казан – Уфа, 1908. – Б. 46.

⁷⁴ *Давлетишин Т.* Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. – Казань, 2005. – С. 64.

Аннотация

В статье татарский букварь конца XIX – начала XX вв. рассматривается как феномен национальной культуры и носитель коллективной исторической памяти. «Әлифба» анализируется как важный источник по истории татарского народа. Также анализируются не только вербальные тексты, но и визуальный ряд букварей как отражение общественно-политических и социокультурных процессов, происходивших в России и в Казанской губернии на рубеже XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: национальный букварь, джадидизм, история, культура, нарратив.

Annotation

An article is devoted to the Tatar national primer «Alifba» at the end of the XIX – beginning of the XX centuries. This primer is analyzed as a phenomenon of national culture and collective historical memory and as an important historical source for the national Tatar history also. Verbal and visual texts are studied in order to explore social, political and cultural processes which took place at this period in Russia and Kazan province as well.

Key words: National primer, jadidism, history, culture, narrative.

УДК 008.009:39

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В СССР И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ТАТАР В 1945–1950-е гг.

А.Г. Галлямова, кандидат исторических наук

В первые послевоенные годы общество жило большими надеждами на демократические перемены. Ответом на них стали ужесточение партийно-государственного контроля над различными сферами общественно-политической и духовной жизни, использование репрессий. Власти пытались ввести в жесткие рамки официальных догм, прежде всего, научную и художественную интеллигенцию. С ее помощью они рассчитывали «развернуть решительную борьбу за чистоту марксистско-ленинской идеологии, против любых проявлений безыдейности, аполитичности, пережитков прошлого, националистических предрасудков». Так говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», принятом 9 августа 1944 г., когда враг был изгнан с территории СССР. Это постановление на десятилетия определило установки в области национальной политики в Татарстане, местные власти по нему выверяли деятельность научных и культурных учреждений республики. Первое крупное общественное мероприятие в свете августовского постановления прошло здесь в сентябре 1944 г., когда состоялось собрание республиканского партийного актива.

Вскоре мощный идеологический удар обрушился на Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории – центр татарской гуманитарной науки. В октябре 1944 г. бюро Татарского обкома КПСС прини-

мает постановление «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», в котором были продублированы основные положения августовских решений ЦК ВКП(б). Институт был обвинен в том, что допустил серьезные ошибки националистического характера в освещении истории, литературы и искусства татарского народа¹. Негативная оценка властей была вынесена статье Наки Исанбета «500-летие татарского народного эпоса – дастана «Идегей», опубликованной в 1940 г. в журнале «Совет эдэбияты» (№№ 11–12)², в постановлении обкома ВКП(б) от 28 ноября 1944 г. «Об ошибочной статье Н. Исанбета». Принятые решения свидетельствовали об отказе от объективного изучения истории татарского народа. В исторической науке возобладала болгарская теория происхождения татар. Золотая Орда стала рассматриваться как отрицательное явление для социогенеза не только Татарстана, но и России.

В феврале 1945 г. на пленуме обкома ВКП(б) первый секретарь Муратов и секретарь по идеологии Малов еще раз подтвердили официальные установки, придерживаться которых в обязательном порядке предписывалось всем, кто изучает, пишет, говорит об истории татар. Суть их состояла в артикуляции позитивного показа совместной борьбы русского, татарского и других народов страны против чужеземных захватчиков, царизма и помещичье-капиталистического гнета, социалистического преобразования Татарии, по-

пуляризации революционеров-татар³. Все прогрессивное в истории татарского народа необходимо было связывать только с ролью русского народа и Российского государства. Все, что относилось к периоду государственного могущества татарского народа, было связано с мусульманским Востоком, предлагалось либо замалчивать, либо трактовать негативно. Это, например, превращало «завоевание» Казанского ханства в «присоединение» Русским государством, причем непременно имевшее прогрессивное для татар значение. В 1946 г. в Москве прошла научная сессия, посвященная этногенезу татар. Несмотря на то, что в процессе дискуссии было сделано немало откровенных аргументированных высказываний, в которых булгарская гипотеза подвергнута серьезному сомнению, она утвердилась в исторической науке⁴. В 1949 г. под идеологический пресс попал сборник статей отдела истории ИЯЛИ «Происхождение казанских татар». Его авторы, известные историки Б.Д. Греков, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, Е.И. Чернышев, были обвинены в «недостаточной приверженности марксистско-ленинской идеологии, в объективистском подходе к освещению истории, переоценке влияния мусульманского Востока и недооценке влияния Руси в этногенезе татар»⁵.

Разгромной критике были подвергнуты в тот период и литературоведы. Так, составленный в конце 1940-х гг. проспект истории татарской литературы получил порицание за слабое раскрытие влияния русской революционно-демократической литературы, отсутствие показа борьбы двух направлений литературы в классовом обществе, переоценку «суфийской» литературы. Вопиющей ошибкой была названа исследовательская работа Г. Кашшафа по изучению творчества Дэрдменда только за то, что тот был золотопромышленником⁶.

Ученых ИЯЛИ осуждали за «замкнутость, отрыв от жизни, от актуальных задач советского литературоведения»⁷.

Данное обвинение строилось на том основании, что никто из литературоведов не желал участвовать в инспирированных сверху разоблачительных кампаниях и не выступил в печати с критикой космополитизма. Институт получил серьезное замечание также за то, что ни один из филологов не избрал для своей диссертации тему по советскому периоду. Ученые действительно не хотели заниматься политически ангажированными проблемами советской литературы, ведь именно в отношении нее малейшее несоблюдение коммунистической «рецептуры» строго осуждалось. Так, Ф. Хусни, Л. Залаяй, Ф. Мусагит, пытавшиеся критически осмыслить произведения современных им татарских писателей, получили упрек за принижение значения их творчества.

Самым непосредственным образом общий курс на ужесточение партийного контроля над духовной жизнью страны коснулся и самой литературы. Жесткие идеологические рамки были обозначены в докладе секретаря Союза писателей ТАССР К. Наджми в июле 1945 г., в котором он повторил партийные установки относительно освещения истории Золотой Орды и подходов к эпосу об Идегее. К. Наджми призвал писателей сосредоточить свои усилия на создании «высокохудожественных произведений, раскрывающих высокий моральный облик героев нашего времени, отображающих великую победу советских народов, рисующих жизнь татарского народа в период социалистического преобразования Татарии в годы Советской власти»⁸.

27 августа 1947 г. в газете «Правда» была опубликована статья собственного корреспондента по Татарской АССР С. Бахтиярова «Серьезные недостатки в работе с писателями Татарии», в которой сообщалось о роспуске редакции журнала «Совет эдэбияты» за публикацию сборника стихов Ш. Маннура «Телега дергачей». Он был назван пасквилом на советскую действительность, в этом же стиле оценивалось в статье все творчество Ш. Маннура. С. Бахтияров

подытоживает свое выступление критической «попустительской» позиции руководства Союза писателей республики.

После такой публикации в главной газете страны последовала вереница заседаний Татарского обкома, Казанского горкома, Бауманского райкома ВКП(б), на которых принимались решения, смысл которых сводился к тому, что из поля зрения «здоровой критики» не должно ускользнуть ни одно произведение⁹. От деятелей культуры требовали воспеть пафос восстановления, изображать лучшие черты и качества советского человека, позитивные явления социалистического строя, лишая при этом права изобличать реальные пороки общества. К примеру, басня А. Исхака «Дыра» была раскритикована за точно подмеченный критерий социальной успешности: сиди тихо, не трогай никого, и тебя никто не тронет¹⁰. В конце 1940-х гг. идеологическому разгрому подверглись либретто оперы «Алтынчеч» Н. Жиганова, комедия «Ходжа Насретдин», драма «Райхан» Н. Исанбета, поэма А. Ерикеева «Орленок», а также многие рассказы А. Еникеева, С. Баттала («По столбовой дороге»), Ф. Хусни («Тропа пешехода»), М. Амира, Ш. Маннура¹¹. Жесткие предписания были предъявлены к репертуару театров, от которых требовали современных спектаклей, «правдиво отображающих жизнь и борьбу советских людей». Как не соответствующие партийным установкам были запрещены к показу около двух десятков спектаклей столичных театров¹².

Идеологическим проработкам подверглись учебники. Дважды (в сентябре 1948 г. и в январе 1952 г.) был резко раскритикован учебник-хрестоматия по татарской литературе для восьмого класса средней школы. Авторы обвинили в том, что они «оказались в плену буржуазного объективизма», включили в хрестоматию «вредные произведения», слабо осветили влияние на татарскую литературу русской литературы, неправильно оценили джадидизм, роль ислама, идеализировали «религиозно-

мистическое творчество» М. Колый, Утыз Имяни. В число вредных попали некоторые произведения Г. Кандальный, Ф. Халиди. В постановлении бюро обкома КПСС «Об ошибках в учебнике литературы для восьмого класса татарских средних школ» как буржуазно-националистическое течение, стремившееся оторвать татарский народ от России, был представлен джадидизм. Общим результатом этой кампании стало то, что была наложена опала на имена и произведения людей, составляющих гордость татарской литературы.

Не в силах противостоять идеологическому натиску, деятели культуры переставали писать, творить, за что тоже получали «нагоняй» со стороны партийных органов. В 1948 г. известные своими сатирическими произведениями А. Исхак, М. Максудов, А. Шамов были подвергнуты так называемой партийной критике за отсутствие «новых вещей». О состоянии «внутренней эмиграции» татарской интеллигенции, не желавшей «плясать под идеологическую дудку», свидетельствует письмо корреспондента «Советской России» по ТАССР С. Мокшина главному редактору этой газеты П.П. Ерофееву. Оно написано в 1957 г., т.е. уже в период разоблачения культа личности Сталина. Тем не менее в письме отмечается: «После известного решения ЦК по татарской парторганизации республиканские газеты шарахнулись в другую крайность и перестали вообще упоминать об эпохе Идегее, о джадидизме и т. д., перестали вести идеологическую борьбу против буржуазно-националистических предрассудков. Это привело к тому, что разговор велся в кулуарах, в узком кругу людей, а на страницах печати эти вопросы замалчивались. В последнее время газеты совершенно не публикуют статей, посвященных пропаганде успехов ленинской национальной политики, дружбе народов СССР. А если время от времени такие статьи и появляются, то в них много декларативности, нет должной политической остроты, они, как правило, оторваны от местной жиз-

ни. По существу идеологическая работа на страницах газет имеет оборонительный, а не наступательный характер, в статьях редко дается отпор неправильным взглядам и отсталым настроениям»¹³. Из процитированного письма явно просматривается позиция национальной творческой интеллигенции в неприятии официальной линии в трактовке истории и культуры татарского народа, в профанации пропагандистской деятельности, навязываемой партийными органами.

Усиленным идеологическим проработкам подверглись в послевоенный период все отрасли науки. В республике, как и по всей стране, развернулись погромные дискуссии по проблемам философии, биологии, языкознания, политической экономии. В 1947 г. во всех научных и учебных учреждениях прошли собрания, осуждавшие московских профессоров Ключеву и Роскина за попытку опубликования в американском журнале своей научной статьи. Несмотря на то, что советские медики действовали официальным способом, спрашивая разрешение на ознакомление зарубежной общественности с результатами своих исследований в Министерстве здравоохранения, их обвинили в отсутствии патриотизма. В прокатившейся по стране обличительной кампании досталось и казанским ученым. В низкопоклонстве перед Западом были обвинены преподаватели пединститута Велихов и Порфирьев, которые, так же, как их московские коллеги, в ответ на предложение Калифорнийского университета хотели напечатать свои труды за границей. Получил порицание ученый секретарь химического института Никаноров за то, что о приготовленном им препарате появилось сообщение в иностранной печати. Необходимо отметить, что в Казани находились ученые, которые, рискуя своей карьерой, не желали участвовать в публичной «порке» своих коллег. Так, Арбузов и Миропольский открыто заявили, что не считают ошибкой и, более того, приветствуют стремление ученых

поддерживать научные контакты с иностранными коллегами¹⁴.

В 1948–1950 г. Татарский обком ВКП(б) принял ряд решений против ученых, не вписывавших свои работы в идеологические клише. В этот период была осуждена деятельность ученых-юристов КГУ, станции животноводства Татарского научно-исследовательского института по сельскому хозяйству, преподавателей финансово-экономического института. Опытную станцию по животноводству обвинили в низком уровне научно-исследовательской работы за статью сотрудника Лебедева «Изучение состояния черкасской породы овцы в условиях ТАССР». В ней было проведено сравнение показателей двух групп овец – общественного и индивидуального пользования, выводы по всем исследованным параметрам оказались не в пользу колхозного стада, поэтому исследование было объявлено антинаучным. За дискредитацию колхозного строя была раскритикована деятельность научного сотрудника ИЯЛИ доцента Элиа, руководителя фольклорной экспедиции по сбору, как было отмечено в партийном документе, «антисоветских, антиколхозных частушек»¹⁵. Ученый, с точки зрения властей, очевидно, должен был фильтровать устное народное творчество, не фиксируя негативное отношение крестьян к советской действительности.

В 1949 г. были изъяты из продажи «Ученые записки юридического института» за ряд «грубейших теоретических ошибок и политических извращений». Конкретные обвинения были предъявлены Левшину и Маленкову за то, что в своей совместной статье они приводили данные о резком сокращении «спекулянтов среди единоличников» и незначительном сокращении их среди колхозников и служащих. Порочной и вредной была признана также статья из этого сборника старшего преподавателя Ахмадеева «Очерки по конституционной истории Турции», в которой он характеризовал государственный строй

Турции как демократический, подчеркивая большую роль в его утверждении Кемаля-паши, журналиста Ялчина. Отрицательную оценку обкома ВКП(б) получил также сборник трудов Казанского финансово-экономического института (выпуск 8, 1948 г.) за «аполитичный характер, низкий идейный уровень». На этот раз в отсутствии критики буржуазных экономистов в вопросах налоговой политики капиталистических государств был обвинен сотрудник института Сакс. Как отмечается в партийных документах, Сакс «под видом полемики с буржуазными экономистами, по существу пропагандирует теорию налогов буржуазных экономистов»¹⁶.

Во второй половине 1940-х гг. в стране усилился не только идеологический прессинг. С окончанием войны власти стали активно прибегать к репрессивным методам, возобновившим в стране довоенную атмосферу страха и подозрительности. За малейшую провинность, даже за неосторожное высказывание в ходу были обвинения в антисоветской деятельности и совершении контрреволюционных актов. Так, в 1947 г. из партии был исключен сотрудник Казанского филиала Академии наук СССР У.Ш. Байчура за то, что во время чаепития с коллегами, глядя на портрет Сталина, сказал: «Вот он о пайке не думает». Ситуация усугублялась тем, что чаепитие происходило на избирательном участке, призванном служить очагом политической безупречности. Очевидно, поэтому этот безобидный с точки зрения здравого смысла инцидент имел неприятные последствия не только для автора высказывания, но и секретаря партийной организации Фурасова, снятого со своего поста за «нерасторопность при принятии решения по поводу проступка» Байчуры¹⁷.

Особая волна недоверия поднялась против военнопленных. Характерной в этом отношении является реакция Татарского обкома ВКП(б) на анонимное письмо (1949 г.), содержа-

щее факты «неправильного отношения» к кадрам со стороны первого секретаря Кзыл-Юлдузского райкома ВКП(б) С.В. Вафина. В нем сообщалось о лицах, недостойных, с точки зрения писавшего, занимаемых ими должностей. При этом причины назывались самые разные, чаще всего за недобросовестное исполнение своих обязанностей, круговая порука, аморальность. И лишь в отношении помощника секретаря Л.Я. Новиковой в качестве причины был приведен факт того, что ее брат, преподаватель математики Кутлубукашской средней школы Г.Я. Новиков, был в немецком плену. Татарский обком ВКП(б) среагировал только на этот аргумент, порекомендовав освободить Новикову от работы, что вскоре и было сделано¹⁸. Необходимо отметить, что в архивных фондах, содержащих материалы по послевоенному периоду, аналогичного, анонимного компромата встречается довольно много¹⁹.

Настороженное отношение властей к вчерашним победителям, дошедшим до Берлина, было совсем не случайным. Они видели во фронтовиках потенциальный источник для развенчивания идеологических штампов об СССР как самом передовом государстве мира. Действительно, у многих фронтовиков после знакомства с жизнью на западе, менялся социально-психологический настрой. Так, в Новом Надырове многие запомнили, с каким восторгом о жизни в Германии рассказывал сын председателя колхоза, первый колхозный шофер Юсуп Шафикович Гараев, прошедший войну от начала и до конца. А побывавший в плену надыровец Салих Зарипов говорил односельчанам, что условия жизни даже в плену были лучше, чем в колхозе. В результате за «антисоветскую агитацию» фронтовик был осужден на 25 лет лишения свободы. Преследованиям подвергались даже те, кто не был замечен в антисоветских высказываниях, но побывал в плену. Так, на несколько лет были лишены свободы такие широко известные ныне деятели, как писатели Аяз Гиля-

зов, Гурий Тавлин, Суббух Рафиков, защитник Брестской крепости П. М. Гаврилов, доблестный летчик М. П. Девятаев, участник французского движения Сопротивления А. Г. Утяшев.

Распространенным наказанием для коммунистов, побывавших в плену, было исключение из партии. В 1947–1948 гг. ему подверглись 26 человек. Подобные меры применялись и в отношении «детей бывших эксплуататоров», лиц, не скрывавших своих религиозных взглядов и открыто соблюдавших обряды. В 1947–1948 гг. Татарским обкомом ВКП(б) из партии было исключено за сокрытие социального происхождения 26 человек, за соблюдение религиозных обрядов – 23 человека, за антисоветские высказывания – 26 человек. При этом основную массу исключенных из партии составляли молодые коммунисты, вступившие в партию в 1941–1947 гг.²⁰ Среди них было немало талантливой молодежи, отличившихся личностей.

Начавшийся в 1950-е гг. процесс десталинизации не мог не вызвать оживления в различных сферах общественной жизни Татарстана. Пожалуй, первым серьезным знаком политических перемен стала начавшаяся осенью 1953 г. реабилитация репрессированных. Она коснулась сотен человек, обвиненных в процессах, происходивших в республике по сфабрикованным в 1933–1937 гг. делам «Контрреволюционной немецкой фашистской организации», «Контрреволюционной повстанческой организации», «Контрреволюционной троцкистской группы», «Контрреволюционной троцкистской террористической организации», «Крестьянского иттифака», «Контрреволюционной троцкистско-националистической террористической организации». Из наиболее известных политических работников и творческих деятелей республики были реабилитированы председатель СНК ТАССР К.А. Абрамов, председатель ЦИК ТАССР Г.Г. Байчурин, государственный деятель, редактор газеты «Кзыл Татарстан» А.М. Дав-

летьяров, первые секретари Татарского обкома ВКП(б) А.К. Лепа, М.О. Разумов, М.М. Хатаевич, нарком легкой, затем местной промышленности ТАССР А.Г. Ганеев, нарком земледелия А.И. Искендеров, бывший старший помощник прокурора республики Х.Х. Алкин, первые секретари райкомов ВКП(б) З.Г. Гильмутдинов, Х.Р. Палютин, Г.П. Тикн, политический деятель, проректор Татарского коммунистического университета И.Ш. Рахматуллин, главный редактор Татгосиздата В.С. Шафигуллин, языковед, брат Садри Максуди Хади Максуди, бывший преподаватель медресе «Мухаммадия» А.Р. Мустафин, историк, заместитель директора Татарского научно-исследовательского экономического института М.К. Корбут, экономист-географ, ректор КГУ Н.З. Веклин, медик-патологоанатом, ректор Казанского ГИДУВа М.И. Аксянцев, публицист и педагог С.С. Атнагулов, первый прокурор ТАССР, директор Казанского химико-технологического института Г.Б. Богаутдинов, писатель и педагог Ф.К. Сайфи-Казанлы, директор Казанского института охраны труда С.М. Шварц, историк, профессор Н.Н. Эльвов, известные писатели Галимджан Ибрагимов, Карим Тинчурин, Шамиль Усманов. Выжить в застенках сталинских лагерей и вернуться домой смогли писатели Аяз Гилязов, Гурий Тавлин, Суббух Рафиков, поэт Хасан Туфан, генералы Нигмат Еникеев, Якуб Чанышев.

Но процесс реабилитации в 1950-е гг. носил незавершенный, половинчатый характер. За многими видными деятелями Татарстана 1920–1930-х гг. по-прежнему сохранялось зловещее по тем временам клеймо националистов, султангалиевцев. В сопроводительных письмах из высших судебных инстанций строго указывалось: «В случае установления ближайших родственников необходимо сообщать им лишь результат рассмотрения дела, не объявляя полностью содержания определений». Реабилитации не подлежали репрессированные во время насиль-

ственной коллективизации, борьбы с «национал-уклонизмом», преследовавшиеся по религиозным мотивам. Местные органы часто перестраховывались при пересмотре дел по заявлениям пострадавших и их родственников, необоснованно отказывая в оправдательных решениях. Характерным свидетельством этому является докладная записка прокуратуры РСФСР о проверке работы прокуратуры ТАССР за 1959 г. По 22 проверенным российскими органами случаям все они заканчивались или необоснованными отказами со стороны прокуратуры ТАССР или отправкой дела на доследование даже при очевидности несправедливого наказания. Так, на дополнительную проверку было направлено дело А.Ш. Шакирова, который, как указывается в документе, был «старым членом партии и крупным ученым специалистом». В 1942 г. он был обвинен в организации антисоветской националистической деятельности, но в деле полностью отсутствовали доказательства вины Шакирова. Аналогичная ситуация сложилась по делам М.Ф. Бывальцева, А.Я. Прохорова, С.М. Шарафеева, В. Хамзина и др. Прокуратура Татарской республики боялась принять решение о реабилитации даже в случаях, в которых обвинение выглядело совершенно абсурдным. Так, малограмотному осужденному Бывальцеву вменялась в вину «организация вокруг себя кулаков» во время вилочного восстания. Было очевидно, что дело не нуждается в проверке, ведь во время вилочных восстаний Бывальцеву было всего 10–11 лет. Сложившееся в республиканской прокуратуре положение объяснялось боязнью местных органов власти в принятии самостоятельных решений. Это хорошо видно из высказываний участников совещания при прокуроре Татарской АССР по результатам проверки, состоявшегося в марте 1960 г. Так, Насыбуллин заявил: «Наших ошибок во много раз было бы меньше, если бы Прокуратуры СССР и РСФСР периодически ориентировали нас о практике рассмотрения этих дел».

А Доронин выразился еще откровеннее: «Это получается из-за неоднократных изменений практики рассмотрения этих дел»²¹. Эти слова со всей очевидностью показывают не то, что местные органы власти были не готовы к переменам, а то, что они не уловили ветер перемен из Москвы.

Между тем в середине 1950-х гг. наметилась определенная тенденция отхода от откровенно диктаторского режима, унитарной модели с сильным центром к рассредоточению части полномочий по отдельным регионам. Были предприняты попытки повысить значение Советов в культурном строительстве. Также с 1957 г. Верховный Совет ТАССР, как и аналогичные органы в других автономных республиках, стал обсуждать годовые народнохозяйственные планы, составленные на основе директив центра. Были несколько расширены права исполнительских структур автономий в области руководства промышленностью, а также городских и районных Советов в основном по вопросам культурно-бытового строительства на своей территории. Расширению социалистической демократии должны были служить различные общественные организации, активно создававшиеся в рассматриваемый период на производстве, по месту жительства, в советских органах. Многочисленные домкомы, уличкомы, женсоветы, народные дружины, производственные общественные бюро и т.д. и т.п. были призваны направить энергию людей на установление коммунистических отношений в обществе, которые, как декларировалось в политических документах, через 20 лет должны были стать господствующими в СССР. Однако ни одно из общественных формирований не могло существовать без одобрения партийных и государственных органов, что показывало весьма ограниченные пределы курса на демократизацию общества.

Между тем поворот к либерализации дал определенный импульс процессу духовного освобождения и воз-

рождения надежд у людей на радикальное изменение политической атмосферы. В Татарской республике, как и в целом по стране, отмечались определенные попытки сформировать вне партийного и комсомольского влияния самостоятельные общественные организации, однако их деятельность, небезосновательно рассматриваемая властями как возможность возрождения оппозиционных политических течений, медленно пресекалась.

Как и по всей стране, заметную деятельность по воплощению в социальную жизнь подлинных демократических принципов предпринимали студенты казанских вузов. Так, в финансово-экономическом институте в 1956 г. была предпринята попытка создания дискуссионного кружка, инициаторами которого выступили коммунист Саидгаджиев и комсомольцы Гайнутдинов, Нуруллин, Турьянский, Катаев. В свой клуб они привлекали «только тех, кто имеет собственные мысли, кто может самостоятельно мыслить, независимо от нашей партийной идеологии»²². В нем, как заявил Катаев на комсомольском собрании студенческой группы 29 ноября 1956 г., студенты собирались обсуждать вопросы политики, экономики и культуры без опеки сверху²³. Были сделаны и первые шаги по осуществлению намеченного. Так, на одном из заседаний общества обсуждался вопрос «Является ли культ личности продуктом социалистического общества?» Заслуживает внимания высказывание по этому вопросу уже упоминавшегося Катаева: «Если бы у нас существовало две партии, не было бы и культа личности. Например, в капиталистических странах существует несколько партий, там нет, и не может быть культа личности». Катаев подметил также, как вместо культа личности Сталина в стране стал складываться культ личности Ленина²⁴.

Наряду с финансово-экономическим институтом «неблагонадежностью» отличались химико-технологический и ветеринарный институты. К приме-

ру, в КХТИ студентами Сапожниковым и Фридманом «тайно, без ведома партийной и комсомольской организаций» был выпущен специальный номер стенной газеты «Голос курса», в передовице которой содержался призыв: «Ругать нужно все, что кажется неправильным, косным, бюрократическим»²⁵. В ветеринарном институте большой резонанс получили публичные «дезорганизирующие, демагогические и антиобщественные» выступления студентов 5-го курса Павлова, Липовцева, Ахметова, Ельцова, Чегвинцева и Сиразеева против проекта реформы высшего образования, предложенного Минвузом СССР²⁶.

Несмотря на то, что большинство конкретных предложений студентов сводилось к недовольству организацией учебы и желанию внести в нее целесообразные с их точки зрения изменения, власти республики были весьма встревожены настроением студенческой молодежи. Во всех вузах Казани были организованы собрания, на которых вышеназванные студенты были подвергнуты публичному осуждению. О том, что этим собраниям власти придавали далеко не формальное значение, говорил тот факт, что во всех без исключения вузах на них присутствовали авторитетные руководители республиканского значения. К примеру, в университете, химико-технологическом институте присутствовал секретарь обкома Батыев, в ветеринарном — Бадыгов, в сельскохозяйственном и авиационном — заместитель заведующего отделом науки, школ и культуры обкома КПСС Мангуткин и т.п.²⁷

К тому же не для всех студентов их стремление к «демократическим излишествам» закончилось моральным наказанием. Инициаторы создания дискуссионного клуба в КФЭИ Катаев, Нуруллин были исключены из комсомола, Саидгаджиев — из КПСС, все трое были отчислены из института. На директора института Бунина и декана факультета Андреева, на котором учились эти студенты, «за притупление по-

литической бдительности» были наложены партийные взыскания²⁸.

Куда более суровым мерам подвергались люди, проявлявшие оппозиционные настроения по отношению к существующему строю не в виде публичных высказываний, а конкретных действий. Так, 16 августа 1957 г. в городе Чистополе было обнаружено четыре листовки «антисоветского содержания», прикрепленные на здании горсовета. После тщательного расследования их автор был установлен. Им оказался уроженец г. Чистополя, прибывший на каникулы студент четвертого курса Московского института международных отношений А.М. Васильев. Органами КГБ ТАССР он был арестован по знаменитой статье 58–10²⁹. В обнаруженном нами документе ЦГА ИПД РТ автор листовок раскаивается и пытается объяснить происхождение своих оппозиционных взглядов причинами личного характера: отказом властей предоставить лучшие жилищные условия его родителям.

В данном конкретном случае, возможно, это и было одним из решающих факторов проявления нелояльного отношения к власти. Однако, безусловно, связывать существование оппозиционных настроений в обществе только с подобными факторами нельзя. Также вряд ли можно считать их случайными и единичными. Во всяком случае документально подтверждается, что аналогичные «вылазки антисоветских враждебных элементов» в республике наблюдались еще. В подтверждение этого приведем сопровождающую записку секретаря Татарского обкома КПСС С. Батыева в отдел парторганов по РСФСР В.М. Чураеву, датированную 12 февраля 1956 г. В ней, в частности, говорится: «Направляем при этом листовку “Обращение ко всем гражданам г. Казани” антисоветского содержания»³⁰.

Но если листовки и можно рассматривать как результат фрондирования так называемых бунтарей-одиночек (хотя в республике этот вопрос еще не был предметом обстоятельного специ-

ального исследования), то о наличии более-менее широкой, во всяком случае, заметной оппозиции в республике, хотя и не носившей явно эпатажного характера, можно говорить в связи с национальным вопросом. Всколыхнутые либеральными начинаниями XX съезда КПСС, широкие слои татарской интеллигенции выдвигали на самых различных уровнях заявления по повышению государственного статуса республики, принятию решений по развитию национальной культуры, языка.

Наиболее радикальные требования, связанные с необходимостью повышения государственного статуса ТАССР, исходили от представителей татарской интеллигенции. Еще до знаменитого XX съезда КПСС группа творческих деятелей республики направила письмо в ЦК КПСС, в котором наряду с вопросами культурного возрождения татар ставилась проблема предоставления Татарстану статуса союзной республики³¹. После же разоблачительной критики культа личности Сталина, прозвучавшей с трибуны съезда, выступления интеллигенции умножились и усилились.

В 1956 г. на собрании партийно-хозяйственного актива Бауманского района г. Казани писатель Г. Кашшаф, говоря об огромном вреде культа личности в области исторических наук, литературы и искусства, открыто выразил надежду, что «ЦК партии займется вопросом возможности преобразования Татарии в союзную республику»³². В 1957 г. писатель Н. Фаттах отправил письма с требованием реорганизации Татарской автономной республики в союзную республику первым лицам государства, включая Н.С. Хрущева³³. Прежде с этим вопросом он обращался в высшие инстанции в республике, где его суждения были расценены как ошибочные. О несправедливости пребывания Татарской республики в статусе автономии говорилось в письме в «Литературную газету» Г. Энверова и Ш. Фахрульисламова, написанном также в 1957 г. В своем послании «О бу-

душем татарской нации» в это одно из самых популярных изданий того времени они, в частности, пишут: «Из-за такого второстепенного признака, как отсутствие границ с иностранными государствами, положение в наших школах и на приемных экзаменах в вузы отличается от положения в других республиках»³⁴.

Известный татарский писатель Ш. Маннур, отличавшийся умением говорить правду и следовать ей даже в период послевоенной сталинской реакции, за что был исключен из членов ВКП(б), после XX съезда КПСС не побоялся напрямую обратиться к первому лицу в государстве Н. С. Хрущеву с откровенным изложением своей тревоги относительно социально-экономической и социально-культурной ситуации в Татарской республике³⁵. Особые опасения автора связаны с духовным состоянием татар. В частности, Ш. Маннур отмечает: «У нас много запутанности, извращений в области просвещения, языка и литературы, культуры и искусства. В Казани и многих районах все делопроизводство, даже судопроизводство поставлено на русском языке. Наши руководители выступают только на русском языке. За послевоенное десятилетие татарская литература и искусство имеют очень незначительные сдвиги. Татарский драматический театр в особо трудном положении. Он из года в год расстается со своими лучшими старыми кадрами, а новых не выращивает. В это десятилетие секретари обкома руководили литературой и искусством только путем окрика, проработки, исключения и громовых постановлений. Поэтому развитие литературы и искусства не только не поощряется, а искусственно ограничивается. Несчастье в том, что эти товарищи не читают и не понимают своей литературы. Отсюда отсутствие всякого живого партийного руководства этой областью».

Татарская интеллигенция в Казани предпринимала неоднократные попытки выработать стратегию консолидации татарской нации в меняющемся

мире. На собрании Союза писателей в 1956 г. Амирхан Еники, Ахмет Файзи, Хатип Усманов подняли вопрос о необходимости создания некоего координационного культурного центра для всех шести миллионов татар, разбросанных по всей стране. Однако эта позиция была решительно отвергнута руководителями республики С. Игнатьевым и С. Батыевым как курс, ведущий к национальной обособленности, возвращение к «теории культурно-национальной автономии, давно разгромленной партией»³⁶.

В период хрущевской оттепели творческая интеллигенция стремилась сполна воспользоваться возможностями, открытыми XX съездом КПСС, для возрождения и дальнейшего развития татарской культуры. В мае 1956 г. на заседании правления Союза писателей были обсуждены наболевшие вопросы татарской литературы. Выразив тревогу по поводу того, что «Таткнигоиздат» за последние годы начинает терять свое лицо как национальное издательство, писатели существенно пересмотрели план изданий в сторону увеличения выпуска татарской литературы³⁷. В ходе его обсуждения секретарь Союза писателей А. Шамов отметил такую деталь, что «Неотосланные письма» Аделя Кутуя в Узбекской республике издали тиражом в 60 тысяч экземпляров. «Мы у себя, — сказал Шамов, — ни разу не имели возможности выпустить таким большим тиражом произведение нашего татарского писателя»³⁸.

Настойчивыми были в этот период попытки со стороны писателей добиться издания в Казани литературного иллюстрированного журнала для молодежи³⁹. Его отсутствие напрямую связывалось с неполноценным государственным статусом Татарской республики. С этим же фактором национальная интеллигенция связывала и более низкую оценку труда творческих деятелей в автономии по сравнению с союзными республиками, ставя вопрос об изменении такого положения. Так, заместитель председателя Союза писателей Та-

тарской АССР Сибгат Хаким обратился в Татарский обком КПСС с просьбой устранить положение неоправданного ущемления прав местных писателей. «За художественные произведения, издаваемые в автономных республиках, — писал он, — гонорар оплачивается на 25% ниже, чем в союзных республиках, а за драматические произведения — ниже на 50%»⁴⁰.

Активность татарской интеллигенции по улучшению условий для развития национальной культуры заметно повысилась после успешно проведенной в 1957 г. Декады татарской литературы и искусства в Москве. Это был настоящий триумф татарского искусства, продемонстрировавший не только высокое мастерство творческих деятелей республики, но и востребованность его достижений со стороны широких слоев населения. В рамках декады свои лучшие спектакли показали Татарский государственный театр оперы и балета им. М. Джалиля, Казанский Большой драматический русский театр им. Качалова, Татарский академический театр им Г. Камала. В залах Академии художеств СССР было выставлено более 700 произведений изобразительного искусства Татарстана.

Вдохновленный позитивным резонансом декады, председатель правления Союза писателей Г. Баширов поставил перед Татарским обкомом КПСС целый перечень вопросов: о возобновлении выходившей до войны татарской периодики — ежемесячном литературно-художественном журнале для молодежи, пионерской газеты, о преобразовании альманаха «Литературный Татарстан» на русском языке в журнал, увеличении штата сотрудников и гонорарного фонда для журнала «Совет эдэбияты»⁴¹. В этот же период Г. Баширов на страницах республиканской газеты высказался за запрет давать татарским детям русские имена, видимо, улавливая в этом признаки комплекса национальной неполноценности у родного народа⁴².

Смелой гражданской позицией отличался и один из самых авторитетных татарских писателей Амирхан Еники. Протестуя против его политической инструментализации творческой деятельности, он в публичном выступлении, подвергнувшись резкому осуждению с официальной трибуны, высказался против опеки деятелей культуры со стороны партийных органов: «Там, где есть принуждение, искусство погибнет»⁴³. Опираясь на многочисленные факты, А. Еники охарактеризовал культурную ситуацию в республике как тревожную. «Я не скажу, что татарский народ исчезнет. Он будет жить и творить, но что будет с его культурой? Мне кажется, что за последние 15—20 лет в национальной политике (теоретические положения, безусловно, верны), в практике сделаны многие упущения», — сделал вывод писатель⁴⁴. Высказывание А. Еники хорошо высвечивает отношение татарской интеллигенции к модернизационным процессам республики. Рассуждение писателя о верности теоретических положений в национальной политике и о том, что татарский народ будет жить и творить с одновременно высказанной тревогой о судьбе татарской культуры, показывает, что татарская творческая интеллигенция приняла советскую модель социальной трансформации, но осознавала опасную тенденцию угасания этнического фактора в модернизирующейся республике.

Характерно, что во всех упомянутых обращениях, на всех форумах, касавшихся национального вопроса, общественность республики тревожилась, прежде всего, о судьбе татарского языка. В целом в конце 1950-х гг. в атмосфере нарастающей демократизации в стране и под воздействием настоятельных выступлений интеллигенции руководство республики принимает ряд мер, направленных на создание благоприятных условий для развития татарского языка и национальной культуры в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1143. Л. 51–55.
- ² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1154. Л. 30–31.
- ³ *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа. — Казань: Таткнигоиздат, 1999. — С. 335–336.
- ⁴ *Галиуллина Д.* Обсуждение некоторых аспектов истории татарского народа на кафедре истории СССР КГУ во второй половине 1940-х гг. // Гасырлар авазы = Эхо веков. — 2004. — № 2. — С. 26.
- ⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 229.
- ⁶ Там же. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 287.
- ⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 284.
- ⁸ История Казани в документах и материалах. XX век. — С.440–441.
- ⁹ *Никифоров В.В.* Деятельность КПСС по интернациональному воспитанию трудящихся в период восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства (1945–1952 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 1984. — С. 153.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 778. Л. 43.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 778. Л. 43.
- ¹² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 287. Списки названий запрещавшихся спектаклей в 1946–1949 гг. см. подробно: История Казани в документах и материалах. XX век. — С. 638–642.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 31. Л. 14.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 277. Л. 3–10.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 277. Л. 10.
- ¹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 122.
- ¹⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 26. Оп. 16. Д. 26. Л. 10–12.
- ¹⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 1. Л. 123, 124.
- ¹⁹ Там же. Ф. 15. Оп. 30. Д. 1. Л. 115; Д. 4. Л. 5; Д. 5. Л. 104, 165, 174; Оп. 37. Д. 15. Л. 215.
- ²⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 177.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 461. Оп. 11. Д. 559. Л. 18, 24, 41.
- ²² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 38. Ед. хр. 133. Л. 18.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л. 19.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 21.
- ²⁷ Там же. Л. 22.
- ²⁸ Там же. Л. 21.
- ²⁹ Там же. Ед.хр. 93. Л. 155.
- ³⁰ Там же. Л. 71.
- ³¹ *Исхаков Д.М.* Современный национализм татар // Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее. — Казань, 1997. — С. 34.
- ³² ЦГА ИПД РТ. Ф. 19. Оп. 45. Д. 72. Л. 108.
- ³³ Там же. Ф. 15. Оп. 38. Д. 196. Л. 111.
- ³⁴ Там же. Д. 191. Л. 65.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 55. Л. 108–116.
- ³⁶ Там же. Л. 10–11.
- ³⁷ Там же. Оп. 38. Д. 473. Л. 38.
- ³⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф.15 . Оп.41 . Д.120 . Л. 85.
- ³⁹ Там же. Л. 94.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 37. Д. 378. Л. 53.
- ⁴¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 38. Д. 473. Л. 94–95.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 31. Л. 11.
- ⁴³ Там же. Л. 162.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 15. Д. 31. Л. 8.

Аннотация

В статье проанализировано состояние национально-культурной политики в послевоенном Союзе ССР в контексте проблемы самоидентификации татар. На основе анализа документов, извлеченных из республиканских и российских архивов, показаны трудности и противоречия культурного строительства в Татарской АССР в этот период, позиция национальной интеллигенции и широких слоев населения.

Ключевые слова: национально-культурная политика, татары, ТАССР, «оттепель».

Summary

The paper analyzes the national cultural policy in the postwar Soviet Union in the context of self-identification of the Tatars. On the basis of the analysis of documents retrieved from the republican and Russian archives, the difficulties and contradictions in the cultural development of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic of this period are shown as well as the position of national intelligence and the general population.

Key words: National Cultural Policy, the Tatars, TASSR, «Thaw».

УДК 930 (091)

ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ Р.У. АМИРХАНОВА

*З.Г. Гарипова, кандидат исторических наук;
А.М. Валиев, кандидат исторических наук*

Есть в нашем мире люди, которые в течение своей жизни успевают сделать многое. Они никогда не жалуется на трудности и всегда идут вперед, день за днем достигая вершин в выбранной ими сфере деятельности. И с уходом таких людей из жизни вдруг образуется пустота, которую очень трудно бывает заполнить.

Именно таким человеком был и Равиль Усманович Амирханов. Его деятельная, полная побед и научных достижений жизнь, безвременно оборвалась 5 лет назад.

Он родился 9 января 1946 года в селе Старая Кулатка (Иске Кулаткы) Ульяновской области в семье сельского учителя, которая своими корнями уходит к знатному роду Амирхановых, давшему татарскому народу известных просветителей, религиозных деятелей, ученых, дипломатов (мулла Мурад, Амирхан, Хусаин, Зариф, Назип Амирхановы, Фатых Амирхан, Ибрагим Амирхан).

Отец, Усман Назипович Амирханов (1904–1983), работал учителем математики и физики. Мать, Магруй Сафровна Рашитова-Амирханова (1917–1987), в основном трудилась в колхозе, хотя в молодости ей пришлось некоторое время поработать и санитаркой в больнице.

В июле 1946 г. семья в составе 6 человек (родители и четверо детей) в поисках лучшей доли уезжает в Среднюю Азию (Узбекистан). Отъезд семейства был связан с тяжелыми условиями жизни послевоенных лет, когда временами детей было даже нечем кормить. Одна-

ко уже осенью 1949 г. Амирхановы возвращаются в Старо-Кулаткинский район Ульяновской области, но теперь в село Мосеевка.

В четыре года Равиль Усманович научился бегло читать, одолев не только «Азбуку» («Әлифба»), но и «Родную речь» («Туган тел») для начальных классов, стал писать печатными буквами. Уже в этом возрасте он обладал отменной памятью, заучивал наизусть целые стихотворения, отрывки из разных произведений, увлекался историческими рассказами, «изводил» родителей вопросами относительно прошлых событий. Отец, заранее предугадывая его будущее призвание, не раз говаривал: «Бу улым тарихчы булачак» («Этот сын станет историком»).

В сентябре 1951 г., когда Р.У. Амирханову было всего пять лет, он, «прожужжав» уши отца-педагога, добился принятия в 1-й класс Мосеевской семилетней школы, где в течение 2-х недель учился наравне, а иногда и с опережением своих более взрослых одноклассников. Однако, к великому огорчению нашего «Филиппка», отец внезапно прервал его «образовательный процесс», сославшись на крохотный рост и необходимость помогать матери в воспитании младших братишки и сестер-двойняшек, так «некстати» появившихся на свет.

В шесть лет (в 1952 г.) Равиль Усманович уже в официальном порядке пошел учиться в школу. Ввиду «некомплекта» классов, 1-й «совместили» с 3-м (так же, как 2-й с 4-м), т.е. в одном помещении занимались два класса при

одной учительнице. Здесь он сразу стал передовиком учебы, отличником, удивляя не только одноклассников и третьеклассников, но и учительницу Закию апа своей изумительной памятью, страстью к чтению, одержимостью во всем. Занимался практически тем, что постигал (и совсем не без успеха) знания, даваемые третьеклассникам. Осенью 1952 г. он решил поделиться своими грандиозными успехами с И.В. Сталиным («Сталин-бабай»), написав ему подробнейшее письмо. Естественно, на татарском языке. Письмо стало историческим событием для всей школы. Все удивлялись – как это они до этого не додумались. Однако отец, умудренный горьким опытом, «зажал» послание, сославшись на незнание дедушкой Сталиным татарского языка. Подобный аргумент вызвал у автора письма крайнее изумление и разочарование. Смерть Сталина в марте 1953 г. потрясла первоклашку, и он очень жалел, что не смог вовремя довести до вождя свои пламенные слова. Одновременно рухнула надежда на вторую попытку и на получение ответного письма от «величайшего из великих».

В сентябре 1954 г. семья переехала в соседнюю деревню – село Старый Атлаш (Иске Атлаш) того же района, где будущий историк пошел в 3-й класс Старо-Атлашской семилетней школы. Учился он, как и прежде, отменно.

Здесь хотелось бы заметить, что еще в младшем школьном возрасте Равиль Усманович за свое безграничное рвение в учебе заслужил похвалы со стороны учительницы Кашифы апа, но нажил себе недругов в лице старших, да к тому же здоровенных «недорослей» (некоторые сидели до 3-х лет в одном классе). На новом месте, обнаружив в себе поэтический дар, он стал сочинять стихи, проникнутые в основном героически-патриотическим пафосом в духе восхваления гипотетических молодых борцов за «правое дело», затем перестроился на «лирический лад». Но, в отличие от прежних лет, не бравировал ни успехами в учебе, ни «поэтическим

даром», не выставлял свои «виρши» на показ, оставаясь всю жизнь просто любителем и ценителем поэзии. Тем более что здесь пребывали молодцы, у которых комплекция была еще более внушительной, чем у мосеевских. Приходилось скрывать и свое умение играть в шахматы, чтобы не вызывать негодования среди «нормальных» ребят, которые вообще не представляли, что это за «чудо». Амирхановых премудростям древней игры обучил отец. Равиль начал играть уже в 4,5 года, правда дальше любительства не пошел.

В 1954 г. Амирханов был принят в пионеры, что явилось для третьеклассника весьма неординарным событием. Огромное впечатление на маленького Равиля оказало обретение священного права на ношение красного, как у Олега Кошевого, галстука. Дальнейшие перспективы рисовались в следующей последовательности: звеньевой, командир отряда, вожатый... Не меньше привлекали и нарукавные нашивки. И чем их больше, тем лучше. Когда кто-то пустил тревожный слух о том, что без знания текста гимна Советского Союза и его мелодии нечего и думать о пионерском галстуке и прочих регалиях, он в течение нескольких часов вы зубрил текст гимна на русском языке (со словами: «нас вырастил Сталин»), ибо татарский вариант знал уже давно и считал себя в политическом отношении вполне «подкованным».

В 5-м классе проштудировал все учебники истории за курс средней школы, запоминая события и даты до мельчайших подробностей, мог буква в букву пересказать целые страницы текста. Иными словами, опять «щеголял» по части «вундеркиндства». С одной стороны, это вызывало восхищение у учителей, с другой – порождало множество завистников и недоброжелателей среди учеников. И не только по историческим дисциплинам. Во избежание неприятностей (точнее, тумачков) со стороны здоровенных детей (разрыв в возрасте иногда достигал 5–6 лет, поэтому после окончания семилет-

ки многих забирали в армию) Равилю приходилось то и дело прикидываться «среднячком», т.е. обычным, как и все, парнем.

Вообще же в детстве нашему парнишке нередко сильно доставалось за свою «излишнюю» осведомленность (сказывались отцовская «школа», а также уроки старших братьев и сестры). Так, после смерти Сталина очень актуальным был вопрос: не будет ли светопреставления и, если не будет, то кто придет на смену вождю. По этому поводу сначала рыдала, а потом ломала голову практически вся деревня, включая школьную ребятню. Известный «авторитет» среди малышни, третьеклассник (очевидно, переросток) Рушан Сайфетдинов убежденно изрек, что пост великого Сталина, по всей видимости, займет не кто иной, как «башковитый» Маркс («Маркс та бит бик башлы»). Когда Равиль усомнился в этом и посмел заметить, что Маркс умер уже в прошлом веке и был представителем вовсе не нашей страны, Рушан и его компания посмотрели на него, как на сумасшедшего. И едва не пересчитали ребра. Правда, впоследствии, когда Маркса оттеснил Маленков, признали свою опрометчивость, но на Равиля сохранили «зуб». Или, например, другой случай. В 1957 г. бригадир колхоза, участник войны (!) Ибрагим абый, просвещая своих домочадцев за обеденным столом, авторитетно заявил, что сейчас страной Советов управляет вдова Ленина — Крупская, что именно благодаря ей мы вышли на передовые рубежи во всем мире и уже обгоняем Америку. Равиль, будучи приятелем Каюма, сына Ибрагим абый, не сдержался и тихо поправил, что Крупская умерла еще до войны, и страной ныне правит не она, а Н.С.Хрущев. Бригадир от негодования побагровел, чуть не поперхнулся и объявил юного «нахала» персональной «нон грата». Двери дома Ибрагима абый для Равиля с тех пор стали наглухо закрытыми.

После таких ударов судьбы «поборник истины» заметно «поумнел». Были

сделаны соответствующие оргвыводы. Но иногда все же не выдерживал и тогда, рискуя быть наказанным, встречал в разговоры. К тому же генетически Равиль Усманович был весьма эмоциональным, впечатлительным, а потому остро, нередко даже болезненно реагировал на все происходящее вокруг.

В 6-м классе он стал приобщаться к арабскому письму, но тайком от многих, потому что это занятие, мягко выражаясь, не поощрялось и могло привести к большим неприятностям. Отец, бывший шакирд медресе, сын имама, с одной стороны, вроде бы радовался ориентации любознательного сына, но, с другой, хмурил брови, призывая не увлекаться арабицей, не рассказывать другим о своем интересе к ней или вообще оставить эту затею. С этих же позиций отец скрывал и то, что приходился двоюродным братом Фатыху Амирхану, когда-то объявленному буржуазным писателем.

В 12–13 лет для Равиля не только в школьной, но и в сельской библиотеке (причем довольно богатой) не осталось, пожалуй, ни одной книги на татарском языке (за исключением, быть может, «Капитала» Маркса и собрания сочинений Ленина и Сталина), которые бы он не прочитал. Библиотекарша Мауджуада апа Юртаева при поступлении новой литературы первым делом сообщала об этом Равилю, чтобы именно он «продегустировал» свежую продукцию.

Однако вот беда: к тому времени у парнишки явственно обозначилась довольно сильная близорукость, исподволь развивавшаяся, очевидно, где-то с 5-го класса. Близорукость автоматически вызывает известную ущербность, дискомфорт, ограниченность в движениях. У «пожирателя» книг постепенно вырабатывается своего рода закомплексованность (застенчивость, скованность), усугубляемая к тому же постоянным одергиванием со стороны взрослых, подавлением воли. Но как бы ни были сильны эти негативные моменты, они не смогли подавить, вытравить из сознания главное: одер-

жимость, жажду знаний, стремление к духовному совершенству.

В 1961 г. Равиль Амирханов заканчивает 8-й класс с весьма добротным свидетельством.

В июне того же 1961 г. семья Амирхановых переезжает в Татарстан, в деревню Татарская Айша (Татар Әйшәсе) Высокогорского района. Поскольку и здесь работает только восьмилетка, Равиль начинает ходить в 9-й класс средней школы соседнего села Мульма, находившегося в 5 км от Айши. Ходит туда один, весной и осенью покрывая расстояние в 10 км. Только в 10-м классе брат-студент Расим смог подарить ему новенький велосипед. Отцовской зарплаты в эти годы не хватало даже на питание (в семье уже насчитывалось 11 человек). В слякоть, в распутицу, зимой приходилось оставаться в школьном интернате (в одной комнате жили по 12 человек).

В Мульме, следуя традиции, Равиль прилично учится, особенно выделяясь своими знаниями по гуманитарным дисциплинам. По части знания русского языка и литературы он и вовсе вне конкуренции. Разумеется, в масштабах сельской татарской школы. Но его подводит его мишарский выговор («симбирская» разновидность татарского языка), который звучит полным диссонансом «казанской» речи однокашников. Над его диалектом смеются, передразнивают, хотя и вынуждены здорово считаться с его правильным (по сравнению с ними) русским языком, к которому он прибегает, чтобы умирить пыл «зарвавшихся» переселенцев. И в этот период Равиль упорно работает над своим произношением, шлифует свою речь до деталей и вскоре становится совсем «своим» среди сверстников. Продолжает писать стихи (уже лирические), которые привлекают внимание учащейся молодежи, о них с одобрением отзывается и учитель русского языка и литературы Сабира апа.

В феврале 1962 г. Равиль вступает в ряды ВЛКСМ в районном центре (Высокая Гора), впрочем, не проявляя при

этом прежнего энтузиазма и задора, как при вступлении в пионеры, ибо здесь присутствует сильный элемент принуждения.

В 1963 г. заканчивает Мульминскую одиннадцатилетнюю школу Арского (несколько лет спустя вновь Высокогорского) района и вынашивает планы (по настоянию брата Расима) поступления в вуз. Надо заметить, что это был последний выпуск десятого класса, статус которого восстановился только через несколько лет, после «пересмотра» всего комплекса хрущевских преобразований.

В июле 1963 г. семья вновь возвращается в Старый Атлаш, но Равиль «подается» в Казань.

Осенью 1963 г. он сдает вступительные экзамены в КГПИ (Казанский государственный педагогический институт), на русско-татарское отделение (РТО) историко-филологического факультета.

Равиль Усманович берется за учебу, засучив рукава. Бедно одетый, полуголодный, но гордый собой, он начинает штурм педагогической твердыни. В 1963–1968 гг. в период учебы в КГПИ Равиль показывает только отличные знания. Его зачетка пестрит «пятерками». Тогда же проявилась его увлеченность историческими предметами. Первым «историческую сущность» молодого студента «раскусил» Альтер Львович Литвин, который не только на «отлично» оценил знания Равиля Амирханова, во время двух сессий, но и впоследствии, став профессором, много помогал своему ученику. Он является оппонентом и кандидатской, и докторской диссертаций Равиля Усмановича. Теплые отношения между учителем и учеником сохранились на всю жизнь.

На факультете Амирханов был активным общественником, являлся членом «Комсомольского прожектора», студенческого совета общежития. По поручению академического руководителя проводил политчасы, выступал с докладами на студенческих конферен-

циях, участвовал в художественной самодеятельности, в составе группы ежегодно ездил на сельскохозяйственные работы и т.д.

На II курсе, опираясь на старый багаж, Равиль окончательно осваивает арабскую графику. В этом деле ему помогает тетя Зейнаб. Переписка с отцом осуществлялась преимущественно на арабице. Все это впоследствии сослужило ему хорошую службу.

В институте Амирханов продолжает писать стихи, которые читает на студенческих вечеринках и среди друзей, но желания стать поэтом не испытывает, считая это занятие уделом людей «не от мира сего». Ввиду нищенской, по сути, стипендии и отсутствия материальной помощи со стороны родителей он всегда подрабатывал, в основном в качестве грузчика на предприятиях города, таких как речной порт, меховой комбинат, мясокомбинат и т.д.

В январе 1968 г. Равиля, пятикурсника, направляют на обязательную педпрактику в деревню Старая Салаусь (Иске Салавыч) Балтасинского района до окончания учебного года (как в школе, так и в институте). Но его «перехватывают» в райцентре и оставляют в средней школе в качестве учителя русского языка и литературы. Вдобавок поручают вести ...географию в двух 9-х классах, а также в вечернем 11-м. Нареканий по части преподавания предметов (в том числе географии) никогда не было. Здесь студент впервые осознал, что значит быть «при деньгах». Вместо убогих студенческих 35 рублей (а это была повышенная стипендия) он стал «зашибать» до 120 рублей. Данное обстоятельство соответствующим образом повлияло на его жизненный статус и психологию, ибо его семья никогда «не страдала» от избытка денег.

Успешно сдав госэкзамены (защита дипломов не практиковалась) и получив диплом, новоиспеченный учитель русского языка и литературы средней школы задумался. Доцент зарубежной кафедры Зоя Алексеевна Старицына (одновременно академический руково-

дитель группы), учитывая замечательные результаты своего подопечного, рекомендует его, единственного в потоке, в аспирантуру. При этом предлагается тема, связанная с творчеством Романа Ролана. Равиль долго размышляет, благодарит Зою Алексеевну и ...выбирает школу в сельской глубинке. Его уже давно ждут в Старой Салауси, куда он в свое время не смог попасть. Пора немножко «понюхать пороху», повидать жизнь, придется, начать серьезно помогать семье, находящейся в тяжелом материальном положении (отец уже был на пенсии).

В 1968–1969 г. Равиль Усманович работает в Салаусской восьмилетней школе в качестве учителя русского языка и литературы. Преподает и в вечерней школе, в 11-м классе. Живет на частной квартире у Хумаиры апа. Получает приличную по тем временам зарплату (порядка 120 рублей), но добрую половину ежемесячно «отстегивает» семье, в которой, помимо родителей-пенсионеров, растет пятеро детей школьного возраста, а треть отдает хозяйке за «кров и пищу». В итоге часто сам остается без денег. Руководит выпускным 8 «а» классом. Как молодой человек с высшим образованием привлекается к общественной работе: назначается пропагандистом колхоза «Социалистик Татарстан», проводит политзанятия с молодежью, активно участвует в художественной самодеятельности, поет, играет на мандолине, участвует в спектаклях. В неофициальном порядке пытается организовать в школе кружок по изучению арабского письма, но натывается на противодействие со стороны директора школы и парткома («не смей»).

В августе 1969 г. Амирханов перебирается в село Ленино-Кокушкино Пестречинского района, чтобы быть ближе к Казани. Главная мечта – после обязательной «отработки» диплома поступить в аспирантуру. Но не по зарубежной или иной литературе, а по истории СССР (истории ТАССР). В течение двух лет работает в Ленино-

Кокушкинской средней школе имени М.А.Ульяновой учителем русского языка и литературы. Одновременно является классным руководителем. Избирается секретарем комсомольской организации школы, в духе своего времени назначается пропагандистом и агитатором, читает лекции среди населения, участвует в художественной самодеятельности села (преимущественно в качестве «певца»), рыбачит на Ушне, усиленно занимается самообразованием. Активная гражданская и общественная позиция молодого педагога вызывала уважение как среди учеников, так и среди педагогов-коллег. Авторитетное слово Равиля Усмановича для многих из них нередко являлось «истиной» в последней инстанции. В эти же годы Амирханов по состоянию здоровья освобождается от воинской службы.

В августе 1971 г. он подает заявление об освобождении от должности учителя в связи с намерением поступить в аспирантуру (диплом уже отработан). Заведующий роно Павел Романович Власов настойчиво уговаривает остаться и в качестве компенсации (а то и награды) предлагает пост директора Пимерской восьмилетней школы. Но Равиля подобная карьера не прельщает, и он, добившись «дембеля», выезжает в Казань.

В октябре 1971 г., выдержав довольно сильный конкурс (на одно место претендовало до 5 человек), поступает в очную аспирантуру ИЯЛИ имени Г.Ибрагимова КФАН СССР по специальности «История СССР» («История ТАССР»). Научным руководителем назначается доктор исторических наук Хусаин Хасанович Хасанов (1907–1995), тема диссертации: «Татарская демократическая печать в годы первой русской революции (1905–1907 гг.)». Решающую роль в выборе темы сыграли знание арабицы и огромное желание заниматься историей татарского народа, изучением его духовной культуры.

В первый же год обучения (1971–1972 г.) Равиль Амирханов сдает все три кандидатских экзамена, затем со-

бирает материалы для диссертации. Кроме того, активно участвует в общественной жизни ИЯЛИ: неоднократно используется в качестве рабочей силы в колхозах, совхозах, на овощных базах, одноразовых выездах на пригородные поля. Вскоре его привлекают к работе по выпуску общепедagogической газеты «Фикер» («Мысль») — органа дирекции, партбюро, профкома и комсомольской организации ИЯЛИ сначала в качестве члена редколлегии. Затем он становится заместителем редактора, а очень скоро редактором газеты, возглавляя ее до самого последнего номера (сошла со сцены в конце 1980-х гг. вместе с известным пролетарским лозунгом). «Фикер» при редакторстве Амирханова неоднократно занимает призовые места на общегородских конкурсах стенных газет. Редактор же несколько раз награждается Почетной грамотой дирекции, партбюро и профкома ИЯЛИ. В период учебы в аспирантуре Равиль также работает председателем отдельных комиссий профкома института, активно участвует в художественной самодеятельности ИЯЛИ, является одним из «солистов» ансамбля «Мон», руководимого известным музыкальным деятелем Рагед Фатыховичем Халитовым (1970-е гг.), тогда аспирантом ИЯЛИ.

Научная работа и продвижение по службе

В октябре 1974 г. Равиль Усманович завершает курс аспирантуры с представлением диссертации. Но в это время повсеместно идет реформирование специализированных советов по защите диссертаций. И молодому ученому приходится ждать своего часа почти целых пять лет. Конечно, можно было попытаться счастья в Москве, где новые советы открылись довольно быстро, но громадная очередь «страждущих» и отсутствие средств не позволяют ему податься в столицу. Между тем, по решению ученого совета ИЯЛИ, он остается на должности младшего науч-

ного сотрудника с окладом 105 рублей в месяц (на руки выдают 89 рублей). Для сравнения: буханка белого хлеба стоила тогда 16 копеек, литр молока — 24 копейки, приличный костюм — 120 рублей, зимнее пальто — 250 рублей. Тем не менее он умудрялся посылать родителям денежные переводы. В том же 1974 году появляется первая научная работа (тезисы) под названием: «Из истории освободительного движения шакирдов медресе «Мухаммадия» в начале XX века», которая положила начало длинному перечню всевозможных публикаций, насчитывающему сотни наименований.

12 сентября 1979 г. в КГУ Амирханов защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Татарская демократическая периодическая печать в годы первой русской революции (1905–1907 гг.)». К тому времени — он уже автор 19 научных и научно-популярных публикаций. Специализированный совет по защите рекомендует работу в печать. Утверждается ВАК 20 февраля 1980 г.

В ноябре 1980 г. Равиль Усманович избирается на должность старшего научного сотрудника. К тому моменту в его арсенале уже 27 научных и научно-популярных статей.

Исследовательская и научно-практическая работа в 1974–2004 гг. велась в основном в следующих аспектах: написание истории Казани, Татарстана, татарского народа, руководство томами по истории Татарстана и татарского народа, координация научных сил в рамках Института истории и других учреждений по выполнению вышеуказанных программ, редактирование монографий, составление тематических сборников, книг (на русском и татарском языках), организация конференций различных рангов, семинаров, круглых столов, выступления на них с научными докладами, руководство аспирантами и соискателями, составление программ вступительных экзаменов в аспирантуру, кандидатских минимумов, оппонирование диссертаций, дипломных работ, написание отзывов на

диссертации, справок по тем или иным историческим проблемам, консультации по различным вопросам научного и познавательного характера. Доклады на различных форумах сочетаются с частыми выступлениями по радио (вплоть до циклов передач, например, в 1999 г. — 52 выступления по проблемам татарского просвещения) и телевидению.

Одновременно Р.У.Амирханов входит в научно-отраслевую редакцию Татарской энциклопедии по журналистике, является автором нескольких десятков статей по различным отраслям знаний (печать, просвещение, общественное движение, персоналии и т.д.). Активное участие он принимает также в работе Альметьевской энциклопедии, сотрудничает в различных научных программах юго-восточного региона РТ.

В орбиту внимания ученого входят история государственности и национально-освободительная борьба татарского народа, проблемы свободы совести и межэтнических браков. С одинаковой увлеченностью он рассуждает о проблемах языка и литературы, о неординарных явлениях культурной и общественной жизни татарского народа в современный период, пишет об исторических памятниках, домах и улицах Казани и Оренбурга.

Насыщенной информативностью отличаются работы Равиля Усмановича, посвященные видным деятелям освободительного движения, общественной мысли и культуры татарского народа — Х.Амирхану, Г.Баруди, Г.Еникееву, С.Максуди, Г.Исхаки, Ф.Туктарову, Ш.Мухаммедову, Ф.Амирхану, Г.Тукаю, М.Бигиеву, З.Бигиеву, Г.Ахмерову, И.Амирхану, И.Камалову, М.Гали и др. При изучении персоналий высвечивается много новых, неизвестных эпизодов, штрихов в биографиях известных людей. Одно из центральных мест в списке этих имен занимает Ризаэддин Фахреддин, творчеству которого Р.У.Амирханов посвятил 13 научных и научно-популярных статей. Они

были помещены в журналах «Татарстан», «Мирас», «Идель» (на двух языках), «Магариф», в газетах «Татарские края» (на двух языках), «Шахри Казан».

Важное значение для общественности республики имела популяризация наследия выдающегося мыслителя через обработку и издание его произведений, написанных на арабице (86 публикаций, в том числе 2 книги: «Казанские ханы», «Ханы Золотой Орды»). Значительное место в творчестве Равиля Усмановича занимает также популяризация наследия ученого-историка с мировым именем Ахмед-Заки Валиди (пять статей о нем, подготовка и издание книги Валиди «Краткая история тюрко-татар» на основе изданий 1915 и 1917 гг.).

С увлечением и заинтересованностью Амирханов пишет статьи-очерки о колоритных фигурах прошлого, рассказывает об общественной и научно-поисковой деятельности знатных людей, энтузиастов своего дела, патриотов нации (Е.П.Табейкина, Ш. Замдихановой, М.Рахимкуловой, Г.Яфаева, М.Амирхановой, Т.Абдрашитова), а также учителей, коллег, современников, с которыми работал в течение долгих лет (Х.Хасанова, М.К.Мухарямова, З.Гильманова, Х.Миннегулова, М. Ахметзянова, Ф.Гариповой, З.Гариповой, Г.Файзрахманова, Н.Ханзафарова, А.Хайри, Ф.Ибрагимовой).

Помимо «серьезных» жанров Равиль Усманович занимается написанием юмористических произведений в прозе и стихах. С легкой руки поэта Зульфата в середине 1990-х годов он даже получил шуточное прозвище «Ата чайнчы» («истинный чайновец»). Всего им было создано 35 юмористических произведений (с вариациями), из которых 13 опубликованы в «Чаяне», остальные – в таких изданиях, как «Шәһри Казан», «Мирас», «Zaman – Татарстан», «Сөембикә», «Мәдәни жомга», «Татарстан яшьләре», «Татарстан хәбәрләре», «Ватаным Татарстан», «Ялкын», «Дуслык» (Малмыж), «Яңа вакыт» (Оренбург) и др.

26 апреля 1983 г. его приняли в члены общества «Знание», после чего чтение лекций среди населения (в особенности среди рабочих предприятий) становится обычной и обязательной практикой. До этого они читались без официального членства.

Тогда же разносторонне одаренный ученый и неутомимый исследователь «пробует» себя в качестве преподавателя. «Багаж» знаний, добытый за годы неустанныго труда, он пытается передать молодому поколению. В 1984/85 учебном году Амирханов работает совместителем в Казанском университете, читает курс лекций по истории Татарстана, руководит дипломными работами.

Дальнейший научный рост ученого связан с решением Президиума АН СССР от 13 ноября 1990 г. о присвоении Равилю Усмановичу звания «старший научный сотрудник» (протокол №1228).

В последующие годы он – член редакционного совета журнала «Мирас», редакционной коллегии журнала «Магариф», ученого совета Института истории АН РТ, ученого совета Государственного объединенного музея (ГОМ) РТ, ученого совета КГУ по защите докторских диссертаций по специальности «история».

В 1997 г. назначается руководителем по созданию концепции Музея народного образования РТ и научным консультантом при нем.

Знаменательным событием в творческой биографии Р.У.Амирханова стала защита им 24 апреля 1997 г. в КГУ докторской диссертации на тему «Проблемы развития русской культуры в татарской периодической печати (1905–1917 гг.)». Решение специализированного Совета по защите диссертаций утверждается ВАК 17 октября 1997 г.

В ноябре 1997 г. новоиспеченный доктор наук назначается заведующим отделом истории вместо С.Х.Алишева, перешедшего на должность главного научного сотрудника. С сентября 1988 г. Амирханов возглавляет вновь

созданный отдел новой и новейшей истории института при АН РТ. В 1988 г. избирается членом ученого совета Государственного объединенного музея (ГОМ) РТ.

В эти же годы заслуги ученого были признаны в республиканском масштабе. 11 октября 1999 г. Указом Президента РТ за плодотворную научную деятельность Равилю Усмановичу Амирханову присваивается почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан» с вручением соответствующего диплома и знака. Это вполне закономерный результат огромной многогранной работы талантливого исследователя за добросовестное и ответственное отношение к своему делу.

Всю свою жизнь Равиль Усманович ставил перед собой все более и более высокие цели и всегда с блестящим успехом их добивался.

За долгие годы неустанного труда Р.У.Амирхановым было издано значительное количество статей, очерков, монографий. Общее количество публикаций всех жанров и разновидностей составляет более 600 наименований. Среди них работ научного и научно-популярного характера — 214, персональных, посвященных историческим личностям, видным деятелям науки и культуры, коллегам — 76, рецензий на различные труды — 53, к жанру художественной прозы относятся свыше 20 работ.

Работы Амирханова публиковались в таких журналах, как «Совет мәктәбе», «Мәгариф», «Азат хатын», «Сөембикә», «Ялкын», «Казан утлары», «Коммунист Татарии», «Татарстан» (на татарском и русском языках), «Мирас», «Чаян», «Скорпион», «Казан», «Turk dunyasi agastirmalari», «Идел», «Идель», «Иман нуры», «Научный Татарстан», «Kirim Dergisi», «Гасырлар авазы» («Эхо веков»).

С известным ученым с большим желанием сотрудничали газеты: «Яшь ленинчы», «Социалистик Татарстан», «Ватаным Татарстан», «Советская Та-

тария», «Республика Татарстан», «Учительская газета», «Вечерняя Казань», «Татарстан яшьләре», «Шәһри Казань», «Яңа аваз», «Мәгърифәт», «Татарстан хәбәрләре», «Мәдәни жомга», «Татар иле», «Татарские края», «Zaman — Татарстан», «Мөслимә», «Наука» (орган КФАН СССР), «Иттифак» (офсетное издание).

Кроме того, отдельные материалы (большинство по случаю 100-летнего юбилея Ф.Амирхана и Г.Тукая) были опубликованы в городских и районных газетах: «Яңа вакыт» (Оренбург), «Шәһри Чаллы» (Набережные Челны), «Ленинская правда» (Нижнекамск), «Ленин юлы» (Чистополь), «Яңа Кама», «Новая Кама» (обе — Елабуга), «Авыл тормышы», «Дуслык» (обе — Малмыж Кировской области), «Күмәк көч» (Старая Кулатка Ульяновской области), «Жиңү байрагы» (Б. Сабы), «Хезмәт» (Балтаси), «Ильич юлы» (В. Гора), «Коммунизмга» (Арск), «Таң» (Барда Пермской области), «Октябрь юлы» (Р. Слобода), «Хезмәткә дан», «Слава труду» (обе — Бавлы), «Алга» (Пестрецы).

Вышеизложенное не будет полным, если особо не подчеркнуть умение Р.Амирханова слагать стихи как на татарском, так и на русском языках. Сотрудники отдела всегда с внутренним нетерпением ждали совместных праздников или очередных дней рождений. Равиль Усманович каждому человеку посвящал небольшое четверостишие. В его стихах была особая изюминка, которую он улавливал в людях. От такого подарка праздник становился краше вдвойне. В душе появлялась искорка, которая толкала на благородный поступок, на творческие порывы. Хотелось быть таким, каким он нас видел. Таков был эффект от его поэтических посланий.

Хотелось бы также остановиться на личностных характеристиках Равиля Усмановича Амирханова. Он был глубоко порядочным человеком, чуждым зависти и корысти. В человеке он видел только светлое, если даже знал или

чувствовал что-то негативное, недоброе в ком-нибудь, держал свое мнение при себе. Видимо, хотел быть уверенным до конца в правоте своей интуиции или надеялся на ошибочность своего предположения.

А как любили заходить к нему поговорить по душам коллеги, аспиранты. То, над чем «бились» они долгие дни и месяцы, неожиданно «решалось» в процессе общения с Равилем Усмановичем. В научных проблемах он мог высветить совсем другую, более интересную сторону и оставалось только удивляться, как ты не увидел этого сам. Он поощрял новые, интересные научные подходы, с готовностью приходил на помощь тем, кто в ней нуждался.

В 1960–1970-е гг. в Институте языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова была развита художественная самодеятельность, в которой участвовали не только аспиранты и молодые научные сотрудники, но и сложившиеся, зрелые ученые. В институте было немало музыкальных талантов, причем это было явно заметно на фоне других институтов Казанского филиала Академии наук СССР. Причем наши самодеятельные концерты привлекали внимание соседствующих с нами и ученых естественных наук. Порою наши самодеятельные артисты были похожи на профес-

сиональных актеров. В их числе был и Равиль Усманович — то споет какую-нибудь народную татарскую песню, то сыграет на баяне или на мандолине.

Словесный портрет Равиля Амирханова будет не законченным, если не добавить к нему такие ключевые штрихи, как его скромность и надежность. В последние годы Равиль Усманович был немногословным, да и в жизни не отличался особым красноречием. Автор более 600 научных трудов особо не тратился на пустые или неоправданно длительные разговоры. Лишь позже, уже после того как он ушел навсегда, мы поняли, что причиной тому были проблемы со здоровьем. Осознавая состояние своего здоровья, он много писал, торопясь оставить для нас свое творческое наследие.

Продолжателями научных традиций, заложенных Р.У.Амирхановым, являются в настоящее время две его дочери — Гульназ и Миляуша, также выбравшие делом жизни гуманитарные специальности.

Гульназ получила филологическое образование, Миляуша пошла по стопам своего замечательного отца и занялась историей.

Мы надеемся, что ее путь в науке будет столь же светлым и значительным, как и Равиля Усмановича Амирханова.

УДК 002.2

НАЧАЛО КЫПЧАКСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

*А.Н. Гаркавец, доктор филологических наук,
Казахстан, Алматы*

Кыпчакское книгоиздание в Карасе и Астрахани в 1806–1825 гг.

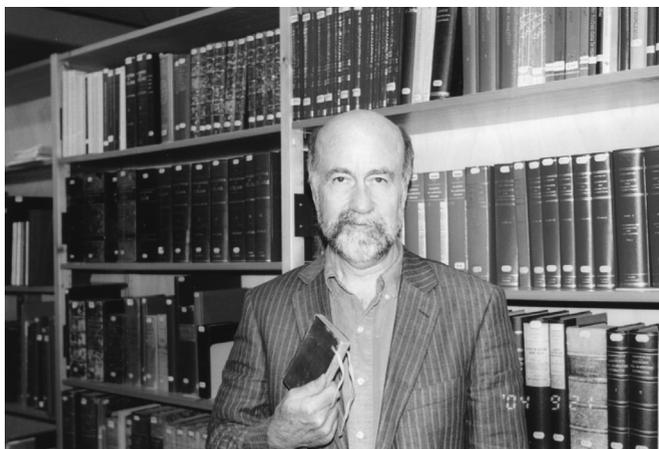
Принадлежавший крымскому хану аул Карас, или Каррас, иначе Карасс у подножия Пятигорска известен каждому школьнику как излюбленное место Михаила Юрьевича Лермонтова, куда он часто приезжал с друзьями и где 14/26 июля 1841 г. провел с ними последний пикник накануне смертельной дуэли. Этому аулу поэт посвятил одно альбомное стихотворение и один акварельный пейзаж.

В 1959 г. аул был объединен со станицей Николаевской, и теперь это поселок Иноземцево — по имени инженера-путейщика Ивана Дмитриевича Иноземцева (1843–1913), управляющего Ростово-Владикавказской (1879–1908), а затем Владикавказской железной дорогой.

21 декабря 1806 г. на нижнюю, гостевую часть аула Карас, которую члены Шотландской миссии заняли четырьмя годами раньше, им была дана царская жалованная грамота на 7000 десятин земли. И с тех пор их поселение, впоследствии перешедшее во владение приглашенных ими сюда 30 семейств немцев из Вюртемберга, живших в поволжской Сарепте, в правительственных документах стало именоваться Шотландской колонией, а в быту — Шотландкой.

Началось с того, что в 1801 г. шотландские миссионеры из Эдинбургского Библейского общества пастор Джон Патерсон и Роберт Пинкертон, представлявшие Британское и Иностранное Библейское общество в Петербурге, обратились к российскому правительству с прошением о создании поселения близ крепости Константиногорской на Северном Кавказе. 25 ноября 1802 г. Император Александр I утвердил доклад министра внутренних дел о просьбе шотландских миссионеров обосноваться в районе «Бештовых гор у Султанского аула» для распространения христианства среди местного горского населения.

Следует подчеркнуть, что британская миссия носила глобальный характер. Джон Патерсон и Роберт Пинкертон (племянник Томаса Бёрджиса, председателя Британского и Иностранного Библейского общества) обратились к князю Александру Николаевичу Голицыну, обер-прокурору Святейшего Синода и главноуправляющему ино-

странными исповеданиями, с предложением помощи в создании Российского Библейского общества и в издании Библии на русском языке и на языках многочисленных народов Российской империи. Голицын обратился к царю, и Александр не только поставил резолюцию «Быть по сему», но и сделал от себя взнос в 35 тысяч рублей на это богоугодное дело. В итоге усилиями новообразованного общества был выполнен перевод Святого Письма на русский язык, именуемый с тех пор Синодальным, а британскими миссионерами в течение 30 лет Библия или ее отдельные книги были изданы многотысячными тиражами на сорока языках России.

Миссия в Карасе занималась переводом книг на язык «татарский». На самом деле это был местный кыпчакский извод (вариант) тюрки — общего средневекового кыпчако-огузского литературного языка тюрков Центральной Азии и Кавказа. А тюрки, как известно, использовал арабскую графику. Наряду с общетюркской он содержал издавна усвоенную арабо-персидскую книжную лексику и — благодаря условности арабского письма — в каждом этническом регионе звучал по-своему. Наши предки из недостатка арабского письма, неадекватно отражающего звуки тюркской речи, гениальным образом извлекли блестящее преимущество — возможность читать общетюркский текст каждый на свой лад.

Согласно Генриху-Юлиусу Клапроту, посетившему Карас в 1807–1808 гг., и Иоанну Кристофу Аделунгу, на которых ссылается Хакан Кырымлы [1, р. 70], в Карасе шотландцы опубликовали следующие книги:

1. Инджиль динининъ сырры — Сущность религии Евангелия, 1806;

2. Бир достун келамы мюсюльмана — Слово друга мусульманину, 1806;

3. Исанынь Инджили: Маттанынь йазысы — Евангелие Иисуса: Писание Матфея, 1807;

4. Исанынь Инджили: Марконынь йазысы — Евангелие Иисуса: Писание Марка, 1807;

5. Исанынь Инджили: Луканынь йазысы — Евангелие Иисуса: Писание Луки, 1807;

6. Исанынь Инджили: Йуханнанынь йазысы — Евангелие Иисуса: Писание Иоанна, 1807;

7. Инджил-и Мукъаддес, йани лисан-и Тюркийе терджюме олуна бизим Раббимиз Иса Месих'ин Йени Ахд ве Васийети — Святое Евангелие, или Новый Обет и Завет Господа нашего Мессии Иисуса, переведенное на тюркский язык, 1813.

Перевод этих книг на кыпчакский тюрки выполнил Генри Брантон (Henry Brunton, 1770–1813).

Управляющий военной и гражданской частью на Кавказе генерал А.П. Ермолов относился к миссионерам неодобрительно, считая их поборниками политических интересов британской короны. И в 1815 г. большинство шотландцев, под давлением клеветы, были вынуждены оставить немцам, которых они сами и пригласили, лучшие плодородные земли и перебраться со своим печатным станком в Астрахань. Там они продолжили миссионерскую и издательскую деятельность.

В Астрахани в 1815 г. тиражом в 5000 экземпляров шотландцы переиздали перевод Четвероевангелия Генри Брантона в редакции Джона Диксона, которая, однако, носила частный характер.

Одновременно Джоном Диксоном были переведены и напечатаны отдельные книги Ветхого завета: часть Пятикнижия Моисея, книга Иова, Псалтырь, Притчи Соломона, книга Екклесиаста и Песнь Песней. Псалтырь вышел двумя изданиями: в 1815 г. тиражом в 1000 экземпляров и в 1828 г. — 3000.

В 1816 г. было переиздано Евангелие от Луки — 5000 экз.

В 1818 г. — оренбургская версия Евангелия от Матфея — 2000 экз.

В 1819 г. — местная версия караимской книги Бытия — 2000 экз.

Общий тираж изданий Шотландской миссии — около 100 тысяч экземпляров.

В качестве оригинала переводчики использовали английский перевод Нового Завета Уильяма Симана (William Seaman, 1606–1680), опубликованный в Оксфорде в 1666 г. Как сравнительный источник при переводе книг Ветхого Завета принимали во внимание караимскую Библию.

К сожалению, нашим первоиздателям Святого Письма на кыпчакском тюрки не был доступен сделанный к тому времени полный перевод Библии на османо-турецкий язык Войцеха Бобовского (Wojciech Bobowski, 1610–1675), польского композитора и писателя, служившего драгоманом-переводчиком Высокой Порты и известного на Востоке под именем Сантури Али Уфки (Али-Бея), а на Западе – как Альбертус Бобовиус. Войцех Бобовский, следует признать, был не первым переводчиком Святого письма на турецкий язык. В своей работе он следовал Яхье бен Исхаку (Хаки), чья рукопись датирована 1659–1661 гг. Рукопись Войцеха Бобовского была приобретена в Стамбуле послом Дании в Турции иранистом и тюркологом Левином Варнером (1619–1665), намеревавшимся ее опубликовать. Однако денежные затруднения и внезапная смерть помешали осуществлению этого намерения. И с 1690 г. тетради Войцеха Бобовского хранятся в библиотеке Лейденского университета в коллекции «Legatum Warneriarum» среди тысячи других, веками не увидевших света, раритетов. Правда, в 1819 г. часть перевода Войцеха Бобовского, а именно Новый Завет, все-таки была напечатана в Берлине и Париже и книга вскоре была доставлена в Астрахань, где новая кыпчакская редакция в целом уже была набрана.

Включившиеся в дело еще в Карасе Чарльз Фрейзер и Джон Диксон, усвоив устный и письменный язык местных кыпчаков, приспособили прежний перевод Четвероевангелия, условно называемый «ногайским», к разговорной и письменной речи «киргизских татар» Оренбургской губернии и закончили перевод остальных книг Нового Завета.

На перевод, редакцию и новый набор ушло 5 лет, и в 1820 г. в Астрахани старанием Джона Митчела тиражом в 5000 экземпляров увидела свет совершенно новая, исчерпывающая публикация всех книг Нового Завета: Инджил-и Мукъаддес, йани Иса-и Месихнинъ Йангы Васийети, Эввельки тэсниф – Святое Евангелие, или Новый Завет Мессии Иисуса. В подготовке публикаций Джона Митчела приняли участие также Джеймс Педди и Джон Стил.

О труде Джона Диксона очень важные сведения сообщает Эбенизер Гендерсон, посетивший Астрахань в августе 1821 г. В частности, он отмечает, что Диксон, используя турецкий перевод Али-Бея, удалял «обращенные и описательные формы, избыток арабских и персидских слов» и старался придать своему переводу «больше обличия и духа родной для татар литературы» [2, с. 272]. В результате кыпчакский тюрки приобрел еще больше живых черт местного наречия.

Помогал миссионерам в редактировании перевода молодой неопит, обращенный ими в христианство Александр Касимович Казембек – Мирза Мухаммед Али Казем-Бек (1802–1870), сын персиянки и сосланного в Астрахань Хаджи Мухаммеда Касима Казем-Бека, шейх уль-ислама Дербента. Будущий профессор Казанского университета и первый декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета искренне воспринял реализуемую миссионерами извечную идею тюркского языкового единства и после сам воплотил ее в своей «Грамматике турецко-татарского языка» (Казань, 1839) и «Общей грамматике турецко-татарского» (Казань, 1846), которую и сегодня многие рассматривают как лучшее сочинение о позднем тюрки.

Первая кыпчакская и тюркская печатная книга

Кыпчакское книгопечатание, о чем мы узнали благодаря новым открыти-

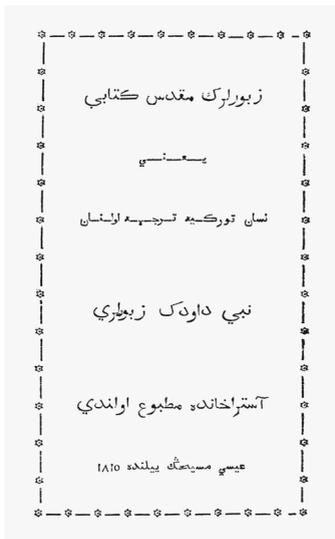
ям, зародилось, однако, не в начале XIX в. в Карасе и Астрахани, а 400 лет назад во второй после Острога колыбели украинского книгоиздания — славном городе Львове.

В XIV–XVII вв. город Львов, обладавший в составе польско-литовской Речи Посполитой самоуправлением на основе Магдебургского права, гордился тем, что здесь на условиях автономии процветали польская, русская в местном смысле — т. е. украинская, армянская, немецкая и еврейская общины. Эти автономные общины обладали своим самостоятельным судом, духовной и экономической независимостью при равном всеобщем подчинении короне.

Армянскую общину Львова, как и Каменца-Подольского, Луцка, Хотина, Сучавы и Серета, составляли прибывшие сюда в XIV в. сложным путем из Западной Армении через Турцию, Валахию, Молдавию и Подолию кыпчакоязычные армяне, которые, хотя и называли себя эрмени и относили к армяно-григорианскому католикосату, в массе своей армянского языка не знали и говорили, писали и молились по-кыпчакски, считая кыпчакский своим родным «армянским» языком. Собственно армянский, точнее, книжный западноармянский язык они с детства изучали наподобие латыни в церковной школе, а посвятившие себя церкви — совершенствовались в армянских монастырях в Валахии, Румелии, Киликии и далекой Армении, где их предки армяне и приглашенные в Закавказье Давидом IV Строителем (1073–1125) в 1118 г. кыпчаки образовали этот уникальный этноязыковой конгломерат. Поскольку важнейшим занятием наших эрмени была торговля на путях, которыми они сюда прибыли, они никогда не по-

рывали связи с братьями по вере — собственно армяноязычными, а также турко-, татаро-, греко- и персоязычными армянами. Кое-кто из них поселялся во Львове, приобретал местное гражданство и вынужден был уже здесь усвоить кыпчакский язык, чтобы быть полноценным членом общины, ибо собрания велись по-кыпчакски, протоколы писались по-кыпчакски, проповеди читались по-кыпчакски, приобретенные приятели, коллеги, родственники, жена и дети — все говорили по-кыпчакски. Заказчики списков церковных книг требовали копии кыпчакских молитвенников, псалтырей, календарей — и самому грамотному новоприбывшему армянину-каллиграфу волей-неволей приходилось адаптироваться, попросту говоря, отуречиваться, в данном случае «кыпчакизироваться».

Вот в этой обстановке и возникла в общине потребность в таком количестве книг, которое копиисты удовлетворить не могли физически, а многие заказчики не были в силах оплатить их труд. На помощь пришел печатный станок с металлическими армянскими наборными буквами, привезенный то ли из Стамбула, то ли из Венеции неким Ованнесом Карматанцем, который в 1618 г. и напечатал во Львове «Алгыш битиги» — «Молитвенник для простых христиан» на местном кыпчакском

языке по образцу рукописных, представляющих собой выверенный столетиями адекватный перевод с древнеармянского.

Единственный выявленный до настоящего времени экземпляр этой книги хранится в Библиотеке Лейденского университета в упомянутой выше коллекции «*Legatum Warneriarum*» датского дипломата немецкого происхождения Левина Варнера, в руки которого он попал, как мы понимаем, в Стамбуле между 1644 и 1665 гг. Обнаружил это сокровище выдающийся французский тюрколог Жан Дени, опубликовавший несколько других важных кыпчакских текстов и вместе с польским ученым Эдвардом Трыарским — список армяно-кыпчакских рукописей, храня-

щихся в Париже, Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Вене, Венеции и Ереване.

В 2002 г. полный текст этой книги вместе с текстами других 7 молитвенников, 5 псалтырей и еще массой иных кыпчакских текстов опубликован нами в I томе нашего «Кыпчакского письменного наследия» в тюркологической транскрипции, адекватно отображающей как кыпчакское произношение, так и армянское правописание. В 2005 г. арменистическую транслитерацию текста с турецким переводом издала турецкая исследовательница гагаузского происхождения Надежда Кирли [см.: 3].

Итак, впереди у нас два юбилея кыпчакского книгопечатания: 200 лет арабским письмом и 400 лет — армянским.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hakan Kirimli*. Crimean Tatars, Nogais and Scottish missionaries // *Cahiers du monde russe*. 1/2004 (Vol. 45).
2. Библейские разыскания и странствия по России. СПб.: Российское Библейское общество, 2006.
3. *Nadejda Chirli*. Algış bitigi: Ermeni Kıpçakça dualar kitabı. Haarlem (Netherlands): SOTA, 2005.

Аннотация

В данной статье рассматриваются два эпизода из истории кыпчакского книгопечатания: 200- и 400-летней давности. Кыпчакское книгопечатание зародилось 400 лет назад в городе Львове. Армянскую общину Львова составляли кыпчакоязычные армяне, которые считали кыпчакский язык своим родным языком.

Ключевые слова: книгопечатание, кыпчакский язык, британская миссия, шотландские миссионеры.

Summary

The article deals with two episodes from the history of Kipchak printing: that of 200 and 400 years old. Kipchak printing appeared 400 years ago in Moscow. Kipchak Armenians constituted Armenian community of Lvov, who considered the Kipchak language as their mother tongue.

Key words: printing, the Kipchak language, the British mission, the Scottish missionaries.

УДК 94(4) "1939/45"

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И ВОЛГО-ТАТАРСКИЙ ЛЕГИОН. БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

И.А. Гилязов, доктор исторических наук

16 июля 1941 г. на совещании германского высшего руководства с участием Гитлера, Розенберга, Кейтеля, Геринга и Ламмерса было заявлено: «Железным правилом должно стать и оставаться: Никому не должно быть позволено носить оружие, кроме немцев! И это особенно важно, даже если вначале может показаться легким привлечение каких-либо чужих, подчиненных народов к военной помощи — все это неверно! Когда-нибудь оно обязательно, неизбежно будет повернуто против нас. Только немцу позволено носить оружие, а не славянину, не чеху, не казаку или украинцу!»¹.

Как видно, сказано очень категорично и, казалось бы, пересмотра этого жесткого запрета не должно было быть. Но уже к концу 1941 и в течение 1942 гг. под знамена вермахта были поставлены десятки тысяч представителей народов СССР. В спешном порядке из них формировались Восточные легионы. С чем же был связан такой явственный поворот, такое серьезное изменение запланированной в начале войны политики? Что подтолкнуло германское военное и политическое руководство к созданию военных формирований из восточных народов?

Появление в составе германского вермахта боевых соединений из представителей разных народов Советского Союза явилось далеко не случайным явлением, а прежде всего следствием тех военных и политических обстоятельств, которые сложились к концу 1941 — первой половине 1942 гг.

Основной толчок к созданию Восточных легионов был дан очевидным

провалом плана молниеносной войны². К осени 1941 г. стало совершенно ясно, что «блицкриг» захлебнулся, что Германии следует готовиться к затяжной войне, в которой многое будет решаться и от состояния резервов: технических, материальных, людских. С этим у Германии обстояло далеко не гладко, резервов для длительных военных действий было явно недостаточно. Советский же Союз, который в начале войны оказался фактически в катастрофическом положении в результате политических и военных просчетов сталинского руководства, мог все-таки рассчитывать на постепенное наращивание своей мощи, опираясь на значительные людские и природные ресурсы, на психологический, патриотический подъем населения страны.

В качестве других важнейших обстоятельств, способствовавших созданию Восточных легионов, можно выделить следующее:

1. Наличие в Германии огромного количества советских военнопленных.

2. Активная германская пропаганда среди населения оккупированных областей СССР и против передовых частей Красной Армии. Это приводило к тому, что многие представители гражданского населения Украины, Белоруссии и Прибалтики сотрудничали с немцами, что на немецкую сторону, особенно в первый период войны, перешло немалое количество солдат и офицеров Красной армии.

3. Позиция некоторых зарубежных стран, требовавших более человечного обращения хотя бы по отношению к тюркским, мусульманским военно-

пленным. Наибольшую активность проявляли при этом некоторые политики Турции. Сюда же я бы отнес и активность эмигрантских лидеров из представителей народов СССР, которые с началом войны заметно оживились.

Когда план «блицкрига» провалился, три названных фактора оказали свое влияние на позицию германского руководства. И оно, несмотря на различие точек зрения и серьезные противоречия между вождями и высшими государственными и военными учреждениями рейха, решило в своих интересах использовать сложившиеся обстоятельства.

В числе других был создан и так называемый Волго-татарский легион, или легион «Идель-Урал». В состав легионов включались советские военнопленные, которые в основном концентрировались в специальных лагерях на территории Украины. Они проходили специальную процедуру отбора, и затем отправлялись в основные лагеря легионов.

Штаб по созданию Восточных легионов был с 18 февраля 1942 г. размещен в Польше, в г. Рембертове, летом этого года под названием штаб Восточных легионов переведен в г. Радом, получив 23 января 1943 г. наименование Командование Восточных легионов³.

Легион «Идель-Урал» был создан позже всех остальных. Хотя фактически представителей народов Поволжья выделяли в специальные сборные лагеря уже осенью-зимой 1941–1942 гг. Впервые же в имеющихся в нашем распоряжении документах о создании Волго-татарского легиона речь идет 1 июля 1942 г. – в этот день были разосланы в разные инстанции сведения о формирующихся легионах, среди которых упоминался и Волго-татарский⁴. 1 августа 1942 г. из штаб-квартиры Гитлера был дан приказ, подписанный начальником штаба Кейтелем, о создании, в дополнение к существующим, легиона, состоящего из поволжских (казанских) татар, башкир, говорящих по-татарски чувашей, марийцев, уд-

муртов и мордвы⁵. Приказом предписывалось отделить представителей названных народов в специальные лагеря, активизировать работу с вербовкой военнопленных. Отмечалось, что статус Волго-татарского легиона точно такой же, как и у прежде созданных подобных соединений, что применение легиона предусмотрено в областях военных действий, но особенно в районах действия партизан.

Приказ Кейтеля явился как бы указанием сверху, а практически приказ Верховного командования вермахта был подписан 15 августа 1942 г. В нем уже содержались более конкретные указания:

«1. Создать легион из татар, башкир и говорящих по-татарски народов Поволжья.

2. Татар, приписанных к Туркестанскому легиону, перевести в Волго-татарский легион.

3. Военнопленных татар срочно отделить от остальных и направить в лагерь Седльце (на железнодорожной линии Варшава–Брест). Передать их в распоряжение Военного командующего в генерал-губернаторстве (Militärbefehlshaber im General-Gouvernement).

4. Созданный легион использовать прежде всего в борьбе против партизан»⁶.

Практическая работа по созданию Волго-татарского легиона началась 21 августа 1942 г.: местом его формирования был избран лагерь в Едлино под Радомом, куда поступали обмундирование и оружие для легиона. Сюда же прибывал немецкий ответственный персонал. Лагерь Седльце, расположенный близ Едлино, уже раньше стал сборным пунктом для военнопленных из тюркских народов.

Знамя Волго-татарскому легиону было вручено 6 сентября 1942 г., поэтому сами легионеры считали именно этот день датой окончательного формирования соединения⁷.

8 сентября 1942 г. Волго-татарский легион был передан под командование

штаба Восточных легионов и командующего военным округом в «генерал-губернаторстве».

Военнопленные татары концентрировались в основном в лагере Седльце А, откуда их и направляли для подготовки в легион в Едлино. Впоследствии роль предварительного лагеря играл также лагерь в Демблине (шталаг 307). А в начале 1944 г., уже после перевода Восточных легионов во Францию, общий предварительный лагерь был в Легионово под Варшавой⁸, с марта 1944 г. — вновь и в Седльце Б (шталаг 366), и в лагере Нехрыбка (шталаг 327)⁹.

Командиром Волго-татарского легиона был назначен уже довольно пожилой и опытный военный, майор Оскар фон Зеккендорф. Родился он 12 июня 1875 г. в Москве, хорошо говорил на русском, английском, французском, китайском; похуже владел украинским и испанским языками¹⁰. Позднее он был произведен в подполковники.

По имеющимся документам можно судить, что Зеккендорф, несмотря на свой возраст, довольно энергично взялся за дело, более всего уделяя внимание вопросам боевой подготовки легионеров. Пожалуй, одной из самых серьезных проблем для него (как и для прочих немецких организаторов Восточных легионов) стала проблема подготовки национальных офицерских кадров, которая, кстати говоря, так и не была решена до конца войны, хотя не раз поднималась.

Согласно плану, первый из батальонов Волго-татарского легиона, получивший номер 825, должен был быть создан к 1 декабря 1942 г., но его сформировали даже чуть раньше — 25 ноября. Сроком формирования 826-го батальона было установлено 15 декабря 1942 г., 827-го — 1 января 1943 г. Фактически же это произошло, соответственно, 15 января и 10 февраля 1943 г.¹¹ Впервые же все три первых номера батальонов в сохранившихся документах упоминаются 3 ноября 1942 г. в качестве создающихся¹².

Татарские батальоны, которые создавались в Польше, в Едлино, под контролем и юрисдикцией командования Восточных легионов в германских вооруженных силах и о которых подробно рассказывается на основании имеющихся документов, не были единственными. Вероятнее всего, при отдельных армиях или группах армий параллельно или же позднее, например в течение 1944 г., создавались и другие татарские соединения. Среди них были и боевые, и строительные, и снабженческие подразделения.

825-й батальон

Это самый известный из всех созданных татарских батальонов. Командиром батальона был назначен майор Цек. Точное число татарских легионеров в этом батальоне в сохранившихся документах не указано, но, сравнивая его с другими подобными соединениями, можно считать, что в нем находилось примерно 900 человек.

Известен 825-й батальон прежде всего своим вооруженным выступлением против немцев в конце февраля 1943 г. Факт этот широко известен и в отечественной публицистической литературе¹³. Это произошло следующим образом.

Судя по всему, 14 февраля 1943 г. батальон торжественно был отправлен на фронт: «Перед отъездом батальона на борьбу с партизанами в с.Едлино из Берлина для доклада прибыл профессор, фамилия которого неизвестна. В своем докладе докладчик призывал легионы к уничтожению большевиков, (говорил) о создании Гитлером «татарского государства», о создании новой прекрасной жизни»¹⁴. 18 февраля ночью батальон прибыл в Витебск, после чего был направлен в сторону деревни Бельновичи по Суражскому шоссе. Затем основная часть его была расположена в деревне Гралево на левом берегу Западной Двины. 21 февраля представители легионеров связались с партизанами.

В результате переговоров была достигнута договоренность о том, что 22

февраля в 23 часа будет поднято общее восстание легиона и он перейдет с оружием на сторону партизан. Очевидно, немцам стало известно о планах подпольщиков, и за час до запланированного выступления были произведены аресты и схвачены руководители восстания: Жуков, Таджиев и Рахимов. Тогда инициативу принял на себя командир штабной роты Хусаин Мухамедов. Был подан сигнал почти во все подразделения батальона, расположенные в разных населенных пунктах по соседству, — началось восстание. Известить, согласно источнику, не удалось два взвода второй роты.

Перешедшие легионеры были распределены в партизанских бригадах, которыми командовали Захаров и Бирюлин¹⁵.

Итак, первый ввод в бой первого подразделения Волго-татарского легиона закончился провалом для немецкой стороны. В немецких документах, пусть и в завуалированной форме, ясно видны причины этого: во-первых, бесспорно сказалась деятельность «отдельных интеллигентных татар» среди легионеров, которые и организовали переход батальона на сторону партизан. Возможно, речь идет или о деятельности группы Мусы Джалиля или его предшественников, но в любом случае, выступление легионеров было заранее организовано и подготовлено. Во-вторых, несмотря на все-таки длительную идеологическую обработку, немцам действительно не удалось по-настоящему привлечь татарских легионеров на свою сторону. Чувство советского патриотизма в них оказалось сильнее — немцы вопреки их усилиям так и остались «чужими» для татарских легионеров, «своих» они видели в белорусских партизанах.

Те бывшие легионеры, которые перешли на сторону партизан, судя по всему, практически сразу же приняли участие в боях против немецкой армии — особенно интенсивными они были 28 февраля 1943 г. и имели целью прорыв блокады. Они и в дальнейшем продолжали оставаться в составе пар-

тизанских соединений в Белоруссии. Это подтверждается, например, данными письма Белорусского штаба партизанского движения от 2 июля 1943 г.: «После перехода батальона к партизанам личный состав его действительно был рассредоточен по партизанским бригадам, принимал участие в боевых действиях против немецких оккупантов, показал себя с положительной стороны. Некоторая часть личного состава батальона и до настоящего времени находится в партизанских бригадах»¹⁶.

Оставшиеся на стороне немцев легионеры 825-го батальона были после этих событий немедленно отправлены в тыл и причислены к другим соединениям. Восстание 825-го батальона стало холодным душем для германского командования. Это событие сыграло далеко не последнюю роль в дальнейшей судьбе Восточных легионов.

826-й батальон

Запланированная на 15 декабря 1942 г. организация 826-го батальона не состоялась, он был сформирован в Едлино 15 января 1943 г. В марте 1943 г. после восстания 825-го батальона 826-й «от греха подальше» был переведен на территорию Голландии в район города Бреда¹⁷. Здесь, судя по всему, он нес охранную службу, привлекался и к другим работам. К каким-то реальным военным операциям 826-й батальон привлечь явно не решились.

На 1 сентября 1943 г. батальон, возможно, находился во Франции (более точного указания нет)¹⁸, а 2 октября 1943 г. был передислоцирован вновь в Голландию, где и находился на протяжении всего 1943 — начала 1945 гг.¹⁹

Р.А. Мустафин связывает с историей 826-го батальона и такой красноречивый факт: в соединении было подготовлено восстание, однако немецкой контрразведке удалось сорвать планы подпольщиков. 26 членов подпольной организации после этого были расстреляны, двести человек переведены в штрафной лагерь²⁰.

827-й батальон

Батальон был создан 10 февраля 1943 г. в Едлино. Номер полевой почты его был 43645А-Е. Командиром батальона являлся капитан Прам.

С конца июня 1943 г. 827-й батальон, отправленный на борьбу с партизанами, находился на Западной Украине²¹. Здесь легионеры приняли участие в нескольких столкновениях с партизанами.

В начале октября 1943 г. батальон был переведен в г. Ланьон во Франции и был передан в распоряжение 7-й армии²². В действиях против партизан на Западной Украине и 827-й батальон разочаровал немецкое командование. Более того, пребывание батальона на этой территории усилило партизанские отряды, так как многие легионеры перебежали к ним. Но и после перевода батальона во Францию он так и не стал для немцев «надежным» соединением, поскольку и здесь немало легионеров перешло к французским партизанам.

828-й батальон

Этот батальон создавался с 1 апреля 1943 г. и был окончательно сформирован 1 июня 1943 г.²³ После формирования батальон довольно долгое время находился в самом Едлино²⁴.

28 сентября 1943 г. соединение было направлено на Западную Украину взамен оказавшегося «ненадежным» 827-го батальона²⁵. Надежды немцев на вновь прибывших легионеров оказались тщетными. Источники свидетельствуют со всей очевидностью о том, что за все время пребывания 828-го батальона на Западной Украине многие из легионеров перебежали к партизанам.

829-й батальон

Был создан 24 августа 1943 г. в Едлино. Скорее всего, под воздействием неудач с первыми батальонами, 829-й довольно долгое время оставался в Едлино²⁶. Но впоследствии батальон также был перемещен на Западную Украину²⁷.

Финал для 829-го батальона наступил довольно скоро: приказом командующего военным округом в «генерал-губернаторстве» от 29 августа 1944 г. он был распущен в связи с участвовавшими в батальоне случаями «нарушения дисциплины»²⁸. Все эти мероприятия должны были быть проведены до 18 сентября 1944 г.

На этом история 829-го татарского батальона и закончилась.

830-й батальон

Точных данных о дне формирования 830-го батальона нет. Хотя он и упоминается уже в документах от 1 сентября 1943 г.²⁹, существование его на тот день сомнительно, поскольку даже в документе от 26 октября он упоминается как «формирующийся»³⁰.

Использовать батальон против партизан немцы уже не решились: он нес охранную службу в разных населенных пунктах Западной Украины и Польши. Переводы эти были осуществлены для проверки «надежности» и боеспособности батальона, которые у немцев вызвали подозрения, и не без основания.

В июне 1944 г. отделению гестапо в Радоме удалось выйти на одного из унтер-офицеров 830-го батальона, который искал связи с «коммунистическими бандами». Он, судя по всему, сумел организовать 20 человек легионеров, чтобы в ночь с 17 на 18 июня убить людей из немецкого персонала, вскрыть склад оружия, захватить автомобили и с оружием бежать к партизанам, но 12 и 15 июня инициаторы заговора, всего более 20 человек, были арестованы. 17 человек из них из-за отсутствия доказательств были впоследствии освобождены военным судом. Представители тайной полиции посчитали, что юридически это решение обосновано, но его последствия могут быть непредсказуемыми, поэтому рекомендовалось ситуацию подробно обсудить с командиром восточных отрядов³¹.

По-видимому, на заключительном этапе войны 830-й батальон существовал как строительно-саперный, в нача-

ле 1945 г. дислоцировался в излучине Вислы, а позднее — в Померании³².

831-й батальон

Был сформирован осенью 1943 г. в Едлино. Подтверждается его существование во второй половине октября. Он, насколько можно судить по тексту документа, обеспечивал охрану основного лагеря Волго-татарского легиона в Едлино³³. Примерно то же самое пришлось делать соединению в феврале 1944 г., когда он находился в Легионове под Варшавой³⁴.

Других упоминаний о 831-м батальоне в известных источниках не имеется.

Создание батальонов Волго-татарского легиона за порядковыми номерами 832, 833, 834 было запланировано на осень 1943 г. Скорее всего, они так и не были сформированы. Каких-либо упоминаний, которые реально подтверждали бы существование этих татарских батальонов, найти не удалось.

29 сентября 1943 г. Гитлер отдал распоряжение о переводе всех восточных добровольцев с Востока на Запад³⁵, и это нашло отражение в приказе германского Генштаба от 2 октября 1943 г. (№ 10570/43) о переводе Восточных легионов с территории Польши во Францию в распоряжение командующего группой армий Запад в городе Нанси³⁶. Передислокацию полагалось осуществлять в следующем порядке:

1. Грузинский легион;
2. Северокавказский легион;
3. Командование Восточных легионов;
4. Офицерская школа в Легионове;
5. Волго-татарский легион и школа переводчиков;
6. Армянский легион;
7. Туркестанский легион;
8. Азербайджанский легион.

Речь шла, таким образом, не об абсолютно всех восточных батальонах, часть из них оставалась на месте несения службы. Переводились во Францию все структуры командования Восточных легионов, так называемые основные лагеря, и часть батальонов.

Для осуществления этого масштабного мероприятия был создан специальный ликвидационный штаб под командованием полковника Мёллера. Порядок, предусмотренный приказом, в целом соблюдался: например, основной лагерь и командование Волго-татарского легиона покинули Едлино 19 октября 1943 г., а командование и штаб Восточных легионов отправились в путь 24 октября³⁷. Транспортировка осуществлялась специальными военными эшелонами и очень поспешно. И все же в первой половине ноября 1943 г. передислокация была в основном завершена: на 1 марта 1944 г. в распоряжении командующего группой армий Запад находилось, по официальным данным, 61 439 иностранцев и восточных добровольцев³⁸.

Командование Восточных легионов во Франции в октябре 1943 г. находилось в г. Нанси (Восточная Франция), но уже в конце ноября было переведено далее на юг в г. Мийо³⁹. Скорее всего, в связи с неблагоприятным для немцев развитием военной ситуации 15 марта 1944 г. командование восточными соединениями из Мийо вновь вернулось в Нанси (речь идет именно о бывшем командовании Восточных легионов, а не о командовании всеми соединениями добровольцев)⁴⁰.

В начале 1944 г. во Франции произошла серьезная реструктуризация соединений из восточных народов, которая, вероятнее всего, имела целью усилить контроль за ними и добиться их максимальной боеготовности⁴¹. Здесь в феврале 1944 г. была сформирована новая структура, названная Основной добровольческой дивизией (Freiwilligen Stamm Division) с центром в Лионе и сначала под командованием полковника Хольсте. В конце марта 1944 г. Хольсте заменил генерал-майор фон Хеннинг. Названная дивизия делилась на ряд полков по национальному признаку, включая соединения из русских, украинцев и казаков. Волго-татарский легион, командование которого расположилось в городе Ле Пюи, относился

ко 2-му полку, и соединение продолжало именоваться Волго-татарским легионом в составе 2-го полка.

Дислоцированные в разных странах и районах Западной Европы восточные батальоны предназначались не только для обороны Атлантического вала, но и как на Востоке, для борьбы против партизан. Так, например, в немецкой акции против французских маки в департаменте Шанталь в начале июня 1944 г. принимало участие три роты из Волго-татарского легиона, в начале августа подразделения Волго-татарского легиона участвовали в таких же акциях в районах населенных пунктов Иссуар и Рошфор (в районе города Клермон-Ферран)⁴².

Восточные легионы во Франции в целом продемонстрировали те же самые качества, что и раньше на Украине.

Стабильную «ненадежность» демонстрировали подразделения Волго-татарского легиона. 13 июля 1944 г. полевая комендатура 588 в Клермон-Ферране явно с горечью констатировала в своей сводке: «Разведывательная группа татарского легиона не смогла добиться ничего большего, чем поймать нескольких ранее сбежавших армянских легионеров»⁴³. В ночь с 29 на 30 июля 1944 г. один русский офицер и 78 легионеров Волго-татарского легиона, по сообщению той же комендатуры, перебежали к партизанам, а оставшиеся были тут же возвращены в казармы⁴⁴. Таких примеров, когда восточные легионеры перебежали к партизанам в последний период войны, известно множество. Многие такие случаи стали уже широко известны по публикациям в нашей печати⁴⁵.

Большинство батальонов восточных добровольцев на Западном фронте было разделено и распределено по разным районам и придано более крупным немецким соединениям. Эта оторванность друг от друга, бесспорно, еще заметнее усиливала чувство растерянности, подавленности среди большинства легионеров. Так что, в целом, использование Восточных легионов и в Запад-

ной Европе желаемых для немцев результатов не принесло. Многие из легионеров очень боялись оказаться в плену наступающих советских войск, предпочитая в конце концов оказаться в плену у союзников. Но и у последних судьба оказалась незавидной: по соглашениям между СССР и союзными державами, все советские граждане, оказавшиеся в руках английских и американских войск, впоследствии были переданы советской стороне. Они возвращались на родную землю, где в большинстве случаев их ожидало суровое наказание⁴⁶.

Итак, как мы видим, немецкие планы использования соединения из представителей тюркских народов СССР, в том числе и татар, особенно активные в 1942–1944 гг., завершились провалом. И это было вполне закономерным, поскольку все подобные попытки нацистов были насквозь лицемерными и противоречивыми. Свою роль в провале устремлений гитлеровцев сыграли и подпольные антифашистские группы, которые возникали среди восточных легионеров. Одной из самых известных таких групп, безусловно, является группа, которую возглавляли Гайнан Курмашев и Муса Джалиль⁴⁷. Судя по всему, эта группа начала свою деятельность в конце 1942 г. В ее состав вошли, прежде всего, татарские офицеры, оказавшиеся в германском плену. Подпольщики поставили своей основной целью разложение легиона «Идель-Урал» изнутри и подготовку к восстанию. Они использовали для достижения цели типографию газеты «Идель-Урал», издававшейся Восточным министерством Германии специально для легионеров с осени 1942 г.

Гайнан Курмашев создавал и координировал работу пятерок подпольной организации. Муса Джалиль, имевший возможность свободного передвижения по территории Германии и Польши, организовал проведение агитации среди легионеров. На пропагандистской радиостанции «Винета» работал Ахмет Симаев, где он мог получать сведения для группы Сопrotивления и изгото-

лять листовки. Активное участие в изготовлении и распространении листовок принимали также Абдулла Алиш, Ахат Атнашев и Зиннат Хасанов.

Можно с уверенностью констатировать, что батальоны легиона «Идель-Урал» не оправдали тех ожиданий, которые возлагало на них германское командование, во многом благодаря деятельности подпольщиков группы Курмашева – Джалиля. К сожалению, эта деятельность была прервана немецкой контрразведкой: в Берлине подпольщики были арестованы в ночь с 11 на 12 августа 1943 г. Всего в этом месяце оказалось схвачено около 40 человек из подразделений пропаганды легиона «Идель-Урал».

После длительного следствия участники Сопrotивления предстали перед Имперским судом в Дрездене, который 12 февраля 1944 г. вынес приговор: 11 человек были приговорены к смертной казни. Это – Муса Джалиль, Гайнан Курмашев, Абдулла Алиш, Ахмет Си-

маев, Ахат Аднашев, Абдулла Батталов, Фуат Булатов, Салим Бухаров, Фуат Сайфульмулюков, Зиннат Хасанов, Гариф Шабаев. В качестве основания для приговора в тексте для всех указаны – «содействие врагу» и «подрыв военной мощи». Такая формулировка позволяет обоснованно утверждать, что группа Сопrotивления, существовавшая в легионе «Идель-Урал», нанесла своими действиями серьезный ущерб «третьему рейху».

Казнь татарских патриотов гильотинированием была проведена в берлинской тюрьме Плётцензее 25 августа 1944 г. Первым на эшафот взошел Гайнан Курмашев – в 12 часов 06 минут. Остальные участники подполья были казнены с интервалом в три минуты.

В Берлине, в Музее Сопrotивления фашизму, в память о татарских подпольщиках открыта мемориальная доска с именами казненных участников группы, а в тюрьме Плётцензее установлены стенды с материалами о героях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 1949, Bd. XXXVIII, Dokument 221-L, S. 88.

² Однако объяснение создания Восточных легионов исключительно провалом плана «молниеносной войны» является чрезмерным упрощением проблемы. Такая тенденция явно наблюдается в нашей историографии (см., например: Абдуллин М.И. Сражающаяся правда. Критика буржуазных концепций развития социалистических наций Поволжья и Урала. – Казань, 1985. – С. 44). Даже создание комиссий по отбору турецких военнопленных «подгоняется» под поражение немцев под Москвой, хотя такие комиссии, о которых речь пойдет ниже, существовали уже в августе-сентябре 1941 г. (см., например: Мустафин Р.А. Что же двигало Джалилем? // Татарстан. – 1993. – № 12. – С. 73)

³ Hoffmann, Joachim. Die Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg 1976, S.30–31.

⁴ Bundesarchiv-Militärarchiv (далее – BA-MA), RH 19 III/492, Bl. 232.

⁵ Bundesarchiv-Koblenz, NS 19/2523 (номера листов в деле не указаны).

⁶ BA-MA, RH 19 III/492, Bl. 172 oder RH 19 V/79, Bl.8.

⁷ Idel-Ural, № 36(42), 5.05.1943.

⁸ BA-MA, RH 53-23/44, Bl.136.

⁹ Bundesarchiv des Beaufragten für die Unterlagen des Ministeriums der Staatssicherheit der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik (далее – BStU-Zentralarchiv), RHE 5/88-SU, Bd.2, Bl. 143.

¹⁰ Отрывочные биографические сведения о фон Зеккендорфе см.: Bundesarchiv-Potsdam, NS 31/45, Bl. 237; NS 31/55, Bl.27. В книге С.Дробязко его фамилия искаженно передана как Зикердорф (Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941-1945. – М., 2004. – С. 151).

¹¹ BA-MA, RH 19 V/110, Bl. 254; RH 53-23/38, Bl.218; RH 53-23/51, Bl. 18; RH 58/42, Stammtafel der Wolgatatarischen Legion.

¹² Ibid., RH53-23/51, Bl. 28-29.

¹³ *Забиров И.* Джалиль и джалильцы. Документальные очерки и этюды. 2-е изд. — Казань, 1990. — С.57–59; *Мустафин Р.А.* По следам поэта-героя: Книга-поиск. — М., 1971. — С.124–141. Наиболее подробно этот эпизод истории войны представлен в сборнике: Провал операции «Шаровая молния». Татары в партизанских отрядах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. — Казань, 2010.

¹⁴ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944 гг.). Документы и материалы в трех томах. Т.2: Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны. Книга первая (ноябрь 1942 — июнь 1943 гг.). — Минск, 1973. — С.230.

¹⁵ *Мустафин Р.А.* По следам поэта-героя. — С.134. Партизанское движение в Белоруссии в то время развивалось в очень сложных условиях: по партизанским данным, например, известно, что именно в феврале 1943 г. 6000 партизан были окружены в районе Витебска отрядами противника общей численностью до 28 000 человек, имевших артиллерию, танки и авиацию. Командовал первой витебской партизанской бригадой М.Ф.Бирюлин, комиссаром ее был В.А.Хабаров, начальником штаба — Л.П. Корнеев (см.: *Гапаев М.* Наши! Переход татарского батальона на сторону белорусских партизан // Татарстан. — 2003. — № 8).

¹⁶ *Гапаев М.* Указ. соч.

¹⁷ *Tessin, Georg.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg. 1939–1945. Bd. 13: Die Landstreitkräfte 801-13400. Osnabrück 1976, S. 33. Впрочем, в книге Ю.Карчевского и Н.Лешкина отмечено, что 826-й батальон 2 апреля 1943 г. был «торжественно» отправлен во Францию. Источник для таких сведений мне неизвестен (*Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.* Лица и маски. — Уфа, 1982. — С. 83).

¹⁸ Bundesarchiv-Potsdam, NS 31/55, Bl. 8; эти сведения, скорее всего, неточны, батальон, вероятно, так и оставался на территории Голландии, а не переводился из страны в страну.

¹⁹ Die geheimen Tagesberichte der deutschen Wehrmachtführung im Zweiten Weltkrieg 1939-1945. Bd.8: 1.September 1943 — 30. November 1943. Osnabrück 1988, S. Bd.8, S.168.

²⁰ *Мустафин Р.А.* По следам оборванной песни. — М., 1974. — С. 199–200. М.Черепанов, будто дополняя сведения Р.Мустафина, пишет: «826-й батальон в 1944 г. тоже поднял восстание и пытался перейти на сторону французских(? — *И.Г.*) партизан» (*Черепанов М.В.* В кривом зеркале справедливости // Татарстан. — 1991.— № 7. — С.41). Но и об этом сведений в источниках я не нашел. Но в отечественной публицистике зато удалось обнаружить еще одно любопытное замечание относительно этого батальона. Г.Кашшаф в своей книге сослался на дневник немецкого офицера Вальтера Хайзена, в котором сообщалось о полном разоружении остатков 826-го батальона из-за его ненадежности 6 сентября 1944 г. (*Кашшаф Г.* По завещанию Мусы Джалиля. — Казань, 1984. — С. 184).

²¹ BA-MA, RH 53-23/51, Bl. 88.

²² Die geheimen Tagesberichte der deutschen Wehrmachtführung im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Bd.8: 1.September 1943 — 30.November 1943. Osnabrück 1988, S. 233, 248.

²³ *Чуев С.* Проклятые солдаты. — М., 2004. — С. 506.

²⁴ Bundesarchiv-Potsdam, NS 31/55, Bl.8.

²⁵ BA-MA, RH 53-23/42, Bl.267.

²⁶ Ibid., RH 53-23/51, Bl. 100.

²⁷ Ibid., RH 53-23/44, Bl.136.

²⁸ Ibid., Bl.164.

²⁹ BA-Potsdam, NS 31/55, Bl.8.

³⁰ BA-MA, RH 53-23/51, Bl. 100.

³¹ BA-Potsdam, Film 56636, A 196; отрывки из документа опубликованы Р.А.Мустафиным (Гасырлар авазы — Эхо веков. — Май 1995. — С.142–143).

³² Ibid., Bd.13, S. 38.

³³ BA-MA, RH 53-23/51, Bl. 100.

³⁴ Ibid., RH 53-23/44, Bl.136.

³⁵ *Neulen, Hans Werner.* An deutscher Seite. Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. München 1985, S. 331.

³⁶ BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 3, Bl. 91.

³⁷ BA-MA, RH 53-23/43, Bl.36.

³⁸ Neulen H.W. An deutscher Seite, S. 331.

³⁹ BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 3, Bl. 98.

⁴⁰ Ibid., Bl. 101.

⁴¹ См. об этом: *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. — М., 2004. — С.204–206.

⁴² ВА-МА, RH 36/509, VI.8.

⁴³ Ibid., RH 36/509, VI. 46.

⁴⁴ Ibid., VI. 61. По сведениям М.Черепанова, например только в департаменте Верхняя Луара на сторону французских партизан — маки — перешло до полутора тысяч бывших легионеров (не только из Волго-татарского легиона). Здесь из них был даже сформирован 352-й батальон макизаров, несший службу в Ле-Пюи до августа 1945 г. (Черепанов М.В. Две жизни капитана Утяшева // Татарстан. — 1993. — № 10. — С. 60).

⁴⁵ Назову лишь некоторые из таких публикаций: *Бронштейн Б.* Пенсионер французского значения // Известия. — 23 декабря 1995 г.; *Кашанов Р.* Из плена — с военным крестом де Голля // Республика Татарстан. — 13 августа 1994 г.; *Он же.* Герой сопротивления из Татарстана // Казанские ведомости. — 16 апреля 1992 г.; *Он же.* Якташларыбыз — макилар // Эллуки. — 16 сентябрь 1994 ел; *Мустафин Р.* Письмо из Франции. — Казанские ведомости. — 15 февраля 1992 г.; *Черепанов М.В.* Две жизни капитана Утяшева // Татарстан. — 1993. — № 10. — С. 50–61; *Он же.* Преданные Родиной // Посев. — 1995. — № 5. — С. 86–93. Хотя подобные публикации часто содержат немалое количество неточностей касательно общей истории Восточных легионов, тем не менее они сообщают важные данные о военной и послевоенной судьбе многих бывших легионеров Волго-татарского легиона.

⁴⁶ Судьба большинства бывших легионеров и вообще всех советских граждан, находившихся на стороне Германии и оказавшихся в союзническом плену по-настоящему трагична. Об этом см. подробнее: *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. — М., 1996. По мнению автора, в 1944–1947 гг. союзники выдали СССР два с лишним миллиона советских граждан (среди них заключенные в лагерях, военнопленные, остатки различных «добровольческих соединений», восточные рабочие и т.п.). Нетрудно представить, что ожидало большинство этих людей на Родине.

⁴⁷ Наиболее подробно о деятельности подпольщиков в составе легиона «Идел-Урал» написано в следующих работах: *Забиров И.* Джалиль и джалильцы. Документальные очерки и этюды. 2-е изд. — Казань, 1990; *Мустафин Р.А.* По следам поэта-героя: Книга-поиск. — М., 1971. В сконцентрированном виде эта деятельность представлена в работе: *Ахтамзян А. О* «Курмашеве и десяти других», казненных в Берлине за «подрыв военной мощи» Германского рейха // Татарские новости. — 2002. — № 1 (90).

Аннотация

Статья посвящена изучению восточной политики Германии в годы Второй мировой войны и планов фашистского командования по привлечению народов Поволжья и Приуралья к военному и политическому сотрудничеству с нацистами. Автор на широкой источниковой базе рассматривает факторы и обстоятельства создания Волго-татарского легиона, время формирования и состав батальонов, прослеживает их судьбу. Особое место в статье уделено характеристике подпольной группы Гайнана Курмашева и Мусы Джалиля, активная деятельность которой среди военнопленных солдат не позволила во многом осуществить намерения гитлеровцев.

Ключевые слова: Вторая мировая война, восточная политика Германии, коллаборационизм, Волго-татарский легион, легион «Идель-Урал», подпольная группа Курмашева-Джалиля.

Summary

The article is devoted to the study of the eastern policy of Germany in World War II and the Nazi command's plans to bring the peoples of the Volga and Urals to the military and political cooperation with the Nazis. The author on broad source base examines the factors and circumstances of the creation of the Volga-Tatar legion, and the formation of battalions, traces their fate. Special attention in the article is paid to the underground group of Gainan Kurmashev and Musa Jalil, whose active work among prisoners of war didn't let in many ways to realize the intentions of the Nazis.

Key words: World War II, eastern policy of Germany, collaboration, Volga-Tatar legion, «Idel-Ural» legion, underground group of Kurmashev-Jalil.

УДК 94

ТАТАРСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1878–1879 гг.*

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Одним из крупных выступлений крестьянских масс в Поволжье и Приуралье во второй половине XIX в. было татарское крестьянское движение 1878–1879 гг. Как и многие антиправительственные выступления, оно началось как ответная реакция на действия местных властей. Однако по ряду причин выросло в массовое неповиновение, получившее широкий резонанс в регионе.

Причины волнений. Чтобы понять причины антиправительственных выступлений, необходимо выявить обстоятельства, которые привели к социальному протесту народных масс. Главным фактором, способствовавшим формированию напряженной атмосферы и появлению предчувствия негативных изменений в действиях правительства, стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Как известно, поводом к навязыванию Россией «справедливой» с ее стороны войны стал возникший в Османском государстве «христианский вопрос». Идею защиты славян – «братьев-славян и православных» – государственная идеология превратила в знамя патриотического движения в Российской империи. Обратной стороной русского патриотизма стали усиление антиисламских настроений и необоснованные подозрения в отношении мусульман. В московских газетах публиковались статьи о якобы готовящихся вооруженных выступлениях татар и башкир в поддержку Османского государства. Чтобы снизить общественную напряженность среди мусульман, министр внутренних

дел был вынужден запретить публикацию материалов на подобные темы.

Вернувшиеся с победой русские солдаты открыто говорили татарам: «...Побив турок, теперь будут крестить всех магометан»¹. В пореформенный период Османское государство воспринималось российскими мусульманами как некий гарант соблюдения их религиозных прав, аналогичным было отношение славянских народов на Балканах – османских подданных – к Российской империи.

Русско-турецкая война была воспринята татарами как религиозная война – война православия и ислама. Поражение Османского государства вызвало у мусульман опасение относительно возможности сохранения в будущем своей конфессиональной идентичности. Распространились слухи, что «крест поборо луну и Государь Император, недовольный султаном, повелел крестить всех магометан в России»². Панические настроения среди татар зафиксированы, в частности, в баите о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

К началу 1878 г. атмосфера была настолько напряженной, что малейший повод со стороны власти мог вызвать крестьянские волнения. Действия местной администрации не заставили долго ждать. Так, в Самарском Поволжье главной причиной распространения слухов о предстоящем крещении послужило распоряжение архиерея Самарской епархии от 21 марта 1878 г., согласно которому благочинные и священники должны были собирать сведе-

* Исследование поддержано грантом Российского государственного научного фонда (11-11-16010а/В).

ния о всех иноверцах мужского и женского пола для приписки их к православным приходам с целью предоставления живущим среди башкир христианам возможности знать, к какому священнику они должны обратиться для исполнения треб³. Для этого им были присланы ведомости для записи православных по приходам. Не вызывал сомнений тот факт, что отныне устанавливаются качественно новые отношения между Русской православной церковью и мусульманами⁴. Самое главное – эти ведомости получили распространение в соседних регионах, например в Вятской губернии. Ситуацию усугубило то обстоятельство, что священник д.Александровка, дячок и волостной писарь с.Чекан представили татарам Бугульминского уезда эту инициативу духовной власти как начало христианизации, заявив при этом, что ими получена бумага, в которой приказано: «давать магометанам христианские имена, венчать и хоронить православным священникам совместно с магометанскими муллами»⁵.

В Приуралье поводом для распространения слухов о христианизации послужило предписание администрации Уфимской губернии об установке в деревнях набатных колоколов для оперативного оповещения и сбора местных жителей в случае пожара. Колокольный звон для местного населения однозначно ассоциировался с колокольнями и церковью. Для мусульман Уфимской губернии, региона, где ранее не проводилась активная христианизация, данное предписание властей явилось настоящим шоком. Администрации удалось успокоить население, отменив свое решение, однако напряжение в сельских общинах нарастало. Одновременно со слухами о крещении появились слухи о насильственном комплектовании русских школ детьми мусульман и об изменении их религиозных обрядов, что привело к подаче многочисленных прошений мусульман на имя оренбургского генерал-губернатора о гарантии их религиозных прав. Лишь

после получения от него уведомления, в котором сообщалось о неприкосновенности ислама, а также о непомещении детей в русские школы без разрешения родителей, население успокоилось⁶.

Следующим поводом к усилению сомнений относительно искренности действий правительства послужило распространение осенью 1878 г. обществом Красного креста по волостным правлениям Самарской и Уфимской губерний письменных приглашений к пожертвованиям. (Отметим, что в России аналогичное общество Красного полумесяца было запрещено). На фирменных бланках общества был нарисован красный крест. Для татарских крестьян, не знающих особенностей российского делопроизводства, это являлось лишним подтверждением разговоров «о кресте в полном ходу». С учетом ментальности сельского мусульманского населения передача волостной администрацией обращения общества Красного креста к мусульманам была в высшей степени нетактичной.

К тому же само слово «крестьяне», навязанное российской администрацией нерусским земледельцам (в татарском языке отсутствовал такой термин, лиц, занятых в сельском хозяйстве, называли «игенче»), также стало вызывать различные предположения. Татары узнали о происхождении слова «крестьянин» от термина «христианин», которое в средние века означало сельского жителя православного вероисповедания и затем трансформировалось в новое понятие, обозначающее сословную принадлежность сельских жителей. Получалось, что если мусульман в деревнях сегодня именуют крестьянами, значит, и слухи о крещении не беспочвенны. Эта новость с тревогой была воспринята в Приуралье, где по итогам административной реформы 1863–1865 гг. тептяри, мешчеряки и башкиры впервые были приписаны к категории «сельских обывателей».

В Казанской губернии поводом к выступлениям в октябре 1878 г. жителей 12 татарских, 2 мордовских и одного чувашского селений Спасского и Чисто-

польского уездов послужило оглашение на сельских сходах решения экстренного Казанского губернского земского собрания от 9 марта 1877 г. об обязательном страховании крестьянских построек от огня сроком на три года. Земство решило действовать в соответствии с законом и начать повсеместное страхование, что стало неприятной новостью для сельских обществ, которым ранее предоставлялась возможность выбора. Другая веская причина негативной реакции татар заключалась в утвердившемся мнении о том, что сбор страховых средств противоречит нормам шариата. Некоторые муллы Спасского уезда заявляли, что «страхование есть картежная игра»⁷. Отказ подписывать приговоры о страховании строений сельские общества объяснили тем, что это повлечет за собой принудительное обращение всех мусульман в православную веру.

Ситуация в Казанской губернии вышла из-под контроля властей после оглашения «Инструкции сельским обществам по выполнению возложенных на них законом обязанностей» губернского по крестьянским делам присутствия от 1878 г., в которой содержались положения из действующих законодательных актов о возложении на крестьян повинностей, а также ряд других материалов, имеющих отношение к сельскому податному населению.

В разделе Инструкции о правилах содержания начальных народных училищ указывалось, что Закон божий «может быть преподаваем в училищах или приходским священником, или особым законоучителем, с утверждения епархиального начальства по представлению инспектора народных училищ». В разделе о назначении сборов на мирские расходы говорилось, что «мирскими повинностями называются те повинности, которые отправляются каждым обществом для удовлетворения его потребностей, как то: на устройство и поддержание церквей», открытие и содержание сельских училищ, содержание учителей и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей.

Чиновники, механически переписав законы, забыли указать, что они распространяются исключительно на православных крестьян, что было бы кстати, если учесть, что мусульмане составляли около одной трети населения губернии. В результате Инструкция была воспринята как «крестильная грамота», как начало насильственного крещения. Более того, татары своеобразно интерпретировали даже такие предписания Инструкции, как установка при въезде в деревню столба с названием селения и указанием числа дворов и душ, а также набатного колокола, посадка деревьев в целях противопожарной безопасности, которые уже были реализованы во многих русских селениях.

Раздача Инструкции сельским старостам под расписку в конце июня — начале июля и разглашение в ноябре 1878 г. были восприняты как своеобразная тактика обмана, началось подозрение сельских старост в предательстве общественных интересов и ислама. С этого момента практически все действия чиновников стали восприниматься как подготовка или начало крещения. Отныне «ругательский» лексикон местных чиновников, в котором нередко присутствовала угроза «Я вас окрещу!», приобрел совсем другое звучание, и воспринималась эта угроза в буквальном смысле⁸.

Некоторые полицейские и члены волостных правлений из числа русских, со ссылкой на Инструкцию, говорили татарам о крещении мусульман⁹. Получив жалобы из уездов, оренбургский муфтий С.Тевкелев, мгновенно оценив ситуацию, сообщил казанскому губернатору Н.Я.Скарятину «о недоверчивом отношении» татар к полицейским властям и волостным правлениям и просил обратить серьезное внимание «в особенности на действия волостных начальств и их писарей и не оставить без преследования виновных в поселении между мусульман такого нелепого убеждения»¹⁰.

Сенатор М.Е.Ковалевский, проводивший в 1880 г. ревизию Казанской гу-

бернии, называл следующие причины антиправительственных выступлений: 1) «возбужденный религиозный фанатизм мусульман»; 2) «бестактность и нераспорядительность чинов полиции»; 3) ошибки губернской администрации. Сановник специально указал на издержки великодержавного отношения представителей администрации к местному населению: «До чего доходила бестактность чинов полиции, в том числе станковых приставов, можно судить уже из того, что некоторые из них вместо того, чтобы успокоить обращавшихся к ним татар с вопросами относительно справедливости слухов о предстоящем обращении их в православие, позволяли себе отвечать утвердительно, потешаясь тем самым над впечатлением, которое произвёл их ответ на мусульман»¹¹.

Начало волнений в Казанской губернии. В ноябре 1878 г. «брожение» охватило мусульман в Казанской, Самарской, Вятской и Оренбургской губерниях, а также в Уральской и Тургайской областях¹². Оренбургский муфтий попросил у министра внутренних дел разрешения обратиться к жителям «волнующихся деревень» с письмом-обращением о повинности властям, в чем ему было отказано. Тогда С.Тевкелев по собственной инициативе стал успокаивать составших крестьян в Спасском уезде, где обстановка накалилась вследствие того, что уездный исправник самовольно увеличил в несколько раз расходы сельских обществ на противопожарные нужды и обеспечение общественного порядка в селениях (число лошадей, количество стражников в волостных правлениях, жалованье ямщику, волостному старшине, его помощнику и писарю)¹³.

В октябре – ноябре 1878 г. в волнениях участвовали все татарские селения Полянской, Левашовской, Морасинской, Николо-Пичкасской (кроме одной деревни), Ромадановской (кроме одной деревни) волостей, а также ряд татарских обществ Алькеевской, Гусихинской, Кутушской волостей Спасского уезда. В Чистопольском уезде особенно решительно выступили татарские кре-

стьяне Билярской, Красноярской, Муслюмкинской волостей, волнения наблюдались и в Старо-Альметьевской, Каргалинской, Егоркинской, Старо-Максимкинской волостях. Однако они редко прибегали к непосредственному столкновению с властями. Так началось волнение татарских крестьян, проживавших на такой большой территории «островками». Этим обстоятельством можно объяснить отсутствие руководства выступлениями крестьян. Однако уже в то время крестьяне брали пример с жителей крупной деревни Средние Тиганы. Совместно с татарами выступил ряд селений с чувашским, мордовским, русским населением. Полиция отмечала, что татары распространяют слух, что «русские и чуваша будут крепостные, а их татар будут крестить»¹⁴.

Повстанцы избивали представителей полиции, самовольно избирали новых сельских старост, отказывались от содержания пожарных сараев, лошадей и караулов при них, не отпускали сельских старост в волостные правления, не платили налоги и не исполняли повинности¹⁵. Незамедлительно подавить волнения в Спасском и Чистопольском уездах с помощью войска власти не смогли из-за отсутствия переправы через Волгу и Каму: реки той осенью долго не замерзали.

Спохватившись, губернское начальство напечатало в конце ноября дополнение к Инструкции, в котором сообщалось, что параграфы Инструкции 40, 41, 42, 43 и 44 не распространяются на татар-мусульман. Однако сохранение у Инструкции указания о том, что сборы с мусульман пойдут на содержание мечетей и мектебе, также вызвало протест, потому что содержание исламских институтов осуществлялось за счет добровольных подношений прихожан или мутаваллиев¹⁶.

Попытки раздачи дополнения к Инструкции по татарским селениям вызвали новые волнения.

Одновременно крестьяне обращались к начальнику губернии за разъяснением истинных намерений властей.

В ноябре 1878 г. в Казанском кремле Н.Я.Скарятин ежедневно лично принимал около 200 поверенных от сельских обществ, терпеливо объяснял параграфы Инструкции и выдавал письменные разъяснения за своей подписью о том, что крещения мусульман не будет. Однако сельские общества Красноярской, Билярской, Муслюмкинской волостей Чистопольского уезда, Больше-Менгерской, Мамсинской волостей Казанского уезда, Морасинской и Полянской волостей Спасского уезда, несмотря на предложения властей, не отправляли своих представителей в Казань¹⁷.

Мусульманские сельские общества Мамадышского уезда отказались выполнять государственные повинности и выслушивать «увещевания чиновников». Татарские крестьяне Тетюшского и Свияжского уездов отказались принять дополнение к Инструкции и исполнять предписания властей.

Таким образом, антиправительственные выступления татарских крестьян Казанской губернии выразились: в полном неподчинении волостному и уездному начальству, смене сельских старост, отказе от исполнения повинностей, избииении представителей администрации.

Кампания по подаче прошений

Неотъемлемой частью антиправительственных выступлений татарских

крестьян явилась кампания по подаче прошений на имя местных губернаторов и императора (табл. 1).

«Высочайшие» прошения поступили из 41 волости 8 уездов Казанской (4 прошения), Самарской (1) и Уфимской (2) губерний. Татарами Казанской губернии было составлено 82 из 91 прошения. В своих ходатайствах большинство просителей из Спасского (17) и Чистопольского (13) уездов высказывались против страхового сбора. Во всех прошениях жителей Лаишевского (9) и Мамадышского (31) уездов говорилось об угрозе крещения.

Из Самарской губернии в столицу поступило 10 прошений, в 9 из которых сообщалось об угрозе христианизации. Циркулирующие в регионе слухи о крещении отражены в двух прошениях от сельских обществ Мензелинского уезда Уфимской губернии. Основная часть ходатайств была составлена в конце ноября 1878 г. – январе 1879 г., они подавались каждым сельским обществом автономно по решению сельского схода. Лишь в трех прошениях из Уфимской губернии стоят подписи жителей 6 селений.

Прошения общин Спасского и Чистопольского уездов составлялись грамотными лицами за плату в г.Чистополе, Лаишевского и Мамадышского уездов – в г.Казани. Ка-

Таблица 1

Сведения о прошениях татарских крестьян разных уездов Казанской, Самарской и Уфимской губерний, поданных на имя императора в ноябре 1878 г. – июле 1879 г.¹⁸

№ п/п	Уезды	Против крещ.	Против страхов.	Против страх. и крещ.	Всего прош.	Всего, %	Деревни	Деревни, %	Всего деревень	Волости
1	Лаишевский	9	–	–	9		9 ¹⁹			5
2	Мамадышский	31	–	–	31		31			11
3	Спасский	9	14	3	26		26			7
4	Чистопольский	3	10	3	16		23			9
5	Бугульминский	6	1	1	8		16			5
6	Самарский	1	–	–	1		1			1
7	Мензелинский	2	–	–	2		4			2
8	Стерлитамакский	1	–	–	1		2			1
	Итого	62	25	7	94				100	41

занский 2-й гильдии купец Шамсутдин Сагадеев прославился как ходатай по делам татарских крестьян. В конце 1878 г. почти все доверенные от сельских обществ, приезжавшие в Казань к губернатору, останавливались в его постоялом дворе, где получали советы и наставления. Ш.Сагадеев руководил их действиями, убеждая, что императору неизвестны действия правительства по подготовке к крещению татар и что необходимо избрать уполномоченного и послать его в Петербург. Во многих сельских обществах Казанского и Спасского уездов шел сбор средств для этой цели. Ш.Сагадеев несколько раз ездил в столицу. Возвращаясь, он объяснял крестьянам, что «все будет сделано по их желанию и по его ходатайству, административное начальство в губернии будет сменено»²⁰.

Национальные «крестьянские республики» в Казанском уезде. Выступления татарских крестьян Казанского уезда проходили на качественно новом уровне. В ноябре 1878 г. волнения одновременно начались в шести волостях, компактно заселенных татарами: Балтасинском, Арском, Новокишитском, Менгерском, Атнинском и Мамсинском. В первых трех полиция сумела успокоить население.

За разъяснениями отдельных параграфов Инструкции и с требованием сменить сельских старост крестьяне являлись в волостное правление. 26 ноября, узнав о прибытии уездного исправника, в д.Большая Атня собралось около 1 тыс. татар, которых чиновник в течение 2,5 часа убеждал в нелепости слухов о крещении. Сход потребовал письменного удостоверения о том, что «их веру правительство не тронет и их никто и никогда крестить не будет». Услышав заверение, что такая бумага будет выдана, как только из Казани привезут печать, крестьяне разошлись.

27 ноября уездный исправник прибыл в д.Большие Менгеры, где его у волостного правления встретили сельские старосты и около 800 крестьян. При нем были избиты волостной старшина, пи-

сарь, полицейский стражник и мулла д.Новый Менгер. Осознавая безвыходность своего положения, исправник решил отправиться в Казань. Узнав в дороге о том, что на 28 ноября намечается новая сходка жителей в Больших Менгерах, он вернулся обратно, где и застал около 1 тыс. крестьян за составлением приговора о смене волостного старшины²¹. В результате 27 ноября в Больше-Менгерской волости, состоявшей из 12 сельских обществ (4 тыс. душ м.п.), было установлено крестьянское управление.

27 ноября в соседней Больше-Атнинской волости были сменены все 13 сельских старост и избран новый волостной старшина, изгнаны русские промышленники, проживающие в Большой Атне. Таким образом, и в Больше-Атнинской волости (более 3700 душ м.п.) вся власть перешла в руки татарского населения.

Решительностью отличались действия крестьян Мамсинской волости (20 сельских обществ с 4 тыс. душ мужского пола). На всех дорогах и мостах были выставлены караулы, следившие за всеми приезжающими и отъезжающими из волостного центра²². Таким образом, 27–28 ноября в трех соседних волостях Казанского уезда татары (45 деревень с более 11,5 тыс. душ м.п.), изгнав русских чиновников и промышленников, установили легитимную власть, используя систему выборов в органы крестьянского самоуправления. Так, на уровне волостей возникли национальные «крестьянские республики». Жители подчинялись исключительно избранным ими руководителям, беспорядки прекратились, новые органы власти полностью контролировали ситуацию.

Новая власть продержалась до 4 декабря, до прибытия батальона солдат во главе с губернатором. В одной из волостей татары предприняли безуспешную попытку вооруженного сопротивления, выйдя против команды с кольями, вилами, косами, но как только они «услышали военную музыку, по подсказке отставных солдат спрятали свое вооружение в снег»²³.

По прибытии войск в селениях, в которых располагались волостные правления, деревенские муллы указывали на подстрекателей беспорядков. Н.Я.Скарятин восстановил власть всех бывших волостных старшин и сельских старост, в Больше-Атнинской волости сменил трех сельских старост за ослушание предписаниям полиции²⁴. Для проведения экзекуции были рекрутированы 500 русских крестьян из соседних волостей, которые секли восставших розгами по голому телу. Без суда и следствия во всех трех волостях наказанию были подвергнуты около 450 человек, они получили по 100 и более ударов²⁵.

Губернатор лично «кого рвал за бороду, кому наносил удары ногой, палкою в грудь, и в лицо, не позволяя произнести слова», при этом он оскорблял национальные чувства крестьян, приговаривая: «Вот вам Мухаммед, вот вам Коран, вот вам за непринятие шести параграфов данной вам инструкции»²⁶. Войска и русские крестьяне, привлеченные для порки восставших, оставались на время в селениях. У местных жителей насильно отбирали «скот, хлеб, разные продовольственные припасы и деньги»²⁷, что негативно сказало на экономическом положении их хозяйств.

К следствию были привлечены 19 человек. Трое крестьян из д.Мамси были отправлены на каторжные работы сроком на 4 года, четверо — в Сибирь на поселение, двое — в арестантские роты на 3 и 1,5 года²⁸. Был отдан приказ об аресте муллы д.Кашар Больше-Менгерской волости Сабирзяна Якупова за организацию антиправительственных выступлений, остальные муллы выдавали властям активистов бунта²⁹.

В ходе антиправительственных выступлений в октябре—декабре 1879 г., охвативших около 150 сельских обществ татар и 14 других этнических групп, было сменено до 30% татарских сельских старост. Особенно высоким этот показатель оказался в Казанском (71%), Спасском (37%) и Чисто-

польском (20,8%) уездах. В трех волостях Казанского уезда произошли захват власти татарскими крестьянами и учреждение национальных «крестьянских республик», просуществовавших всего неделю.

Восстание оказало большое влияние на население окрестных волостей и уездов. Н.Я.Скарятин отмечал, «что собравшиеся в эти волости татары из пограничных уездов и даже других губерний ожидали результатов окончания дела, намереваясь произвести то же и у себя: составилось общее намерение о поголовном избиении волостных и сельских начальников и полнейшем самоуправстве и анархии»³⁰. Жесткое усмирение властями восставших в Казанском уезде психологически сильно отразилось на населении. Под давлением местной администрации, которая грозила аналогичной расправой в случае продолжения беспорядков, большинство непокорных обществ заявили о повинности властям.

Волнения в поволжских губерниях. События, произошедшие в 1878—1879 гг. в Казанской губернии, оказали значительное влияние на активизацию крестьянского движения в Среднем Поволжье. И.Гаспринский писал, что слухи «о насильственном обращении в православие северных мусульман и замене минаретов колокольнями... всполошили все мусульманские края... замутили доверие всего русского мусульманства... от Касимова до Ташкента, от Перми до Ленкорана»³¹.

В Бугульминском уезде Самарской губернии волнения охватили 8 волостей, 17 сельских обществ через доверенных подали губернатору прошения относительно достоверности намерения правительства крестить мусульман. Одновременно крестьяне допытывались об этом у членов волостных правлений, требовали выдать им «бумаги с крестом», проводили обыски в волостных правлениях с целью обнаружения присланных нательных крестов. Получила распространение прокламация на татарском языке, в которой говорилось,

что в каждой деревне власти будут строить церкви с колоколами, один из которых будет пожарный, другой — церковный, и что вскоре мусульмане будут обращены в христианство. Население стало успокаиваться лишь после раздачи в декабре 1878 г. текста обращения оренбургского муфтия, в котором указывалось, что правительство гарантирует сохранение религиозных прав мусульман и благодаря активной разъяснительной работе администрации³².

В сферу подозрения отдельных сельских обществ попали русско-татарские школы. Впервые крестьяне стали закрывать эти правительственные школы для мусульман. В декабре 1878 г. в д. Новые Урясбаши Ставропольского уезда Самарской губернии после утренней общественной молитвы по указанию местного муллы крестьяне отвезли школьную мебель в волостное правление и закрыли школу.

Получив из Казани известие о намерении властей крестить татар, жители д. Ломот Ардаатовской волости Симбирского уезда и губернии 25 декабря закрыли школу, составили приговор о замене учителя Узбекова «за нетрезвую жизнь». При обыске школьной библиотеки они нашли книгу председателя совета миссионерского общества «Братство св. Гурия» епископа Викторина «О превосходстве христианства над мухаммеданством» (Казань, 1875), которая была прислана местным инспектором народных училищ. Эта находка существенно усилила подозрение жителей в намерении власти крестить татар³³.

Вятский губернатор 8 декабря выехал в охваченные волнениями татарские селения Уржумского и Малмыжского уездов, где выдавал листы за своей подписью и печатью о гарантии религиозных прав мусульман³⁴.

Администрация Оренбургской губернии привлекла для увещевания одного из авторитетных ахунов края, командировала в уезды губернского чиновника и тем самым добилась успокоения мусульман³⁵.

Волнения в Казанской губернии в 1879 г. В 1879 г. во многих селениях губернии крестьянские волнения продолжались, так как крестьяне по-прежнему не доверяли местной администрации. Практически все мероприятия власти, проводимые ею (страхование строений, составление приговоров по самым разным вопросам, выборы десятских и сотских и т.д.), вызывали у них настороженность, а нередко и неповиновение.

Одной из причин ослабления крестьянского движения послужило прекращение поддержки восставших местным духовенством, которое прекратило борьбу, зная, что его положение и вопрос о вероисповедании останутся без изменений. Второй причиной выхода «из игры» представителей духовенства стали действия крестьян: они избивали мулл, которые содействовали властям. Инициатива переходила к крестьянам, и они требовали, чтобы муллы проявляли солидарность с решением сельского общества. Невыполнение же указаний администрации грозило им лишением места службы и всех доходов.

Весной 1879 г. антиправительственные выступления крестьян, сопровождавшиеся изъятием у сельских старост печати и отказом составлять какие-либо приговоры, прошли в 21 селении Спасского уезда, 5 селениях Чистопольского уезда, 1 селении Мамадышского уезда³⁶. В других уездах крестьяне, главным образом, противодействовали акциям местных властей, связанным с выборами на общественные должности в органы крестьянского самоуправления. Проведение в марте 1879 г. в Казанской губернии выборов полицейских сотских и кандидатов на предстоящее трехлетие вновь вызвало повсеместный бойкот жителей мусульманских селений Мамадышского уезда. В мае в Нижне-Алькеевской волости Чистопольского уезда они отказались от выбора судей и помощника волостного старшины³⁷.

Летом 1879 г. местные власти Спасского уезда еще раз попытались подавить восстание, арестовав его органи-

затов. Приговоры суда в отношении осужденных крестьян, по их мнению, должны были положить конец неповиновению. Осуждение виновных к различным срокам заключения не дало ожидаемых результатов, более того, администрации не удалось до конца провести и следствие. Из 10 селений Спасского уезда, поднявших восстание в октябре–ноябре 1878 г., в результате судебного расследования (июнь–июль 1879 г.) прекратили волнения крестьяне деревень Бибаевы Челны, Мордовский Булак, Татарское Муллино, в конце августа – жители д. Сухие Курналы.

Жители четырех деревень Спасского уезда: Нижние, Средние, Большие Тиганы, Адельшино, где насчитывалось более 2100 душ м.п., упорно и сплоченно продолжали борьбу: отказывались производить выборы десятских, пожарных старост, страховать постройки, приходиться по повесткам к судебному следователю, не позволяли полиции арестовывать активистов.

Правительство не хотело допустить повторной массовой экзекуции мусульман. Министр внутренних дел лично взялся за разрешение конфликта: командировал своего чиновника по особым поручениям князя Урусова в Уфу, который, подписав у муф-

тия С.Тевкелева заранее составленный текст увещевания, в конце ноября привез его в Казань. Под воздействием полученного 26 ноября обращения муфтия жители трех селений высказались за проведение выборов десятников и пожарных старост, а в Средних Тиганах жители разделились на две группы³⁸.

12 декабря в д.Средние Тиганы прибыл батальон солдат (в количестве 500 штыков с боевыми патронами) во главе с губернатором Н.Я.Скарятиным. Вот как описан приход войск в «Средне-Тигановском баите»:

*По приезде губернатор
заставил снять шапки,
На трех повозках привезли
порох и пули³⁹.*

Не имея возможности противостоять солдатам, крестьяне были вынуждены принести повинную. Батальон был оставлен на квартирах до 17 декабря. Солдаты самовольно резали крестьянских коров, домашнюю птицу для своих нужд и для «свиты» губернатора.

Другой очаг неповиновения находился в д.Янгильдино Чебоксарского уезда, жители которой до конца декабря 1879 г. отказывались составлять раскладку и платить подати⁴⁰ (табл. 2).

Согласно нашим подсчетам, в движении 1878–1879 гг. в Казанской губер-

Таблица 2

Сведения об участии татарских сельских обществ Казанской губернии в национальном движении 1878–1879 гг.⁴¹

Уезды	Татарские селения					Селения других национальностей
	1878 г.	1878–1879 гг.	1879 г.	всего	установление крестьян. самоуправления, %	
Спасский	23	8	4	35	37,1	5
Казанский	38	–	4	42	71,1	–
Чистопольский	14	2	7	23	20,8	8
Тетюшский	4	–	1	5	–	–
Мамадышский	8	1	10	19	0,5	1
Царевококшайский	6	–	–	6	–	–
Свияжский	15	–	–	15	–	–
Чебоксарский	–	1	–	1	100	–
Лаишевский	1	–	4	5	–	–
Итого	109	12	30	151	33,6	14

нии приняло участие около 150 сельских обществ, 2/3 неповиновений и антиправительственных выступлений пришлось на ноябрь 1878 г.

Основными способами координации и мобилизации татарских крестьян в различных уездах являлись следующие факторы:

1. Мусульмане искренне верили в возможность насильственного отчуждения от ислама⁴². Боязнь потерять профессиональную идентичность объединяла крестьян и резко усиливала их сопротивление.

2. Еженедельные базары, на которых жители ближайшей округи обменивались информацией. Особенно эффективными в этом отношении были базары, расположенные в селениях повстанцев. Специального упоминания требует базар в д.Средние Тиганы, который в течение года передавал «ток сопротивления» всей ближайшей округе. По возвращении с базара крестьяне начинали беспорядки в своих деревнях, используя методы борьбы жителей этой деревни⁴³.

3. Результатом встреч или совещаний мусульманских духовных лиц становились координация действия и единовременность предпринимаемых акций, в частности, организация подачи прошений.

4. Огромное мобилизационное значение имели тайно распространяемые рукописные прокламации, содержащие информацию о предстоящем крещении и призывы активно бороться за ислам, против христианизации, за свои религиозные права.

5. Объединению выступлений жителей соседних селений на уровне волости или округи способствовали активные действия отдельных крестьян, разъезжающих по деревням и созывающих несанкционированные собрания, на которых они знакомили своих односельчан и соседей с планом дальнейших действий.

6. Местная полиция, в силу своей малочисленности, слабой активности и непонимания всей глубины крестьянского противостояния, либо бездействи-

вала, показывая слабость местной власти, либо жестоко усмиряла восставших.

7. Усугублению противоречий между властью и сельскими обществами способствовало практически полное отсутствие в губернских администрациях представителей мусульман. Противостояние между властью и татарским населением в регионах имело отчетливо выраженный этноконфессиональный характер: русские чиновники, полицейские православного вероисповедания управляли, приказывали, а мусульмане исполняли. В администрации Казанской губернии в 1870-е гг. не было ни одного татарина, пока в Казани не появился чиновник по особым поручениям МВД князь Девлеткильдеев.

8. Надежды местной администрации на содействие в успокоении крестьян купцов – самой авторитетной прослойки татарского общества – не оправдались. Наоборот, впервые национальная буржуазия заявила о себе как корпоративная группа, стремившаяся отстаивать интересы мусульман. В январе 1879 г. в домах казанских купцов Юнусова, Азимова, Казакова и других негласно проводились совещания с участием влиятельных татар и мулл по поводу послышки министру внутренних дел депутатов с ходатайством о нуждах мусульман. В феврале 1879 г. тайные собрания были запрещены полицмейстером⁴⁴.

Просьбы мусульман, выработанные в ходе серии таких совещаний в г.Казани, были переданы купцами Юнусовым, Азимовым и Галеевым в Казанском кремле губернатору. Они просили о командировании в Санкт-Петербург для переговоров с правительством депутации в составе коммерции советника Юнусова, почетных граждан Апакова, Апанаева и 2-й гильдии купцов Галеева и Утямышева. Предполагалось обсудить следующие проблемы: 1) не допускать российские судебные органы в осуществление семейных разделов мусульман и поручать их производство авторитетным и религиознейшим имамам; 2) освободить все медресе, имамов и мударрисов от под-

чинения МНП и не считать обязательным знание ими русского языка; 3) распространить льготу от воинской повинности, которой пользуются учащиеся в российских средних школах, на шакирдов медресе.

Другая группа предлагаемых к обсуждению проблем касалась деятельности ОМДС: чтобы все мусульмане имели возможность участвовать в выборе оренбургского муфтия»; чтобы выбор заседателей был дозволен не только имамам Казанской губернии, а всех губерний округа ОМДС и чтобы мусульмане, служащие в правительственных и общественных учреждениях, а также приглашаемые на суды в качестве свидетелей и ответчиков, были освобождены в пятницу – в праздничный день⁴⁵. Эти требования были направлены во многом на достижение равных прав с титульным населением империи и повышение авторитета ОМДС.

Министр внутренних дел болезненно отреагировал на такие действия татарской предпринимательской элиты, высказав казанскому губернатору резкое замечание за их принятие по таким вопросам. Правительство отказалось от диалога с татарской элитой, что означало начало конфронтации между властью и мусульманами.

Следует отметить, что во время экзекуции в Казанской губернии в начале декабря 1878 г. татарские крестьяне говорили губернатору Н.Я.Скарятину о необходимости избрания муфтия всеми мусульманами округа ОМДС⁴⁶. Получив известие о болезни престарелого С.Тевкелева и его ходатайство от 3 января 1879 г. с просьбой об отставке, казанские купцы 26 января направили министру внутренних дел прошение о разрешении отправить депутацию для разъяснения их желаний и предположений о разных кандидатах на должность оренбургского муфтия: они предлагали назначить вместо «Негматуллина или Серетдинова» ахуна д.Азеева Елантомского уезда Пермской губернии Сайфуллу Урманова⁴⁷. Министр посчитал такую инициативу «неуместным вме-

шательством в правительственные соображения» и запретил татарской депутации приезжать в столицу⁴⁸.

Выводы. Движение татарских крестьян 1878–1879 гг. по своему охвату, остроте, организованности и методам борьбы явилось кульминацией крестьянских выступлений пореформенного периода в Среднем Поволжье и Приуралье. По итогам ревизий Уфимской и Казанской губерний 1880–1881 гг. сенатор М.Е. Ковалевский в своем отчете указывал, что в вопросах, затрагивающих религиозные проблемы мусульман, и в дальнейшем могут быть выступления, аналогичные тем, которые имели место в Казанской губернии⁴⁹. Сановник предостерег правительство от необдуманных действий в этой сфере. После присоединения Средней Азии, в условиях реализации правительственных реформ в Казахской степи, подобные ошибки со стороны власти могли вызвать массовые волнения, что для правительства было крайне нежелательно. Впервые правительство почувствовало огромный потенциал и решительность мусульман, боровшихся за свои религиозные права. Оно осознало, что даже самые, на первый взгляд, безобидные действия властей, в той или иной мере касающиеся религиозного положения мусульман, могут вызвать их неповиновение. Стала очевидной необходимость корректного отношения к религиозным и национальным чувствам татар и обдуманного проведения национальной политики.

Движение 1878–1879 гг. было направлено на сохранение прежнего порядка государственно-исламских отношений и религиозных прав мусульман. События наглядно показали татарам, что массовые и сплоченные выступления – это способ вынудить власть изменить или отменить свое решение, свое распоряжение. Именно так была воспринята народом отмена отдельных параграфов Инструкции. На основании жалоб казанских купцов и крестьянских обществ, а также личного расследования, проведенного членом Государ-

ственного совета, сенатором М.Е. Ковалевским, за избиение крестьян Казанского уезда без суда и следствия губернатор Н.Я. Скарятин был смещен с должности и отправлен в отставку.

Движение татарских крестьян 1878–1879 гг. нанесло сильный удар по русификаторским планам правительства. Под впечатлением событий 1878–

1879 гг. МВД и начальники поволжских и приуральских губерний высказались против проекта Инструкции МНП 1876 г. по установлению правительственного контроля над мектебами и медресе⁵⁰, потому что в нем предусмотрены мероприятия, которые спровоцировали бы новые массовые выступления мусульман Поволжья и Приуралья.

Сокращения

МВД – Министерство внутренних дел
 МНП – Министерство народного просвещения
 НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
 ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
 РГИА – Российский государственный исторический архив

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. М. – Л., 1936. – С. 248, 347–348.

² РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.8 об.

³ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – С.405.

⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.1 об.

⁵ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – С.400, 406.

⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.1076, л.207–207 об.

⁷ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л. 112 об.

⁸ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – С. 349, 375, 408.

⁹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.304 об., 305.

¹⁰ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.304 об.

¹¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.9.

¹² РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л. 1 об.–2.

¹³ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4345, л.34–34 об., 361.

¹⁴ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.102 об.

¹⁵ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.98–99 об., 116,117, 260–260 об.

¹⁶ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – С. 399.

¹⁷ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4466, л.48.

¹⁸ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – С. 483–486. Подсчитано нами.

¹⁹ Жители д.Малая Елга подали отдельное прошение, затем совместное прошение с татарами д. Казаклар (Сабакаево).

²⁰ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4922, л. 1–2 об.

²¹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.72 об–73 об.

²² *Смыков Ю.И.* Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. Казань, 1973. – С.172–173.

²³ *Фирсов Н.Н.* Прошлое Татарии. (Краткий научно-популярный исторический очерк). Казань, 1926. – С.41.

²⁴ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.216.

²⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.12.

²⁶ *Губайдуллин Г.* Документы движения среди татарских крестьян в 1878 г. // Вестник научного общества татароведения. 1925. № 1–2. С.38–40; *Рахим А.* К вопросу о татарском крестьянском движении 1878 г. // Вестник научного общества татароведения. 1928. № 8. С. 147.

²⁷ РГИА, ф.1356, оп.1, д.46, л.1 об.

²⁸ *Смыков Ю.И.* Указ. соч. – С.181.

²⁹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.82.

³⁰ РГИА, ф.1282, оп.3, д.1083, л.24.

- ³¹ *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. — С.23–24.
- ³² Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — С. 405–417.
- ³³ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — С.377–379.
- ³⁴ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.135–135 об.; Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — С.398–340.
- ³⁵ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — С.377–379.
- ³⁶ Там же. — С. 381.
- ³⁷ НА РТ, ф.89, оп.1, 1880 г., д.4466, л.1, 21.
- ³⁸ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4466, л.159–160, 162.
- ³⁹ Татар халык ижаты. Бәетләр. Казан, 1983. — Б.114.
- ⁴⁰ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — С.391–392.
- ⁴¹ *Загидуллин И.К.* Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60–90-е гг.): Дисс. канд. ист. наук. Казань, 1992. Таблица № 18. С.154.
- ⁴² РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.2.
- ⁴³ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4627, л.157–158.
- ⁴⁴ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4468, л.8.
- ⁴⁵ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4468, л.13–13 об.; Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. С.421–422.
- ⁴⁶ *Фирсов Н.* Указ. соч. — С. 41.
- ⁴⁷ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — С.421.
- ⁴⁸ НА РТ, ф.1, оп.3, д.4468, л.9–9 об.
- ⁴⁹ РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.8.
- ⁵⁰ *Загидуллин И.К.* Проект Инструкции инспекторам татарских, башкирских и киргизских школ 1876 г.: на перекрестке суждений учебного и силового ведомств // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. — Вып. 2 / Отв. ред. И.К.Загидуллин, Е.А.Вишленкова. — Казань, 2009. — С.89–111.

Аннотация

В публикации освещаются основные причины, предпосылки, ход и основные формы социального протеста мусульманских сельских обществ, участвовавших в движении татарских крестьян в 1878–1879 гг., которое по своему охвату, остроте, организованности и методам борьбы явилось кульминацией крестьянских выступлений пореформенного периода в Среднем Поволжье и Приуралье. Движение было направлено на сохранение прежнего порядка государственно-исламских отношений и религиозных прав мусульман. Впервые правительство почувствовало огромный потенциал и решительность мусульман, боровшихся за свои религиозные права. Стала очевидной необходимость корректного отношения к религиозным и национальным чувствам татар и обдуманного проведения национальной политики.

Ключевые слова: татарское крестьянское движение, антиправительственные выступления татар, национальная политика самодержавия.

Summary

The article deals with the main reasons, preconditions, course and the main forms of the social protest of Moslem rural communities which participated in the movement of Tatar peasants in 1878-1879 which in its scope, acuity, organization and methods of struggle became the climax of peasant disorders in the post-reform period in the Middle Volga and Ural region. The movement was aimed at the preservation of the former order of state Islamic relations and Moslems' religious rights. For the first time the Government felt the great potential and Moslems' resolution struggling for their rights. The necessity of correct treatment of religious and national feelings of Tatars and well-considered realization of national policy became obvious.

Key words: Tatar peasant movement, antigovernmental demonstrations of Tatars, national policy of autocracy.

УДК 37.014.14

МЕКТЕБ ИЛИ ШКОЛА? ВВЕДЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ В СРЕДЕ МУСУЛЬМАН ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ*

Наганава Норихиро

Введение

В отличие от мусульман, проживавших на территории Туркестана и Казахской степи, у мусульман Поволжья и Приуралья существовали губернское и уездное самоуправления в лице земств, что являлось одной из составляющих Великих реформ Александра II. Земства представляли собой местные двигатели народного образования до того, как правительство стало демонстрировать свои обязательства на рубеже веков и расширять свое влияние путем увеличения денежного ассигнования земствам после Революции 1905 г. Со времени введения «Правил о мерах к образованию инородцев» 26 марта 1870 г. Министерство народного просвещения (МНП) прилагало огромные усилия для развития русского образования в среде мусульман посредством русско-татарских школ и русских классов при мектебах и медресе. В тот же период мусульмане самостоятельно начали преобразовывать свои конфессиональные школы посредством введения нового метода (*усул-и джадид*). Участие земств в распространении начального образования в среде мусульман, являвшихся такими же важными плательщиками налога, как и русские крестьяне, усложнило вопрос мусульманского школьного образования. После 1905 г.

соперничество между МНП и земствами за лидерство в сфере образования среди нерусских групп населения стало жестче, чем когда-либо. В результате мусульмане были поставлены перед альтернативой: либо продолжать преобразование джадидистских школ с целью их присоединения к официальной школьной сети, либо адаптировать министерские и земские школы под интересы мусульман.

В этой статье рассматривается то, как волго-уральские мусульмане участвовали в государственном проекте всеобщего обучения. Речь идет о разных стратегиях мусульманских интеллигентов, а также сельчан в отношении к государству в целом, и к земствам в частности. Хотя историки отмечали различный подход к земствам и МНП, но изучение государственной образовательной политики в отношении мусульман было сосредоточено главным образом на законодательных процессах в министерствах и Государственной Думе, действиях местных чиновников МНП или православных миссионеров и, хоть и не столь существенным образом, реакции мусульман на данные меры¹. Чарльз Стеинведед освещает деятельность уфимских земств на фоне политической картины на местном и государственном уровнях². Однако в общем особенности сотрудниче-

* Эта статья первоначально была опубликована на английском языке в сборнике статей Tomohiko Uyama, ed., *Empire, Islam and Politics in Central Eurasia* (Sapporo: Slavic Research Center, 2007), 65–97. На русский язык переведена с разрешения редактора сборника и Центра славянских исследований Университета Хоккайдо, Япония. Спустя четыре года после публикации автор статьи пользовался этим случаем для исправления некоторых мест и добавления новых сведений. Перевод с английского языка Д.К. Вахитовой.

ства между местным самоуправлением и мусульманами еще не стали предметом существенного изучения³. Труды, посвященные теме земских школ, появились в Уфе и Казани лишь недавно. Они отражают сегодняшний живой интерес к образовательной политике в республиках Башкортостан и Татарстан⁴. Однако такой стереотип, как сопротивление консервативных мусульман земским школам, складывается исходя из местных работ «национальной истории», так же, как и из литературы имперского периода, включая высказывания мусульманской интеллигенции. Мы пересматриваем это сугубо обобщенное представление посредством анализа политических и административных условий, в которых существовали мусульманские общины и земства.

Сравнение с общими работами по деятельности земств дает нам возможность пересмотреть опыт мусульман в более широком контексте модернизации российского общества⁵. Уфимские и позже Оренбургские земства пытались дополнить структуру школы, прибегая к существующим новометодным школам. Этому предшествовала деятельность земств между 1864 и 1890 гг., заключавшаяся в распространении начального образования путем формализации существующих крестьянских школ, в которых обучали грамоте с общинными средствами. Более того, мы нацелены на то, чтобы бросить вызов пониманию периода после 1905 г. как «реакционного» для земств. Как правило, говорят, что увеличение финансирования начальных школ со стороны МНП привело к большему контролю школ и изоляции полномочий земств⁶. Однако, как утверждает С.Серегни на основании материалов Уфимской губернии, в этот же период земства продолжили организацию самых амбициозных за всю свою пятидесятилетнюю историю кампаний в области образования крестьянского населения⁷. Согласно точке зрения Бена Эклофа, земства воспользовались контролем над местной системой образования для того,

чтобы претендовать на особое место своей политики перед МНП. Это воззрение применимо и к Уфимскому, и Оренбургскому земствам, принявшим основательные меры по отношению к нерусским школам⁸. Действительно, соперничество между МНП и земствами было тем более серьезным в сфере образования для нерусского населения, что школьная политика зависела от того, какой тип «русской гражданственности» должен быть введен в среду нерусского населения⁹.

В административном отношении Волго-Уральский регион был разделен на Казанский и Оренбургский учебные округа¹⁰. В то время как Казанский округ играл ведущую роль во введении миссионерских школ, Оренбургский округ взял на себя функцию организации финансируемых земствами и МНП школ для нерусских народов¹¹. В 1910 г. около половины так называемых иногородческих школ Оренбургского учебного округа функционировали в Уфимской губернии¹². Сложившаяся ситуация обострила конфликт между уфимскими земствами и МНП за сферу полномочий: в то время как министерство пыталось ограничить участие земств в финансовой сфере школ, уфимские земцы предприняли расширение своей деятельности и в педагогической сфере. В 1909 г., когда введение всеобщего обучения началось с Златоустского уезда, уфимские земства стали подвергаться серьезному рассмотрению мектебы и медресе¹³.

Уфимская губерния заслуживает особенного внимания не только с точки зрения отношений между земствами и МНП. Она является второй по численности мусульман после Ферганской области¹⁴, и мусульмане составляют половину населения губернии. Земства могли воспользоваться Оренбургским магометанским духовным собранием в Уфе для продвижения своих школьных проектов среди мусульман. Более того, активное сотрудничество между уфимскими земцами и местными мусульманами в сфере народного образова-

ния служило поучительным примером для мусульман и земских деятелей соседних регионов. В отличие от Уфимской губернии казанские земства уделяли внимание строительству дорог, мостов и т.д. Казанская татарская газета «Йолдыз», высоко оценившая вклад уфимских земств в мусульманское образование, выражала недовольство, что дороги и мосты занимали лишь второе и третье место среди всех потребностей людей¹⁵. После введения земской структуры в Оренбургской губернии в 1913 г.¹⁶ местные земцы зачастую ссылались на опыт уфимских коллег и с ними сотрудничали. За экспериментами уфимских земств с большим интересом наблюдали и мусульмане соседнего Западносибирского учебного округа¹⁷.

В то время как введение всеобщего обучения для нерусских групп населения усугубляло разногласия между МНП и земствами по целям и руководству, распространение стандартных школ в рамках этой государственной политики вызвало спор вокруг совместимости «русской гражданственности» и национальности и среди мусульманской интеллигенции. Этот вопрос был четко отражен в сериях статей под названием «Мектеб или школа?», появившихся в мусульманской прессе в 1913–1916 гг. Спор охватил северную полосу Центральной Евразии, от Казани до Томска. Мы проанализируем два аспекта спора: финансовые средства махаллы¹⁸ и место мектебов в модернизации государственной системы школьного образования. Спор берет свое начало в казанском журнале «Мектеб» с точки зрения первого аспекта. После 1905 г. образовательная программа новометодных мектебов быстро приближалась к образовательной программе земских школ. Дискуссия развивалась по вопросу колебания между мектебом и школой, а в итоге привела к разработке «третьего типа» мусульманских школ.

Главными участниками полемики были представители светской интел-

лигенции (*зыяльлар*) и учителя мектебов (*мугаллим*)¹⁹. Учившись в новометодных и нерусских школах МНП, они предпочли педагогическую и писательскую деятельность через личные связи с муллами или купцами духовным обязанностям, подчиненным неустойчивой экономике махаллы²⁰. Сферу их деятельности расширило появление мусульманской журналистики в результате революции 1905 г. Таким образом, появилась отдельная от духовенства мусульманская интеллигенция. Введение всеобщего обучения могло поставить под угрозу существование мугаллимов: возможно ли довести до конца реформу новометодных мектебов столько, сколько они могли бы соревноваться с государственными стандартными школами, вопреки ограниченному финансированию махаллы? Если эти мектебы будут вытеснены школами, то смогут ли мугаллимы найти работу в школах? Аргументы четко отразили степень взаимодействия земств и местных условий, в которых жили участники полемики.

Отношение мусульман к образовательной деятельности земств

Реформы 1906 г. и общая мобилизация мусульманского общества на выборы в Государственную Думу имели сложное влияние на участие мусульман в делах земства²¹. В историографии довольно часто встречается такое простое противопоставление по поводу отношений мусульман к школьной реформе: джадидистская интеллигенция выступила единственной силой социального преобразования, а противоположную позицию занимали изолированные, традиционные, сельские общества. Дело в том, что данный стереотип использовали и мусульманские реформаторы начала XX века, чтобы обозначить свою миссию в мусульманском обществе. Сегодняшние «национальные» историографии Казани и Уфы также вносят огромный вклад в восстановление этих представлений. Однако мы утверждаем, что именно «националь-

ная» риторика мусульманской интеллигенции затрудняла переговоры с земствами.

После 1905 г. мусульманские сельские жители стали видеть важную часть источников приходов в пособии от земств. В июне 1905 г. собрание башкирских представителей Уфимской губернии обратилось с петицией против ограничений избрания мусульман в земские собрания, прося возможности отправить мусульман в уездные земские управы. Присутствовавшие на собрании также сочли необходимым открытие ремесленных школ за счет земств, чтобы мусульмане могли кормить себя в неурожайные годы²². Прихожане четвертой мечети д.Сафарово Уфимского уезда были настолько бедны, чтобы самостоятельно построить мектеб или медресе, что вынуждало их надеяться на земское пособие. Однако соседние муллы осуждали крестьян за нарушение исламского закона (*шариат*). В ответ на прошение от имама четвертого прихода д.Сафарово Духовное собрание 8 августа 1906 г. провозгласило, что шариат не запрещает использование земского пособия для построения и содержания конфессиональных школ²³. Оренбургская газета «Вақыт» отметила данное суждение как «ключевое для всего сообщества (*миллят*)» и тем самым пыталась привлечь особое внимание читателей²⁴. Позже в д.Сафарово кроме мектебов для мальчиков и девочек открылись также русско-татарские школы, где 50 мальчиков и 70 девочек обучались отдельно русскому и «мусульманскому» языкам²⁵. В конце 1913 г., когда губернское земство начало открывать 6 инородческих региональных библиотек, одна из них была учреждена в этом населенном пункте²⁶.

Историки считают самой важной причиной непопулярности земских школ религиозную консервативность мусульман и упрямое сопротивление мулл «центрам христианизации»²⁷. Однако в первую очередь стоит сравнить мусульманский случай с деятельностью русских крестьянских школ по распро-

странению грамотности во второй половине XIX века. Земства замечали, что само существование школ грамоты свидетельствует о скрытом спросе крестьян на образование, и вследствие этого начали включать их в земскую систему народного образования. В этом процессе русские крестьяне также заботились о религиозном учении, поэтому учителя ввели религиозное учение, тем самым обеспечили их поддержку по отношению к земским школам. В то время как земский капитал был ограничен, крестьянские общины сохраняли инициативу не только относительно финансирования школ, но и относительно учебной программы²⁸. Как и показывалось в полемике «Мектеб или школа?», мусульмане также пытались разделить бразды правления с земствами, чтобы мектебы и школы существовали в «национальном духе (*милли рух*)».

Степень вмешательства чиновников МВД в дела мусульман также определила диапазон деятельности земств и участия в ней мусульман. В то время как преследование джадидов, приравненных к панисламистам, было в полном разгаре после 1905 г., особенно в Казанской губернии, Уфимский и Оренбургский губернаторы опровергли доводы чиновников МВД, отмечая, что на самом деле «фанатичные» муллы осуждали «прогрессивных», чтобы не потерять в пользу последних свой престиж и материальную базу²⁹. Правда, Уфимский губернатор попытался исключить мусульманских представителей из земств, следуя примеру Столыпина в отношении поляков в западных губерниях. Однако Петр Коропачинский, председатель губернского земства с кадетскими воззрениями, сумел избежать конфликта с губернатором³⁰. Его инициатива способствовала и сотрудничеству с джадидистской интеллигенцией.

Более того, недавние исследования различных мусульманских регионов в центральной Евразии указывают на существование внутренней политики, появившейся в результате соперничества за государственное покровитель-

ство и распределение «культурного» и финансового капитала³¹. Следовательно, увеличивающиеся контакты с русскими властями после 1905 г. активировали политику внутри мусульманских общин, и столкновение интересов могло ограничивать возможность сближения их с земствами. В то время как одни пытались воспользоваться земствами, чтобы поддержать финансы махалли, другие же могли вызвать полицейскую силу для того, чтобы остановить это новшество под лозунгом защиты шариката. В Казанской губернии, где вмешательство жандармерии усилилось после 1905 г., мусульманам было нелегко привлечь земства к поддержке приходов. Крестьяне д.Шемяково в Мамадышском уезде согласились построить медресе с русским классом, принимая при этом финансовую поддержку уездного земства и купца Нигматуллаха Габбасова, жившего в г.Иргизе Тургайской области. Но это привело в ярость местного муллу Давлетшу Ибатуллина, который обучался в Бухаре и был сторонником «бухарского порядка». Для того чтобы сместить муллу, прихожане сообщили о нем губернским властям, заявляя, что он вступал в контакт с «Мухамедгали», т.е. Дукчи Ишаном, лидером Андижанского восстания 1898 г. Мулла и его сторонники в свою очередь пытались убедить жандармерию в «политической неблагонадежности» купца, характеризуя его как панисламиста³².

Вместе с преследованием джаидов в Казанской губернии сотрудничество мусульман с земцами не привело к таким же результатам, как в Уфимской губернии, из-за характера риторики казанской мусульманской интеллигенции о национальных интересах. Для защиты «национального духа» она, как правило, настаивала на параллельном сосуществовании мектебов и государственных, а также земских школ, и на равном государственном финансировании как церковно-приходских школ, так и мектебов. Разница в формировании мусульманской интеллигенции в Казанской и Уфимской губерниях так-

же сказалась на их стратегиях во взаимоотношениях с земствами. Казанские реформаторы по происхождению были крестьянами, переехавшими в Казань в 1870–1880-х гг. Их успех в промысле позволил им взять инициативу в перестройке городской мусульманской жизни³³. С другой стороны, многие из уфимских мусульманских лидеров были из дворянских семей, которые работали в государственных учреждениях и органах местного самоуправления. Этот факт объясняет их эффективное сотрудничество с земствами. И так, в октябре 1906 г. на Казанском уездном земском собрании земская управа высказалась за открытие земских школ с преподаванием на родном языке, в которых не должно быть миссионерских и русификаторских задач. Однако возглавляемая Галимджаном Баруди (1857–1921) подкомиссия для разработки принципов земского просвещения мусульман уезда предложила финансировать существующие мектебы и медресе, не обявывая их при этом изучать русский язык, а также она выдвинула идею, согласно которой школьная программа должна строиться исключительно на решениях III Всероссийского мусульманского съезда, проходившего в августе 1906 г. По его решению профессиональные школы должны быть под контролем ОМДС³⁴. Критикуя это поведение подкомиссии, требующей только денег и отвергающей необходимость русского языка, так же как и земское заведование школами, газета «Вақыт» подчеркивала, что после провозглашения Манифеста о «свободе совести» нет больше причин бояться изучения русского языка и обучения в земских школах³⁵.

Таким образом, крестьяне-мусульмане были вовлечены в политику внутри своих общин, прибегая при этом к вмешательству со стороны государственных учреждений, тогда как настроенная на реформы казанская интеллигенция из-за их замкнутого понимания национальных интересов не могла найти с земством общего языка.

В 1912 г. Мамадышский уездный исправник сообщил губернатору, что простой народ, который не боялся контроля МНП, обращался с ходатайством в пользу земских школ, однако татарская интеллигенция, из-за страха обрусения народа, потребовала одобрения их собственной общеобразовательной программы, а также контроля мектебов и медресе со стороны мусульманского духовенства³⁶.

Если толкование и сопоставление установленного закона и исламских терминов были принципом организации мусульманских приходов в Волго-Уральском регионе³⁷, то каким образом религиозные ученые попытались истолковать и оправдать поддержку местного самоуправления с богословской точки зрения? Бывший член Духовного собрания Ризаэддин Фахреддин отказался от эгалитаризма с русскими приходскими школами, потому что «государство не обязано учить наших детей вере и намазу». Он считал, что стабильные финансовые ресурсы для мектебов и медресе представляют собой пособия местного самоуправления и исламского подоходного налога (*закят*), взимаемого с владений богатых согласно шариату. Р. Фахреддин доказывал, что расходованию закята в пользу мектебов и медресе достойно «Божьего пути» в 60 стихе 9 главы Корана, в котором устанавливается применение закята. Объясняя, что «Божий путь» включал в себя усиление ислама и общественного благосостояния (*маслаха*), он обосновывал поддержку самоуправления с точки зрения общественного благосостояния. Однако что же касается всеобщего обучения, то, возможно, Р. Фахреддин пока не мог определить, что этот государственный проект принесет мусульманскому сообществу. Поддерживая параллельное сосуществование мектебов и школ, он был ограничен лишь призывом к мусульманам приложить собственные усилия для укрепления религиозного и «национального» знания³⁸.

Огромное капиталовложение МНП в расширение школьной сети подверг-

ло установленную систему образования беспрецедентной трансформации. Предполагалось, что преобладание государственного финансирования позволит министерским чиновникам забрать педагогическое руководство из местного самоуправления. Однако уфимские земцы старались сохранить свою власть в сфере образования, в том числе в школьном образовании нерусского населения. Ввиду того, что земства разработали свой собственный подход к инородческому образованию, мусульманская интеллигенция также была вынуждена использовать другую тактику вместо требования параллельного сосуществования мектебов и школ, и равного финансирования и тех и других.

Министерство народного просвещения, земство, мусульмане Уфимской губернии

В 1900–1907 гг. разногласия между земствами и МНП по поводу перспективы всеобщего обучения и переустройства народной школы достигли своего пика. С одной стороны, МНП планировало ввести всеобщее обучение путем объединения всех начальных школ, кроме синодальных, под общим руководством и наблюдением. С другой стороны, в Государственной Думе МНП было обязано обещать ассигнования из его бюджета земствам, чтобы школы могли быть более доступны местному населению³⁹.

Закон от 3 мая 1908 г. о выделении из казны 6,9 млн руб. начальным школам послужил земствам первым серьезным стимулом. Для получения этой государственной поддержки земства должны были представить план реализации всеобщего обучения на 10 лет. С них требовалось поддержание существующих затрат на образование и облегчение бремени крестьянских общин для школьных учреждений. Кроме того, все школы должны были иметь высококвалифицированных педагогов и предоставить четырехлетнее обучение⁴⁰. Му-

сульмане были также заинтересованы освобождением от содержания школ; если они начинают ходить в новые государственные школы, то не будет необходимости прилагать усилия для поиска средств для мектебов. Но возможно ли от мектебов всецело отказаться? Это был главный вопрос в полемике «Мектеб или школа».

В Уфимской губернии вопрос о школьной сети для мусульманского населения рассматривался еще в 1908 г. До проведения губернского земского собрания в том году школьной комиссии при земской управе представил свой доклад юрист И.А.Ахтямов, чей отец стоял во главе Белебейской уездной земской управы (1881–1886). Он подчеркнул, что реализация всеобщего обучения, безусловно, требует включения в школьную сеть и мусульман. Он находил возможным осуществление всеобщего обучения в десятилетний срок для мусульманских мальчиков, если не для девочек. Стоит обратить внимание на тот факт, что Ахтямов считал необходимым выработать новый тип мусульманских школ, который будет давать знания как на родном языке, так и на русском. Для разработки программы новых школ он выдвинул идею о том, что земская управа должна созвать специальное совещание из преподавателей как земских и министерских школ, так и мектебов. Ахтямов также настаивал на необходимости открытия учительских школ в Уфе для мужчин и женщин. В своем докладе земскому собранию школьная комиссия добавила, что стипендия для учащихся в Казанской татарской учительской школе должна быть увеличена уездными и губернскими земствами⁴¹.

Когда губернское земское собрание было созвано в 1908 г., губернская управа раскритиковала нежелание уездных управ включать мусульман в школьную сеть по причине нерасположения мусульман к земским и министерским школам. По утверждению губернской управы, тот факт, что мектебы и медресе управлялись самим народом и были

заполнены учениками, свидетельствует об их стремлении к грамотности и знаниям. Губернская управа признала, что мусульмане не видели никакой разницы между государственной русификаторской политикой и просветительской деятельностью земств. Принимая во внимание «прогресс татарского языка», губернская управа предположила, что и русский, и татарский языки равносильны по необходимости в школе. Присутствующие согласились с предложением Ахтямова об организации специального совещания для рассмотрения данного вопроса, что, как рассматривается нами ниже, будет реализовано в 1911 г.⁴²

Одним из преимуществ, на которое уфимские земцы полагались, было сотрудничество с мусульманской религиозной властью. Уфимский уезд, в котором 3/8 населения были татары и башкиры, располагал только пятью школами для них, в которых обучались лишь 1,3% всех детей школьного возраста. Согласно проекту школьной сети, уездное земство планировало построить 103 школы для мальчиков и 102 – для девочек. В 1909 г. земская управа запросила мнение ОМДС о степени готовности татаро-башкирского населения ко всеобщему обучению. В ответе Духовного собрания было отмечено, что мусульмане находились на том же уровне, что и русские, и выражалась уверенность в том, что все меры по развитию экономики и культуры повлияют на мусульман равным образом. ОМДС рекомендовало не игнорировать родной язык и религиозное образование для того, чтобы искоренить предрассудки мусульман относительно школ⁴³.

И уфимские земцы, и мусульмане не могли найти общие интересы в обучении учителей школ и мугаллимов. В связи с тем, что расширение сети всеобщего обучения потребовало высококвалифицированных учителей, недостаток квалифицированных мугаллимов, особенно учителей-женщин (*мугаллима*), остро ощущался в развивающихся новометодных мектебах. В обоих

случаях отсутствие официальных свидетельств у учителей послужило хорошим поводом для инспекторов МНП преследовать школы и мектебы. В 1872 г. в соответствии с «Правилами» 26 марта 1870 г. в Уфе была открыта татарская учительская школа. Однако школа была закрыта и переведена в Оренбург в 1876 г., и ее здание было передано киргизской (т.е. казахской) учительской школе в 1889 г.⁴⁴ В начале XX века существовали три учительские школы для мусульман: в Казани, в Симферополе для крымских татар и в Оренбурге для казахов. Губернское земство не отказалось от своих намерений вернуть татарскую учительскую школу в Уфу. С 1898 г., когда гласный Тевкелев впервые затронул этот вопрос, до 1912 г. земство ходатайствовало перед МНП шесть раз⁴⁵. Министерство в свою очередь порекомендовало совместное обучение мусульман с русскими, утверждая, что раздельное обучение вызывает серьезные опасения за «нежелательное национальное обособление, панисламистские и пантюркистские стремления»⁴⁶. Дело в том, что вопрос был частично решен уфимским земством в ином контексте. В 1916 г., в разгар мировой войны, оно ввело трехлетний педагогический курс для мусульманских учителей⁴⁷. Взяв этот пример соседней губернии за основу, оренбургские земцы разработали программу для педагогического курса, которая была одобрена руководством Оренбургского учебного округа в ноябре 1916 г. В особенности роль учительниц-женщин усилилась ввиду того, что учителя-мужчины были задействованы в войне⁴⁸.

Сами мусульмане также пытались использовать каждую возможность, чтобы получить официальное признание о необходимости учительских школ. Первая такая возможность появилась благодаря 25-й годовщине назначения муфтия Мухаммедьяра Султанова в 1911 г. 21 мая в Уфе состоялась масштабная конференция с разрешения губернатора. Присутствующие приняли решение открыть мужскую и

женскую учительские школы, которые будут названы в честь муфтия. Была создана специальная комиссия для подготовки уставов школ и были собраны пожертвования в размере 100 тысяч рублей⁴⁹. Другая возможность появилась в 1913 г., когда Государственная Дума одобрила введение 93 учительских семинарий в честь празднования 300-летия династии Романовых. Однако мусульманские думские депутаты не могли добиться квоты на мусульманские учительские школы, что подверглось резкой критике в мусульманской прессе⁵⁰.

С 23 по 25 мая 1911 г. по решению земского собрания 1908 г. Уфимская губернская управа провела совещание по поиску возможного типа новых мусульманских начальных школ. В списке участников значились 10 представителей земств, два чиновника МНП, 23 мугаллима и представителей мусульманской интеллигенции, в том числе депутатов Государственной Думы из Уфы и Казани. Решения совещания планировалось вынести на намеченный в августе того же года общеземский съезд по народному образованию. Совещание проходило на фоне принятого в феврале Государственной Думой законопроекта о всеобщем обучении; там в основе полемики о языке обучения в школе лежал конфликт между педагогическими потребностями и политическими расчетами⁵¹. Однако на общеземском съезде уфимский представитель объявил, что единственной целью инородческих школ должно стать просвещение, именно на этом настаивали мусульманские представители на уфимском совещании в мае⁵².

В ходе обсуждения на уфимском совещании между мусульманскими представителями и уфимскими земцами уже четко была видна формулировка вопроса «Мектеб или школа». Чарльз Стайнвелл подчеркивает, что уфимские мусульмане и земцы занимали общую позицию, отличавшуюся от доводов казанских мусульман; уфимские представители высказывались за новые школы

с родным языком, а казанские мусульмане же настаивали на сохранении религиозности как в старых, так и в новометодных мектебах⁵³. Особое внимание Steinwedel обращает на организацию школьного образования по «этническому» принципу, этим были заинтересованы уфимские мусульмане и земцы. Как показано выше, казанские и уфимские земства работали при различных обстоятельствах. Однако протокол совещания позволяет нам выделить общую позицию мусульман: уфимские и казанские мусульмане пытались ввести новометодные мектебы в рамки будущей школьной системы, и при этом подразумевалось, что старометодные мектебы прекратят свое существование. Более того, они знали, что программа новометодных мектебов приближается к программе общеобразовательных школ. Однако по поводу будущего новометодных мектебов среди мусульман возникло разногласие: одни мусульмане предсказывали вытеснение этих мектебов новыми земскими школами, а другие предполагали, что существующие мектебы будут поддержаны земствами. Присутствующие⁵⁴ согласились, что введение мектебов в школьную сеть возможно, если они примут программу нового типа начальных школ, которая будет разработана губернским земством. Однако П.Ф.Коропачинский, председатель губернской земской управы, указал, что МНП не могло согласиться с введением мектебов в школьную сеть из-за их «конфессионального оттенка». Когда мусульмане попросили субсидирования мектебов до момента реализации всеобщего обучения, земцы указали на принцип расходования средств лишь «общим светским школам», согласно которому не только мектебы, но и церковно-приходские школы не имели права на субсидирование⁵⁵.

Для изучения степени приобретения мектебами «структуры светской начальной школы» уфимским губернским земством было проведено в 1912–1913 гг. статистическое исследование. С

этой целью в мае 1912 г. была создана особая комиссия, которая состояла из 10 мусульман и 4 членов земской управы. В ноябре бланки со 115 вопросами, написанными на «татарском», были разосланы 2144 имамам Уфимской губернии. При этом ОМДС тоже оказало содействие в виде предоставления адресов имамов и резолюции о согласии муфтия на проведение исследования⁵⁶. Организатор получил 1579 ответов. В то же время статистическое исследование предприняло и Мензелинское уездное земство, уже активно поддерживающее мектебы и медресе⁵⁷. Статистика показала тенденцию мектебов к «секуляризации» в отношении образовательной программы: исключительно конфессиональные школы составили 18,1% из всех рассмотренных школ; 28,7% были отмечены как «переходный» тип мектебов, которые обучали либо родному языку, либо одному общеобразовательному предмету; 39,2% мектебов обучали арифметике вместе с исламом и родным языком; 14% мектебов давали начальные знания по таким дисциплинам, как история, география, естественные науки⁵⁸. Составитель итогового доклада был убежден, что помощь местного самоуправления могла ускорить переход мектебов в начальные светские школы, а также что светские и хорошо организованные мектебы смогут служить средством культурного развития и могут войти в общую губернскую школьную сеть на одинаковых правах с русскими начальными школами⁵⁹.

Однако чиновники МНП боялись, что земства могут подорвать педагогическое превосходство МНП над народными школами. Закон от 3 мая 1908 г., обещавший увеличение капиталовложений во всеобщее обучение, усугубил традиционное столкновение за распределение полномочий между министерством и земствами⁶⁰. Министр народного просвещения Л.А.Кассо пытался полностью подчинить земскую школу училищной инспекции. В действительности же, так как земства имели свои собственные финансовые ресурсы, ми-

нистерству было много труднее увеличить число инспекторов, чем земствам — количество школ⁶¹.

В 1912 г., когда был организован съезд директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа, совещание Уфимской губернской земской управы 1911 г. было обвинено в нарушении закона. Особое внимание было уделено земской образовательной программе относительно языков и религиозных дисциплин для нового типа мусульманских школ; на уфимском совещании было признано, что обучение должно вестись на родном языке в течение всего четырехлетнего срока школьного образования, а также что изучение русского языка должно начинаться со второй половины первого года обучения. Губернская земская управа решила даже доверить разработку религиозных дисциплин Духовному собранию⁶². Съезд принял решение, что сфера полномочий местного самоуправления должна быть строго ограничена в вопросе финансовой сферы школ⁶³. Более того, попечитель учебного округа В.Н. Владимиров объявил, что «слияние с русскими» должно быть целью инородческих школ. Как министр учебной части, приехавший в 1910 г. из Вильны в Оренбург, исходя из собственного опыта «борьбы с католиками» в Виленском учебном округе⁶⁴, он полагал, что изучение русского языка через татарский язык служило своего рода стимулом к «татаризации» русско-башкирских школ. В целом присутствующие раскритиковали систему Ильминского: отвергая «миссионерские» цели школ и чрезмерное использование родного языка, они отдавали приоритет изучению русского языка и усвоению «русской гражданственности»⁶⁵. Съезд принял решение о том, что нерусские группы населения должны будут обучаться вместе с русскими в нерусских школах⁶⁶ с четырехлетним курсом обучения и начинать урок русского разговорного языка с самого начала поступления, а русской грамоты — спустя два-три месяца⁶⁷.

Бен Эклоф в свое время пересматривал установившуюся в тогдашней историографии схему «перетягивания каната между доброжелательным земством и обскурантистским правительством», делая акцент на форме совместного усилия правительства и земств по вопросу введения школьной сети. Он отмечает, что значительное субсидирование МНП в пользу начальных школ смягчило разграничение их компетенций после 1908 г.⁶⁸. Однако нельзя не сказать, что у Эклофа заметна тенденция недооценки спорных аспектов в отношениях между земствами и МНП. Конфликт между Уфимским губернским земством и местными чиновниками учебного ведомства демонстрирует, что МНП признавало финансовый вклад земств в строительство школ, тогда как оно пыталось вытеснить их из педагогической сферы нерусского школьного образования. МНП и уфимское земство соревновались друг с другом не только за приобретение контроля над школами в целом, но и над идеалом и программой нерусского образования в частности.

Участие земств в мусульманском образовании активизировалось на Южном Урале с введением в 1913 г. земских учреждений в Оренбургской губернии. Естественно, опыт уфимских земцев послужил оптимальным примером. Более того, начало войны в 1914 г. представляло собой ключевой момент перемены. Любознательность крестьян к любого рода информации о войне послужила толчком к пробуждению среди них интереса к грамотности и образованию и тем самым предоставила работникам народного просвещения уникальную возможность воспитания гражданственности⁶⁹. К концу 1914 г. Ибрагим Бикчентаев был назначен заведующим инородческим образованием при Оренбургской губернской земской управе. Особенно плодотворным для мусульманского образования стал 1915 г. Бикчентаев разработал четырехлетнюю образовательную программу для мектебов. В случае,

если мектебы принимают эту программу, то они могут получать земское пособие. Программа была разслана не только в уездные земства Оренбургской губернии, но и в ОмДС, а также во влиятельную местную газету «Вақыт» для представления программы мусульманской общественности. Бикчентаев участвовал в совещании, которое проводилось по инициативе Уфимского губернского земства для изучения учебников для русско-татарских школ и мектебов. В 1915 г. Оренбургское земство так же, как Уфимское в 1912–1913 гг., провело статистическое исследование мектебов в губернии. Шесть районных библиотек с тремя подрайонными при каждой было открыто для мусульман. Уездные земства установили размер субсидирования мусульманским школам: Оренбургским уездным собранием ассигновано 7000 рублей, Орским – 15000 рублей, Челябинским – 200 рублей за школу, Верхнеуральско-Троицким – 140 рублей за школу. Процедура получения этого земского субсидирования была показана мусульманской общественности на страницах газеты «Вақыт»⁷⁰.

Различия в подходах к нерусскому начальному образованию между МНП и Уфимским земством стали очевидными: в то время как министерство было нацелено на слияние инородцев с русскими через русский язык, земство было занято просвещением с помощью их родного языка. Однако основным общим принципом министерства и земства в деле народного образования являлся «секуляризм». Следовательно, процесс секуляризации повлиял и на церковно-приходские школы, с которыми мусульмане хотели уравнивать свои мектебы⁷¹. Уфимское губернское земство отклонило эгалитарные требования мусульманской интеллигенции по поводу субсидирования, и министерские чиновники отказались от миссионерских задач школ. Тем не менее, в то время как реформаторы Государственной Думы из числа земских деятелей разработали законопро-

ект о всеобщем обучении, подразумевающий включение церковных школ в единую школьную сеть, он был отклонен Государственным советом, не допустившим возможности лишить Россию церковных школ и самостоятельного церковно-учебного ведомства⁷².

Такое жесткое разграничение между конфессиональными и светскими школами было применено правительством и в отношении мусульманских школ. На Особом совещании по мусульманскому вопросу, проведенном в 1910 г. по инициативе МВД, было принято решение, что программа мектебов должна быть строго ограничена религиозными дисциплинами⁷³. Пока данная школьная политика продолжалась, мусульмане были вынуждены придерживаться позиции параллельного существования новометодных мектебов как частных школ наряду с государственными. Однако, когда уфимские и оренбургские земства проявляли свой горячий интерес к новометодным мектебам, то начались переговоры между земцами и мусульманами для поиска возможности введения этих мектебов в школьную сеть всеобщего обучения и создания «третьего типа» мусульманских школ.

Мектеб или школа?

Закон от 3 мая 1908 г., а также дальнейшие расходы МНП и земств на всеобщее начальное образование заставили мусульманскую интеллигенцию, мугаллимов в особенности, задуматься над вопросом о согласовании гражданственности (*Русия граждандлыгы*) и национальности (*миллият*). С одной стороны, введение стандартных начальных школ обещало освобождение мусульманских приходов от бремени содержания мектебов. Государственные школы будут обучать мусульманских детей русскому языку и другим знаниям, необходимым для гражданской жизни. С другой стороны, интеллигенты стремились найти способ обеспечения родного языка и ислама в учебном плане. Иначе они сами потеряли бы свою роль

в «национальном» образовании в будущем. Одни ожидали вхождения мектебов в школьную сеть, а другие же считали, что школа должна находиться в соответствии с национальным духом (*милли рух*). Ход полемики «Мектеб или школа» зависел от развития конкретных местных обстоятельств, при которых шел диалог мусульман с земствами.

Полемика по будущему школьному образованию для мусульман началась на страницах казанского журнала «Мектеб» в 1913 г. Этот журнал представлял мнения светской интеллигенции, мугаллимов в частности, подразумевающих под словом «миллят» более татарскую нацию, чем мусульманское сообщество. Первым оратором был Фуат Туктаров, который окончил Казанскую татарскую учительскую школу и затем стал одним из лидеров социалистической группы «Тангчылар» во время революции 1905 г. Он сформулировал вопрос: какие будут отношения между государственными школами и мектебами в результате распространения школ в каждой татарской деревне и «универсализации» начального образования? Он высказался за параллельное существование и тех, и других: несмотря на преследование новометодных мектебов, правительство не начинало нападки против самого татарского и мусульманского бытия; правительство должно остановить преследование мектебов и медресе, являющихся «историческими институтами, которые служили источниками религиозного и национального духа»⁷⁴.

Ф.Туктаров видел способ сохранения мектебов в законопроекте о начальных школах, который Государственный Совет утвердил 21 мая 1913 г. Согласно закону, решение о языке обучения следовало доверять каждой отдельной частной школе с тем, чтобы русский язык, литература, история и география велись на русском языке. Однако, что же касается школ, открытых и поддерживаемых местным самоуправлением, то все предметы кроме родного языка и религии должны были вестись на рус-

ском языке; при этом на уроках русского языка объяснение материала на родном языке разрешалось только в первый год обучения. Ф.Туктаров настаивал, чтобы мектебы обязательно считались частными школами, ввиду того, что они в данный момент не получали поддержки ни со стороны государства, ни со стороны местного самоуправления⁷⁵. Для обеспечения средств на реформирование новометодных школ он предупреждал о необходимости прекращения ненужных делений махаллы. Он подчеркнул, что развитие мектебов тормозят конфликты по поводу перераспределения капитала махаллы между муллами и мугаллимами. Хотя он обращал внимание на тот факт, что уфимские земства выделяют субсидирование мектебам в ответ на прошения мусульман, однако он жаловался, что малочисленность гласных-татар среди земцев ограничивает доверие земствам со стороны населения⁷⁶.

Противоположный аргумент был прислан в «Мектеб» из Томска, где массовая русская иммиграция привела мусульман к печальной экономической ситуации⁷⁷. Мугаллим Ибрагим Биккулов подчеркнул, что новометодные мектебы в Сибири готовы уступить дорогу русско-мусульманским школам, которые больше соответствуют потребностям повседневной жизни. Намекая на критику такой идеи, как «мектебы как источники религиозного и национального духа», он заявлял, что джадидистская реформа потеряла свой смысл в приспособлении мектебов к реальной жизни (*тормыш*), т.к. она посвящала себя только религии (*дин*). В надежде на то, что введение земской системы в Сибири поощрит строительство школы, Биккулов ожидал, что мусульмане будут стремиться к внедрению «национального духа» в земские школы⁷⁸. В Томске вопрос капиталовложения в мусульманскую модернизированную систему образования был связан с судьбой городской думы. По этой причине муниципальные выборы вызвали огромный интерес со сто-

роны мусульманского населения. Более того, образовательная и культурная деятельность городской думы, русских регионалистов и народников начиная с 1880 г. обеспечивала мусульман примерами привлечения общественных ресурсов⁷⁹. Таким образом, мугаллим Ибрагим Биккулов мог похвастаться тем, что «более высокий уровень жизни» сибирских мусульман позволяет им заметить кризис джадидистских школ раньше, чем другие мусульмане внутренней России.

Такое мнение, естественно, вызвало бурный резонанс в среде казанских татар⁸⁰. Однако, вставая на защиту новометодных мектебов, они могли только взывать к здравому смыслу людей и любви к нации, таким образом, ожидая усиления частной поддержки и субсидирования со стороны мусульманских благотворительных обществ⁸¹. Упрямство казанских татар с позицией параллельного существования мектебов и школ можно объяснить неудачей в переговорах с местными земцами. В январе 1911 г. Казанская уездная земская управа пригласила татарских представителей (мулл, редакторов газет, учителей, купцов) на совещание по вопросам начального народного образования татар-мусульман, чтобы «ослабить недоверие в населении к русско-татарским училищам». В отличие от Уфимского губернского земства, создавшего в том же году совещание по поиску возможного типа новых мусульманских школ, Казанское уездное земство стремилось строго соблюдать принцип Правил от 1 ноября 1907 г. о начальных училищах для иногородцев; обучение должно вестись на родном языке первые два года, затем переключаться на русский язык в последующие два года. Земство и мусульманские представители могли лишь соглашаться с пропагандой о необходимости русско-татарских школ «фанатическому» мусульманскому населению⁸².

В Оренбургской губернии, где земства были введены только в 1913 г., на страницах местного журнала «Мугаллим» появились колеблющиеся взгля-

ды. Нургали Надиев предложил новый тип частных или земских школ, в которых мусульмане сами могли бы участвовать в заведовании. Он заявил, что финансовый недостаток, а также неприспособленность к потребностям времени не сделают новометодные мектебы конкурентоспособными «в мире, где сильные охотятся на слабых». Для того, чтобы школы могли соответствовать интересам мусульман, он выдвинул идею об открытии курсов по повышению квалификации мугаллимов как школьных учителей, а школьных учителей как сведущих в родном языке учеников и исламе; о необходимости мусульман, так же, как и земств, оказывать поддержку школьным учителям родного языка и религии; об участии мусульман в попечительском совете школ в качестве его членов⁸³. С одной стороны, редактор журнала «Мугаллим» также признавал, что родители сами выбирают школы, чтобы их дети имели возможность изучать русский язык. С другой стороны, он опасался, что будет невозможно защитить национальный язык и дух в этих школах, где обучение на родном языке позволяет только первые два года. Он настаивал на сохранении мектебов в качестве частных школ под компетенцией МНП с введением уроков русского языка в соответствии с государственной программой всеобщего обязательного обучения (*гомуми маъжбури уку*)⁸⁴. Однако он умолчал о том, как обеспечить финансирование.

В газете «Вақыт» полемика «Мектеб или школа» отразила разные роли светской интеллигенции (*диялилар*) и духовенства (*руханилар*) в мусульманском обществе. Рассматривая аргументы в журналах «Мектеб» и «Мугаллим», Дж. Валиди, мугаллим известной новометодной медресе «Хусаиния» в Оренбурге, высказывался за развитие новометодных мектебов. В своей брошюре, выдвинувшей мысль по новому понятию «нация (*миллят*)», Валиди видел в появлении джадидистских школ пробуждение татарской национальной

идентичности: по его словам, именно джадидистское движение «ввело татар в национальную историю»⁸⁵. С одной стороны, он признал, что усилия по трансформации школ в соответствии с национальными интересами являются «национальным долгом» и мусульмане должны пользоваться всеобщим обучением, будучи гражданами России. С другой стороны, он настаивал на том, чтобы «покоренная» нация была вовлечена в интеллектуальный и культурный прогресс посредством «их собственных национальных сил». В качестве решения он предлагал увеличить число мусульманских благотворительных обществ⁸⁶.

В то время как Дж. Валиди, светский интеллигент, верил в задачи новометодных мектебов как источников национального духа, местный религиозный глава (*ахунд*) города Кунгур Пермской губернии Загидулла Гибадуллин полагал, что роль духовенства остается в конфессиональном образовании средних мектебов (*рушди*), но предвидел замену начальных мектебов (*ибтидаи*) школами. В действительности, в Кунгурском уезде русско-татарские школы привлекали больше учеников, чем в других уездах⁸⁷. Ахун также отметил, что ученики мектебов больше тянутся к школам. По его мнению, обязательное изучение русского языка в начальной школе лишит мектебов своей основной деятельности. Он подчеркнул, что необходимы усилия для того, чтобы мугаллимы занимались своей деятельностью по защите ислама и родного языка и в школах. Он надеялся, что если разрешат два года дополнительного изучения религии, то это удовлетворит желания тех, кто хочет изучать ислам более подробно⁸⁸. Таким образом, в то время как светские интеллигенты старались сохранить свою роль в «национальном» образовании, прибегая к риторике национализма, религиозные лидеры более трезво оценивали свои роли в будущей системе образования.

Две статьи из уфимской газеты «Тормыш» демонстрируют тактику «двой-

ного стандарта» у местных мусульманских интеллигентов. Оба автора присутствовали на совещании, проведенном по инициативе Уфимского губернского земства в мае 1911 г. Во время переговоров с земством они охотно принимали участие в разработке нового типа школ, при этом указывая на исчезновение мектебов в будущем. Однако на страницах мусульманской газеты они настаивали на том, что мектебы должны существовать, делая упор на их функцию воспитания «национального» духа. Селимгерей Джантурин, депутат I Государственной Думы, окончивший Оренбургскую гимназию и Московский университет, высказывался за включение мектебов в школьную сеть всеобщего обучения. Критикуя кунгурского ахуна Гибадуллина, он заявил, что мектебы способствуют воспитанию в детях чувства любви к своей нации, а школы же находятся под контролем чиновников МНП, которым были чужды «национальный дух и потребности». Он признавал тот факт, что мектебы сегодня лишены финансовой поддержки со стороны правительства и земств из-за своего «конфессионального» характера. Однако он подчеркнул, что ничего не препятствует приближению образовательной программы мектебов к программе школ. В качестве доказательства он ссылается на решение созданного лично муфтием Султановым совещания духовных лиц в декабре 1913 г., где приглашенные ученые пришли к выводу, что религиозные и общеобразовательные предметы совместимы⁸⁹. Он считал, что исчезновение различий между мектебами и школами даст право мектебам войти в школьную сеть⁹⁰.

В газете «Тормыш» параллельного существования мектебов и школ придерживался и Шарафутдин Махмудов, депутат III Государственной Думы из Стерлитамака, который во время переговоров с земцами в 1911 г. даже предсказал полное вытеснение мектебов новыми земскими школами⁹¹. Он жаловался кунгурскому ахуну Гибадуллину, что средние мектебы не могут суще-

ствовать без начальных мектебов, потому что начальный мектеб является «матерью» среднему мектебу. Махмудов сомневался, смогут ли те, кто обучается в государственных школах, учить родной язык и ислам в будущем, ведь государственные школы не могут воспитать национальный дух, имея перед собой цель слияния народов России. Упомянув недостаток законного основания для субсидирования со стороны местного самоуправления, он подчеркивал необходимость поддержки «национальных образовательных учреждений» самими мусульманами⁹². Точку зрения, изложенную Ш.Махмудовым, можно объяснить положением Стерлитамака как одного из исторических центров исламского образования, где он сам работал мугаллимом. Здесь религиозные учреждения могли полагаться на прибыль благочестивых пожертвований (*аукаф*: множественное число *вакф*). Махмудов курировал распределения благочестивых пожертвований в первой махалле города⁹³.

Атмосфера полемики «Мектеб или школа» изменилась после того, как субсидирование мектебам стали выделять Оренбургские земства⁹⁴. Аргументы в газете «Вақыт» стали концентрироваться на методе преобразования существующих мектебов и земских школ посредством сотрудничества с земствами. В апреле 1915 г. в Оренбургской губернской земской управе было проведено совещание по народному образованию. Заведующий инородческим образованием Ибрагим Бикчентаев полагал, что включение мектебов в школьную сеть возможно. Ссылаясь на полемику «Мектеб или школа», он подчеркивал, что мектебы могут стать такими же хорошо организованными школами, как школы русские. Однако земство считало само собой разумеющимся вытеснение мектебов земскими школами. Они дали свое согласие лишь на временное субсидирование мектебов до завершения формирования школьной сети. Затем Бикчентаев представил четырехлетнюю образовательную про-

грамму для мектебов как условие получения субсидий, которая была одобрена губернским земским собранием⁹⁵. В газете «Вақыт» появилась статья имама первой махаллы Каргалы вблизи Оренбурга Хайруллы аль-Усмани под названием «Решение вопроса «Мектеб или школа»». Дело в том, что в Каргалы Упрощенное городское управление уже 15 мая 1914 г. приняло решение сообщить Оренбургской уездной земской управе о числе детей школьного возраста для включения в общую школьную сеть и финансовый план земской управы⁹⁶. Аль-Усмани тоже признал включение мектебов в школьную сеть необходимым. Для обеспечения детей достойным знанием русского языка каргалинский имам предлагает принятие образовательной программы Бикчентаева и тем самым получение мектебам земских пособий. Как и кунгурский ахун Гибадуллин, аль-Усмани полагал, что мусульманское общество должно самостоятельно поддерживать средние (*рушди*) и подготовительные (*игдади*) курсы для продолжения высшего религиозного образования в медресе⁹⁷.

Таблица 1

Число уроков на неделю в учебной программе Ибрагима Бикчентаева⁹⁸

Предметы	1-й класс	2-й класс	3-й класс	4-й класс
Вероучение	2	4	6	4
Родной язык	12	8	6	3
Арифметика	4	4	4	4
История			1	2
География		1	1	2
Русский язык	6	10	10	10
Пение		1	1	1
Гигиена			1	1
Природоведение		2	2	2

Следует изучить содержание исламской составляющей в программе Бикчентаева. Для удовлетворения требования Оренбургского земства относительно русского языка и других общеобразовательных предметов Бикчентаеву пришлось выбрать элементы ислам-

ского знания, которые должны оставить будущим мектебам. Адиб Халид обнаруживает тот же акт отбора в образовательной программе джаидов Средней Азии, называя это «десакрализацией» отброшенных в результате этого отбора элементов исламского знания. Новые интеллигенты тем самым бросали вызов власти той элиты, защищающей установленную целостность системы исламского знания⁹⁹. Примечательно то, что зафиксирование минимального объема исламского знания произошло при переговорах Бикчентаева с Оренбургским земством. Многие составляющие учебной программы джаидов Средней Азии и учебной программы Бикчентаева были общими: чтение Корана, этика и священная история. Как утверждает Халид, подразумеваемая идея в программах Бикчентаева и джаидов Средней Азии состояла в том, что «настоящее знание» заключалось в первоначальных священных писаниях, т.е. Коране и хадисах (высказываниях Пророка). Согласно Бикчентаеву, изучение Корана должно продолжаться в течение всех четырех лет обучения; ученики первого класса должны изучать значимость единства Бога (*таухид*), а также вероисповедание (*шахада*); во втором классе требуются знания догматов шести верований ислама и способа молитвы; в третьем классе ученики должны знать все правила по пяти столпам ислама; четвертый класс дает им знания о клятвах, браке, разводе, жилищном наеме, делении имущества, подаянии и т.д. из книг шариата.

Когда Уфимское и Оренбургское губернские земства планировали проведение совместного совещания по вопросам мусульманского образования осенью 1916 г.¹⁰⁰, оренбургская газета «Вақыт» посвятила свои страницы адресованным от читателей будущему совещанию предложениям. Один из мугаллимов г. Троицка Абдуллах Азиз рассказывал, что городские мусульмане пытались создать общеобразовательную программу мектебов после Революции 1905 г., однако они не смог-

ли эффективно реализовать этот план из-за отсутствия управляющей этим процессом организации. Этот мугаллим предложил преобразование мектебов для того, чтобы они соответствовали «национальным потребностям и интересам» под заведованием земств. Он формирует идеал роли реформированных мектебов: «как подданные великой России и свободные граждане великого Российского государства, пусть наши дети будут Россию любить, ... Тем не менее, будучи детьми великой мусульманской нации, живущей в России, пусть они будут воодушевлены национальным духом». Абдуллах Азиз показал программу, разработанную мугаллимами Троицка в 1915 г. В отличие от четырехлетнего обучения в школах здесь планировался шестилетний срок обучения в мектебах. Согласно программе, все шестилетнее обучение должно вестись на родном языке; помимо ислама и родного языка должны преподаваться и арифметика, и естественные науки; обучение русскому языку должно начинаться с четвертого года. Правда, некоторые мугаллимы выдвигали идею превращения начальных мектебов в подготовительные учреждения для государственных средних школ. Однако Абдуллах Азиз их не поддержал, утверждая, что такие учреждения не могут иметь срок обучения больше пяти лет и что национальное воспитание (*милли тарбия*) будет принесено в жертву ради изучения русского языка. Он напомнил, что обучение большинства крестьян заканчивается на уровне начальных мектебов¹⁰¹ (табл. 2).

Руководители по образованию нерусского населения при Уфимской и Оренбургской земских управах дали согласие на разработку «третьего типа» мусульманских школ. Уфимский шеф Гумер Телегулов, закончивший Казанскую татарскую учительскую школу и назначенный на эту должность в 1913 г., заявил, что, начиная с Правил 26 марта 1870 г., законы по образованию инородцев и действующие по ним русско-инородческие школы пре-

Учебная программа, разработанная мугаллимами г. Троицка в 1915 г. (единица – час)

Предметы	1-й класс	2-й класс	3-й класс	4-й класс	5-й класс	6-й класс
Родной язык	12*	12	10	6	5	5
Арифметика	6	6	6	4	5	5
Вероучение		6	6	5	4	4
Естествознание**			2	2	2	2
Русский язык				10	12	12

* В первом классе в уроки родного языка входит вероучение.

** Сюда включаются и география, и физика.

следуют цель не просвещения народов, а их русификации. В то же время он считает неудовлетворительной и степень преобразования мектебов в начальные школы, вопреки усилиям джадидов начиная с 1880-х гг. В результате ученикам мектебов приходится ходить и в школы для изучения русского языка. Телегулов предполагает, что начальное образование мусульман может быть рационально поставлено только при существовании единой общеобразовательной начальной школы, организованной соответственно интересам и духу мусульман¹⁰².

Оренбургский шеф по инородческому образованию Бикчентаев в свою очередь сформулировал в газете «Вакыт» девять вопросов относительно идеального третьего типа мусульманских школ¹⁰³. Ответы были даны мугаллимами¹⁰⁴: новая мусульманская школа должна иметь шестилетний срок обучения; первые три года обучение должно вестись на родном языке; изучение русского языка должно начинаться с четвертого года; объем знаний русского языка должен соответствовать уровню знаний, получаемых в четырехлетней начальной школе; на пятом и шестом году обучения лекции по математике и российской географии и истории должны читаться на русском языке; родной язык как учебный предмет должен изучаться на протяжении последних трех лет обучения, кроме того, другие предметы должны вестись на родном языке. Некоторые также предлагали включить арабский язык в учеб-

ную программу, считая, что он является необходимой составляющей «национальной литературы». Таким образом, предлагалось изучать арабский язык два часа в неделю на последнем году обучения. Когда речь идет о педагогическом и экономическом заведовании, то мало кто высказывался за подчинение новых школ ОМДС или существующей инспекции со стороны МНП и училищных советов. Одни предполагали, что попечительские советы должны работать посредниками между местным самоуправлением и училищными советами, а другие предлагали создать комиссию при земстве, состоящую из попечителей, мугаллимов, школьных учителей и имамов из приходов, для того, чтобы ее решения реализовывались с содействием земской управы.

Рассмотрев предложенные мугаллимами мнения, летом 1916 г. Бикчентаев представил доклад губернскому совещанию по образованию инородцев. Одобрив его доклад, совещание решило, что новые шестилетние мусульманские школы должны входить в школьную сеть и содержаться на средства казны и местного самоуправления; заведование этими школами как по хозяйственной части, так и по учебно-воспитательной должно находиться в руках самих мусульман; ожидалось, что все существующие министерские и земские школы для мусульман будут постепенно преобразовываться в проектируемые шестилетние школы¹⁰⁵.

Соглашение мугаллимов с земствами о совместном заведовании новыми

школами отражает изменения не только их отношения к местному самоуправлению, но и их представления о самом понятии «нация». Раньше мусульманская интеллигенция настаивала на переводе контроля мектебов и медресе с МНП к Духовному собранию, видя в последнем единственный орган, защищающий «национальные» интересы¹⁰⁶. Однако переговоры мусульманской интеллигенции с земствами дали ей возможность пересмотреть такую изолированную тактику, как «параллелизм» (сосуществование мектебов с русскими школами) и «эгалитаризм» (равная финансовая поддержка русских школ и мектебов), для сохранения «национального духа». Под нажимом распространения всеобщего обучения мусульманской интеллигенции приходилось переоценивать то, что заключается в исламской и национальной составляющих в начальных училищах.

Заключение

Введение всеобщего обучения побудило правительство и волго-уральских мусульман определить то, в чем состоит идеал «русской гражданственности». После Революции 1905 г., для укрепления своей пошатнувшейся власти, правительство взялось за политику, разделяющую верных и неблагонадежных граждан и опирающуюся на первых как на фундамент царизма. А для мусульман революция служила толчком, заставившим их рассмотреть существующие отношения с государством и, следовательно, начать перестройку своих общин посредством переговоров с властями разных уровней. Стратегия в кругах городской интеллигенции отличалась от стратегии приходских людей. Молодыми интеллигентами, определяющими себя как представителей «нации (*миллят*)», были разработаны различные проекты для мобилизации людей на общую цель ее продвижения. В то же время они пытались согласовать свою национальную идею с русской

гражданственностью. Однако их риторика параллельного существования мусульманских с русскими учебными заведениями и равноправия между ними служила для правительства поводом подозрения этих новых интеллигентов в политической неблагонадежности, а также уменьшала диапазон переговоров с земствами. Как и показывалось в полемике «Мектеб или школа», в то время как светская интеллигенция пыталась не упустить свой рычаг в области национального начального образования, религиозные лидеры махаллы допускали свой возможный уход из сферы начального образования. Прихожане в свою очередь развивали общинную политику, к которой со своими собственными намерениями примыкали и государственные учреждения: люди хотели привлечь земские школы, что облегчило бы управление махаллой, кроме того, они могли сохранить исламский порядок с помощью полицейской силы. Хотя часто случались противоречия интересов внутри общины, но жизнь махаллы представляла собой уникальное политическое пространство, противопоставленное узкому пониманию «национальных» интересов среди мусульманской интеллигенции.

Существовавшим до 1905 г. разногласием о сущности обрусения являлось то, как тот или иной инородец мог стать русским: через поглощение русского языка или же через принятие русской православной духовной культуры?¹⁰⁷ Когда Н.И. Ильминский нацелился на внедрение христианского духа среди крещеных татар и язычников через их родные языки, то МНП, согласно «Правилам» 26 марта 1870 г., акцентировало свое внимание на распространении среди мусульман русского языка посредством русско-татарских (или башкирских) школ или русских классов при конфессиональных школах. Иначе говоря, правительство пока признавало различные и смешанные пути к достижению обрусения инородцев.

Однако именно благодаря этой государственной политике появилась ев-

ропеизированная нерусская интеллигенция, что вынудило многих русификаторов задуматься и принять более строгие языковые и политические меры. Им казалось, что время религии как эффективного инструмента интеграции империи прошло после провозглашения веротерпимости и свободы совести в 1905 г.¹⁰⁸ Правительство стремилось дать исключительную прерогативу воспитания «русской гражданственности» государственным школам, отвергая собственно мусульманские усилия реформировать мектебы и даже отказываясь от русских классов при мектебах и медресе. В итоге получилось, что чиновники МНП вынуждали мусульман отвернуться от «русской гражданственности» и защищать свою «замкнутую» стратегию в отношении к властям.

В этом плане нужно принимать в особое внимание активность уфимских земств, признавших потенциал мектебов в просвещении мусульманского населения и старавшихся спасти мектебы от отчуждения государственной образовательной политики. С одной стороны, МНП и Уфимское губернское земство могли разделить между собой общий принцип секуляризации школьного образования. С другой стороны, соперничество между земствами и МНП в области начального образования инородцев было обнаружено в том, что Уфимское земство рассматривало родные языки как средства просвещения, а местные чиновники МНП видели успешность слияния инородцев с русскими в распространении русского языка. Последние считали, что преобладание государственных расходов на начальные

школы преодолеет разногласие с земцами в пользу МНП. Однако Уфимское земство смогло успешно работать вместе с мусульманской интеллигенцией над проектом просвещения и сохранять влияние в среде мусульманского населения не только в пределах губернии, но и за ее пределами.

Степень и образ сотрудничества между мусульманской интеллигенцией и земствами отчетливо отражались в полемике «Мектеб или школа». Во время Первой мировой войны резко усилился интерес людей к любого рода связанной с войной информации, в частности и тем самым к системе образования в целом. Именно тогда же на Южном Урале были разработаны две основные модели мусульманской школьной системы: некоторые мусульмане и земские представители утверждали о возможности включения новометодных мектебов в школьную сеть всеобщего обучения в случае принятия ими образовательной программы, рекомендованной Уфимским и Оренбургским земствами, а другие же пытались создать новый тип мусульманских школ. В том и другом случаях обсуждаемыми вопросами являлись соотношение родного и русского языков, религии и общеобразовательных предметов, а также степень участия земств и мусульман в заведовании школами и мектебами. Этот процесс переговоров способствовал переоценке «исламской» и «национальной» составляющих во всеобщем образовании. Таким образом, здесь мы видим конкретные усилия мусульман и земств для нахождения нового способа согласования русской гражданственности и национальности¹⁰⁹.

Сокращения

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

МВД – Министерство внутренних дел

МНП – Министерство народного просвещения

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар: борьба вокруг школьного вопроса, 1861–1917. Казань, 1982; Фархиапов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. М., 1994; *Ego же*. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века, 1900–1917 гг. Уфа, 2000; Wayne Dowler, *Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities* (Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001).

² Charles Steinwedel, "Invisible Threads of Empire: State, Religion, and Ethnicity in Tsarist Bashkiria, 1773–1917" (PhD diss., Columbia University, 1999).

³ Как ценное исключение, см. Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в. Казань, 2001.

⁴ Азаматова Г.Б. Деятельность Уфимского земства в области народного образования 1874–1917: Дис... канд. ист. наук. Уфа, 2000; Железнякова Ю.Е. Земская школа Казанской губернии 1865–1917 гг.: Дис... канд. ист. наук. Казань, 2002.

⁵ Фонетический метод являлся «передовым» как в земских школах, так и в джадидистских. Это вызывало протест со стороны русских крестьян, которые были обучены грамоте на основе старого метода (Железнякова Ю.Е. Указ. соч., с.53, 106).

⁶ Jeffery Brooks, «The Zemstvo and the Education of the People», in Terence Emmons and Wayne S. Vucinich, eds., *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-government* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982), 268; Dowler, *Classroom and Empire*, 210.

⁷ Scott J. Seregny, «Zemstvos, Peasants, and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I», *Slavic Review* 59, no. 2 (2000), 292.

⁸ Ben Eklof, *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914* (Berkeley: University of California Press, 1986), 58.

⁹ Steinwedel, «Invisible Threads», chapter 7.

¹⁰ Казанский учебный округ включал Астраханскую, Казанскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую и Вятскую губернии. Оренбургский округ – Оренбургскую, Пермскую, Уфимскую губернии, и две степные области – Тургайскую и Уральскую.

¹¹ Ефиров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири: исторический очерк. – М., 1948. – С.48.

¹² Журналы заседаний съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа в г.Уфе 11–16 июня 1912 года. Уфа, 1913, с.316.

¹³ Азаматова Г.Б. Указ. соч., с.158, 203. Златоустский уезд занимал ведущее место в губернии, т.к. он являлся центром горной и металлургической промышленности, что мотивировало рабочих получать образование. (Фархиапов М.Н. Народное образование в Башкирии..., с.112).

¹⁴ Мир Ислама. 2. 1913, с.761.

¹⁵ Йолдыз, 10 апреля, 1914, с.2–3.

¹⁶ Вопрос введения земств в юго-восточные пограничные губернии (Астраханскую, Оренбургскую и Ставропольскую) был на повестке одновременно с введением земств в западные пограничные губернии. Мусульманская пресса внимательно следила за законодательными процессами (Вақыт, 13 ноября, 1911, с.1; 26 января, 1912, с.1–2).

¹⁷ Stéphane A. Dudoignon, «Un islam périphérique? Quelques réflexions sur la presee musulmane de Sibérie à la veille de la Première Guerre mondiale», *Cahiers du Monde russe* 41, № 2–3 (2000), 321.

¹⁸ Данный вопрос рассматривается в более широком контексте организации махаллы. См. Наганова Норихиро. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Казань, 2006. С. 101–128.

¹⁹ Для более подробного изучения их рассуждений о «нации» см. Представление Дж.Валидова о понятии «нация», миллиат после первой российской революции (Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых Института истории имени Ш.Марджани Академии наук РТ за 2003–2004 гг. Казань, 2004, с.222–228).

²⁰ Stéphane A. Dudoignon, «Status, Strategies and Discourses of a Muslim "Clergy" under a Christian Law: Polemics about the Collection of the *Zakât* in Late Imperial Russia», in Stéphane A. Dudoignon and Hisao Komatsu, eds., *Islam in Politics in Russia and Central Asia: Early Eighteenth to Late Twentieth Century* (London: Kegan Paul, 2001), 57, 59; Реформа махаллы была необходима для привлечения молодых в духовную службу (Тормыш, 23 ноября, 1914, с.1).

²¹ Steinwedel, «Invisible Threads», 326–327.

²² Протокол Уфимского губернского совещания, организованного с разрешения министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и нужд башкирского населения: 22, 23 и 25 июня 1905 г. Уфа, 1905, с.18–19.

²³ ЦГИА РБ, ф. И-295 (Оренбургское магометанское духовное собрание), оп. 2, д.281, н.н. 8 августа 1906 г.

²⁴ Вақыт, 19 августа, 1906, с.3; 26 августа, 1906, с.1.

²⁵ Вақыт, 15 января, 1914, с.3.

²⁶ Вақыт, 10 декабря, 1913, с.2. Одна из библиотек была также учреждена в селе Янга Карамалы, Стерлитамакского уезда, где Мирсаид Султангалиев был назначен заведующим библиотекой.

²⁷ Салихов Р.Р. Указ. соч., с.52; Азаматова Г.Б. Указ. соч., с.132; Железнякова Ю.Е. Указ. соч., с.63–64.

²⁸ Brooks, “The Zemstvo and the Education,” 253, 261–262; Eklof, *Russian Peasant Schools*, 84, 86, 88.

²⁹ Фархитов М.Н. Самодержавие и традиционные школы... с.67–68, 211–218. Следует добавить, что влияние православных миссионеров на действия МВД было очевидным в Казанской губернии.

³⁰ Steinwedel, «Invisible Threads», 329, 435–436.

³¹ Stéphane A. Dudoignon. “Qu'est-ce la «qadīmiya»? Éléments pour une sociologie du traditionalisme musulman, en Islam de Russie et en Transoxiane (au tournant des XIX et XX siècles),” in Stéphane A. Dudoignon et al., eds., *L'Islam de Russie: Conscience communautaire et autonomie politique chez les Tatars de la Volga et de l'Oura, depuis le XVIII siècle* (Paris: Maisonneuve et Larose, 1997), 207-225; Adeeb Khalid, *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia* (Berkeley: University of California Press, 1998); Robert D. Crews, *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006).

³² НАРТ, ф. 1 (канцелярия казанского губернатора), оп.1, д. 835.

³³ Салихов Р.Р. Указ. соч., с.24, 29.

³⁴ Салихов Р.Р. Указ соч, с.50–51; 1906 sene 16-21 Avgustta İctima Etmış Rusya Müslümanlarının Nedvesi (Kazan, 1906), 59–60, 101.

³⁵ Вақыт, 16 декабря, 1906, с.2.

³⁶ НАРТ, ф. 2 (Казанское губернское правление), оп.2, д. 8958, л. 17–19 об.

³⁷ См. *Наганова*. Формирование мусульманского общества.

³⁸ Ridā' al-Dīn b. Fakhr al-Dīn, *Maktab wa zakāt, khazīna wa zīmstwā yārdamī* (Orenburg), 54, 59, 62–63. Несмотря на то, что год издания не напечатан, согласно информации «Вақыт», данный труд появился в 1909 г. (Вақыт, 7 мая, 1909, с.3–4).

³⁹ *Абрамов В.Ф.* Земство, народное образование и просвещение // Вопросы истории. 1998. № 8, с.47–48.

⁴⁰ Eklof, *Russian Peasant Schools*, 177.

⁴¹ Григорьев П.Н. Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию. 1875–1910. Уфа, 1910, с.133. В 1914 году, например, 14 человек окончили Казанскую татарскую учительскую школу. Семь из них получали стипендию от казны, шестеро – от земств, один – благочестивое пожертвование оренбургского торгового магната Ахмада Хусаинова. Десять из четырнадцати были из Уфимской губернии (Тормыш, 6 июня, 1914, с.3).

⁴² XXXIV Уфимскому очередному губернскому собранию: доклад Губернской управы по вопросу о школьной сети в отношении мусульманского населения губернии. Уфа, 1908, с.1–4, 12.

⁴³ ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 11, д. 676, л. 145–148.

⁴⁴ Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896, с.57.

⁴⁵ Григорьев П.Н. Очерк деятельности Уфимского губернского земства, с.126, 129; Отчет Уфимской губернской земской управы XXXVIII очередному Уфимскому губернскому земскому собранию по отделу народного образования за 1912 год. Уфа, 1912, с.6.

⁴⁶ Журналы заседаний съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа в г.Уфе. 11–16 июня 1912 г. Уфа, 1913, с.408.

⁴⁷ Для более подробного рассмотрения программы курса см.: Эфирова А.Ф. Указ соч., с.66.

⁴⁸ Оренбургская губернская земская управа выдвинула план о проведении летних курсов для учительниц-женщин мектебов и школ в 1917 году (Доклады Оренбургской губернской земской управы четвертому очередному Губернскому земскому собранию: подотдел образования иногородцев, Отдел народного образования. Оренбург, 1916, с.43–44, 50–57).

⁴⁹ Мактаб. № 1. 1914, с.7–11; №2 . 1914, с.32–38; №3. 1914, с.55–61.

⁵⁰ Мактаб. №2. 1913, с.40–42.

⁵¹ Dowler, *Classroom and Empire*, 204. Когда законопроект о всеобщем обучении был внесен в Государственную Думу в октябре 1910 г., в оренбургском городском театре собрались больше 3000 людей, требующих обеспечения родного языка и религиозных предметов в будущих начальных училищах. ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 11, д. 914, л. 60.

⁵² Журналы совещания при Уфимской губернской земской управе по вопросу о типе национальной общеобразовательной мусульманской школы. 23–25 мая 1911 г. Уфа, 1911, с.9–11; Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 года: Доклады. Т. 1. М., 1911, с.690.

⁵³ Steinwedel, «Invisible Threads», 451–454.

⁵⁴ Два чиновника МНП не принимали участия в дебатах.

⁵⁵ Журналы совещания, с.41–51. Одним из присутствующих был Фатих Каримов, главный редактор газеты «Вақыт». Для более подробного рассмотрения его оценки конференции см.: Вақыт, 3 июня, 1911, с.2.

⁵⁶ Отчет Уфимской губернской земской управы, с.30–32.

⁵⁷ Азаматова Г.Б. Указ. соч., с.154. Губернская статистика показала, что Мензелинский уезд имел наибольшее количество мектебов, что объяснялось земским субсидированием (*Обухов М.И.* Мактабы Уфимской губернии: Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мактабов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской губернской земской управы. Уфа, 1915, с.9).

⁵⁸ *Обухов М.И.* Указ. соч., с.30–31.

⁵⁹ Там же, с.40.

⁶⁰ Для более детального изучения обстановки до 1905 г. см.: *Григорьев П.Н.* Указ. соч., с.130–131.

⁶¹ *Абрамов В.Ф.* Указ. соч., с.49.

⁶² Журналы совещания..., с.19, 54–55, 74. На самом деле, после совещания Уфимская губернская управа попросила ОМДС выработать проект программы преподавания по вероучению. ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 2588, л. 1.

⁶³ Журналы заседаний съезда..., с.12–36.

⁶⁴ *Фархиаатов М.Н.* Самодержавие и традиционные школы ... , с.69.

⁶⁵ Журналы заседаний съезда..., с.329, 331, 341–342, 345–346.

⁶⁶ Нерусские школы не всегда были смешанными (*Эфиоров А.Ф.* Указ соч., с.29, 48–49).

⁶⁷ Решения этого съезда вполне возможно повлияли на «Правила о начальных училищах для инородцев» от 14 июня 1913 г. *Фархиаатов М.Н.* Самодержавие и традиционные школы, с.87–88, 247.

⁶⁸ Eklof, *Russian Peasant Schools*, 88, 95, 118–119.

⁶⁹ Seregny, «Zemstvos, Peasants, and Citizenship», 302, 304. Несмотря на военную цензуру, «Вақыт» посвятил много страниц войне и деятельности земства.

⁷⁰ Вақыт, 17 июня, 1915, с.1; 20 июня, 1915, с.1–2; 13 января, 1916, с.1–2. Журналы первого и второго совещаний по народному образованию при Оренбургской губернской земской управе в 1915 году. Оренбург, 1915, с.39–42, 44–45; Оренбургское губернское земское собрание, третья очередная сессия, доклады по народному образованию. Оренбург, 1916, с.119, 121–126, 190–226.

⁷¹ Dowler, *Classroom and Empire*, 220. Епископ Уфимского и Мензелинского уездов Андрей раскритиковал министра народного просвещения Кассо из-за игнорирования религиозного образования. Он также осудил Мензелинское уездное земство за финансирование не церковно-приходских школ, а мектебов и медресе. В бюджете 1915 г. это земство мектебам и медресе выделило 14700 рублей. (Епископ Андрей. Мнения уфимских земств о церковных делах. Уфа, 1915, с.32–33, 48–49). Для более подробного ознакомления со сведениями о епископе Андрее см.: *Ларина Е.И.* Епископ Андрей и доктрина Министерства внутренних дел Российской империи в мусульманском вопросе // Сборник русского исторического общества, т. 7. М., 2003, с.212–225.

⁷² Следует напомнить, что правила 13 июня 1884 года о церковно-приходских школах также послужили противовесом земским школам (*Абрамов В.Ф.* Указ. соч., с.46, 48).

⁷³ Robert P. Geraci, *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia* (Ithaca: Cornell University Press, 2001), 285–295.

⁷⁴ Мактаб. № 2. 1913, с.57–60; №5. 1913, с.121–123.

⁷⁵ Мактаб. №6. 1913, с.145–149.

⁷⁶ Мактаб. № 1. 1913, с.30–32.

⁷⁷ Dudoignon, «Un islam périphérique?» 329.

⁷⁸ Мактаб. № 3. 1913), с.90–92.

⁷⁹ Dudoignon, «Un islam périphérique?» 320–322, 333–335.

⁸⁰ Мактаб. № 8. 1913, с.192–197; №10. 1913, с.237–242; №11. 1913, с.283–284.

⁸¹ В среде мусульман оставался спорным вопрос относительно того, имели ли право благотворительные общества собирать и распоряжаться исламским подоходным налогом (*закят*). Dudoignon, «Status, Strategies and Discourses», 51–54; *Миннуллин З.* Благотворительные общества и проблема закята у татар (конец XIX – начало XX вв.) // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Сб. статей. Казань, 2006, с.30–41.

⁸² *Коблов Д.Я.* Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916, с.76–70. Сами казанские татары часто сравнивали результаты деятельности казанских земств с результатами уфимских земств. (Кояш, 2 марта, 1914, с.1; Йолдыз, 14 марта, 1914, с.1–2).

⁸³ Мугаллим. № 4. 1913, с.50–52.

⁸⁴ Мугаллим. № 5. 1914, с.66–68.

⁸⁵ Jamāl al-Dīn Walīdī, *Millat wa Milliyat* (Orenburg, 1914), 28–29.

⁸⁶ Вакыт, 18 февраля, 1914, с.2–3.

⁸⁷ Журналы заседаний съезда..., с.310–311.

⁸⁸ Вакыт, 6 августа, 1914, с.1.

⁸⁹ Акт частного совещания духовных лиц округа Оренбургского магометанского духовного собрания на 14 и 15 декабря 1913 года. Уфа, 1914. В данную брошюру входят русская и татарская версии. В 1915 г. отдел образования инородцев при Оренбургской губернской земской управе раздал 300 копий этой брошюры в основном для земских библиотек мусульман. Предполагалось, что эта брошюра «бьет под корень глубокого фанатизма Российских мусульман, что мактабы и медресе должны быть исключительно конфессиональными». Доклады Оренбургской губернской земской управы, с.9–10.

⁹⁰ Тормыш, 24 августа, 1914, с.2–3.

⁹¹ Журналы совещания..., с.45.

⁹² Тормыш, 26 октября, 1914, с.2.

⁹³ Вакыт, 31 августа, 1916, с.4. На самом деле, как средства для содержания своих учебных заведений мусульманские сельчане рассчитывали на земельные вакуфы. Предполагалось, что при введении всеобщего обучения в школы должны отправить детей 12–13 возраста и за 4–5 лет до поступления должны обучать их религии в мектебах. Советуя поддерживать и реформировать мектебы за счет земельных вакуфов, некий Ризаэддин Хакимов предложил имамам нести ответственность за определение земельного участка на содержание мектебов при распределении общинной земли. Шура, 13 (1914), с.402–403. Также см. «справку о положении мектебе и медресе в башкирских деревнях» в ГАОО (Государственный архив Оренбургской области), ф. 21 (Оренбургское губернское жандармское управление), оп. 9, д. 4, л. 73об.

⁹⁴ Следует добавить, что вступление в должность министра просвещения П.И. Игнатьева после смерти Л.А. Кассо в ноябре 1914 г. также повлияло на деятельность земств. Игнатьев пользовался авторитетом в либеральной среде (*Абрамов В.Ф.* Указ. соч., с.49; Seregny, «Zemstvos, Peasants, and Citizenship», 297).

⁹⁵ Журналы I и II совещаний..., с.36–37, 41–47. К концу 1915 г. программа Бикчентаева была принята не только в земствах Оренбургской губернии, но и в Бирском и Златоустском уездных земствах Уфимской губернии (Доклады Оренбургской губернской земской управы ..., с.4).

⁹⁶ ГАОО, ф. 15 (Оренбургское губернское по городским и земским делам присутствие), оп. 1, д. 202, л. 37. Такое примирительное отношение сильно отличается от сопротивления того же городского управления против введения русского класса под нажимом местного учебного ведомства в 1900–03 гг. ГАОО, ф. 15, оп. 1, д. 42.

⁹⁷ Вакыт, 28 июня, 1915, с.1.

⁹⁸ Журналы I и II совещаний, с.115–119.

⁹⁹ Khalid, *The Politics of Muslim Cultural Reform*, 168–169, 172–175.

¹⁰⁰ Доклады Оренбургской губернской земской управы, с.67; Вақыт, 23 января, 1916, с.1.

¹⁰¹ Вақыт, 6 февраля, 1916 г., 2 марта, 1916, с.2–3. Таблица 2 сделана на основе статьи 2 марта 1916 г.

¹⁰² Бюллетень отдела народного образования. № 2, 1916, с.73–79.

¹⁰³ Вақыт, 8 апреля, 1916, с.1–2.

¹⁰⁴ Вақыт, 3 мая, 1916, с.2; 3 июня, 1916 г, с.3; 8 июня, 1916, с.2.

¹⁰⁵ Доклады Оренбургской земской управы, с.67–68.

¹⁰⁶ См. проект реформы мусульманской администрации, разработанный в 1914 г. мусульманскими представителями, включая депутатов Государственной Думы. Проект положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи. СПб., 1914, с.17.

¹⁰⁷ Dowler, *Classroom and Empire*, 161.

¹⁰⁸ Geraci, *Window on the East*, 255.

¹⁰⁹ Вопрос по разным стратегиям религиозных ученых и других мусульманских деятелей для сохранения и защиты исламской составляющей при модернизации системы образования следует изучать в широком плане сравнения с опытами других мусульманских регионов мира. Например, см. Muhammad Qasim Zaman, «Religious Education and the Rhetoric of Reform: The Madrasa in British India and Pakistan», *Comparative Studies in Society and History* 41, no. 2 (1999): 294–323.

Аннотация

Статья посвящена процессам, происходившим в начале XX в. в сфере школьного образования в Уфимской губернии, где около половины населения составляли мусульмане. В отличие от других губерний в этом регионе татары и башкиры, главным образом, через институт земских учреждений были активно вовлечены в реформирование системы мусульманского образования, составной частью которой являлось введение русского языка в учебно-образовательный процесс. Автор рассматривает два аспекта этой сложной проблемы: финансовые средства традиционных религиозных общин на образовательные цели и место мектебе в модернизации государственной системы школьного образования.

Ключевые слова: Уфимская губерния, всеобщее обучение, джадидизм, земства, земские гласные, мусульманские традиционные общины, мектебе и медресе.

Summary

The article is devoted to the processes that took place in the early twentieth century in the field of school education in Ufa province, where about half of the population were Muslims. Unlike other provinces in this region the Tatars and Bashkirs, mainly through the institution of the zemstvo establishments were actively involved in reforming the system of Muslim education, part of which was the introduction of the Russian language in the educational process. The author examines two aspects of this complex problem: funding of traditional religious communities in the educational goals and a place of mekteb in the modernization of state school system.

Key words: Ufa Province, universal education, jadidism, zemstvo, zemstvo councilors, traditional Muslim communities, Mekteb and madrasa.

УДК 737.1

МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ XIII–XV ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ ТАТАРСТАНА

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук

Монетные находки условно могут быть разделены на две основные группы — клады и отдельные находки¹. Общий фонд известных находок монет XIII–XV вв. на территории Татарстана по самым общим подсчетам составляет более 100 тысяч экземпляров². Мне известны данные о 104 кладах³ с монетами этого периода⁴. В составе кладовых комплексов преобладают серебряные джучидские монеты (однако встречаются клады медных монет и клады с примесью медных и золотых монет). Иногда клады имеют следы тары⁵ (глиняный или керамический кувшин, остатки ткани), встречаются монетно-вещевые клады⁶.

Большинство кладов — монетные комплексы, сокрытые при чрезвычайных ситуациях⁷. Увеличение количества кладов (т.е. гибель их владельцев) может свидетельствовать об активизации военных действий, экономической и политической нестабильности в регионе. Большинство кладов золотоордынского времени тяготеет к 1361 г. — к году военного похода Пулад-Тимура (Булак-Тимура)⁸.

К сожалению, сообщения о многих кладах, найденных в Татарстане, содержат только краткую информацию. Многие клады были опубликованы в XIX или в начале XX в., и до того как разделили составляющие их монеты, клады не были полностью описаны. Зачастую единственным источником по их составу остаются публикации того времени, т.к. сами монеты не сохранились⁹. Изучение кладов наталкивается на препятствия: состав не-

которых кладов совершенно не известен или известен не полностью, сведения об отдельных кладах вызывают сомнения в достоверности (в первую очередь, это касается кладов, обнаруженных не при археологических раскопках), некоторые монеты могли быть случайно примешаны к кладам позднее¹⁰.

Монетные клады, найденные на каком-либо городище, малопригодны для реконструкции его монетного обращения¹¹. Состав кладов не всегда складывался там, где происходило их сокрытие¹². В отдельных случаях клады могли быть сокрыты в то время, когда памятник уже не существовал.

Подавляющее большинство кладов состоит из серебряных монет. Эпизодически в кладах встречаются золотые и медные монеты. Клады, состоявшие из медных монет, на средневековом Востоке немногочисленны. На территории Татарстана отмечено только шесть таких кладов. Это комплексы из Балымера (1889 г.) и Болгара (до 1887 г., 1928 г., 1959 г., 1984 г., 1988 г.)¹³. Присутствие нескольких экземпляров медных монет в кладах серебряных монет отмечено четыре раза¹⁴.

Среди кладов золотоордынского времени имеются находки двух небольших комплексов золотых иноземных монет (Болгар 1884 г. и 1893 г., Болгар 1949 г.). Золотые монеты были обнаружены и в двух кладах серебряных монет (Малые Атряси 1954 г., Николаевка 1892 г.).

Известно количество монет, входивших в 75 кладов (72% всех кладов). По

количеству монет клады распределяются следующим образом:

- менее 100 – 29 (38,8%),
- 100–500 – 19 (25,4%),
- 500–1000 – 11 (14,8%),
- 1000–5000 – 9 (12,1%),
- 5000–10000 – 4 (5,4%),
- 10000–20000 – 2 (2,8%),
- более 20000 – 1 (0,7%).

Наиболее значительными по количеству монет являются клады из Каратуна (около 30000 экз.) и два клада из Малых Атрыас (не менее 10000 и 14000 экз.). Все эти три клада были сокрыты в конце XIV в., в период правления хана Токтамышша.

По районам клады из Татарстана распределяются так:

– по одному кладу: Аксубаевский, Арский, Камско-Устьинский, Мамадышский, Тукаевский,

– по два клада: Алькеевский, г. Казань, Кайбицкий, Нижнекамский, Октябрьский, Рыбно-Слободский,

– по три клада: Апастовский, Лаишевский,

– по четыре клада: Зеленодольский,

– пять кладов: Высокогорский, Тетюшский,

– семь кладов: Чистопольский,

– 11 кладов: Алексеевский,

– 44 клада: Спасский.

В четырех случаях район обнаружения клада неизвестен.

Почти все клады были встречены на территории Западного Закамья, Западного Предкамья и Предволжья (70%, 15% и 14% соответственно). Крайне редки клады золотоордынского времени в восточной части Республики Татарстан. Не зафиксировано ни одного клада на территории Восточного Предкамья, а в зоне Восточного Закамья только в конце XX в. был выявлен один клад.

ХIII в.

В настоящее время имеется информация о тринадцати кладах XIII в. с территории рассматриваемого региона (14,5% от числа датированных кладов XIII–XV вв.). Двенадцать кладов со-

стояли из серебряных монет, а один – из медных. В кладе 1876 г. из Болгара имелись серебряные слитки. Три клада были сокрыты в керамических сосудах (из них один клад был закрыт сверху серебряной миской).

По количеству монет клады, сокрытые до начала XIV в., распределяются таким образом:

- менее 100 экз. – 4,
- 100–300 – 3,
- 300–1000 – 2.

Полный состав четырех кладов остался неизвестным.

Основная часть кладов XIII в. была найдена в Болгаре (восемь кладов). На территорию Спасского р-на в Западном Закамье приходится девять кладов с монетами этого времени. По одному кладу были найдены в Зеленодольском и Кайбицком р-нах в Предволжье.

По времени сокрытия наиболее ранним является комплекс из Болгара 1887 г. (состоял только из монет с именем ан-Насир лид-Дина). К этому же времени мог относиться и клад 1860-х гг. из коллекции А.Ф. Лихачева, точное место находки которого осталось неясным. В кладе 1860-х гг. также содержались несколько монет с именем ан-Насир лид-Дина. Однако полный состав клада неизвестен. Возможно, в этом комплексе были и монеты более позднего времени.

Клады с младшими монетами каана Менгу найдены в Балымере в 1889 г. и в Болгаре в 1878 г. Болгарский клад 1878 г. состоял только из монет Менгу каана, а в кладе из Балымера монеты каана Менгу были вместе с монетами халифа ан-Насир лид-Дина. Этот факт может свидетельствовать в пользу одновременного бытования монет ан-Насир лид-Дина и каана Менгу. Вместе с тем информация о находках монет в Балымерах очень лаконична. Возможно, медные монеты Менгу и ан-Насир лид-Дина были найдены не в кладе, а на одном памятнике. Г.А. Федоров-Давыдов считал, что уже к 1250-м гг. (ко времени каана Менгу) монеты с именем ан-Насир лид-Дина

уже полностью вышли из сферы обращения или даже были специально изъяты (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с. 164). Вместе с тем в новейшей историографии предполагается, что запрета монет ан-Насир лид-Дина, вероятно, не было (Тростьянский О.В., Егоров Э.Н., 2003, с. 119)¹⁵. Вопрос до настоящего времени остается неясным, т.к. кладовые комплексы середины XIII в. в Поволжье редки.

Три клада из Татарстана имеют младшие монеты времени каана Ариг-Буги (Болгар 1874 и 1876 гг., Бурундуки 1987 г.). Если в болгарском кладе 1876 г. были только монеты Ариг-Буги, то в остальных кладах содержались также монеты каана Менгу (а в кладе из Бурундуков – несколько монет с именем ан-Насир лид-Дина). Эти данные дают основания считать, что монеты с именем Менгу продолжали использоваться и после чеканки монеты с именем Ариг-Буги, т.е. замены монеты в обращении не было.

К началу 1280-х гг. может относиться клад из Болгара 1980 г. (младшая монета – 681 г.х.) (1282–1283 гг.). В хронологическом отношении этот клад очень компактен. Среди более ста монет комплекса все датированные экземпляры были выпущены в пределах одного десятилетия.

Ко второй половине 1280-х гг. относится клад из Зеленодольского р-на с монетами хана Туда-Менгу (1282–1286 гг.) и анэпиграфными эмиссиями, вероятно, того же времени.

Время сокрытия двух кладов из Болгара 1967 г. неясно (надежно датированных эмиссий в комплексах не было), но, вероятно, они были сокрыты не ранее 1270-х гг. Г.А. Федоров-Давыдов датировал время сокрытия кладов серединой или концом 1280-х гг. (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с. 169–170).

Вероятно, 1290-ми гг. следует датировать небольшой комплекс чагатаидских монет (монеты Бука-Тимура и Дувы).

Таким образом, анализ кладовых комплексов позволяет поддержать мнение

Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 2003, с. 45–46), по которому в Волжской Болгарии в XIII в. происходило несколько смен обращения монет. Монеты с именем халифа ан-Насира лид-Дина сменяются монетами с именами великих каанов Менгу и Ариг-Буги, а те – монетами с именем Менгу-Тимура и анонимными эмиссиями. Если о времени бытования монет ан-Насир лид-Дина информации пока недостаточно, то относительно монет Менгу можно считать, что они обращались совместно с новыми эмиссиями Ариг-Буги. При этом клады более позднего времени (начиная уже, как минимум, с 1270-х гг.) не содержат монет каракорумских каанов Менгу и Ариг-Буги.

Болгар в XIII в. составлял особую «нумизматическую провинцию» в составе Золотой Орды. Монета, чеканившаяся в Болгаре, почти не покидала территории Среднего Поволжья (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с. 180–181). Это обстоятельство позволяет считать, что чеканка монеты была рассчитана исключительно «на местные нужды» (Федоров-Давыдов Г.А., 2003, с. 14).

Все средневолжские клады XIII в. состояли из монет, выпущенных главным образом в Болгаре (только в кладе 1980 г. из Болгара была одна монета, чеканенная на Нижней Волге – в Сараях). Монеты из средневолжских кладов без обозначения места чекана, вероятно, также относятся к эмиссиям Болгара, т.к. встречаются почти исключительно в рассматриваемом регионе. За пределами Среднего Поволжья находки таких монет редки. Обращает на себя внимание также полное отсутствие джучидских монет XIII в. хорезмского и крымского чекана, где в то время уже велась интенсивная монетная чеканка.

Таким образом, почти все монеты XIII в. из Среднего Поволжья являются продукцией одного центра – Болгара¹⁶. Именно Болгар уже в середине XIII в. играл роль экономического центра Улуса Джучи.

Иноземных монет на территории Среднего Поволжья в монетном обращении XIII в., как и монет из других регионов Улуса Джучи, было немного.

Начало XIV в. — 1350-е гг.

XIV в. — век расцвета Золотой Орды, время интенсивного монетного обращения. В первой половине XIV в. Среднее Поволжье входит в централизованный монетный рынок Улуса Джучи.

Кладов времени Узбека и Джанибека в Улусе Джучи мало. К 1310–1350 гг. в рассматриваемом регионе относятся всего четыре клада (4,4% от числа всех датированных кладов XIII–XV вв.). Два клада состояли из серебряных монет, по одному — из медных джучидских и золотых индийских. При этом один клад относится, вероятно, к 1320-м гг. (Барское Енарускино), два клада имеют младшие монеты 1340-х гг. (Болгар 1884 и 1893 гг.), один клад — с младшими монетами 1350-х гг. (Болгар 1965 г.). Только два клада из этих четырех (Барское Енарускино, Болгар 1965 г.) могут быть надежно датированы временем второго периода. Небольшой клад золотых индийских монет с младшими монетами Мухаммада бен Туглука 1340-х гг. мог быть сокрыт (и, вероятно, был сокрыт) несколько позже — во второй половине 1360-х гг., т.к. к этому времени относится большинство кладов из Татарстана, а золотые монеты могли находиться в обращении достаточно долгий период. Клад из Болгара 1965 г. с младшими монетами Джанибека 1350-х гг. также мог быть сокрыт в начале периода «великой замятни»¹⁷. Таким образом, число кладов второго периода монетного обращения в Татарстане может быть еще ниже.

Факт почти полного отсутствия кладов свидетельствует о благоприятном периоде в истории Среднего Поволжья в первой половине XIV в. Вместе с тем отсутствие кладов затрудняет анализ структуры обращения серебряных монет этого времени.

Г.А. Федоров-Давыдов полагал, что в начале XIV в. во всей Золотой Орде произошла резкая смена денежного обращения. По данным исследователя, среди кладов XIV в. было известно только три, содержащих монеты до 1310 г. (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 95, 103). Ханом Токтой в 1310 г., по Г.А. Федорову-Давыдову, была проведена общегосударственная монетная реформа, целью которой было стремление «заменить разнотипное и разновесное денежное обращение монетой с постоянным, единым и устойчивым весом» (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 103). В новейшей историографии сама правомерность выделения монетной реформы Токты в настоящее время вызывает сомнения (Петров П.Н., Студитский Я.В., Сердюков П.В., 2005, с. 142-147). Исследователями монетного обращения Среднего Поволжья отмечается, что «реформа Токты» не имела большого значения в монетном деле Болгара: анонимные и анэпиграфные монеты чеканились здесь не только при Токте, но и при Узбеке (Тростянский О.В., Егоров Э.Н., 2003, с. 122)¹⁸. Редкость комплексов серебряных монет первой половины XIV в. не позволяет уверенно установить, когда вышли из обращения серебряные анонимные и анэпиграфные монеты конца XIII — начала XIV в.¹⁹ Однако клад из Барское Енарускино показывает одновременное бытование серебряных анонимных и анэпиграфных монет вместе с монетами Узбека, что подтверждает мнение С.А. Яниной, высказанное еще в работе 1954 г. (Янина С.А., 1954, с. 433).

В первой половине XIV в. в монетном обращении доминируют монеты местной, болгарской чеканки, а также монеты столичной, нижеволжской чеканки. При этом можно отметить, что происходит постепенный процесс вытеснения монет болгарской чеканки монетами из Нижнего Поволжья. Монеты из Нижнего Поволжья до 1330-х гг. в Среднем Поволжье единичны, однако в Болгаре в это время (и до конца 1330-х или начала 1340-х гг.) про-

изводится массовая чеканка монет. С 1340-х гг. в монетном обращении преобладают уже только монеты из нижеволжского региона. Такая ситуация продолжает сохраняться до начала 1360-х гг.²⁰

На территории Восточной Европы встречено более сотни золотых индийских монет конца XIII–XIV вв. (династии Халджидов и Туглукидов), при этом здесь до сих пор не зафиксировано ни одной находки индийских монет XIII–XIV вв. из других металлов. Большинство индийских динаров, найденных в Восточной Европе, относится ко времени правления Мухаммада бен Туглука (время правления Узбека и Джанибека в Золотой Орде). Интересно, что и письменное свидетельство о связях Улуса Джучи с государством Туглукидов (Ибн Баттута) относится ко времени правления Узбека (Тизенгаузен В.Г., 1884). Самые ранние находки датируются временем Ала ад-Дина Мухаммада, а самые поздние – временем Фируза. Представлен также чекан времени Кутб ад-Дин Мубарака, Гийас ад-Дина Туглука.

В Болгаре зафиксирована находка небольшого клада индийских монет рассматриваемого периода, а также индийские монеты конца XIII – первой половины XIV в. известны среди отдельных находок (не менее 8 экз.) (из Болгара, Кузнечихи, Данауровки и из неизвестного места находки)²¹. Встречаются индийские монеты первой половины XIV в. и в комплексах более позднего времени.

1360–1390-е гг.

Период крупнейших смут («великой замятни») в Золотой Орде открывается смертью хана Бердибека сына Джанибека. С 1359 по 1379 г. престол в Золотой Орде занимали несколько десятков султанов. Начало «великой замятни» еще не сопровождалось упадком товарно-денежных отношений. При хане Хызре в 1360–1361 гг. в Среднем Поволжье обращалось огромное коли-

чество монет, поступавших из Нижнего Поволжья. Однако уже на 1361 г. пришла высшая точка междоусобицы. В этом году территория Среднего Поволжья подверглась опустошительному разгрому войсками Пулад-Тимура (Булак-Тимура). К началу 1360-х гг. относится подавляющее большинство кладов золотоордынского времени. Вслед за этим монетное обращение на территории Среднего Поволжья вступает в полосу глубокого кризиса.

Обилие кладовых комплексов – характерная черта второй половины XIV в. для всей территории Золотой Орды. К 1360–1390 гг. относится 53 клада – 58,9% от числа всех датированных кладов XIII–XV вв. с территории Татарстана. Среди этих комплексов точное время сокрытия только трех неясно.

На первую половину 1360-х гг. приходится 33 клада (36,7% от числа всех датированных кладов XIII–XV вв., 66% от числа точно датированных кладов этого периода). Вероятно, многие клады тяготеют к событиям 1361 г., однако следует учитывать, что с походом Булак-Тимура могут быть связаны только клады конца 750-х – начала 760-х гг.х., с младшими монетами не позднее 763 г.х. (1361 г.). Таких кладов насчитывается 22 (24,4% от числа всех датированных кладов XIII–XV вв., 44% от числа точно датированных кладов 1360–1390-х гг.).

Небольшое число кладов относится ко второй половине времени «великой замятни» – второй половине 1360–1370 гг. К этому времени относятся два клада (4% от числа кладов 1360–1390-х гг.). Небольшое число кладов 1370-х гг. может объясняться не столько нормализацией обстановки (письменные источники фиксируют для этого времени вооруженные столкновения с русскими князьями и ушкуйниками), сколько полным упадком монетного обращения в 1370-е гг. Новые монеты, выпускавшиеся в южных регионах Улуса Джучи, поступали на территорию Среднего Поволжья нерегуляр-

но. Отсутствие наряду с этим в Болгаре собственной монетной чеканки и выброс огромной массы серебряных монет в клады обусловили редкость серебряных монет в монетном обращении 1370-х гг. Огромное число кладов первой половины 1360-х гг. может объясняться не только междоусобными войнами, но и тем, что предыдущий период (время правления Узбека и Джанибека) являлся наиболее благоприятным в экономическом отношении.

В кладах 1360–1370-х гг. встречаются монеты от времени Токты. Больше всего кладов с древнейшими монетами Токты и Узбека; отмечаются клады с древнейшими монетами Джанибека. Очевидно, что серебряные монеты, начиная, по крайней мере, с 1310–1311 гг., обращались в массовом количестве в Поволжье вплоть до времени Токтамышша²².

Среди комплексов 1360–1370-х гг. есть два клада пулов (Болгар 1959 г., Болгар 1984 г.). Клад 1959 г. сохранился, видимо, не полностью. Клад, найденный на валу Болгарского городища, вызывает сомнения, позволяя предполагать в этом комплексе совокупность отдельных находок. Клад 1984 г. содержал не менее 65 экз. пулов (с преобладанием монет начала 1360-х гг. нижеволжской чеканки). Этот комплекс является наиболее крупным кладом медных монет на территории Среднего Поволжья.

По месту обнаружения клады распределяются так:

Западное Закамье – 34,
Предволжье – 1,
Предкамье – 2,
неизвестно – 1.

Таким образом, выделяется резкое преобладание кладов в Западном Закамье. Вместе с тем в Болгаре было найдено только 14 кладов (менее половины кладовых комплексов 1360–1370-х гг.). Это отличает рассматриваемый период от второй половины XIII в., когда большинство кладов на территории Татарстана были найдены в Болгаре. Для XV в. по-прежнему преобла-

дают находки кладов в Закамье, однако заметно увеличивается доля кладов к северу от Камы. Такова тенденция изменения географии кладов золотоордынского времени.

По количеству монет клады 1360–1370-х гг. дают такое распределение:

до 100 экз. – 12,
100–500 – 9,
500–1000 – 6,
1000–10000 – 1 (Русский Урмат 1830),
неизвестно – 10.

Наиболее крупным кладом 1360–1370-х гг. является комплекс из Русского Урмата. Судя по весу клада (более 2 кг), в кладах было более тысячи монет. Это единственный клад 1360–1370-х гг. с числом монет больше тысячи. Наибольшее число кладов не достигает величины и в пятьсот экземпляров. Заметим, что уже в следующие десятилетия в кладах времени Токтамышша очевидна тенденция по укрупнению кладов.

Г.А. Федоровым-Давыдовым для Нижнего Поволжья была выделена монетная реформа 782 г.х. (1380–1381 гг.) хана Токтамышша²³. Исследователем было установлено: «реформа Токтамышша была проведена с изъятием старых монет и пуском в обращение новой монеты» (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с. 184)²⁴. Вместе с этим, «несмотря на запрещение дореформенных монет, потребности рынка в средствах обращения удерживали ... часть старых денег в обращении» (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 111).

Кладов 1380–1390-х гг. в Среднем Поволжье по сравнению с 1360-х гг. немного – 15 (18,5% от числа всех датированных кладов с территории Татарстана или 30% от числа всех датированных кладов 1360–1390-х гг. с этой территории). Среди кладов 1380–1390-х гг. есть один клад пулов (Болгар 1988 г.) и один клад, целиком состоявший из золотых индийских монет (золотые монеты присутствовали также в нескольких кладах серебряных монет). Клад пулов хронологически компактен, состоит из монет времени Токтамышша (с лировид-

ной надчеканкой). Это единственный в Татарстане клад конца XIV в., не имевший в своем составе монет более раннего времени.

Имеющиеся данные позволили Г.А. Федорову-Давыдову предположить, что полностью реформа 1380–1381 гг. была осуществлена Токтамышем только в Нижнем Поволжье (в других районах новая монета сосуществовала со старой) (Федоров-Давыдов Г.А., 2003, с. 17). В Среднем Поволжье в это время, по Г.А. Федорову-Давыдову, существовала особая «нумизматическая провинция» («продолжали обращаться старые серебряные монеты дотоктамышевской чеканки») (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с. 184). При этом исследователь отмечал, что в «Волжскую Болгарию монеты Токтамыша не поступали в значительных массах» (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с. 184).

Отдельные находки монет времени Токтамыша немногочисленны, по-прежнему чеканка собственной монеты не ведется, по-прежнему заметную роль в монетном обращении продолжают играть надчеканки, а обращение главным образом обеспечивается монетами из Нижнего Поволжья. Исключительно из монет времени Токтамыша состоял только кладик пулов из Болгара (1988 г.). Остальные клады, состав которых известен, содержали либо единичные монеты времени Токтамыша при преобладании монет дотоктамышевской чеканки (Болгар 1871 г., Карашам 1950 г., Тукаевский р-н до 1991 г.), либо большое число монет как времени Токтамыша, так и более раннего времени (Балахчино 1900 г., Даниловка 1959 г., Каратун 1986 г., Малые Атряси 1856 г., Малые Атряси 1954 г., Малый Толкиш 1881 г., Николаевка 1892 г.).

По количеству клады 1380–1390-х гг. распределяются таким образом:

- менее 100 экз. – 3,
- 100–500 – 4,
- 500–1000 – нет,
- 1000–10000 – 4,
- более 10000 – 3,
- неизвестно – 1.

Клады времени Токтамыша достаточно велики. Каждый второй клад содержит более тысячи монет (при этом из 38 кладов более раннего времени только в одном было более тысячи экземпляров монет). Факт малочисленности находок монет времени Токтамыша на городищах и увеличения состава кладов Г.А. Федоров-Давыдов объяснял тем, что в это время происходило «резкое сокращение денежного обращения в золотоордынских городах Нижнего Поволжья. Но вместе с тем купеческий капитал, связанный с транзитной торговлей, продолжал развиваться» (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 113)²⁵. Г.А. Федоров-Давыдов также отмечал, что клады времени Токтамыша расположены главным образом на крупных торговых магистралях (некоторые области, такие, например, как Северный Кавказ, совершенно выпали из сферы денежного обращения) (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 114). В Среднем Поволжье при Токтамыше монетное обращение не достигло уровня расцвета Золотой Орды. Чеканка монеты в Болгаре при хане Токтамыше не была возрождена.

Наибольшее число кладов времени Токтамыша встречено в Закамье (8) (из них семь – в Западном Закамье, а один – в Восточном Закамье) и в Предволжье (4). В Предволжье найдены наиболее крупные клады. Один клад конца XIV в. отмечен в Предкамье, а точное место находки еще двух неясно.

Во второй половине XIV в. в денежном обращении Среднего Поволжья доминируют монеты нижеволжских эмиссий. Очевидно, что экономическая и политическая ситуация на Средней Волге делала затруднительной местную чеканку (только местным правителем Али были произведены массовые эмиссии медных монет). Однако монеты нижеволжской чеканки часто снабжались в Среднем Поволжье местными надчеканками²⁶. Монеты из Нижнего Поволжья поступали во второй половине XIV в. Ряд типов ниже-

волжских монет не встречается в Среднем Поволжье.

Интересно заключение Б. Хамидулина, что 1361 г. был временем «экономического обособления Среднего Поволжья» (Хамидуллин Б., 2002, с. 99). Данное заключение нуждается в уточнении. Монетное обращение в Среднем Поволжье и после 1361 г. обеспечивалось нижневолжской монетой (часто надчеканенной), что все равно свидетельствует о некоторой зависимости монетного рынка от поступлений монеты из низовьев Волги. При Токтамыше территория Среднего Поволжья, вероятно, по-прежнему входила в состав владений сарайских правителей. В «Книге побед» Шереф ад-Дина Йезди упоминается, что хан Токтамыш бежал от войск Тимура в Булар (т.е. Болгар) (Тизенгаузен В.Г., 1941, с. 178), что может свидетельствовать о контроле Токтамышем территории Среднего Поволжья.

Большинство монет в кладях 1360–1390-х гг. выпущено на Нижней Волге (Сарай, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедид, Гюлистан).

Имеются среди находок и единичные монеты второй половины XIV в. из Хорезма.

Во второй половине XIV в. в монетном обращении Среднего Поволжья так же, как и в XIII в., присутствовали иноземные монеты. По-прежнему встречаются золотые индийские монеты, серебряные монеты из Ирана и Закавказья (чекан Джучидов, Джелаиридов), серебряные монеты Махмуда и Тимура, Суюргатмыша и Тимура.

Наиболее многочисленны из иноземных монет – эмиссии различных городов Закавказья. Территория Закавказья несколько раз входила в состав Улуса Джучи. В XIV в. при ханах Джанибеке, Бердибеке, Токтамыше в Закавказье осуществлялась чеканка монет с именами Джучидов. Наряду с этим хорошо известны оживленные торговые контакты Улуса Джучи и Хулагуидского Ирана. Таким образом, закавказские монеты в денежном обращении Повол-

жья могут являться как военными трофеями, так и свидетельствами международных торговых операций.

Есть в кладях второй половины XIV в. серебряные монеты, выпущенные еще в первой половине – середине XIV в. в Иране и Закавказье – чекан Джучидов (14 экз., из которых 11 чеканены Джанибеком в Тебризе, один – в Тифлисе; два – чекан Бердибека в Ардебиле) (клады из Болгара 1876 г., Даниловки 1959 г., Малых Атряс 1856 г. и 1954 г.) и Хулагуидов (4 экз.) (клады из Карашама 1950 г., Малых Атряс 1856 г., Николаевки 1892 г.).

Серебряные монеты Джелаиридов были встречены в четырех кладях конца XIV в. (Каратун, Малые Атряси 1856 г. и 1954 г., Малый Толкиш 1881 г.). Это монеты Шейх Увейса, Хусейна и Ахмада, выпущенные на монетных дворах Астары, Багдада, Баку, Басры, Вестана, Гюштаспи, Мераги, Тебриза, Хамадана, Шабрана, Шемахи (не менее 39 экз.). Наибольшее число монет относится ко времени Хусейна, наиболее часто встречается чекан Тебриза и Шемахи.

На монетных дворах Закавказья чеканились серебряные монеты с именем Токтамыша. Лишь в одном кладе (Каратун 1986 г.) были встречены монеты Токтамыша, выпущенные в Закавказье (эмиссии Баку, Дербента, Махмудабада, Шемахи, Шабрана).

Не менее 24 экз. серебряных монет Тимура (чекан Суюргатмыша и Тимура, Махмуда и Тимура) было встречено в четырех кладях конца XIV в. (Измери 1873 г., Каратун 1986 г., Малые Атряси 1856 г., Малые Атряси 1954 г.). Среди этих монет преобладают выпуски Самарканды, однако встречаются монеты, выпущенные в Хорезме и в Ширазе. В целом монет Тимура в Среднем Поволжье меньше, чем монет того времени, выпущенных в Закавказье Джелаиридами и Джучидами.

Золотые индийские монеты были встречены и в кладях серебряных джучидских монет конца XIV в. (Малые Атряси 1954 г., Николаевка 1892 г.). В

кладе из Николаевки была одна монета Фируза конца XIV в., количество индийских монет в кладе из Малых Атрыс 1954 г. точно неясно. Монеты клада не сохранились, а в различных публикациях указывается разное число индийских золотых монет, содержавшееся в этом комплексе: от двух до сорока экземпляров (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 158, № 150; Халиков А.Х., 1994, с. 62, 119; Мухамадиев А.Г., 1983, с. 148).

Редкие для Средней Волги монеты Османской империи (2 экз.) есть в кладах из Малых Атрыс 1954 г., Николаевки 1892 г. (эмитенты: Урхан, Баязид I).

Встречаются монеты, чеканенные или надчеканенные в русских княжествах. Монета великого князя Суздальско-Нижегородского Бориса Константиновича и джучидская монета с русской буквенной надчеканкой содержались в кладе из Даниловки 1959 г. Более многочисленны русские монеты в представительном Каратунском кладе: четыре московские деньги (Дмитрий Иванович, Василий I), две монеты Бориса Константиновича Суздальско-Нижегородского, монеты с надчеканками русских букв (рязанские надчеканки?). В Каратунском кладе имелись также монеты Трапезундской империи (Алексей III Комнин — 1 экз.), Галицкой Руси (Людовик, чекан Львова — 1 экз.), пражский грош²⁷.

XV в.

XV в. — время распада Улуса Джучи. Нумизматические материалы ярко отражают процесс дробления зон монетного обращения. Территория Среднего Поволжья в XV в. предстает по монетным находкам достаточно замкнутой зоной (монеты Болгара почти не выходят за пределы Средней Волги, однако в Среднее Поволжье поступают монеты из других регионов). В начале XV в. возобновляется чеканка монет в Болгаре (а затем и в Болгаре ал-Джедид). Чекан Болгара (Болгара ал-Джедид) доминирует среди монетных находок Среднего Поволжья. Второе место занимают

монеты нижеволжской чеканки. Среди иноземных монет наибольшее место в монетном обращении занимает чекан русских княжеств. Встречаются также монеты крымских эмиссий (Джучиды, Гирей) и чекан точно не локализованных джучидских монетных дворов.

Клады с монетами XV в., как правило, велики по размеру. Монеты XIV в. в кладах этого столетия практически не встречаются. Денежная реформа 802 г.х. (1399—1400 гг.) на территории Среднего Поволжья в значительной степени вытеснила из обращения серебряные монеты более раннего времени. В 802 г.х. возобновляется чеканка серебряных монет в Болгаре (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, № 197, 201).

В настоящее время на территории Республики Татарстан зафиксировано не менее двадцати монетных кладов, надежно датируемых XV в. (22,2% от числа датированных кладов XIII—XV вв.)²⁸. Возможно, два клада монет из Шангута являются частями одного клада (найжены с небольшим временным интервалом (1963 и 1970 гг.) и сходны по составу — содержат монеты как XIV в., так и XV в.).

Клады из Елантово, Карашама, Малых Атрыс 1954 г., иногда датируемые началом XV в., были сокрыты в конце XIV в. Клад из Елантово состоял исключительно из монет XIV в. (младшая монета 764 г.х.) (1362—1363 гг.), за исключением нескольких монет, отнесенных к Дервишу (1410-е гг.). Отнесение их к хану, правившему почти через шестьдесят лет после основной массы монет клада, вызывает сомнения. Возможно, что за монету Дервиша была принята монета хана Уруса (1360—1370-е гг.). В арабской графике имена Дервиш и Урус пишутся чрезвычайно сходно. К сожалению, проверить представленное предположение невозможно, т.к. клад из Елантово, поступивший в Императорский Эрмитаж, был позднее утерян или расформирован. В первой публикации кладов из Карашама 1950 г. и Малых Атрыс 1954 г. указывалось, что в этих комплексах со-

держались монеты Пулада (первое десятилетие XV в.) (Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954, с. 117–120), однако в последующей, более подробной публикации было указано, что монет XV в. в кладе из Карашама не было (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 158–159, №№ 148, 150). В кладе из Малых Атряс 1954 г. были монеты хана Бек-Пулада (1390-е гг.), которые ошибочно, при первом определении, были отнесены к чекану Пулада.

К XV в. могут относиться также и два клада, полный состав которых остался неизвестным (Свяжский у. 1717 г., Казань 1837 г.). В этих комплексах были также и русские монеты. Однако определить, были ли сокрыты эти клады в конце XIV или в XV в., представляется невозможным. Клады в настоящее время утеряны.

Клады XV в. состоят исключительно из серебряных монет. Кладов медных монет, которых можно было бы отнести к этому времени, неизвестно. Вещей в кладах XV в. нет. Клады из Христофоровки 1873 г. и Измерей 1962 г. содержались в сосудах. Клад из Югана 1956 г. был сокрыт в деревянном ящике(?), залитом воском. Сведений о таре, в которой были бы сокрыты другие клады, не сохранилось.

По количеству монет клады распределяются следующим образом:

- менее 100 экз. – 2,
- 100 – 500 экз. – 2,
- 500 – 1000 экз. – 3,
- 1000 – 6000 экз. – 6,
- количество неизвестно – 7.

Обращает на себя внимание то, что в XV в. преобладают крупные клады (числом более 500 экз.). В этом заключается отличие от предыдущего периода, когда клады числом монет до 500 экз. составляли основную массу комплексов. Возможно, явление связано с сохранением товарно-денежных отношений в этот период главным образом в среде купцов.

Вероятно, крупнейшим кладом XV в. не только на территории Среднего Поволжья, но и на территории всего Улу-

са Джучи в настоящее время является клад из Рыбной Слободы 2003 г. В кладе было не менее 6000 монет XV в. Вторым по величине кладом XV в. можно считать клад из Югана 1956 г., полностью также не сохранившийся. Насколько можно судить по общему весу клада, по количеству экземпляров он, вероятно, почти не уступал кладу из Рыбной Слободы. Вместе с тем крупнейшие клады XV в. далеко не достигают величины крупных кладов времени Токтамыша (10000–30000 экз.).

По месту находки клады XV в. распределяются так:

- Западное Закамье – 8,
- Западное Предкамье – 8,
- Предволжье – 4.

Г.А. Федоров-Давыдов отмечал изменение топографии находок кладов с монетами XV в. По его данным, наибольшее число монет XV в. встречается на территории северных районов Волжской Болгарии, в области, тяготеющей к Камаевскому городищу, к югу же от Камы монет этого времени почти нет (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 120). Это замечание нуждается в уточнении. Вывод Г.А. Федорова-Давыдова опирается на данные, известные к 1960 г. В настоящее время, на мой взгляд, топография находок монет XV в. не свидетельствует о смещении зоны монетного обращения к северу от Камы. Как видно из приведенных данных, в Предкамье было найдено менее половины кладов XV в., количество кладов в Предкамье не больше, чем в Закамье.

Наибольшее число кладов (три) встречено на Камаевском городище, которое в XV в. являлось памятником с наиболее развитыми товарно-денежными отношениями в рассматриваемом регионе.

802 г.х. (1399–1400 гг.) – время проведения в Золотой Орде монетной реформы (Федоров-Давыдов Г.А., 1960). Реформа сопровождалась сменой старых монет XIV в. монетами креатур Едигея. Смена монет в обращении Среднего Поволжья, как показывают клады, была неполной. Большинство

кладов с монетами XV в. на территории Татарстана состоит только из монет этого столетия, однако в шести кладах содержались монеты и XIV в. В одном из кладов (Верхнее Алькеево 1895 г.) содержались монеты Бориса Годунова и Петра I, вероятно, примешанные к кладу позднее.

Монеты XIV в. резко доминируют над монетами XV в. в кладах из Верхнего Алькеево 1895 г. (из 430 монет только шесть относятся к XV в.) и Тетюш 1907 г. (из 1515 монет началом XV в. датируется только восемь экземпляров). Много монет XIV в. и в кладах из Сосновки 1911 г. и Христофоровки 1873 г. Примесь монет XIV в. отмечается в двух кладах из Шангута²⁹.

Из девятнадцати кладов, сокрытых в XV в., точная датировка нескольких кладов неизвестна (имеются сведения лишь о нескольких монетах).

К первому десятилетию XV в. относится компактный в хронологическом отношении клад из Чуллы 1956 г., ко времени правления Пулада — клады из Тетюш 1907 г. и Христофоровки 1873 г., временем хана Тимура может датироваться клад из Хайриби 1929 г. (полный состав этого комплекса неясен). Последний клад в хронологическом отношении также очень компактен, а в кладах из Тетюш и Христофоровки имеется много монет XIV в. Вероятно, роль монет XIV в. в монетном обращении сильно сократилась именно в конце первого десятилетия XV в.

Ко второму десятилетию XV в. относятся клады из Сосновки 1911 г. (младшая монета — Кибек) и, вероятно, из Шангута 1963 г. (младшая монета — Керим-Берди).

Вскоре после 826 г.х. (1422–1423 гг.) был сокрыт крупный клад — Рыбно-слободский (младшая монета — 826 г.х., Мухаммад). 1420-ми гг. или началом 1430-х гг. датируется небольшой компактный клад с монетами Мухаммада из Войкино (до 1960 г.). К этому же времени может относиться клад из Югана 1956 г. с монетами Мухамма-

да, но от этого клада известны атрибуции лишь нескольких экземпляров. Вероятно, в это десятилетие был сокрыт клад из Горки (до 2004 г.) и клады из Измерей 1962, Караульной Горы 1957 г. (младшие монеты — Мухаммад, Давлет-Бирди, Василий II)³⁰. Время сокрытия одного из кладов с Камаевского городища неясно. Два других клада с этого памятника, найденные в 1850 и в 1856 г., также относятся к 1420-м или 1430-м гг.³¹

Обращает на себя внимание, что наибольшее число кладов XV в. из Татарстана относится к 1420–1430 гг. (восемь комплексов). Именно в это время окончательно прекратилась чеканка джучидских монет на территории Среднего Поволжья. Последние массовые эмиссии Болгара выпущены от имени хана Мухаммада в 831 г.х. (1427–1428 гг.) (Марков А.К., 1896, № 1513)³². Монетная чеканка в Нижнем Поволжье продолжала существовать и в последующие десятилетия, пик кладов XV в. в Нижнем Поволжье приходится на более позднее время — на середину XV в.

XV в. был временем постоянных военных конфликтов в Улусе Джучи. Очевидно, что беспокойная обстановка и войны являлись факторами, способствовавшими сокрытию кладов. Первая четверть XV в. прошла под знаком военных конфликтов Едигея с сыновьями Токтамыша. Современник тех событий отмечал: «Раз тот одержит верх над этим, а другой раз этот над тем. Дела племен Дештских стали ухудшаться да расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подверглись разъединению и розни...» (Тизенгаузен В.Г., 1884, с. 470). В ходе этих столкновений территория Среднего Поволжья также испытывала воздействия. Иоганн Шильтбергер, например, упоминает завоевание этой территории Едигеем. В 1409 г. в русских летописях отмечается поход новгородского посадника Анфала на Болгар (ПСРЛ, 1965, XI, с. 211). Возможно, что наиболее разрушительным среди военных конфликтов в XV в. был успешный поход в

1431 г. в Болгар Федора Пестрого по приказу Василия II («воеваша и всю землю их плениша») (ПСРЛ, 1965, XII, с. 9). Именно в начале 1430-х гг. затухает монетное обращение на Камаевском³³ и на Рождественском городищах.

На территории Татарстана были найдены только три клада с джучидскими монетами, сокрытые после 1430-х гг. Находки, относящиеся к этому времени, связаны уже со временем существования Казанского ханства. Очевидно, небольшое количество кладов связано не столько со стабилизацией обстановки в регионе, сколько с упадком монетного дела. Эмиссии второй половины XV в. немногочисленны. Редкостью становятся и отдельные находки монет.

Судя по наличию в кладе из Верхне-го Алькеево 1895 г. монет Мустафы бен Гийяс ад-Дина и Мухаммада бен Тимура, этот комплекс был сокрыт в период 1440–1450 гг. или позже.

Самые поздние клады с джучидскими монетами в рассматриваемом регионе — клады из Большого Шикши-Олуяза 1895 г. и Казани 1893 г. Младшие монеты кладов чеканены от имени Махмуда и Сайид-Ахмада (Большой Шикши-Олуяз), Ахмада и Мухаммада бен Сайид-Ахмада (Казань). Вероятно, оба клада были сокрыты в 1480-е гг. или еще позже. Интересно, что в этих кладах почти нет обильных эмиссий начала XV в. Видимо, к концу XV в. монеты султанов первой четверти XV в. практически вышли из обращения (в Казанском кладе только одна монета Шадибека, а в кладе из Большого Шикши Олуяза — только древнейшая монета относится к 1427–1428 гг.)³⁴.

XV в. был временем усиления децентрализации Улуса Джучи, происходило и дробление зон монетного обращения. Однако в первой четверти XV в. политический распад государства был приостановлен энергичной деятельностью эмира Едигея. При креатурах Едигея в начале XV в. в Болгаре возрождается чеканка серебряных монет, которая была приостановлена еще при Узбеке. В Сараях в XV в. монет чеканилось зна-

чительно меньше, чем на других монетных дворах.

В статье, вышедшей в 1960 г., Г.А. Федоров-Давыдов предположил, что в Нижнем Поволжье уже во второй четверти XV в. денежное обращение прекратилось полностью. По мнению исследователя, «вся продукция денежного двора в Хаджи-Тархане уходила в те районы, где денежное обращение было сохранено, не оседая в Нижнем Поволжье» (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 120). Новые находки монет позволяют считать, что в Нижнем Поволжье денежное обращение сохранялось и в более позднее время. Представительный комплекс монет с городища Каменный Бугор (Астраханская обл.) является наиболее ярким тому подтверждением (Лебедев В.П., Клоков В.Б., 2001, с. 22–52).

В кладах с большой долей монет XIV в. самое заметное место занимают монеты нижеволжской чеканки. В кладах с преобладанием эмиссий первой половины XV в. монет местного, болгарского чекана обычно больше, чем монет из других регионов, т.к. в начале XV в. в Болгаре возобновляется чеканка монет. Болгарские же монеты XV в., как справедливо отметил Г.А. Федоров-Давыдов еще в 1960 г., почти не проникали вниз по Волге (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 120).

Среди кладов первой половины XV в. с преобладанием монет этого столетия монеты средневолжской чеканки доминировали в кладе из Измерей 1962 г., Камаева 1856 г., Сосновки, Чуллы, а также, вероятно, в кладах из Войкино, Горки (до 2004 г.), Христофоровки. В кладе из Караульной Горы с преобладанием болгарских монет содержалось много монет нижеволжской чеканки. Эта же особенность характерна для клада из Рыбной Слободы (2/3 комплекса составляют монеты болгарской чеканки, а 1/3 — монеты, выпущенные в южных районах Улуса). Особняком стоит клад из Христофоровки, где преобладают монеты с юга (Хорезм, Хаджи-Тархан, Азак, крымские эмис-

сии). Болгарских монет в кладе всего 3 экз. Вероятно, этот клад был сформирован большей частью где-то в южном регионе. Сходны с этим кладом оба комплекса из Шангута, однако они сохранились не в полном составе.

В кладах второй половины XV в. (Большой Шикши Олуяз 1895 г., Казань 1893 г.) преобладают эмиссии южных центров Улуса Джучи (Хаджи-Тархан, Орда-Базар, Бик-Базар и другие), т.к. в Болгаре в это время чеканки монеты уже не велось.

Помимо монет Болгара встречаются немногочисленные эмиссии Болгара ал-Джедид (клады из Измерей 1962 г., Сосновки 1911 г., Хайриби 1929 г., отдельные находки на Камаевском городище).

Иноземных монет XV в. на территории Золотой Орды мало. К. Хеллер справедливо полагает, что в XV в., после завоевательных походов Тимура, волжская торговля «теряет свою интенсивность» (Хеллер К., 2001, с. 122, 124).

В кладах XV в. также встречаются восточные иноземные монеты, но большинство из них чеканены в XIV в., т.е. вполне вероятно, что они поступили на рынок Среднего Поволжья еще в XIV в., т.к. они были встречены в комплексах, основной состав которых был сформирован в XIV в. В кладе серебряных монет начала XV в. из Тетюш (1907 г.) представлены редкие для Поволжья монеты Исфендиаров Синопа (3 экз.), Османов (Мурад I, 1 экз.). В этом же кладе содержались и другие восточные иноземные монеты XIV в. (2 экз. джелаиридских монет, шесть монет Тимура). Иноземные серебряные монеты XIV в. представлены также в кладах XV в. из Карашама (хулагуид Сулейман) и из Христофоровки (Тимур и Суюргатмыш).

В XV в. немногочисленные иноземные монеты поступали только из русских княжеств и из Крыма. Монеты Хаджи-Гирея были встречены в кладе из Казани 1893 г. (5 экз.). В этом же комплексе содержались генуэзско-татарские эмиссии (4 экз.). Генуэзско-

татарская монета присутствовала и в кладе из Верхнего Алькеево.

Русские монеты – наиболее многочисленная категория иноземных монет в рассматриваемом регионе в XV в. Русские серебряные монеты встречаются как примесь в кладах джучидских монет, а также в качестве отдельных находок. Если в конце XIV в. монеты русских княжеств встречаются в равной степени как в Нижнем, так и в Среднем Поволжье, то уже в следующем столетии подавляющее большинство комплексов с русскими монетами встречается именно на Средней Волге.

Русские монеты XV в. (и русские надчеканки) встречены не менее чем в двенадцати кладовых комплексах на территории Татарстана (Горка до 2004 г., Измери 1962 г., Караульная Гора 1957 г., Камаево до 2004 г., Рождествено до 2004 г., Рыбная Слобода 2003 г., Сосновка 1911 г., Тетюши 1907 г., Христофоровка 1873 г., Чуллы 1956 г., Шангут 1963 г.) (всего не менее 110 экз.)³⁵. Наибольшее число русских монет содержалось в кладах из Рыбной Слободы (не менее 61 экз.) и из Караульной Горы (не менее 16 экз.).

Преобладают монеты времени Василия Васильевича Темного и Даниила Борисовича Суздальско-Нижегородского. Примечателен клад из Тетюш, где содержалась монета Бориса Константиновича Городского, рязанская монета, монеты с надчеканками русских букв («Б»; «Д»; «Бо») и изображений (голова человека(?); «кунья мордка»). В кладе из Камаево, найденном до 2004 г., содержались монеты Галицкого княжества, в кладе из Нимич-Касы – Василия I, в кладе из Чуллы – Дмитрия Донского, а в кладе из Рождествено – Ивана Борисовича. Отдельные находки русских монет XV в. есть в Болгаре и на Камаевском городище, в Казанском кремле.

Вместе с этим необходимо отметить, что русские монеты на протяжении первой половины XV в. представляют собой немногочисленную категорию находок, на протяжении всего сто-

летия, уступая роль джучидским монетам.

Кладовые монетные комплексы середины и второй половины XV в. на территории Казанского ханства немногочисленны. Данное обстоятельство затрудняет анализ структуры монетного обращения этого времени. Монетный чекан от имени Болгара был в основной массе приостановлен при хане Улу-Мухаммаде (в 1420–1430-е гг.)³⁶. А.А. Ильин, справедливо отметивший этот факт, вместе с тем указал, что Казанское ханство, павшее в 1552 г., «следовательно, более столетия ... довольствовалося монетою анонимною, а вернее, что монетами русскими» (Ильин А.А., 1924, с. 28). По данным А.А. Ильина, «клады времени Ивана III

и Василия Ивановича многочисленны, они распространены не только по всей тогдашней Руси, но и в царстве Казанском» (Ильин А.А., 1924, с. 28). Сходной позиции придерживался А.Ф. Лихачев: «Неоднократные находки кладов русских денег XV столетия в г. Казани и полное отсутствие кладов с джучидскими монетами — наводят на мысль, что русская звонкая монета в Казанском царстве имела курс и заменила прежние джучидские дирхемы» (Лихачев А.Ф., 1880, с. 118). Вместе с этим известные комплексы второй половины XV в. из Среднего Поволжья показывают, что в обращении еще находились джучидские монеты, выпущенные в южных регионах Улуса Джучи, а также крымские эмиссии.

Библиография

- Васильев А.В.* Тяжбердинский клад // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXXIV. Вып. 1–2. Казань, 1928.
- Ильин А.А.* Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. — Л., 1924.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия исторических наук. — Казань, 1954.
- Катанов Н.Ф.* Нумизматическая коллекция И.А. Износкова // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XIII. Вып. 4. — Казань, 1895.
- Лебедев В.П., Клоков В.Б.* Монеты с юго-восточных окраин Сарая // Татарская археология. — № 1–2 (8–9). Казань, 2001.
- Лихачев А.Ф.* Описание части клада русских денег XV в. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. II. — Казань, 1880.
- Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. — СПб., 1896.
- Мухамадиев А.Г.* Два клада татарских монет XV в. // Советская археология. № 2. — М., 1966.
- Мухаметшин Д.Г.* Датировка археологического слоя по нумизматическим данным // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы третьих Халиковских чтений. 27–30 мая 2004 г. — Казань — Болгар, 2004.
- Пачкалов А.В.* Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. — Нижний Новгород, 2002.
- Пачкалов А.В.* Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. Нижний Новгород, 2004.
- Пачкалов А.В.* Новые клады с монетами Золотой Орды // Археологические памятники Восточной Европы: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13. — Воронеж, 2009.
- Петров П.Н., Студитский Я.В., Сердюков П.В.* Проводилась ли Токтой общегосударственная реформа 710 г.х. Кубанский клад времени Узбек-хана // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв. I МНК — Саратов 2001, II МНК — Муром 2003. — М., 2005.
- ПСРЛ. Т. XI–XII. Патриаршая или Никоновская летопись. — М., 1965.
- Руденко К.А.* Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.) // Татарская археология. № 1–2 (10–11). — Казань, 2004.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. — СПб., 1884.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. — М.—Л., 1941.

Тростьянский О.В., Егоров Э.Н. Анонимные и анэпиграфные монеты Булгара XIII—XIV вв. // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 280-летию указа Петра I об охране Болгарских древностей. Болгары, 24 сентября 2002 г. — Казань, 2003.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. — М., 1963.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. — М., 1974.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Булгара // Булгар. Очерки истории и культуры. — М., 1987.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. — М., 2003.

Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. — Казань, 1994.

Хамидуллин Б.Л. Предыстория Казанского ханства: образование и этническая история Казанского «княжества» (постановка проблемы) // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. — Казань, 2002.

Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1226—1556. Казань, 2001.

Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария: сельское хозяйство и промыслы. Городское ремесло и торговля // Очерки по археологии Татарстана. — Казань, 2001.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 42. — М., 1954.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Не всегда можно уверенно отличить отдельные находки от кладов. Некоторые отдельные находки монет могут являться частями разрушенных монетных кладов.

² Точный подсчет невозможен (для некоторых кладов состав известен не полностью, а для других есть только указания на вес комплекса, а не на количество монет в нем).

³ Информация об обстоятельствах обнаружения некоторых кладов лаконична. Некоторые клады (сходные по составу, найденные в одном месте в близкое время) могут являться частями одного разрушенногоклада.

⁴ Анализ кладов подготовлен по сводам монетных находок (Федоров-Давыдов Г.А., 1960; 1963; 1974; 2003; Пачкалов А.В., 2002; 2004; 2009).

⁵ Следы тары отмечены только в 14 кладках (12,9%). Чаще всего — это керамический кувшин (сосуд), но в двух случаях сосуды были металлическими (медными), в одном из кладов монеты были накрыты серебряной миской, а один клад XV в. содержался в деревянном ящике(?), залитым воском.

⁶ Вещи обнаружены в 12 кладках (11,5%). Это электронные кольца и бриллианты(?), металлические перстни, медные, серебряные и золотые браслеты, золотые и серебряные кольца, серебряные серьги в виде знака вопроса, семигранная железная гирия, ожерелье из мелкого жемчужного бисера, коробочки для Корана, стеклянные и хрустальные пронизки и обломки различных украшений. Видимо, наиболее часто встречаются в кладках с золотоордынскими монетами серебряные браслеты. Особенно богат серебряными и золотыми украшениями Карашамский клад конца XIV в. Кроме монет и вещей в кладках встречаются палочковидные серебряные слитки — сумы (сомы). Серебряные слитки обнаружены в 8 кладках на территории Татарстана (7,7%).

⁷ Однако известны и небольшие «клады», состоявшие из монет, сознательно выведенных из обращения — монеты в погребениях («оболы мертвых»). Количество погребений золотоордынского времени с монетами в Волжской Болгарии невелико по сравнению, например, с территорией Нижнего Поволжья.

⁸ В русских летописях он именуется Булак-Темером, однако это имя в русских источниках искажено. Видимо, то же лицо именуется на джучидских монетах Пулад-Тимуром.

⁹ Неизвестен состав (и время сокрытия) 14 кладов (10%).

¹⁰ Например, уже много времени спустя после сокрытия клада XV в. из Верхнего Алькево к нему были примешаны монеты Бориса Годунова и Петра I.

¹¹ В качестве примера можно привести находку клада джучидских монет на Суварском городище, где по последним данным нет слоя золотоордынского времени (Хузин Ф.Ш., 2001, с. 186).

¹² Характерным примером является клад, состоявший исключительно из Чагатаидских монет XIII в., найденный в Поволжье.

¹³ Здесь и далее при рассмотрении кладов и отдельных находок монет, имеющих в приложениях, ссылка на источник информации в самом тексте не приводится. В тексте работы указывается только место находки клада, но в случае, если около этого населенного пункта были найдены несколько кладов, приводится информация о времени находки. В случае, если в один год у одного населенного пункта были найдены несколько кладов, то вслед за годом приводятся литеры (в соответствии с приложением).

¹⁴ В кладе серебряных монет из Болгара 1966 г. содержалась одна медная монета, а в кладах из Камаева (найденном до 2004 г.) и из Каратуна (1986 г.) — несколько пулов. В кладе серебряных монет из Русского Урмата была, как минимум, одна медная монета.

¹⁵ О.В. Тростьянский и Э.Н. Егоров справедливо отмечают: «Причин не попасть в клады с монетами Менгу и Ариг-Буги у «Насиров» было много: во-первых, они были более ранние и их было в несколько раз меньше выпущено изначально; во-вторых, они оказались менее ходовыми из-за своей большой ценности; наконец, не так много известно и самих кладов этого периода» (Тростьянский О.В., Егоров Э.Н., 2003, с. 120).

¹⁶ В одной из работ А.В. Васильева (1928, с. 138) упоминаются золотоордынские монеты другого города Волжской Болгарии — Суvara. Это соображение явно основывается на недоразумении. Джучидских монет этого центра неизвестно.

¹⁷ На территории Татарстана было встречено два клада с младшими монетами Джанибека, однако об их составе не сохранилось почти никакой информации (известна информация только о нескольких экземплярах).

¹⁸ Необходимо отметить, что эта точка зрения была высказана еще в конце XIX в. Н.Ф. Катановым (Катанов Н.Ф., 1895, с. 313–314).

¹⁹ Отсутствие подобных монет в кладах второй половины XIV в. может объясняться и тем, что они уже вышли из обращения естественным путем.

²⁰ Г.А. Федоров-Давыдов отмечает, что Сарай ал-Джедид и Гюлистан являлись «главными поставщиками серебряных монет во все районы Золотой Орды до 1360-х гг.» (Федоров-Давыдов Г.А., 2003, с. 15).

²¹ Возможно, что некоторые индийские монеты из находок в Болгаре и Дануровке являлись также частями разрушенных кладов.

²² Вместе с тем можно отметить, что в единичных случаях в обращении вплоть до конца XIV в. могли находиться монеты конца XIII в. Подтверждение этому — клад из Болгара 1871 г., где вместе с монетами Токтамышша была встречена монета хана Тула-Буги конца XIII в.

²³ Г.А. Федоров-Давыдов предполагал, что реформа началась, вероятно, еще в 781 г.х., но развилась в 782 г.х. (Федоров-Давыдов Г.А., 2003, с. 16).

²⁴ «Процесс медленного изменения состава денежного обращения, процесс, постепенность которого мы наблюдали на материале кладов, зарытых между 710–782 гг.х. (1310–1380-х гг.), вновь прерывается резкой и одновременной сменой монет», — отмечал Г.А. Федоров-Давыдов еще в работе 1960 г. (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 111).

²⁵ «Отсутствие серебра в культурном слое поселений и скапливание их в огромном количестве в кладах показывает уменьшение внутреннего денежного обращения и концентрацию торговли в руках транзитных купцов, а отсутствие кладов во внутренней части Булгарского Улуса — сужение торгового коридора по волжскому пути», — так характеризует монетное обращение Среднего Поволжья 1380–1390-х гг. Д.Г. Мухаметшин (Мухаметшин Д.Г., 2004, с. 131).

²⁶ Местное происхождение надчеканок подтверждается крайней редкостью находок подобных монет за пределами Среднего Поволжья.

²⁷ Насколько мне известно, это самая восточная находка центральноевропейской монеты этого времени. Чаще встречаются пражские гроши в западных районах Улуса Джучи.

²⁸ К первой половине столетия относятся 14 кладов, а ко второй половине — всего три. Время сокрытия еще нескольких кладов неясно, т.к. состав кладов неизвестен.

²⁹ В единичных экземплярах в XV в. продолжали бывать монеты, выпущенные до реформы Токты 1310 г. (монета Укека из клада в Сосновке).

³⁰ Если в кладах из Измерей 1962 г., наряду с монетами 1420-х гг., имеется большое число монет 1400–1410-х гг., то в кладах из Караульной Горы 1957 г. резко доминируют монеты 1420-х гг. Можно предположить, что клад из Караульной Горы был сокрыт несколько позже.

³¹ В кладах 1856 г. содержалась монета, которая была определена как принадлежащая Ахмаду. Вероятно, атрибуция монеты ошибочна, т.к. в этом кладах все другие монеты относятся к 1400–1420 гг., а на памятнике не встречаются отдельные монеты второй половины XV в. Возможно, за монету Ахмада была принята монета Сайид-Ахмада I, правившего в конце первой четверти XV в.

³² Имеются сведения и о болгарских монетах более позднего времени (с именами Мухаммада бен Тимура, а также Махмуда бен Мухаммада бен Тимура) (Марков А.К., 1896, № 35; Федоров-Давыдов Г.А., 1960, № 195, 202 б).

³³ В историографии встречается предположение, что Камаевское городище продолжало существовать и позднее – во второй половине XV в. (Руденко К.А., 2004, с. 103). Однако культурный слой этого памятника незначителен. Несмотря на большое число монет первой трети XV в., монеты последующего времени совершенно не встречаются. Это дает повод предполагать, что город прекратил существование в результате какого-то военного конфликта 1420–1440-х гг.

³⁴ Это обстоятельство отметил еще Г.А. Федоров-Давыдов, указав, что в Волжской Болгарии «клады, зарытые в середине XV в., на 100% состоят из монет середины XV в.» (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 125). При этом исследователь не выделял новый этап денежного обращения для второй половины XV в.

³⁵ В Казанском кладах 1837 г., осмотренном Х.М. Френем, большинство монет составляли подражания джучидским серебряным монетам. Возможно, это были русские подражания. Однако решить вопрос невозможно, т.к. до настоящего времени клад не сохранился. В Свяжском кладах 1717 г. вместе с джучидскими монетами были русские монеты, однако атрибуция монет клада не сохранилась. Время сокрытия клада неясно.

³⁶ Болгарские монеты более позднего времени вызывают сомнения в их атрибуции, т.к. не были опубликованы подробно.

Аннотация

В статье рассматриваются данные о кладах с монетами XIII–XV вв. (в основном серебряные монеты Золотой Орды), найденных на территории современной Республики Татарстан в XIX–XX вв. (всего 104 клада). Рассмотрены сведения о датировках, о топографии находок и размерах кладов. Наибольшее количество кладов относится к периоду 1360-х гг. и связано с периодом гражданской войны в Золотой Орде. Рассмотрено обращение иноземных монет, встреченных в кладах. На основании анализа состава кладов сделаны выводы о динамике изменения монетного обращения в золотоордынском Поволжье.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, Булгар, монетное обращение, клады, дирхемы, данги, пулы.

Summary

The article deals with the data on the hoards of coins of the XIII–XV centuries (mainly silver coins of the Golden Horde) found in what is now the Republic of Tatarstan in the XIX–XX centuries (104 hoards in all). We considered the information about dating, the size of the topography findings and treasures. The greatest number of treasures belongs to the period of the 1360s and is associated with a period of the civil war in the Golden Horde. We considered the treatment of foreign coins found in hoards. On the basis of the analysis of hoards conclusions are made concerning the dynamics of monetary circulation in the Volga region of the Golden Horde.

Key words: Ulus Jochi, the Golden Horde, Bulgars, monetary circulation, treasures, dirhams, dangs, puls.

УДК 81'366

ПОНЯТИЕ ПАНИСЛАМИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЯХ

Ф.Р. Сулайманова, аспирант КФУ

В последние десятилетия XX – начале XXI века у многих возрос интерес к религии, в том числе и к исламу. Народы, исповедующие ислам, все чаще обращаются к своим идейным истокам, к своему богатому культурному наследию. С возрождением ислама все чаще употребляются слова, близкие к исламу. Объектом данного исследования является такое понятие, как панисламизм.

Слово «панисламизм» состоит из 2 слов: *pan* – др. греч. означает «все», *islam* – арабское слово – ислам. Это понятие рассматривается в основном в энциклопедиях, исламских справочных материалах и в исторических словарях. Чтобы понять, изучить развитие, восприятие, отношение к данному понятию, мы обратились к справочным материалам. Проанализировав их, можно сказать, что эволюция этого понятия, отношение к нему были очень разнообразными. Особенности трактовки данного понятия изложены в нижеприведенной таблице.

№ п/п	Название справочного материала	Трактовка понятия	Выводы
1.	Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранатъ и К» / Под ред. Ю.С. Гамбарова, В.Я. Железнова, М.М.Ковалевского, С.А.Муромцева, К.А.Тимирязева. – Т.27. – Москва: Главная контора Т-ва «Бр. А. и И. Гранатъ и К», 1913	«В XX веке передовые турецкие политики-интеллигенты, понимая, что ожесточенная вражда между шиитской Персией и суннитской Турцией служит только в пользу европейцам, которые не перестают подчинять себе исламские народы, стали проводить в печати идею панисламизма, или объединения всех мусульман для дружного отпора европейцам; главою объединенного исламского мира должен быть, по их идее, турецкий султан. История знает редкие случаи, когда шииты и сунниты способны были объединиться на короткое время для совместной борьбы с общим врагом. Но при этой органической ненависти, которую питает простой шиит к сунниту, идея панисламизма, как постоянного единения с суннитами, остается интеллигентской затеей и не проникает в народные массы».	Авторы рассматривают панисламизм не как отдельное понятие, а раскрывают только внутри другого понятия – мусульманства и магометанства. В данных справочных материалах панисламизм рассматривается внутри другого понятия (мусульманство). Термин уже в 1913 г. существовал, но авторы этих энциклопедий отдельно как понятие не выделяли, наблюдается частичное отождествление его с магометанством и мусульманством. Обе трактовки считают, что панисламизм – это идея «единения в одну семью», но она, по материалам энциклопедии, невозможна и охватывает только интеллектуальные круги.
2.	Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. К.К. Арсеньева. – Т.25. – Петróград: Акционерное общество «Издатель-	«Попытки отдельных мусульманских государей внести примирение между шиитами и суннитами терпели полное крушение. В наши времена некоторые турецкие политики, усматривая в ненависти между шиитской	

	<p>ское дело б. Брокгаузь-Ефронь», 1916. (панисламизму не дается трактовка как понятию)</p>	<p>Персией и суннитской Османской империей главную основу той власти, какую приобрели европейцы-гяуры над мусульманскими странами, стали проводить в печати идею панисламизма, то есть мысль о необходимости для всех мусульман, без различия исповеданий, слиться в одну дружную семью, которая дала бы отпор Европе и, в частности России; верховенство в таком панисламском мире должно принадлежать османскому султану. Главным образом, турки-панисламисты рассчитывают на шиитский тюркский элемент. Панисламистские стремления представляются дикими для простых шиитов и идея панисламизма не выходит за пределы незначительных интеллигентских кругов, религиозная искренность которых к тому же очень сомнительна.</p>	
<p>3.</p>	<p>Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. — Т.44. — М.: Советская энциклопедия, 1939. — 832 стб.</p>	<p>«Панисламизм — религиозно-политическое учение, проповедующее необходимость государственного объединения всех мусульман под верховной властью мусульманского халифа. В XIX веке идеи панисламизма становились знаменем их борьбы против эксплуататорской политики. Панисламистские лозунги были использованы в движении горцев Кавказа. В конце XIX века идеи панисламизма нашли выражение в работах Джемаль-ад-дина аль — Афгани (1839—1897). В 1911—1912 годы в Германии создан специальный панисламистский центр, который издавал соответствующую литературу и имел обширную агентуру в Турции, Иране и в тех областях царской России, в которых численно преобладали мусульмане. Панисламизм иногда составлял существенную часть программы многих организаций в царской России и ее колониях. Панисламизм используется обеими воюющими группами империалистов в войне 1914 — 1918 гг. После победы Великой Октябрьской социалистической революции панисламизм стал орудием врагов СССР.</p>	<p>Данная энциклопедия рассматривает эволюцию панисламизма с конца XVIII века по 30-е гг. XX века. В конце XVIII века панисламизм выражается как борьба реакционных кругов мусульманских феодалов и духовенства против проникновения европейского капитала, а потом панисламистские идеи широко распространялись и многие страны в своих политических действиях преследовали панисламистские идеи. Панисламизм рассматривается в основном как «негативное» явление, которое угрожает целостности СССР, используется как орудие против него, и многие страны во время войны воспользовались панисламизмом исключительно в своих целях.</p>
<p>4.</p>	<p>Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский. — Т.32. — М.: Большая советская энциклопедия, 1955. — 646 с.</p>	<p>Религиозно-политическое течение, возникшее во второй половине XIX века среди турецких помещиков, буржуазного духовенства и распространившееся затем среди имущих классов и других мусульманских стран.</p>	<p>«Большая советская энциклопедия» охватывает эволюцию понятия со второй половины XIX века до 1950-х гг. Некоторые ранние утверждения берутся</p>

		<p>Панисламизм проповедует объединение в одно государство всех народов, исповедующих ислам якобы с целью борьбы против проникновения иностранного капитала в страны мусульманского Востока. Таким образом, панисламизм возник в Турции, потом распространился в другие мусульманские страны и явился объединением в одно государство всех мусульман. В начале XX века панисламизм широко использовался в захватнических целях султанской Турции, стремившейся объединить под своей властью мусульман, населяющих Афганистан, Иран, колониальные владения Великобритании, Египет, колониальные владения Франции и многочисленное мусульманское население царской России. После этого и другие страны в своих интересах пытались использовать панисламизм. После Октябрьской революции панисламизм становится одним из орудий врагов Советского государства. Особенно широко использовался в годы гражданской войны, иностранной военной интервенции в СССР. Накануне Второй мировой войны гитлеровская Германия в целях подготовки агрессии против СССР создавала и финансировала панисламистские организации на Ближнем и Среднем Востоке.</p>	<p>под сомнение (например, борьба против проникновения иностранного капитала в страны Востока), но и есть продолжающаяся тенденция (рассмотрение панисламизма как цель борьбы против СССР и др.). Авторы считают, что с помощью панисламизма господствующие классы мусульманских стран, разжигая национальную и религиозную рознь, стремятся укрепить свои позиции и задушить революционное движение трудящихся народов Востока. Иностранцы, главным образом американские и английские, империалисты стремятся использовать панисламизм для борьбы с национально-освободительным движением в странах Востока.</p>
<p>5.</p>	<p>Советская историческая энциклопедия/ Гл. ред. Е.М.Жуков. – Т.10. – М.: – «Советская энциклопедия», 1967. –Т.10. – С.1040.</p>	<p>Панисламизм — религиозно-политическая идеология, оформившаяся в последней четверти XIX века. В основе панисламизма лежат представления о том, что ислам обеспечивает наднациональную и надклассовую общность и политическое объединение мусульман под главенством халифа важнее всех других государств и политических объединений. Первым идеологом панисламизма был Джемаль-ад-дин аль-Афгани (1839–1897). Он совместно с М.Абдо выдвигал облеченные в религиозную форму просветительские и освободительные идеи, сближавшие панисламизм с буржуазными антиколонистическими течениями. В России панисламизм был использован после революции 1905–1907 в качестве основной идеологии — в джадидизме, как противопоставление лозунга единства мусульман интернациональной солидарности трудящихся в борьбе против царизма.</p>	<p>В энциклопедии сохраняется тенденция использования панисламизма в захватнических целях. Например: «Султан Абдул Хамид II использовал панисламизм для оправдания захватнической политики Турции». Выводы авторов: «В целом панисламизм отрицательно сказывается на развитии общественной мысли в мусульманских странах, затрудняя формирование классового и национального самосознания».</p>

6.	Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. — Т.19. — М.: Советская энциклопедия, 1975. — 648 с.	Практически полностью повторяют трактовку «Большой советской энциклопедии» 1967 г.	Авторы сочли правильным (нужным) рассмотрение понятия и опустили только незначительную часть описания.
7.	Ислам. Краткий справочник. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. — 159 с.	Панисламизм — религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о единстве, солидарности всех членов мусульманской общины независимо от их государственной, расовой, национальной или социально-классовой принадлежности, обусловленные «равенством» всех мусульман «перед лицом Аллаха», и о необходимости объединения всех мусульман в рамках единого теократического государства. Панисламизм — доктрина, которая выдвинута в начале 70-х годов XIX века турецким просветителем, членом общества «Новых османов» Намык Кемалем (1840—1888) как средство идеологической мобилизации самосознания мусульманских масс перед лицом колониальной опасности. В ее основу был положен тезис о руководящей роли ислама как в духовной, так и в общественной жизни.	Панисламизм второй половины XX века составляет идейную основу движения «исламской солидарности». Оценка, приведенная в справочном издании, является новизной, так как не наблюдалась в ранее опубликованных материалах. В дальнейшем панисламизм претерпел определенную трансформацию, сохранив, однако, свою двойственность. Данное предложение авторами энциклопедии остается не до конца раскрытым.
8.	Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1989. — 1632 с.	Панисламизм оформился в конце XIX века. В нем отразились попытки соединить освободительное движение против американского и английского империализма с укреплением позиций ханов, помещиков, мулл. В Османской Турции и некоторых других странах, население которых исповедует ислам, правящие феодалы и буржуазные круги использовали панисламизм как орудие своей религиозной политики. Последним крупным проявлением антиколониального содержания панисламизма было халифатское движение в Индии в 1918—1922.	Эволюция панисламизма рассматривается очень коротко. По непонятным для нас причинам, авторы энциклопедии предпочли рассмотреть данное понятие в более поверхностной форме, охватывая лишь XIX — начало XX века, а середина XX века остается вовсе не упомянутой.
9.	Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. сост.: Ю.И. Аверьянов. — М.: Изд-во Моск. коммерч. университета, 1993. — 431 с.	Панисламизм — религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о духовном единстве мусульман всего мира вне зависимости от социальной, национальной или государственной принадлежности и о необходимости их политического объединения под властью высшего духовного главы — халифа. Первым идеологом панисламизма был Джемаль-ад-дин аль-Афгани (1839—1897). Первоначальная цель —	Рассматриваемое явление, возникшее во 2-й половине XIX века, вызывает повышенный интерес и неоднозначную оценку, восприятие, трактовку ученых, общественных деятелей в самые разные исторические периоды. Данный словарь охватывает множество новых мнений, в нем приводится подробный анализ панисламизма

		<p>обоснование антиимпериалистической борьбы мусульманских народов за независимость, за освобождение от британского колониализма.</p> <p>Для Османской империи идея панисламизма оказалась прикрытием гегемонистских устремлений султана Абдул-Хамида 2. Панисламизм вошел составной частью в официальную идеологию партии «Единство и прогресс» в сочетании с тюркизмом и пантюркизмом.</p> <p>В России панисламизм в сочетании с пантюркизмом составил основу джадидизма — буржуазно-либерального движения некоторых мусульманских народов за освобождение от диктатора российского самодержавия, за политические реформы, за сохранение и развитие культурно-религиозных традиций. Выражая действительную общность интересов мусульман царской России, панисламизм порождал иллюзию отсутствия социальных противоречий среди мусульман и политико-экономических противоречий между мусульманскими народами и государствами. Некоторые сторонники панисламизма, ссылаясь на духовное родство ислама и христианства, сочли неправомерной борьбу против английских колонизаторов; другие же, продолжая линию Афгани, настаивали на необходимости освободительной борьбы, не отказываясь в этих целях от союза с представителями других религиозных общин. Однако акцентирование религиозной основы привело к тому, что первоначальная антинационалистская направленность панисламизма вылилась в идею мусульманского национализма и признание того, что в Индии существуют две нации — индусов и мусульман.</p> <p>После Второй мировой войны панисламизм в основном утратил освободительный характер. Чаще используется для идеализации докапиталистических укладов и поддержания реакционных феодальных пережитков. Панисламизм в последнее время претерпел некую трансформацию. Как правило, он проводится в виде призыва к исламской солидарности, созданию международных мусульманских организаций, способных противостоять любому влиянию немусульманского мира.</p>	<p>как религиозно-политической идеологии, эволюция этого понятия начинается со второй половины XIX века. Особенно важна трактовка развития панисламизма в России. Данное понятие тесно переплеталось с пантюркизмом и составляло единую основу джадидизма.</p>
--	--	--	--

10	Словарь исторических терминов. — СПб., 1998. — 463 с.		Полностью повторяет трактовку «Советского энциклопедического словаря» 1989 года.
11	Татарский энциклопедический словарь / Гл. ред. М.Х. Хасанов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии, 1999.	Панисламизм — религиозно-политическая идеология, в основе которой лежит идея необходимости объединения мусульман в рамках единого государства, исходя из единства, солидарности всех мусульман, обусловленной равенством их «перед лицом Аллаха». Антиколониальной направленностью, призывом мусульманских народов к пробуждению и объединению в борьбе за независимость панисламизм выражал интересы широких слоев населения мусульманских государств. У татар идеи панисламизма не получили широкого распространения.	Авторы утверждают, что панисламизм — средство выражения интересов населения. Данное высказывание было новым словом к пониманию и трактовке данного понятия.
12	Религии народов современной России: словарь / Ред. кол. Мчедлов М.П. (отв. ред.), Аверьянов Ю.И., Басилов В.Н. и др. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Республика, 2002. — 624 с.	Панисламизм — религиозно-политическая идеология и практика, в основе которой лежат представления о единстве всех мусульман, живущих на земле, и необходимости их консолидации в едином мусульманском государстве. Исходя из коранических положений о братстве мусульман и необходимости взаимопомощи между ними, выдвигалась идея политического объединения мусульманских стран под властью халифа, которым тогда считался турецкий султан. В конце 60-х — нач. 70-х гг. XX века возрожденная идеология панисламизма стала теоретической основой движения исламской солидарности. Важнейшими идеологическими и пропагандистскими центрами этого движения являются Всемирная исламская лига и Всемирный исламский конгресс. В соответствии с представителями их авторов, реализация этих идей проходит через несколько этапов. Сначала мусульмане каждой страны путем самосовершенствования всесторонне осваивают исламский образ жизни, устраняют все неисламское из своих мыслей и действий. Затем должны быть введены законы шариата во всех мусульманских странах. Параллельно должны идти процессы экономической и военной интеграции мусульманских стран. На последующем этапе решается задача объединения всех мусульманских стран в одно исламское государство либо создается конфедерация мусульманских государств.	Отдельное внимание уделяется авторами целям этих организаций: поощрять исламскую солидарность и укреплять сотрудничество государств-членов во многих областях, проводить консультации между ними в международных организациях, содействовать ликвидации расовой дискриминации и другие. Рассматриваются идеи «единой исламской нации», создания «единого исламского государства», «халифата». В марте 1997 г. в помещении Комитета по международным отношениям Государственной Думы был организован «круглый стол», посвященный этому вопросу. Авторы в пользу реализации вступления России в эту организацию приводят и ряд доводов.

		Некоторые мусульманские религиозные деятели считают целесообразным участие Российской Федерации в движении исламской солидарности, в частности путем ее вхождения в Организацию «Исламская конференция».	
13.	Ислам на европейском Востоке: энциклопедический словарь. — Казань: Магариф, 2004. — 383 с.	Панисламизм — религиозно-политическая концепция, в основе которой лежат представление о единстве мусульман всего мира и идея о необходимости создания единого мусульманского государства. Панисламизм оформился в конце XIX века в период колониального порабощения стран Востока европейцами. В настоящее время мало кто серьезно верит в возможность объединения полутора-миллиардного мусульманского мира в одном государстве. Однако духовное и культурное единство, политическое и социальное взаимопонимание и поддержка между мусульманскими странами возможны.	Исходя из вышеизложенного, авторы не рассматривают эволюцию понятия панисламизма, а скорее всего ограничиваются лишь оценкой, выражая свое отношение к данному явлению.
14.	Религиоведение / Энциклопедический словарь. — М.: Академический Проект, 2006. — 1256 с.	Панисламизм — условное обозначение комплекса религиозно-политических идей, ориентированных на объединение всех мусульман, независимо от их этнического происхождения и социального статуса, в единое государство во главе с праведным правителем, халифом. На этом этапе идеи панисламизма смыкались с попытками реформирования государственной идеологии Османской империи в духе создания общеимперской идентичности для сохранения целостности империи и противостояния колониальной экспансии западных держав. В основу доктрины панисламизма положена идея о руководящей роли ислама в духовной и общественной жизни и представление о религиозном братстве всех мусульман. Наибольшее развитие идеи панисламизма получили в теоретических работах и практической деятельности Джемаль-ад-дина аль-Афгани, с которым по преимуществу связано становление панисламизма как законченной политической доктрины. В объединении аль-Афгани видел возможность противостоять колониальной экспансии Великобритании и других колониальных держав и сохранения культурно-цивилизационной идентичности исламского мира.	Следовательно, словарь дает данному понятию иной подход, нежели другие материалы. Автор попытался раскрыть сущность понятия, каким его выдвигали его идеологи. Он очень часто опирался на идеи Джемаль-ад-дина, М.Абдо. Идеи панисламизма этих авторов очень схожи с идеями Гаспринского. Авторы рассматривали больше само понятие, значение его, а не эволюцию понятия.

		<p>В начале XX века политические идеи панисламизма без его культурно-просветительской составляющей были использованы в попытках последнего османского султана Абдул-Хамида II спасти стремительно разрушающуюся империю. Сходные идеи были выдвинуты в 1880–1899 гг. российским мусульманским публицистом и общественным деятелем Исмаилом Гаспринским, пропагандировавшим идеи объединения мусульман (преимущественно тюрок) и модернизации традиционного мусульманского общества на основе стратегического сближения исламского мира с Россией. Такое сближение, с точки зрения Гаспринского, было бы выгодно как для России, так и для мусульман и могло бы способствовать их совместному выживанию и конкуренции с западом. Тем не менее идеи панисламизма рассматривались российскими властями как одна из важнейших угроз стабильности православной империи, а вслед за ней и всей христианской цивилизации. Идеи панисламизма в дезинтегрированном виде нашли некоторое отражение в лозунгах различных оппозиционных и революционных движений мусульманского мира. Однако в условиях роста национального самосознания и формирования наций современного типа они довольно быстро были вытеснены идеями этнического национализма. Некоторое возрождение идей панисламизма началось во второй половине XX века в эпоху крушения колониальной системы и обретения национальной независимости странами Ближнего и Среднего Востока.</p>	
15.	Ислам от А до Я / Сост. А.А. Савинов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 320 с.		Целиком и полностью опирались на приведенную трактовку «Ислам. Краткий справочник».
16.	Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забиянко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – Проект Гаудеамус, 2008. – 1520 с.		Воспользовались материалом из словаря «Религиоведение».
17.	Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х. Хасанов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2008.	Панисламизм – религиозно-политическая идеология, в основе которой лежит идея единства всех мусульман (независимо от их национальной принадлежности, места жительства и	Проанализировав приведенный материал «Татарской энциклопедии», можно сказать, что авторы рассматривают в последо-

		<p>социального положения) и включения мусульманских народов в единое теократическое государство (халифат). Стремление к тесному сплочению мусульман и «очищению» ислама имеет глубокие корни, однако концептуально идея панисламизма оформилась лишь в конце XIX века в трудах турецкого просветителя Н.Кемаля (1840–1888). В поиске политических сил для осуществления поставленных целей идеологи панисламизма пытались апеллировать то к турецкому султану, то к иранскому шаху, что стало причиной постепенного их отказа от идей демократии и свободы, поэтому уже в первой четверти XX века движение превратилось в реакционную силу. Идеи панисламизма были взяты на вооружение политическими силами, которые под их прикрытием прибегали к территориальной экспансии (например, турецким султаном Абдул-Хамидом II. В Индии идеи панисламизма нашли свое выражение в движении сторонников восстановления халифата (халифатистов). Позиции сторонников панисламизма значительно ослабели вследствие провала их попыток восстановить халифат после ликвидации султаната в Турции в 1924 г. Хотя панисламизм как течение продолжал существовать, влияние его пошло на убыль, после чего в разных мусульманских странах возникли новые модернизаторские и реформаторские концепции, главным образом националистического толка, ставившие целью перестроить социально-политическую и религиозно-культурную жизнь в своей стране. Со второй половины XX века идеи панисламизма представляют собой более эмоциональный призыв, нежели политическую программу по объединению мусульман. Практическим воплощением идеи «исламской солидарности» стало создание мусульманских организаций (Всемирный исламский конгресс, 1926; Лига исламского мира, 1962; Организация «Исламская конференция», 1969), которые сгруппировали вокруг себя духовных и политических деятелей – наиболее активных приверженцев мусульманского единства.</p>	<p>вательном порядке эволюцию понятия, приводя фактические доказательства.</p>
--	--	---	--

		<p>Царское правительство и правящие круги России постоянно обвиняли мусульманские народы, в первую очередь татар, в приверженности к идеям панисламизма; при этом под панисламизмом они подразумевали не стремление мусульман к созданию единого исламского государства с центром в Турции, а активизацию их политической деятельности, попытки создания политических партий и других общественно-политических организаций, которые якобы представляли угрозу для государства. В советское время атеизация общества, тотальное запрещение мусульманских политических обществ, духовных организаций вытеснили идеи панисламизма из общественной жизни. В то же время в силу противостояния капиталистического Запада и соц. лагеря во внешней политике советское руководство оказывает значительную и экономическую поддержку ряду мусульманских стран. С начала 1990-х гг., с возрождением ислама в России и ростом влияния исламского фактора в российском обществе, во внешней политике РФ был взят курс на сближение со странами мусульманского мира. В 2005 г. Организация «Исламская Конференция» приняла РФ в качестве наблюдателя.</p>	
--	--	---	--

Таким образом, эволюция понятия в справочных материалах очень разнообразная. В начале и середине XX века панисламизм рассматривался как негативное явление, которое используется как оружие против СССР. Само понятие характеризуется и как идея, течение, концепция, идеология, комплекс идей, учение. Даже время его возникновения остается спорным вопросом: с конца XVIII века до середины и конца XIX века. Некоторые издания просто повторяют материалы, вышедшие ранее. Это понятие, значение слова до сих пор остаются до конца не раскрытыми. В данной работе мы попытались дать перечень справочных изданий, в которых рассматривается это понятие, и передать оценку и трактовку авторов, приведенных в источниках. Несмотря на то что интерес к данной проблеме актуален и по сей день, это понятие требует еще более тщательного рассмотрения, подробного анализа и глубокого изучения.

Использованная литература

1. Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И Гранатъ и К» / Под ред. Ю.С.Гамбарова, В.Я.Железнова, М.М. Ковалевского, С.А.Муромцева, К.А.Тимирязева. – Т.27. – М.: Главная контора Т-ва «Бр. А. и И Гранатъ и К», 1913.
2. Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. К.К.Арсеньева. – Т.25. – Петроград: Акционерное Общество Издательское дело б. Брокгаузъ-Ефронъ, 1916.
3. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю.Шмидт. – Т. 44. – М.: Советская энциклопедия, 1939. – 832 стб.

4. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский. – Т.32. – М.: Большая советская энциклопедия, 1955. – 646 с.
5. Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Жуков. – Т.10. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – Т.10. – С.1040.
6. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. – Т.19 – М.: Советская энциклопедия, 1975. – 648 с.
7. Ислам. Краткий справочник. – М.: Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1983. – 159 с.
8. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. Прохоров А.М. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 1632 с.
9. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. сост.: Ю.И. Аверьянов. – М.: Изд-во Моск. коммерч. университета, 1993. – 431 с.
10. Словарь исторических терминов. – СПб., 1998. – 463 с.
11. Татарский энциклопедический словарь / Гл. ред. М.Х. Хасанов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 1999.
12. Религии народов современной России: словарь / Ред. кол. Мчедлов М.П. (отв. ред.), Аверьянов Ю.И., Басилов В.Н. и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Республика, 2002. – 624 с.
13. Ислам на европейском Востоке: энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004. – 383 с.
14. Религиоведение / Энциклопедический словарь. – М.: Академический Проект, 2006. – 1256 с.
15. Ислам от А до Я / Сост. А.А. Савинов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007 – 320 с.
16. Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забиянко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – Проект Гаудеамус, 2008. – 1520 с.
17. Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х. Хасанов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2008.

Аннотация

Объектом данного исследования является такое понятие, как «панисламизм». Это понятие рассматривается в основном в энциклопедиях, исламских справочных материалах и в исторических словарях. Чтобы понять, изучить развитие, восприятие, отношение к данному понятию, мы обратились к справочным материалам. Проанализировав их, можно сказать, что эволюция этого понятия, отношение к нему были очень разнообразными. Особенности трактовки данного понятия и выводы изложены в виде таблицы. Рассмотрев ее, можно понять, что некоторые справочные издания просто повторяют материалы, вышедшие ранее. Само понятие характеризуется и как идея, течение, концепция, идеология, комплекс идей, учение. Даже время его возникновения остается спорным вопросом: с конца XVIII века до середины и конца XIX века.

Ключевые слова: панисламизм, справочные издания, ислам, энциклопедические словари, религиозно-политическая идеология, Джемаль-ад-дин аль-Афгани.

Summary

The object of this study is the notion «pan-islamism». This concept is found mainly in encyclopedias, Islamic reference materials and historical dictionaries. In order to understand, to explore the development, perception, attitude towards this concept, we applied to reference materials. After analyzing them, we can say that the evolution of this concept, attitudes to it were very diverse. Peculiarities of interpretations of these concepts and conclusions are presented in the tabular form. Having examined them, we can understand that some reference books merely repeat the material previously released. The very concept is characterized as an idea, concept, ideology, a set of ideas and doctrine. Even the time of its origin remains controversial: the late eighteenth century to the mid and late nineteenth century.

Key words: Pan-Islamism, reference books, Islam, encyclopedic dictionaries, religious and political ideology, Jamal al-Din al-Afghani.

УДК 792.03

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КАЗАНСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»*

Н.С. Хамитбаева, кандидат исторических наук

В пореформенный период Казань продолжает развиваться как крупный центр культуры и искусства. В жизнь города все глубже входит театр, который стремился удовлетворять запросы своих зрителей.

Периодическая пресса того времени, в том числе и газета «Казанские губернские ведомости», старалась отзываться на все вопросы, связанные с развитием театральной жизни в Казани.

Периодическая печать — это источник, из которого исследователи чаще всего извлекают наиболее яркие публикации для иллюстрации авторских предложений, оставляя за пределами исследования массу фактического материала. Поэтому при изучении газеты, как массового источника, необходимы новые методы, направленные на повышение информативной отдачи. Одним из таких методов является контент-анализ. Суть его сводится к тому, «чтобы найти такие легко подсчитываемые признаки, черты, свойства документа, которые с необходимостью отражали бы определенные существенные стороны содержания. Тогда качественное содержание становится измеримым, доступным точным вычислительным операциям, а результаты — в достаточной мере объективными».

Обработка материалов газеты «Казанские губернские ведомости» потре-

бовала, прежде всего, применения к ним традиционных методов исследования. Для решения некоторых задач использовался контент-анализ. Необходимые условия его применения в целом соблюдались.

Поставленные задачи определили подход к сбору информации. Ее выявление велось в системе двух групп. В первой группе на временном отрезке 1850–1900 гг. применялся случайный принцип выборки. Во второй группе применялся сплошной принцип изучения к той части информационного массива, которая относится к изучаемой проблеме.

В первом случае ставилась задача выявить, какие вопросы театральной жизни города «Казанские губернские ведомости» отражала на своих страницах во второй половине XIX века. Во втором случае ставилась задача выяснить предпочтения газеты в ее аргументации.

Для решения первой задачи материалы газеты, собранные путем случайной выборки, были укомплектованы по следующим группам: 1) театр, 2) репертуар, 3) труппа, 4) публика. Результаты анализа сведены в таблицу 1.

Как видно из таблицы, больше всего газету интересовали проблемы репертуара и артистических трупп, хотя она не обходила вниманием и другие вопросы, относившиеся к театру.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Культура Казани в документах и материалах. XIX в.», проект № 10-01-29101 а / В.

Тематическая группировка материалов газеты «Казанские губернские ведомости»

Театр		Репертуар		Труппа		Публика	
кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
9	13,8	25	38,5	25	38,5	6	9,2

Значению театра, его задачам, внешнему виду, материальному содержанию газета «Казанские губернские ведомости» уделила всего 13,8% от всего информационного массива.

Так, в отношении значения казанского театра газета писала: «Театр в Казани издавна составлял существенную потребность общества и посему не удивительно, что в три первые же года своего существования, он занял, бесспорно, первое место между всеми провинциальными театрами». В 1880-е гг., после открытия театра в Адмиралтейской слободе, приветствуя его открытие, газета призывает городское общество «прийти на помощь прекрасному и полезному делу, ибо силы одиночных лиц, хотя и беззаветно преданных и действующих в духе одной идеи, могут истощиться». По мнению газеты, не мешало бы в таких всеобщих и полезных делах, как дело народного театра в г. Казани, помогать этому делу общими силами, чтобы дать прочное устройство одному из самых полезных учреждений, имеющему воспитательное значение, могущему повлиять на улучшение народного быта.

Рассматривая задачи театра, газета приходит к выводу, что учредители общедоступного театра смешивают два понятия: общедоступности и народности. В обществе, пишет автор публикации, сложилось мнение, что раз театр по ценам на места общедоступен, то значит он народный. На самом деле общедоступность и народность, по мнению автора, совершенно разные понятия, не имеющие никакой логической связи. Общедоступность, по мнению автора, это необходимое качество, которое должно быть присуще всем без исключения театрам, но, к сожалению,

на деле это качество не присуще ни одному из них. Самые дешевые места обычно стоят не менее 25 копеек, так что какой-нибудь бедняк совершенно лишен возможности посещать театр, и очень часто ни разу в нем не бывал, и не знает, что значит театр.

Народным театром, как считает автор, мог бы называться только такой, который мог бы получить название — серьезный театр с общечеловеческими задачами. При этом, по мнению автора, нельзя ограничиваться показом одной только русской жизни, «потому что эта жизнь не одна только, а есть много других, быть может, часто неподходящих к тем рамкам и условиям, в которых она находится. Но тогда, тем более, нужно знать эти другие жизни, чтобы иметь возможность их анализировать, сличать с собственной своей жизнью и делать те или иные заключения».

Об условиях содержания городского театра можно узнать из опубликованного в газете заявления антрепренера В.И.Кастровского. Это и увеличение платы за аренду театра, требование иметь приличную обстановку сцены, оркестр не менее 25 человек, иметь хорошую труппу, притом что ангажемент выдающихся артистов увеличился почти втрое, как и расходы по оплате освещения и отопления, и т.д. Перечислив все обременительные условия содержания театра, антрепренер предлагает Казанской городской думе: уничтожить монополию на газовое освещение; упразднить должность смотрителя театра по назначению от города, заменив его смотрителем, определяемым антрепренером; к началу сезона устранить недостатки в здании театра, например, «устроить быстрорастворимые шпингалеты, пружины к дверям, обить

последние в затворах войлоком и кожей, чтобы не было стуку, не бились стекла, держалось тепло и т.п.» .

Значительное количество информации в газете «Казанские губернские ведомости» – 38,5% относилось к репертуару театра.

В отношении репертуара газета часто давала простую информацию, типа объявлений о том, когда и какие пьесы будут поставлены в городском театре в тот или иной определенный сезон.

Несколько больше внимания газета уделяла описанию театрального репертуара. Например, газета сообщает, что в зимний театральный сезон 1883 г. «оперетка продолжает занимать господствующее положение и ей, по видимому, суждено будет процветать и в настоящем сезоне». Далее автор приводит такой красноречивый факт: «театральный зал в дни представления лучших русских драматических творений, каковы бессмертное «Горе от ума» или «Доходное место», с участием гастролеров, неприятно поражает взгляд своим пустынным видом, между тем представление какой-нибудь набившей всем оскомину и устаревшей даже для шарманок «Прекрасной Елены», словно магнит, притягивает публику...» .

Достаточно часто в газете встречаются разного рода рассуждения по поводу театрального репертуара. Так, анализируя спектакли за период с 27 декабря 1874 г. по 17 января 1875 г., газета пишет, что успех зависит от рационального выбора пьес, целесообразной раздачи ролей и хорошей подготовки артистов. Из этой публикации можно узнать, какие спектакли были поставлены на сцене казанского театра в этот период. Из всех поставленных пьес, наиболее удачной, по мнению газеты, была пьеса «Грех да беда на кого не живет». Остальные пьесы, по ее мнению, страдали однообразием основных мотивов. Все они, за небольшим исключением, как отмечает газета, построены на одной и той же теме. На первом плане – героиня, влюбленная в недостойного героя, который оказывается веро-

ломным и бросает героиню. Несчастливая жертва не только не выносит ничего поучительного из горького опыта, но начинает делать самые непозволительные глупости: например выходит замуж за первого встречного, сходит с ума, стреляется и т.п. Таково в общих чертах содержание этих пьес с небольшими вариациями, пишет автор, такое однообразие тематически одинаковых спектаклей, утомляет публику и более того способствует потере ее интереса к театру .

Нередко в публикациях газеты, посвященных театру, можно встретить критический подход к ряду вопросов. Так, приветствуя открытие нового театра в Адмиралтейской слободе в саду «Тиволи», газета пишет, что большей частью эпитет «народного» придается театру, чтобы показать, что он открывается с целью давать пьесы из жизни простого народа. Но учредители такого театра, пишет автор публикации, считают, что простой публике больше по нраву искаженная драма, нежели истинно-правдивая, поэтому на своих афишах они дают названия спекулятивно-трескучей, драматической литературы, озаглавливая каждый акт каким-нибудь страшным, наводящим ужас названием. Такому театру, по мнению автора, более пристало бы название «театр для детей по возрасту, уму и образованию».

Давая конструктивную критику, газета нередко сообщает свои пожелания по улучшению деятельности театра.

По мнению автора, создав театр в Адмиралтейской слободе и назвав свой театр «народным», учредителям его следовало непременно объяснить публике цель своего театра. Программа театра в «Тиволи», как и в других случаях, пишет автор публикации, носит характер неопределенности: «Нет в ней положительного указания ни на задачу учрежденного ими театра, ни на постановку дела, ни даже, собственно говоря, на репертуар, который бы хоть сколько-нибудь мог разъяснить, какого рода физиономию хотят придать они своему театру» .

При выборе пьесы, по мнению автора, необходимо составить список драматических произведений, удовлетворяющих более или менее художественным требованиям. При этом нужно учитывать возможность их постановки при наличном составе труппы. Этот список, как считает автор, можно дополнить такими произведениями, которые хотя и не отличаются особенными достоинствами, но не лишены интереса, имеют достаточно обработанные роли, дающие возможность главным персонажам труппы производить более или менее сильное впечатление. Из этого списка необходимо, по мнению автора, выбрать те пьесы, которые наиболее любимы публикой или те, которые могут быть особенно хорошо выполнены и, следовательно, гарантируют успех.

Театральным труппам и отдельным артистам, приезжавшим в Казань, как и в отношении театрального репертуара, газета уделила 38,5% от всего информационного массива.

Как и в отношении репертуара, газета «Казанские губернские ведомости» дает достаточно много простой информации о театральных труппах и отдельных артистах, приезжавших в Казань на гастроли.

Из простой информации можно узнать, о бенефисах разных артистов. Например, о прощальном бенефисе антрепренера П.М. Медведева, который отказался от дальнейшего содержания Казанского театра. 29 февраля 1880 г., сообщает газета, театр был переполнен публикой, которой он доставил возможность пересмотреть почти все, что было лучшего на провинциальных сценах. Кроме того, организовал русскую оперную труппу и познакомил с этим видом искусства не только Казань, но и все Поволжье, заслужил себе почетное имя своим отношением к товарищам-артистам в их среде, а своим замечательным комическим талантом в среде публики.

Рассказывая о приезжающих в Казань актерских труппах, газета знако-

мила с ними будущих зрителей. Сообщая о начале сезона 1876 г., она называет неизвестных еще в Казани артистов. Среди них Глебову, Киселевского и Форкатти, называет имена Мартыновой и Лазарева, которые пользовались вполне заслуженным успехом у публики. С удовольствием отмечает, что антрепренеру Медведеву удалось удержать в труппе любимцев публики Иванова-Козельского и Добрынина.

Описывая театральные труппы, газета иногда давала свою оценку. Например, она писала, что Казанский театр «в своем составе имел даже таких представителей, которые беспристрастно могли стать не только наряду, но даже выше столичных своих соперников».

Часто описание того или иного театрального события сопровождалось рядом наблюдений. Так, в отношении актрисы Стрелковой газета писала: «В Казани она впервые выступила в главных ролях и без преувеличения можно сказать с первого появления на сцене она заслужила полное одобрение публики, и расположение к ней осталось по настоящее время неизменным. Имя Стрелковой на афише почти три года было соблазнительно приманкою для посетителей театра; потому что игра ее всегда была исполнена чувства, благородства и естественности».

В сезон 1879 г. газета писала: «Казанский летний театр в настоящий сезон смело может гордиться тем, что в составе его труппы находится такой замечательный артист, как г. Свободин, и такие артисты, как гг. Холин, Каменский и др. Кто истинно любит театр, русское драматическое искусство, тот, несомненно, должен признать, что редко, крайне редко удавалось ему видеть что-либо подобное тому, что, например, дает ему в текущий сезон своей игрой г. Свободин. Положительно говорим, что из провинциальных артистов Казань еще не видела такого могучего и разнообразного таланта».

Газета не только описывала, но и размышляла, и рассуждала, и критиковала работу актеров. Так, в отношении

игры Шмидгофа газета писала: «Не можем не попенять г. Шмидгофу, который, выполняя роли Болтунова и Чухина, впал в утрировку, видимо, старался потешить посетителей галереи и парадиса, забыв, что, может быть, и там были такие люди, которым вовсе не могут нравиться сально-грязные и почти балаганные выходы, короче, был неестественно дурен».

Анализируя пьесу Островского «Грех да беда на кого не живет», автор приходит к заключению, что актеры Писарев и А. Мартынова точно придерживались текста пьесы, а остальные артисты прибегали к помощи суфлера или к пересказу своими словами. А артист, исполнявший замечательную роль старого деда Архипа, каждое слово которого проникнуто глубоким смыслом, не только употреблял собственные пересказы, но даже выбрасывал из роли некоторые места.

Иногда критика газеты сопровождалась советами и пожеланиями. Так, например, высоко оценивая игру Стрелковой, газета считает, что «Стрелкова, избрав для себя драматическое поприще, не должна оставлять без внимания и общего образования, которое может облегчить ей путь к дальнейшему усовершенствованию».

Много внимания газета уделяет размышлениям о задаче артистов, которая, как считает газета, заключается в правильном и рельефном создании характеров, а для этого необходимо внимательное и всестороннее изучение не только своей роли, но и всего драматического произведения. В провинциальных театрах, пишет автор публикации, репертуар настроен в основном на новизну и разнообразие, так что артисты, заваленные ролями, лишены возможности серьезно готовиться и как следует изучать свои роли. Поэтому автор считает необходимым ограничить репертуар теми художественными произведениями, которые не сходят со сцены, и незнанием которых не может отговариваться ни один более или менее серьезный артист. При этом каждый

артист должен учитывать необходимое требование — это отождествление себя с задуманным типом. С развитием сценического искусства, по мнению автора, изменилось отношение и к внешней стороне, лишавшей сцену естественности. В настоящее время, пишет он, каждый артист должен учитывать пластическую и живописную сторону своего замысла. В этом отношении автор выделяет артиста Писарева. Как пример, автор указывает на его общий вид в пьесах Островского в роли купцов Анания Яковлева и Краснова, в аристократических типах Градищева, Хлебоедова, Диковского, Сараева и др., в роли загнанной судьбой и спившихся мелких чиновников Груздева, Петра Ивановича, в роли крестьянина Зосимы, подчеркивает их разнообразие. Другие артисты, считает автор, значительно уступают Писареву и, несмотря на их стремление, в их замысел прокрадывается субъективный элемент, который устраняет возможность разнообразия. Из женского персонала к указанным требованиям, по мнению автора, приближаются Стрепетова и Шмидгоф, что свидетельствует об их знакомстве с условиями пластического творчества.

Газета достаточно много внимания уделяет вопросам грима и костюма, к которым требования современной сцены поставлены «весьма определенно», хотя многие артисты не придают этому большого значения, чем обедняют создаваемый образ, лишают его выразительности. Далее автор рассматривает значение мимики и жестикуляции в создании необходимого образа, подробно анализирует целесообразность раздачи ролей, требующих тонкой отделки, ведущим артистам, которые имеют возможность точно определить черту, где оканчивается естественность и начинается фарс.

Поднимая вопрос о собственной постоянной городской театральной труппе, газета пишет, что постоянные театральные представления в Казанском городском театре, происходят только зимой, хотя бывает, что и летом в город

заезжают артисты, которые дают один или два концерта. Это обстоятельство обычно объясняют тем, что летом Казань пустует, все разъезжаются по дачам, сборы в театре плохие и т.п. Автор публикации считает, что в городе остается достаточно много горожан и небольшая, но дружная труппа, могла бы всегда не только окупиться, но и давать хорошие дивиденды. При существовании в Казани постоянной небольшой труппы артистов, приезжие артисты, по мнению автора, могли бы гастролировать здесь с большим удобством и вносить оживление в деятельность местного летнего театра. «Конечно, — пишет автор, — было бы желательно, чтобы составилась ассоциация лучших сценических сил — для гастролирования по бедным закоулкам нашей родины, но этого едва ли скоро дождемся» .

Театральной публике газета «Казанские губернские ведомости» уделяла всего 9,2% своей информации. Тем не менее эта информация представляет определенный интерес.

Описывая обстановку в театре, газета «Казанские губернские ведомости» отмечает достаточно низкий уровень культуры посетителей: «Ежели вам, читатель, удавалось когда-нибудь бывать на наших мирских сходках, — пишет она, — где кричит всякий и никто не слушает, то они могут дать только самое слабое понятие о том шуме, какой бывает в театре». По мнению газеты, самое восторженное увлечение игрой артиста не должно выражаться подобным образом. «При отсутствии в Казани, как вообще во всех губернских городах публичных удовольствий, театр хотя и может быть некоторым развлечением в часы скуки и досуга, но уже ни как не предмет восторженных увлечений, до-

ходящих до какого-то безобразного беснования с забвением и собственно-го достоинства, и приличия, и должного уважения к публике» .

В то же время, газета отмечала, что горожане с симпатией относились к театру. Так, после пожара (1875 г.) в театре, газета писала: «Живое участие, с которым отнеслись все к совершившемуся факту, ясно показало, что к казанской сцене в настоящем ее виде, несмотря на многие недостатки, стали складываться в общественном сознании значительные симпатии» .

В отношении народного театра в Адмиралтейской слободе автор пишет: «Народ сначала дичился посещать театр от непривычки к нему, но теперь усердно посещает его, что показывает, что народный театр в Казани может иметь прочную будущность, отвлекая народ от кабаков и прочих увеселительных заведений; давая ему здоровую и воспитательную пищу, улучшая его быт и нравственность, и тем способствуя народному саморазвитию...» .

Как известно, чтобы донести информацию до своих читателей каждый периодический орган использовал на своих страницах различные типы корреспонденции, при этом отдавая предпочтение тому или иному определенному типу. Чтобы выявить, каким типам информации газета «Казанские губернские ведомости» отдавала предпочтение, весь информационный массив мы разделили на следующие группы: А) простая информация или сообщение; Б) описание; В) наблюдения, размышления, оценки; Г) критика и пожелания. Результаты анализа сведены в таблицу 2.

Как видно из таблицы, газета «Казанские губернские ведомости», стара-

Таблица 2

Группировка материалов газеты «Казанские губернские ведомости» по типам публикаций

А		Б		В		Г	
Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
15	23,1	18	27,7	20	30,7	12	18,5

ясь быть в курсе дел казанского городского театра, размещала на своих страницах публикации различного типа: от простой информации до критических статей.

В простой информации (23,1%) газета сообщала о приезде той или иной труппы, о предстоящих спектаклях, стараясь держать горожан в курсе, происходящих в театральной жизни событий.

Описанию театра, пьес или игры артистов газета уделяла 27,7% от всего информационного массива. Описывая на своих страницах различные аспекты театральной жизни, газета старалась заинтересовать зрителей, привлечь их внимание к театру.

Наблюдая и рассуждая, газета «Казанские губернские ведомости» стремилась обнаружить причины успеха или провала той или иной пьесы, причины хорошей или плохой игры актеров. Этому типу информации газета отдавала предпочтение, о чем свидетельствует количество публикаций (30,7%). Эти рассуждения помогали ее читателям определить свое отношение к театру, к пьесам, к игре актеров, развивали их интеллектуальный потенциал.

Статьи газеты «Казанские губернские ведомости» с конструктивной критикой представляют наибольший интерес, хотя их число невелико, всего 18,5% от всего информационного массива. В них газета не просто критикует, но часто определяет необходимые условия развития театрального дела в Казани, предъявляет требования к театру, к пьесам, к игре актеров, которые способствуют развитию, повышению уровня театральной жизни.

Таким образом, во второй половине XIX века газета «Казанские губернские ведомости» занимала четко выраженную просветительскую направленность в отношении театральной жизни города Казани. Описывая на своих страницах различные стороны театральной жизни, привлекая к ним внимание читателей, заставляя их думать, сопоставлять, сравнивать, газета, имела большое значение для развития культурного и интеллектуального уровня горожан. Информативная и ценностная аргументированность позволяли ей, не навязывая при этом своего мнения, поднимать ряд вопросов имеющих немаловажное значение для дальнейшего развития казанского театра.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Архангельская Д.И.* К вопросу изучения периодической печати методами контент-анализа // Методы количественного анализа текстов нарративных источников. — М., 1983. — С. 321.

² Казанские губернские ведомости. — 1855. — 31 января.

³ Казанские губернские ведомости. — 1883. — 3 сентября.

⁴ Казанские губернские ведомости. — 1882. — 24 апреля.

⁵ Казанские губернские ведомости. — 1883. 29 октября.

⁶ Казанские губернские ведомости. — 1875. — 18 января.

⁷ Казанские губернские ведомости. — 1883. — 3 сентября.

⁸ Театр был сдан на пять лет Кастровскому, бывшему антрепренеру Саратовского театра.

⁹ Казанские губернские ведомости. — 1855. — 31 января.

¹⁰ Казанские губернские ведомости. — 1855. — 31 января.

¹¹ Казанские губернские ведомости. — 1879. — 6 июня.

¹² Казанские губернские ведомости. — 1860. — 2 мая.

¹³ Казанские губернские ведомости. — 1875. — 1 февраля.

¹⁴ Казанские губернские ведомости. — 1855. — 31 января.

¹⁵ Казанские губернские ведомости. — 1875. — 8 февраля.

¹⁶ Казанские губернские ведомости. — 1881. — 18 июля.

¹⁷ Казанские губернские ведомости. — 1861. — 28 декабря.

¹⁸ Казанские губернские ведомости. — 1875. — 18 января.

¹⁹ Казанские губернские ведомости. — 1883. — 28 мая.

Аннотация

Как известно, газета «Казанские губернские ведомости» являлась официальным органом губернских властей и находилась под бдительным надзором губернатора. Тем не менее материалы газеты, посвященные деятельности Казанского театра, содержащие в себе значительный круг сведений, позволяют считать эту газету одним из интересных и емких массовых источников, который может обогатить и дополнить историю развития казанской театральной жизни во второй половине XIX века.

Ключевые слова: история Казани, театр, газета «Казанские губернские ведомости».

Summary

It is a well-known fact that the newspaper «Kazan province news» was the official organ of the provincial government and was under the watchful eye of the governor. However, materials of the newspaper devoted to the activities of the Kazan theatre, containing a considerable range of information allow us to consider this paper as one of the most interesting and high-capacity mass sources, which can enrich and complement the history of Kazan's theatrical life in the second half of the XIX century.

Key words: history of Kazan, theatre, newspaper «Kazan province news».

УДК 398:801.6

ВЕСОМЫЙ ВКЛАД В ФОЛЬКЛОРИСТИКУ (60-е гг. XX века)

И.И. Ямалтдинов, ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ

Поэтическое творчество татарского народа, формировавшееся в течение многих веков разнообразно и богато. Изучение, характеристика и классификация произведений национального фольклора всегда были из числа важных задач татарской фольклористики. С 1960-х гг. активно рассматривались вопросы литературы и фольклора, их взаимодействие и взаимовлияние, место фольклора в творчестве отдельных писателей и др. Публикация статей¹ в различных газетах и журналах, научных сборниках, подготовка и защита диссертации по темам «Фольклор и современная татарская проза» Ф.Ахметовой², «Современная татарская поэзия и народное творчество» Т.Галиуллина³ говорят о целенаправленном изучении и исследовании этих важных проблем. Наряду с этой актуальной темой уделяется внимание изучению таких проблем, как традиционный фольклор, бытование в устах народа, рождение новых баитов, песен и пословиц, роль самодеятельных кружков в развитии современной фольклористики. Изыскания по последней проблеме проводятся в диссертации Ф.Урманчеева «Пути развития основных жанров татарского советского народно-поэтического творчества»⁴.

В 1960-х гг. были защищены диссертации⁵ по отдельным жанрам татарского народного творчества. Фольклористы Н.Исанбет, Г.Баширов, И.Надиров издали сборники⁶ с содержательным научным аппаратом. Исследования этих авторов идейно-эстетических и тематических особенностей таких основ-

ных жанров татарского народного творчества, как народные сказки, анекдоты, пословицы и песни, являются открытием и очень важным шагом в развитии татарской фольклористической науки. Среди них фундаментальным является трехтомный труд Н.Исанбета «Татар халык мәкальләре»⁷. Но с учетом перечисленных достижений, нужно отметить, что не было в нашей фольклористике теоретического труда, охватывающего все жанры татарского народного творчества. И вот в 1967 г. издается книга Х.Ярми «Поэтическое творчество татарского народа», которую можно считать первым шагом в научно-теоретическом исследовании нашего фольклора, определения идейно-эстетических особенностей и исторического развития жанров. «Данный труд Х.Ярми – писал академик А.Каримуллин – первое большое достижение татарской фольклористики в систематическом научном исследовании почти всех жанров фольклора»⁸.

Эта монография, и по оценке профессора Ф.Урманчеева, явилась большим научным достижением татарской фольклористики. До нее не было научного труда, полно отражающего проблемы татарской фольклористики⁹ (подчеркнуто нами – *И.Я.*).

Народный писатель М.Магдеев в своей статье «Халык әдәбиятыбызга бер караш»¹⁰ в общем также дает положительную оценку труду Х.Ярми как первому опыту всестороннего анализа устно-поэтического творчества татарского народа.

Таким образом, значимость монографии определяется тем, что в ней все

актуальные проблемы татарской фольклористики освещены на высоком научном уровне для своего периода должным образом.

Первая и самая объемная часть труда посвящена истории собирания и научного изучения татарского фольклора. Работая над собиранием, изданием и теоретическим изучением основных жанров татарского фольклора, автор стремился дать оценку всей имеющейся литературе по татарской фольклористике. Он впервые непосредственно анализировал труды зарубежных (Г.Балинт, Х.Паасонен) и русских ученых (И.Лепехин, И.Рычков, М.Чулков, И.Добровольский, В.В.Радлов, Н.Ф.Катанов) и определил их важную роль для развития татарской фольклористики. Им также были подвергнуты подробному анализу фольклористическая деятельность К.Насыри, Г. Тукая, Х. Бадигова, Г.Ибрагимова.

Другим важным вопросом, поднятым в монографии, была проблема жанров татарского фольклора. В первом разделе «Сказки» рассматриваются пути развития и основные особенности одного из крупных жанров татарского фольклора — различных видов народных сказок. Например, сказки он по тематике делит на три группы, дает характеристику каждой из них. Останавливается на основных персонажах сказок. Судя по сохранившимся остаткам анимизма в таких сказках, как «Ак бүре» («Белый волк»), «Унберенче Әхмәт» («Одиннадцатый Ахмет»), «Корчангы тай» («Паршивый жеребенок») и другие или по отголоскам веры в мифические существа в сказках «Чакма ташы» («Огниво») — происхождение татарских сказок относится к далекому прошлому¹¹.

Х.Ярми анализирует одну из древнейших форм прозаического эпоса — сказки о животных. Он полагает, что большинство из них возникло в период родового общества и частично отражает бессилие человека перед миром животных, желание как-то умиливать их, поклоняться им. И в то же время в них находит выражение стремле-

ние человека повелевать миром природы. Он убеждает нас в том, что образы таких произведений созданы на основе реальных наблюдений человека над миром животных, над их повадками. Впоследствии, как он подытоживает, сказки о животных переосмысливаются и начинают звучать аллегорически как сатира на представителей господствующих классов и на людские пороки, что является одной из причин их долговечности.

Автор подвергает анализу пословицы и поговорки, прослеживает пути их развития, выделяет идейно-тематические особенности афористических жанров татарского фольклора.

Татарские песни имеют богатую и разнообразную тематику и как бы являются художественной летописью народных дум и чаяний в самые различные исторические эпохи. Тяжелая жизнь трудящихся, безземелье, бедность, нищета и как результат этого — вынужденная разлука с родиной, тоска по ней, бесправное положение женщин, протест против несправедливости, унижений и оскорблений и многие другие стороны жизни народа получают свое поэтическое воплощение в народных песнях. Х.Ярми подчеркивает, что даже в самые тяжелые времена народ не терял надежду на светлое будущее, он смог и во тьме разглядеть светлые стороны жизни, воспевал дружбу, единство, героизм, любовь и счастье.

Х.Ярми останавливается в своей монографии и на татарских загадках, которые очень разнообразны по содержанию и тематике. В них образно описываются небесные тела, явления природы, трудовая деятельности человека, его быт, хозяйство и др.

Целый ряд вопросов татарского фольклора ставятся и решаются Х.Ярми впервые. В разделе о байтах дан подробный анализ этому жанру. Байты, являющиеся самобытными произведениями татарского народного творчества, занимают большое место в научных исследованиях Х.Ярми¹². В них освещается народная история, большие

и сложные события жизни. В отличие от других жанров, байты посвящаются какому-нибудь конкретному событию, в котором часто главным героем является конкретный человек или сам народ.

Таким образом, монография Х.Ярми «Поэтическое творчество татарского народа» состоит из трех частей. В первой главе автор останавливается на вопросах собирания и изучения фольклора, дает высокую оценку деятельности ученых, работавших в этой области. Как и у других народов, устное творчество татарского народа многообразно в жанровом отношении. Х.Ярми оценивает каждый жанр с социальной и поэтической сторон, освещает историю их генезиса. Все разделы фундаментального труда фольклориста проанализированы в кандидатской диссертации Н.М.Уразовой¹³.

Как видим, Хамид Ярми в своей фольклористической деятельности от собирательской работы, от непосредственных записей шел к научным ис-

следованиям, которые позволили ему осмыслить и обобщить весь имеющийся материал и прийти к определенным научным выводам. В монографии «Поэтическое творчество татарского народа» представлены все жанры татарского фольклора. Как известно, в 1969 году Х.Ярми первым из татарских фольклористов защитил докторскую диссертацию по вышеуказанной теме на заседании Объединенного ученого совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР. Официальные оппоненты докт. филол. наук, профессор А.Н. Киреев, действительный член Академии педагогических наук СССР профессор М.Г. Габдуллин и докт. филол. наук И.Т.Дюсенбаев, а также выступавшие в прениях ученые: члены-корреспонденты Академии наук Казахской ССР, профессора Н.Смирнова, Г.Мусабаев, канд. ист. наук Г.Валиханов и другие единодушно отметили, что докторская диссертация Х.Ярми – это весомый вклад в науку о фольклоре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ярми Х. Гомәр Бәширов әсәрләрендә халык поэзиясе // Сов.әдәбияты, 1962. – № 9. – Б.117–126; Галиуллин Т. Сибгат Хәким поэзиясенен халык авыз ижаты белән бәйләнеше // Совет әдәбияты. – 1964. – № 2. – Б.129–135; Галиуллин Т. Халык күңел көзгесе // Соц.Татарстан. – 1964. – 1 март.; Ахметова Ф. Народно-поэтические мотивы в романе Ф.Хусни «Тропа пешехода» // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья. – Казань, 1965; Әхмәтова Ф. Хәзерге татар прозасында мөкальләһ һәм әйтеһмәнәр // Сов. мәктәбе, 1966. – №7. – Б.42–44; Нигъмәтуллин Ә. Язучыларның фольклор белән ижади бәйләнеше // Кызыл Таң. – Уфа, 1967. – 22 март; Ахметова Ф. Песни в романе А.Файзи «Тукай» // Тезисы докладов научной конференции молодых ученых. – Казань, 1967. – С.50–51; Надиров И.Н. Тукай и народная песня // Габдулла Тукай: Сборник статей о поэте. – Казань, 1968. – С.185–195; Урманчеев Ф.И. Тукай и татарская фольклористика начала XX века // Габдулла Тукай: Сборник статей о поэте. – Казань, 1968. – С.196–208; Ахметова Ф.В. О некоторых особенностях использования фольклора в современной татарской прозе // Вопросы татарского языка и литературы: Кн.4. – Казань, 1969. – 81–86.

² Ахметова Ф.В. Фольклор и современная татарская проза: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Казань, 1968. – 24 с.

³ Галиуллин Т.Н. Современная татарская поэзия и народное творчество: автореф. дис. ... канд.филол.наук. – Казань, 1968. – 30 с.

⁴ Урманчеев Ф.И. Пути развития основных жанров татарского советского народно-поэтического творчества: автореф. дис. ... канд.филол.наук. – Казань, 1968. – 20 с.

⁵ Касимов Э.С. Сатира и юмор в татарских народных сказках: автореф. дис. ... канд.филол.наук. – Казань, 1966. – 27 с.; Махмутов Х.Ш. татарские народные загадки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1969. – 31 с.

⁶ *Бәширов Г.* Туксан тугыз мөзәк. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1960. – 88 б.; *Ярми Х.* Бәетләр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1960. – 388 б.; *Ярми Х.* Татар халык мәкальләре. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1960. – 243 б.; *Әхмәт А.* Хужа Насретдин мөзәкләре. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1962. – 232 б.; *Бәширов Г.* Мең дә бер мөзәк. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1963. – 404 б.; *Надиров И.* Татар халык жырлары: Лирик жырлар. – Йола жырлары. – Казан: Казан: Тат. кит. нәшр., 1965. – 456 б. и др.

⁷ *Исәнбәт Н.* Татар халык мәкальләре: 3 томда. – Т.1. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1959. – 916 б.; *Исәнбәт Н.* Татар халык мәкальләре: 3 томда. – Т.2. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1963. – 960 б.; *Исәнбәт Н.* Татар халык мәкальләре: 3 томда. – Т.3. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1967. – 1014 б.

⁸ *Кәримуллин Ә.* Уңышлы хезмәт // Совет әдәбияты. – 1968. – № 4. – 58–59 б.

⁹ *Мәхмүтов, Х.Ш.* Хәмит Ярми. Галим һәм шөхес: мәкаләләр, истәлекләр, хатлар. / Х.Ш.Мәхмүтов. – Казан: Тат. кит.нәшр., 2004. – Б.13.

¹⁰ *Мәһдиев М.* Халык әдәбиятыбызга бер караш / Татар халкының поэтик ижаты. – Казан, 1967 // Казан утлары. – 1968. – № 11. – 127–140 б.

¹¹ *Ярми Х.* Татар халкының поэтик ижаты. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1967. – Б.83.

¹² *Ярми Х.* Бәетләр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1960. – 388 б.

¹³ *Уразова Н.М.* Х.Ярми о влиянии фольклора на формирование татарской литературы: автореф. дис. ... канд.филол.наук. – Казань, 1968. – С.23.

Аннотация

В начале статьи проводится обзор наиболее значимых трудов по изучению татарского народного творчества в 1960-е гг. XX века. Автор подробно останавливается на монографии Х. Ярми «Поэтическое творчество татарского народа» (1967). Этот труд является первым серьезным шагом в научно-теоретическом исследовании татарского фольклора.

Ключевые слова: фольклористика, татарское народное творчество, жанры, изучение, Хамид Ярми.

Summary

At the beginning of the article the author reviews the most important works on the study of Tatar folk art in the 1960s of the XX century. The author dwells on H. Yarmi book «Poetry of the Tatar people» (1967). This work is the first serious step in the scientific and theoretical study of Tatar folklore.

Key words: Folklore study, Tatar folk art, genres, study, Hamid Yarmi.

УДК 82.0

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА В ТАТАРСКОЙ И КОРЕЙСКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Го Сун Ми

Романтизм — искусство Нового времени, особый этап в развитии культуры. Романтизмом называется художественное направление, которое представляет мир «как конфликт между действительностью и идеалом» [1, 900]. Каждая литература приходит к данному этапу по-разному. В татарской литературе романтизм возник в начале XX века, вслед за реализмом. В корейской литературе периодом расцвета романтизма считаются 1920–1930 гг.

Литература каждого народа отражает национальное мировоззрение, мировосприятие. «Однако повторяемость общественных закономерностей в истории разных наций вызывает сходные процессы и в истории их литератур» [2, 20], — пишет Ю.Г. Нигматуллина. По ее мнению, эстетический идеал — высший критерий эстетической оценки действительности — позволяет определить те мировоззренческие принципы, которые входят в эстетическое сознание народа.

Эстетический идеал, как показывает Ю.Г. Нигматуллина, по своему содержанию является единством всеобщего, особенного и единичного. Поэтому, исследуя национальное своеобразие эстетического идеала, приходится акцентировать в его содержании те моменты, которые являются общими для большинства писателей данной национальной литературы в определенную историческую эпоху. В своем анализе мы будем опираться на эти методологические принципы.

Начало XX века считается временем зарождения новой татарской литературы, которая опиралась на опыт просветительской литературы для обоснования идеи о необходимости воспитания образованной и гармонично развитой личности, изображения идеального героя как образца для подражания. Романтические настроения, возникшие в результате осмысления творческой интеллигенцией начала XX века все более обостряющихся противоречий между человеком и обществом, между материальным и духовным началами, между действительностью и идеалом, придавали татарской литературе большую социальную остроту. В этот период растет интерес к психологии человека, к условно-метафорическим формам в прозе, позволяющим сделать обобщения социокультурного характера. На фоне таких преобразований в начале XX в. в татарской литературе романтизм оформляется как самостоятельное направление в творчестве С. Рамиева, Г. Тукая, Н. Думави, С. Сунчалая, Г. Ибрагимова, Ф. Амирхана, М. Файзи и др. Основной темой литературы романтизма, как и татарской литературы вообще, стала судьба нации [3, 18–19].

В корейской литературе ранний романтизм 1920-х гг. сформировался под воздействием нескольких причин. Одним из важнейших факторов является Первомартовское движение за независимость Кореи 1919 г. Романтическое искусство становится одной из форм интерпретации сущности этого слож-

ного исторического процесса, который характеризовался ведением переговоров и поиском компромисса между несколькими историческими путями. Написанные и опубликованные в то время романтические литературные произведения отражали данный исторический контекст. Необходимо учитывать и то, что на литературу того времени также оказали большое влияние настроения упадничества и сентиментальности среди иностранных студентов, обучавшихся в Токио (Япония), а также настроения среднего слоя интеллигенции, не имеющей определенного будущего. Однако в романтизме 1920-х гг. начинает прослеживаться стремление к преодолению упаднического сентиментализма. Здесь можно выделить следующие причины: во-первых, корейская романтическая поэзия 1920-х гг. о природе отражала процесс перехода от традиционного образа жизни к современному. Романтизм изменил и преобразовал основные идеи просвещения, в итоге искусство приобрело свою независимость и индивидуальность [4, 63].

Во-вторых, сильное воздействие на романтизм оказали идеи просветительства. Корейская литература 1920-х гг., как и татарская литература начала XX века, по своему характеру была близка к идеям просветительского движения. Процессы модернизации и быстрых социальных перемен трансформировали просветительские концепции. Один из представителей этого периода поэт Чве Нам Сон изобразил «море» в качестве пространства, в котором отображены будущие представления «мальчика», являющегося новой фигурой отечественной истории. В его творческой концепции «море» представляет собой пространство, связанное с идеями просветительства, которое ставится выше любой цивилизации.

Искусство эпохи классицизма в корейской литературе представляло собой городскую литературу аристократии. Новая романтическая литература отвергла данные принципы, урбанистический пейзаж уступил место естествен-

ному. Корейские поэты-романтики 1920-х гг., подчеркивая доминирующее положение природы по сравнению с цивилизацией, начали связывать ее изображение с основными человеческими чувствами и эмоциями [5, 87].

В-третьих, романтизм возник в процессе поиска новой литературы, ориентированной на массового читателя. Поэты-романтики стремились изменить характер журнальной литературы 1920-х гг., которая была ориентирована на зарубежного читателя. Кроме того, они отказались от пролетарской литературы. Благодаря этому культ природы стал для поэтов-романтиков главным принципом, определившим основные направления и особенности новой литературы. Корейская романтическая литература сохранила связи с религиозно-мифологическими традициями. Поэтические произведения воспевали гармонию между тремя элементами бытия: природой, Богом и человеком. Целью корейской поэзии считалось сохранение особенностей восточного стиля и восточного менталитета. Природа воспринималась как та сила, которая способствовала бы формированию у народа нового мировоззрения. Этим фактором обусловлено скрытое воздействие народной литературы на процесс написания романтических стихотворений о природе. «У нас были философия и религия, заимствованные у других. И хотя они присутствовали у нас в душе, они не были нашим «домом». В соответствии с природой мы либо должны построить дом, в котором были бы едины душа и тело, либо просто «отремонтировать» его» [6, 125]. Строительство «дома» на основе природы, подходящего «душе» и «телу» народа, по сути, представляло собой поиск основ народной культуры и ее особенностей.

В-четвертых, романтики пытались органично соединить внутреннее состояние с гармонией красоты живых существ и не пытались возвысить себя над живыми существами [7, 86]. Теоретик романтизма Ф.Л. Лукас приходит к

заключению, что корейские романтики 1920-х гг., проходя через множество различных исторических событий, открыли для себя возможность «творить судьбу посредством поэзии». Это являлось и своего рода трагедией для людей, которые не смогли реализовать себя в условиях колониальной зависимости Кореи в 1920-х гг. С другой стороны, так рождалась новая литература, которая при помощи специальных средств и приемов выражала индивидуально-авторскую концепцию творцов. Среди таких приемов особое место занимали олицетворения и символы. В данный период они начали использоваться для передачи нового содержания.

Идея изменения национальной действительности стала основным лейтмотивом и татарской, и корейской литератур. Однако если идеалом для татарских поэтов стал европейский путь развития нации, то идеалом корейских художников слова было возвращение к истокам, к народной философии. Подобная философия отразилась в особенностях использования ключевых категорий, которые участвовали в создании центральной концепции новой светской литературы и эстетического идеала.

В татарской поэзии начала XX века возникает образ героя, выбравшего путь борьбы за национальный прогресс, за развитие татарского общества на основах образованности и культуры. Зачастую этот образ дается в тесной связи с образом матери, который наполняется в данный период совершенно новым для татарской литературы содержанием. Основные идеологемы формирующегося в эти годы национального самосознания – служение нации и судьба нации – определяют и культурно-историческую функцию матерей. Будучи воспитателями подрастающего поколения, просвещенные матери способны изменить будущее нации. Именно такую трактовку образа матери репрезентует общеизвестное стихотворение С. Рамиева «На рассвете» (1907): «Иди скорее по новой дороге, – / Говорит мне девушка, – в даль

вглядись, / От умной матери снова родись». (Перевод К. Мурзиди [8, 171].

Гали Халит отмечает, что центральную позицию в стихотворении занимает «образ гордого лирического героя, дышащего ненавистью к вековой темноте и проклинающего фанатизм». «Он верит в возможность достижения татарским народом свободы на пути просвещения». По его мнению, заряд стихотворения в «идеализации героя, который ополчился на застывшее общество, он стоит по свободному духу своему выше этого общества и вправе судить его» [9, 139]. Так возникает поэтическая структура: «идеальный герой» – «просвещенная мать», которая призывает молодых людей служить народу.

После появления данного стихотворения в татарской культуре начинает формироваться образ «матери нации», который также разрабатывался в творчестве Р. Фахретдинова. В прозе и публицистике активно обсуждаются вопросы о необходимости просвещения женщин, о предоставлении им свободы, что становится и одной из основных тем татарской литературы.

Образ матери в татарской поэзии начала XX века получает не только социальное, но и общечеловеческое значение. В программном произведении Г. Тукая «Разбитая надежда» (1910) центральным является образ надмогильного камня матери. По мнению В.Р. Аминовой, надмогильный камень выступает как знак исторической памяти, памяти рода. «Конечной точкой движения становится могила матери. Вселенской бездомности противопоставлен надмогильный камень. Камень – это элемент культуры и некоего конструктивного, архитектурного мира религиозных проекций. Это символ, выражающий связь био- и семиосферы, природы и культуры, органического и неорганического, жизни и смерти. Использование этого мотива соотносится с обращением к женской, мягкой «прапамяти» рода, нации» [10, 316]. Лирический герой-одиночка Г. Тукая как борец за очищение, «обеление» окружающего

мира также воплощает формирующееся в эти годы представление об идеальной личности.

В произведениях поэта Хон Са Ён романтический лирический герой предстает в стремлении к диалогу с природой, что зачастую связано с воспоминаниями о прошлом. Природа, запечатленная в памяти о детстве, признается как идеальное пространство. При этом главная роль посредника между человеком и природой отводится матери [11, 265]. В стихотворениях начального этапа творчества Хон Са Ён (1919–1923) лирический герой желает соединиться с природой в одно целое так, как он прижимается к груди матери. Ностальгия о родине сопоставима с тоской о природе. Возьмем, к примеру, стихотворение «Звезда, луна и я, я только песнь пою», в котором лирический герой вспоминает свою молодость:

Вся деревня словно озарилась!
Светит зажженный матерью фонарик.
Жернов с треском лениво покручивается.
Изнуренная за целый день черная корова
медленно перебирает уставшие шаги.

Что же, юный батрак не привык
к работе? Нет!
Он обленился от первой любви,
ему так хорошо.
А добросердечная мать все смеется
от души.
Наверно, ей радостно слышится
моя песня, охраняющая наш дом.
Подстрочный перевод наш.

Душевный смех «добросердечной матери» соединяется с «моей песней». К традиционному значению символа матери в поэтическом комплексе «природа – мать» добавляются социальные ноты. Такие детали, как батрак, работа, ленивая корова, усиливают их. Стихотворение написано как гимн матери и природе вообще, а также лирическому герою, который своей песней охраняет дом. Главным в образе идеального героя стало сохранение вековых народных традиций и устоев, которые в соответствии с традициями корейской литературы обозначены символом дома.

В стихотворении Хон Са Ён «Дует ветер» название – сильная позиция текста – определяет символический характер образа. Лирический герой, обращаясь к матери, просит «прекратить молитву в храме». Слова о том, что у него «огонь загорается перед глазами», указывают на причины социального характера. Образ матери символизирует старшее поколение:

Пройдет эта ночь, мне станет
двадцать четыре года!
Мама! Прекрати свою молитву в храме.
Огонь загорается перед глазами.
Я, твой одинокий сын, должен уйти.
Подстрочный перевод наш.

Наступили времена, когда не молитвами, а решением «уйти» можно изменить мир. Ветры в таком прочтении обозначают перемены. В формирование смысловой структуры символа вмешиваются и автобиографические моменты [12, 69]. Фразы «Пройдет эта ночь, мне станет двадцать четыре года», а также «Твой одинокий сын» делают возможным такую идентификацию. Хонг Са Ёнг родился 17 мая 1900 г. и был единственным сыном Хонг Чоль Ю (отец) и Ли Хан Сик (мать). Лирический герой – представитель молодого поколения; его решимость уйти и изменить действительность становится знаком идеального в характере героя. При помощи образа «мамы» поэт подчеркнул различие во взглядах между старшим и молодым поколениями и описал стремление молодых изменить жизнь.

В поэзии, особенно в гражданской лирике, образ Родины, родной земли напрямую связан с воссозданием образа идеального героя-патриота, любящего и готового служить отечеству. Это прослеживается и в татарской, и корейской поэзии.

Изучив эволюцию образа Родины в татарской поэзии начала XX в., Гали Халит обращает внимание на тот факт, что он зачастую функционирует как хромотопический образ. Ученый приводит множество таких примеров, как

«Народные чаяния по случаю великого юбилея» (1913) Г. Тукая, «На празднике Родины» (1913) З. Башири, «Родина» М. Шарифи, «Родина» (1916) С. Сунчелея и т.д., когда преобладают чувства почтительного отношения к родине – общему отечеству. Лирический герой подобных стихотворений является той личностью, которая своими идеями и оценками способна направить народ по пути прогресса. Ему приписывается высший, всеобъемлющий взгляд на ход истории. Возвышающийся над своим окружением, он начинает выполнять функции пророка.

Широко представлена и другая модификация идеального образа, данного в общем поэтическом комплексе с образом родины. По мнению Гали Халита, в начале XX века в татарской поэзии оформился «конкретный поэтический образ, в облике которого отразилась не вообще родина, а родная земля татарского народа, на которой в течение тысячелетия сложились его история, труд, язык, культура, быт. Это священная земля, орошенная радостями и горестями ее обитателей, их стремлением к счастью и воле, пропитанная их кровью и слезами» [9, 53].

Как структурная часть подобной эстетической конструкции, образ родины наиболее емко представлен в творчестве Г. Тукая. В стихотворении «Родной земле» (1907) поэт описывает дорогую душе лирического «я» картину природы, деревенского быта, подчеркивая мысль о том, что родина – самое дорогое для человека место. Но в таких стихах, воспевающих красоту родной земли, нет идеального героя. Создание его связано с появлением посвященных родной земле картин исторического прошлого. Первым произведением такого рода Г. Халит считает стихотворение Г. Тукая «Пара лошадей» (1907): «Высокое поэтическое воплощение Тукаем идеи патриотизма на почве народной жизни и истории – это, смело можно сказать, вершинное достижение национальной литературы, оказавшее благоприятное влияние

на рост демократического и патриотического самосознания татарского народа» [9, 55].

Схожий мотив является центральным и в стихотворении Ким Со Воль «Неужели иссякла река?». В нем лирический герой вспоминает прошлое своего народа. Символы усталой реки, высохшего дерева означают настоящее страны, которая вступила в эпоху перемен:

На высохшем дереве старом
Закричали голодные птицы.
...Солнце заходит. Усталая речка
На равнине теченье свое замедляет.

Подстрочник наш.

Эти стремления поэт сравнивает с битвой, которая прошла «три столетия назад»:

(...)Вспомни! –
Три столетия назад,
Не стерпевши позорного ига,
Мы обрушили меч на врага
И в сражении пали
Ибо нам не хватило
Сил человеческих.
Но опять
Из бамбуковой палки согнули мы лук,
Из железной лопаты сковали мы меч,
На три тысячи ли окрест
Барабаны ударили –
И величественно поднялось
Справедливости знамя!

Подстрочник наш.

Лирический герой в стихотворении корейского поэта призывает свой народ, который он сравнивает с голодными птицами на берегу безводной реки, на борьбу за свою свободу. Борьба за свободу родной земли в его миропонимании отождествляется с борьбой за свободу родины. Если у Г. Тукая образ родины, ее исторического прошлого становится средством пробуждения национального самосознания, то у Ким Со Воль – призывом к борьбе за независимость. Именно в таком ракурсе лирический герой обретает статус национального эстетического идеала.

В творчестве Дэрдменда идеализация родной земли овеяна драматизмом,

которую вызывает неизбежность разлуки. В его наследии немало стихотворений, утверждающих любовь и преданность родной земле. Мотив жертвы, совершаемой во имя родины, превращает лирического героя Дэрдменда в патриота:

Будет нужно, тысячу жизней
Отдадим за отчий кров.
За родную землю жертва —
До последней капли кровь.

Перевод

В. Думавой-Валеевой [13, 20].

В стихотворении Дэрдменда «Послушайте шум половодья» патриотизм овеян национальными чувствами. Проанализировав данное стихотворение, Ю.Г. Нигматуллина приходит к заключению, что Дэрдменд мыслит себя, свою судьбу в неразрывной связи с судьбой нации, татарского народа. «Чувства и мысли лирического героя, по мнению поэта, индивидуальное проявление характера нации. Поэтому трагедии отдельной личности поэт придавал высокий исторический смысл. (...) Понятия «народ» и «нация», «национальное» поэт отчуждает от общественно-социального» [2, 185–186].

В стихотворении прямо противопоставлены два понятия: «нация» и «родина». Вопрос о том, что дороже — нация или родина, был связан с определением цели будущих перемен в татарском обществе. Ответ на этот вопрос понятен только на фоне исторических условий проживания татар. Поэт не призывает выбирать между двумя ценностями. Он утверждает, что родина там, где нация, сохранив свою идентичность, можно сохранить родину. Эти высказывания были концептуальными для национального движения возрождения начала XX века.

В стихотворениях Чо Мён Хи также проявляется идея устремленности в будущее. Идеи эти утвердились в Японии в конце периода идейного хаоса. Осенью 1919 г. Чо Мён Хи отправляется в Японию. Приехав туда, он поступает в качестве слушателя на отделение ин-

дийской философии и этики университета Тоё. На собрании кружка иностранных студентов встречается с Ким У Чжином, с которым вместе участвует в театральных постановках, затем был вовлечен (хотя и временно) в идеологическое движение. Чо Мён Хи в качестве функционера также участвовал и в движении анархистов. Вскоре он разочаровывается в такой деятельности и его увлекли идеи религиозного мистицизма, присущие Тагору. Потом сам избирает для себя «одинокость». В его романтических стихах идеальный образ лирического «я» часто представлен в образе «одинокого человека». Его мечты и надежды связаны с родиной. В стихотворении «Моя родина» возникает картина разлуки человека с родиной. Родина — дорогое сердцу место, однако в стихотворении она из топоса превращается в символ:

Если моя родина лежит за теми
белыми облаками,
Я возьму крылья птицы и устремлюсь туда.
Коледблется тяжелый мост
над желтой землей,
Я смотрю на небо и свищу.

Если моя родина лежит за теми
высокими горами,
Я пойду вслед длинного пути грез.
Запутавшись в нитях жизни,
Я топаю ногами и рыдаю.

О, одинокий человек! О, поэт!
В пламени тяги к туманной жизни
Обращаю спину к шумному базару.
Наступаю на старую плеть старого дерева,
И гляжу на заходящее солнце,
И плачу в мыслях о птицах
из старых рассказов.

О, одинокий человек! О, поэт!
Страна серых облаков на краю неба.
В поиске страны птиц, названия
которой неведомо мне,
В потоках ветра в закате пути к далекому небу,
Как те птицы, что летят, испугавшись
одинокой тени,
Пускают печальный клич свой по ветру,
Шаги боли на зеленом пути моих грез.
Я иду к вечному свету.

Подстрочный перевод наш.

В стихотворении лирический герой — носитель авторского сознания, как и в татарской поэзии начала XX века, идеален: он стремится к новой жизни: «Я иду к вечному свету». Автобиографический намек на разлуку с родиной, которая присутствует в самом начале стихотворения, заменяется в последней строфе на иное восприятие образа: лирический герой находится «в поиске страны птиц». Эта картина заставляет читателя вернуться к началу стихотворения. В первой строфе крылья птицы символизируют свободу выбора, свободу духа. Эта свобода представляется единственной возможностью изменить действительность, попасть в страну грез. В третьей строфе продолжается уточнение образа, он наполняется утопическим содержанием: такая страна существует в старых рассказах, идеальное государство было в прошлом. В корейской литературе 1920-х гг. прошлое понималось как простая естественная народная жизнь, поэтому возможна интерпретации данной структурно-семантической конструкции как несущей семантику призыва возвратиться к истокам.

Начиная со второй строфы, лирический герой выступает в образе «одинокого человека». Он противопоставлен «базарной толпе». Стремящийся в идеальное пространство — на родину — герой в последней строфе предстает в ином свете: как человек, верящий в то, что может достичь идеала в своем воображении, находясь в состоянии одиночества, удалившись от действительности. «Мечта» становится средством «преодоления» действительности. В этом смысле «родина» противопоставляется действительности и представляет собой идеальный мир автора. Эта мысль воплощается уже в ином образе, который сосредоточен на мысли, воплощенной в слове «вечность» [14, 82].

Образ «одинокого человека», посвятившего себя служению нации, создается в стихотворении Дэрдемнда «Не отбелил на саван бязи». Ю.Г. Нигматуллина полагает, что «на первый взгляд кажется, что вся образная система про-

изведения утверждает трагический разлад человека с миром» [2, 187]. Вторая и третья строфы усиливают эту мысль: хотя любовь поэта к народу была в тысячи раз сильнее любви Лейлы и Меджнуна, она осталась незамеченной. Судьба не подарила поэту счастья. Однако вследствие интонационных контрастов «произведение начинает восприниматься как страстное утверждение этой не признанной никем жизни человека, горевшего огромной любовью к своему народу» [2, 188]. Эмоциональные повторы, играющие существенную роль в ритмической организации текста, выявляют силу любви непризнанного одинокого человека к своему народу. Так происходит преодоление трагического чувства, которое превращается в чувство гордости. А образ одинокого, не признанного никем человека становится нравственным идеалом эпохи.

Развитие данного идеального образа до статуса пророка происходит в творчестве Г. Тукая («Поэт», 1908), «К... (Памятка)», 1908). Стихотворения напоминают традиционные восточные истории пророков, нашедших свой путь к миру.

Сопоставительный анализ содержания эстетического идеала в татарской и корейской литературах выявляет две взаимосвязанные и противоположные тенденции национального культурно-исторического развития — центростремительную и центробежную. Первая «направлена вглубь: на выявление национального своеобразия и всемирно-исторического статуса данной культуры»; вторая — «направлена вширь: на всяческое “размывание” национальной специфики культуры; <...> на выявление общекультурных, общецивилизационных закономерностей ее исторического развития на пути общественного прогресса и радикальных политических преобразований; на всемерное ускорение социокультурной динамики общества, постоянное обновление и смену традиций (а подчас и их решительную, резкую ломку)» [15, 51].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. — М.: НПК «Интелвак», 2001. — 1596 с.

² *Нигматуллина Ю.Г.* Национальное своеобразие эстетического идеала. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. — 228 с.

³ *Загидуллина Д.Ф.* История татарской литературы // Татарская литература: Учебник-хрестоматия для студентов сред. спец. учеб.заведений / Авт.-сост.: А.Г. Махмудов, Н.Г. Гараева, Л.Ю. Мухаметзянова. — Казань: Магариф, 2010. — С.5–39.

⁴ *Хан Ин Сон.* Эстетический смысл идей Мишеля Фуко. — Ёрым: Мировая литература, 1989. — 111 с.

⁵ *Ким Ок.* Современная литература и искусство / Под ред. Пак Кён Су. Сеул: Ансочончжип 5, Хангук Мунхваса, 1987. — 243 с.

⁶ *Чо Мён Хи.* Бездомные странники. — Сеул: Изд-во Кебёк, 1924. — 287 с.

⁷ *Лукас Ф.Л.* Дух и форма/ перевод Пан Сон Вана и Сим Хи Сопа. — Сеул: Изд-во Симсольдан, 1988. — 198 с.

⁸ *Рамиев С.* На рассвете // Антология татарской поэзии. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1957. — 589 с.

⁹ *Халит Г.* Многоликая лирика. — Казань: Татар.кн.изд-во, 1990. — 336 с.

¹⁰ *Аминева В.Р.* Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). — Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. — 476 с.

¹¹ *Херолд Б.* Влияние смущения на поэзию. — Сеул: Изд-во Горёвон, 1991. — 362 с.

¹² *Paul de Man.* Autobiography As De-Facement. — The Rethoric of Romanticism, Columbia University Press, 1984. — 118 с.

¹³ *Дэрдменд:* стихотворения / Дэрдменд; авт.предисл. и пер. с тат. В. Думаева-Валиева. — Казань: Тат.кн.изд-во, 2009. — 160 с.

¹⁴ *Jonathan Culler.* The Pursuit of Sign Routledge and Kegan Paul Ltd, 1981. — 211 с.

¹⁵ *Кондаков И.В.* «Раздвоение единого»: (Две линии в развитии русской культуры) // Вопросы литературы. — 1991. — № 7. — С. 50–57.

Аннотация

В статье устанавливаются типологические сходства и различия, проявляющиеся в романтической лирике татарского и корейского поэтов. Сделан вывод о том, что татарские поэты начала XX в. и корейские художники слова 1920-х гг. стремились трансформировать свою национальную литературу по образцу европейской, но хотели сохранить национальную самобытность искусства слова. Осознание необходимости сохранения, совершенствования национальной, народного стало ключевой тенденцией развития новой светской романтической литературы. Вместе с тем применение традиционных структур и образов, узнаваемых и прочитываемых в контексте восточной литературы, актуализировало коды культуры, определяющие художественную самобытность текстов, принадлежащих разным национальным литературам.

Ключевые слова: корейская поэзия, татарская поэзия, романтизм, образы-символы.

Summary

The article deals with typological similarities and differences that appear in the romantic poetry of the Tatar and Korean poets. It is concluded that the Tatar poets of the beginning of the twentieth century and Korean artists of words of the 1920s tended to transform their national literature on the basis of the European model, but they wanted to preserve the national identity of art expression. The awareness of the necessity to preserve, improve the national folk became a key trend in the development of a new secular romantic literature. However, the use of traditional structures and patterns, known and read in the context of the Eastern literature, actualized cultural codes that define the artistic identity of texts belonging to different national literatures.

Key words: Korean poetry, Tatar poetry, romanticism, images-symbols.

УДК 81-13

О ЯЗЫКЕ ГУННОВ*

Г. Дёрфер, профессор, доктор

*А знать нам ничего, я вижу, не дано!
И этой думаю все сердце сожжено.*

Гёте. «Фауст»

Мы не будем заниматься всеми этими обширными проблемами, а ограничимся гуннами эпохи Аттилы и империи Аттилы, ну скажем, Паннонией V в. До тех пор пока мы не в состоянии, например, сравнить язык гуннов Птолемея с языком гуннов Приска, мы также не можем ничего знать об их идентичности; то же самое верно и в отношении кавказских гуннов VI в.

§ 10. Однако даже ограничившись европейскими гуннами, мы сталкиваемся с множеством вопросов. Но поднимать эти вопросы (и видеть эти проблемы) можно лишь при условии, что мы предварительно выработаем четкие понятия. Поэтому в последующем изложении я буду стремиться различать:

а) названия языков; пример: английский язык хотя и является языком нескольких народов (англичане, североамериканцы и т.д.), это название представляет собой монолитный термин, т.е. обозначает несмотря на диалектные различия нечто по своей сути единое, цельное. Далее, это название и диахронно и синхронно (английский язык существовал ранее и существует ныне), оно подлинно (это, действительно, то название, English, которым англосаксы пользуются сами). Слова «англосаксонский» и «англосакс» также могли бы, конечно, быть обозначением языка и его носителя;

б) этнонимы; пример: англичане. Здесь применимы те же определения, что и в отношении названий языков (синхронны и диахронны, подлинны, монолитны). Но все же посредством этнонимов обозначают национальные, а не языковые общности;

в) названия государств; примеры: Великобритания, Швейцария. Синхронны и диахронны, подлинны, но не (обязательно) монолитны (могут при необходимости включать целый ряд языков и народов). То же относится к словам «британец», «швейцарец»;

г) «странствующие» названия; примеры: пруссаки, французы, болгары. Эти названия возникли в результате исторических контактов, но теперь уже утратили по сути дела свое прежнее значение. (Пруссаки уже не балты, французы – не франки, болгары – не болгары-тюрки). Они диахронны по своему происхождению, подлинны, не обязательно (но часто) монолитны;

д) собирательные названия: синхронны, неподлинны, немоналитны. «Неподлинны» они постольку, поскольку не имеют никакой опоры в самоназваниях соответствующих народов (или языковых общностей), а основаны на невежестве или безразличии по отношению к источникам. Так, все британцы (включая шотландцев, валлийцев и т.д.) в Германии часто обозначаются словом, соответствующим

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2011, № 4.

русскому «англичане». Нередко эти собирательные названия оказываются следствием того, что этноним преобладающего элемента в государстве ошибочно используется в качестве названия государства (точнее, в качестве обозначения гражданина государства). Подобное явление имеет, например, место тогда, когда в наши времена граждан СССР называют «русскими», в противоположность этому слово «россиянин» в применении, например, к украинцу в дореволюционной России было как будто правильным обозначением гражданина страны. Но иначе обстоит дело опять-таки с обозначением «болгарин». Разумеется, оно постольку «неверно», поскольку болгары не являются болгаро-тюрками; но это – корректное самоназвание, а потому – «странствующее» название; последнее могло раньше использоваться иностранцами также и в качестве собирательного названия. Преобладающий элемент совсем не обязательно должен быть самым многочисленным;

е) переносное название: диахронно, неподлинно. Такие обозначения являются следствием того, что названия народов, известных с глубокой древности, переносились (вследствие невежества, безразличного отношения или с целью сознательного уничтожения) на народы, которые были похожими на известные ранее народы, вышли из той же самой страны и т.п. Подобные переносные названия встречаются часто как раз в византийской литературе. Так, слово Σκυθαι (скифы) обозначает⁴² гуннов Аттилы, кутригуров, утигуров, оногуров, тюрков (которые, собственно говоря, должны бы были именоваться Τουρκοί), авар, хазар, болгар, венгров, печенегов, узов, команов, сельджуков, монголов, османов, а также готов, славян, русских⁴³ (и, конечно же, самих скифов). Название Τουρκοί, türk, с другой стороны, обозначает не только древних тюрков, но и хазар, венгров, османов и т.д. (а, кроме того, в мусульманских источниках также мордву, остяков, тибетцев и

русских⁴⁴). Таким образом, одно и то же обозначение применяется по отношению к различным народам; и один и тот же народ предстает под различными названиями⁴⁵. Пример уничижительного переносного названия: во время первой мировой войны немцев называли «гуннами». Впрочем, провести границу между собирательными и переносными названиями часто бывает очень трудно;

ж) чужие названия: в источниках неоднократно появлялись такие обозначения, которые вообще не соответствуют самоназваниям тех или иных народов. Частично это объясняется тем, что какой-либо народ именовали по названию его составной части, с которым сначала знакомилась иностранцы (так, французы называют немцев allemands – алеманны, финны – saksalaiset – [нижне-]саксонцы). Однако встречаются также такие обозначения, которые теперь уже не имеют никакого отношения к соответствующим народам, будь то прозвища (т.е. презрительные обозначения, как например, самоед) или (редко встречающиеся) табуированные названия. В качестве табуированного я бы рассматривал и обозначение «татары» в отношении монголов XIII–XIV вв. в западных источниках. Хотя сами татары были, собственно говоря, истреблены (об этом см. ниже), их название стало общепринятым обозначением монголов, их заклятых врагов. Возможно, что его себе избрали сами монголы, с целью избежать возмездия со стороны божеств завоеванных стран (после истребления такого большого количества людей). По мнению Э.Хэниша⁴⁶, монголы, выдавая себя русским и другим народам за татар, отводили от себя ярость местных богов и направляли ее на вражеское племя⁴⁷. Разумеется, переносные названия также представляют собой чужие названия, однако они возникают в силу разных исторических причин;

з) случайное совпадение названий. Это явление встречается, возможно, не так уж часто, однако его следует

иметь в виду. Если две единицы фигурируют под одним и тем же или двумя похожими названиями, то это совсем не обязательно причинно (т.е. благодаря каким-либо контактам) обусловлено, а может быть следствием чистого совпадения. Примеры находим у О. Менхена-Хельфена⁴⁸: валлонцы и валлийцы, Венеция (по-немецки: Venedig) и страна венедов (venedi); автор приводит также ряд случаев, которые я бы отнес к числу странствующих или переносных названий. Примеры таких совпадений легко найти в любом перечне названий племен. Так, в «Эвенкийско-русском словаре»⁴⁹ приводятся такие названия родов, как алагир (ср. аланы), багдалид (ср. Багдад), кантагир (ср. Кантабрия). Но если могут полностью или частично совпадать названия явно неродственных народов, т.е. таких, которые очень уж удалены друг от друга географически, то, разумеется, никогда нельзя исключать, что могут совпадать и названия таких народов, которые (во времени один после другого) появлялись прилнительно на одной и той же территории, т.е. например, названия Χουνοί II в. и Ούννοι V в.

§ 11. Мы, современные европейцы, в общем привыкли к устоявшимся понятиям и к однозначным этнонимам (например, итальянец, грек, швед); категории, содержание которых было раскрыто в пунктах а), б), в), нам очень хорошо известны, и мы слишком склонны к тому, чтобы во всех обстоятельствах оперировать только ими. Однако в древних (и не только восточных) источниках мы очень часто сталкиваемся с явлениями, которые отражены в менее устойчивых категориях, о которых речь шла в пунктах г), д), е), ж), з).

Так, например, в монгольском «Сокровенном сказании» (XIII в.) «монголами» именуется небольшое племя (из которого, кстати, вышел Чингисхан), т.е. там это этноним. В более поздних мусульманских источниках (в частности у Рашид ад-Дина, XIV в.) это слово употребляется в качестве названия та-

ких народов, которые говорили на том же языке, что и монголы (ойраты, татары и др., т.е. оно было уже названием языка), а с другой стороны, в отношении всех этих «монголов» иногда используется собирательное название «тюрки»⁵⁰. Однако вследствие исторических контактов слово «монголы» превратилось в «странствующее» название: у узбеков в Афганистане⁵¹ и у эвенков оно выступает как название родов (у последних, по Г.М. Василевич⁵²: момол, монго, монголи, мунгал; правда, здесь может также частично иметь место случайное совпадение). Конечно, в источниках XIII – XIV вв. слово «монголы» выступает также в качестве названия государства: так, «монгольские» воины Золотой Орды были в подавляющем большинстве тюрками⁵³, но тем не менее подданными Монгольской империи (следовательно, в этом случае это слово выступает одновременно и как собирательное название). Таким образом, если современное население Татарской АССР называют татарами, то это название возникло не по языку – во всяком случае в историческом аспекте. Однако под разными углами зрения это название можно толковать как странствующее, переносное и чужое.

Восточные названия очень часто многозначны. Так, халаджами называются, с одной стороны, тюркский народ в Центральном Иране, а с другой – еще и курдское племя в Северо-Восточном Иране. Автор настоящей работы собирал языковой материал у обеих разновидностей «халаджей». Какие-либо исторические контакты между теми и другими проследить не удастся. А потому неясно также, были ли халаджи, хильджи Индии тюрками или курдами, или это был какой-то третий народ. «Татарами» первоначально называлось небольшое говорящее по-монгольски племя, которое было уничтожено Чингисханом как этническая единица (только женщины и маленькие дети были оставлены в живых и затем ассимилирова-

ны); их название, перенесенное ныне на многие тюркские племена, является одновременно и странствующим и табуированным (чужим) (см. выше), например в русских источниках в применении к монголам XIII в. Часто бывает достаточно незначительного контакта между племенами, чтобы название начало «странствовать», часто бывает достаточно самых незначительных исторических взаимосвязей, чтобы дать источникам повод переносить названия и пользоваться ими как собирательными.

Именно это случилось также и с названием гуннов⁵⁴ (правда, некоторую роль могла сыграть и случайность). Самой вероятной я считаю следующую гипотезу: название «гунны», наверняка, относилось некогда к носителям определенного языка (см. § 20), точно так же оно было когда-то этнонимом. Но, кроме того, известно (см. § 12), что империя гуннов объединяла много народов, рас и языков, а потому «гунны» было и названием государства или собирательным названием (не все подданные империи, которых попросту именовали «гуннами», были ими этнически или по языку). Но это название могло также «странствовать» или использоваться как переносное (неясно, были ли гуннами кавказские «гунны», см. ниже).

Посмотрим, в каких значениях употребляется это название у Ю.Моравчика⁵⁵. Оказывается, что слово Οὐννοι может означать: 1) гунны империи Аттилы и его предшественников (иногда это – определенно название языка или этноним, если, конечно, называть Аттилу гунном, но в общем это скорее название государства, относящееся ко всем подданным этой многорасовой империи; неясно, в какой мере Οὐννοι является переносным названием от Χουνοι Птолемея); 2) «гунны» в самом обобщенном смысле [случаи (г), (д), (е)]; 3) некоторые входившие в состав гуннов народности, которых не называют более конкретно (едва ли это на-

звание языка, скорее собирательное, а иногда переносное название); 4) кидариты; 5) кадисены; 6) эфталиты (№№ 4–6 – это народы, жившие поблизости от Ирана, частично здесь собирательные названия, частично – переносные); 7) акациры; 8) сабиры; 9) оногуры; 10) утигуры; 11) кутригуры (№№ 7–11 – это собирательные или, более вероятно, переносные названия, см. § 19); 12) болгары; 13) авары; 14) тюрки; 15) венгры; 16) узы; 17) куманы; 18) сельджуки; 19) османы; 20) народ, живший в XV в. по соседству с аланами (№№ 12–20 – переносные имена).

Теперь нам ясно, сколь многослойна интересующая нас проблема. Если отдельные лица или племена в источниках именуется «гуннами», мы ни в коем случае не можем безоговорочно связывать это слово с названием языка или принимать его за этноним и все «гуннские» имена истолковывать как гуннский языковой материал.

§ 12. От языка гуннов до нас дошли три нарицательных существительных и материал, состоящий из приблизительно 100 названий племен и личных имен. А что касается их идентификации, то по этому вопросу существуют следующие гипотезы:

А) они были монголами (Ж.Дегинь (см. § 4), П.-С.Паллас, Б.Бергман и др.);

Б) финнами (Абель-Ремюза, В. де Сен-Мартен);

В) славянами (Ю.Венелин, А. Вельтман, И.Е.Забелин, Д.И. Иловайский, В.М. Флоринский);

Г) венграми, а также кавказцами (лезгинами, аварами), они были будто бы предками венгров (Ю.Кляпрот, подобная позиция у П.П.Семенова-Тяньшаньского);

Д) они представляли собой смесь тюрков и финнов (К.Иностранцев);

Е) они были кавказцами (Э. Моор)⁵⁷;

Ж) они были тюрками-болгарами (О.Прицак⁵⁸, В.В.Бартольд⁵⁹, Н.И. Ашмарин⁶⁰);

3) по мнению Фр.Альтхайма и Р.Штиль⁶¹, языки сюнну и гуннов – это древнетюркский язык, что «давно уже установлено»⁶². Это наиболее часто встречающаяся точка зрения, раньше у нее было особенно много сторонников: К.Цойсс, А.А.Куник, Ф.Мюллер, В.Томашек, М.Соколов, Ф.Е.Корш, В.Ф.Миллер, В.Г.Василевский, Г.Э.Виттерсхейм (с добавлением финских и тунгусских элементов), А.Вамбери, В.В.Радлов, Н.А.Аристов, а также Ю.Немет⁶³. Даже О.Менхен-Хельфен⁶⁴, обычно склонный больше к скептицизму, убежден, что решающим компонентом гуннов были тюрки.

Ниже речь пойдет о точках зрения (В), (Е), (Ж) и (З). В пользу одной из них можно найти некоторые свидетельства (В), точка зрения (З) очень распространена, а остальные (Е) и (Ж) приобрели сторонников не так уж давно.

Прежде всего ясно: империя гуннов была определенно такой же полиэтнической и многоязычной, как и Австро-Венгерская империя, которая позже занимала ту же территорию. Значит, речь может идти не о том, чтобы устанавливать язык единого многоэтнического государства, а о том, чтобы выявить преобладающий исконно гуннский компонент: это мог быть (в этом я солидарен с Ю.Моравчиком⁶⁵) язык совсем малочисленного господствующего слоя. Ученые самых различных направлений единодушны в том, что империя гуннов имела пестрый генетический и языковой состав⁶⁶.

§ 13. Вероятнее всего, что три гуннских нарицательных имени являются славянскими. Я привожу их в порядке убывания степени вероятности славянского происхождения каждого из них.

1. *strava* ‘тризна, поминки (по Аттиле)’. Встречается у Иордана⁶⁷: «После того как он был оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане *сраву* (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством». Ныне уже отказались от по-

пытки подыскать этому слову готскую этимологию⁶⁸. Оно не зарегистрировано в общегерманском языке. Несостоятельна также попытка найти ему тюркское объяснение, связать его с корнем *astra-* (караимский) ‘прятать, погребать’, поскольку это – монгольское заимствование, попавшее к тюркам в XIII в.⁶⁹ Ошибочно далее утверждение Э.Моора⁷⁰, что это слово вообще не поддается этимологизации. Нельзя его также возводить к славянскому «тризна» (возражение Д.И.Иловайскому⁷¹). Ошибочно и сопоставление его с болгарским ‘здравница, заздравный тост’, предлагаемое Фр.Альтхаймом и Р.Штиль (последнее производно от болг. *здрав* ‘здоров’).

Однако у Р.Траутмана читаем: «*strava* не что иное, как славянское слово, которое мы позже находим в старопольском языке: *strawa* ‘*epulae, feralis*’ (поминальная трапеза) и в старочешском: *strava* ‘панихида’»⁷². По мнению Л.Нидерле, это слово является славянским названием пиршества в память умершего, а то, что оно употреблено Иорданом, показывает, что «подданные Аттилы в Центральной Венгрии, должно быть, были тогда славяне»⁷³. Оно зарегистрировано во многих славянских языках, одного корня с *traviti* ‘переваривать’ (*sv-trava*) (почему и отпадает предположение Т.Моммзена⁷⁴, что славяне заимствовали его у готов) и имеет явно индоевропейское происхождение⁷⁵. Многие другие слависты также считают гуннское *strava* славянским словом⁷⁶. В том, что оно славянское, не может быть ни малейшего сомнения. Другое решение могло бы быть только следствием явного предрассудка. Проявлять и здесь скептицизм было бы совсем неуместно. (Проявлять слишком много скептицизма не критично).

2. *medos* ‘напиток жителей страны гуннов, мед’. У Приска⁷⁷ говорится: «вместо вина был [напиток, который] общепринято в стране назывался медом» (в хижине скромного жителя, а не, скажем, при дворе Аттилы).

Каково происхождение этого слова? Оно, наверняка, индоевропейское⁷⁸. И, конечно же, сходные формы встречаются во многих индоевропейских языках. Так, в словаре Ю.Покорного⁷⁹ находим славянское *medŭ*, но есть также кельтские (например, кимрское *medd*) и общегерманские (например, англосаксонское *meodo*, древневерхненемецкое *metu* и, вероятно, готское **medus*?) формы. Это слово могло, разумеется, существовать и во фракийском языке. Кроме В.Г.Васильевского (который считает его славянским или фракийским) и Э.Моора⁸⁰ (который нерешительно называет его индоевропейским), почти все исследователи сходятся в том, что его следует рассматривать, как славянское, и эта точка зрения наиболее близка к истине⁸¹. Иначе мы бы должны были утверждать, что хотя слова *strava* и *medos* оба индоевропейские (каковыми они совершенно очевидно и являются), происходят они из какого-либо другого индоевропейского языка и лишь случайно оба выступают в славянских языках (а здесь только эти два слова) в той именно форме, какая и должна быть.

3. Самым трудным и самым ненадежным является, наконец, слово *kamop* (едва ли *kamos*) ‘напиток жителей страны гуннов’. У Приска говорится⁸²: «Напиток из ячменя, варвары называют его *камон*». Истолкование этого слова затруднительно уже потому, что в латинском языке в III–IV вв., т.е. в догуннскую эпоху, было известно слово *samum* как название одного напитка пэонийцев*. Следует ли думать, что у Приска мы имеем дело с ученой реминисценцией (формой цитирования)? Думаю, что это едва ли возможно (его рассказ основан на собственном опыте, и ведет он его опять-таки в хижине варвара). Кельтское, фракийское (или иллирийское) происхождение этого слова недоказуемо; эту точку зрения едва ли уж теперь кто-нибудь отстаивает. Однако часто высказывается предположение о его тюркском происхождении (*qimiz* ‘кумыс’)⁸³; не-

редко ошибочно пишут *qumiz* (но это лишь русское искажение)⁸⁴.

Против гипотезы о тюркском происхождении можно возразить следующее.

1. Значения – гуннское «ячменное пиво» и тюркское «сквашенное и перебродившее кобылье молоко» – едва ли имеют что-нибудь общее. Правда, этот недостаток мог бы оказаться и не таким уж непреодолимым, как показали Фр.Альтхайм и Р.Штиль. Никогда нельзя совсем исключать смещения значения.

2. Так как слово *kamop*, *samum* зарегистрировано в Паннонии в догуннское время, гунны (или «гунны») могли его в лучшем случае заимствовать у исконных жителей. А последние ни в коем случае не были тюрками. Поэтому Фр.Альтхайм отказался от отождествления слова *kamop* с тюркским *qumiz*⁸⁵.

3. Кроме того, вокализм тюркского *qimiz* не подходит к слову *kamop*, скорее, следовало бы ожидать греческое *κίσις*.

Может быть, это слово тоже следует толковать как славянское (разумеется, не так, как это делал Д.И. Иловайский⁸⁶, возводивший его к русскому слову *квас*). В этой связи я думаю о славянском слове *kom*⁸⁷, которое вообще обозначает ‘глыба, ком’, но в некоторых языках в основной или производной формах получило значение ‘(виноградные) выжимки’ (серб. *kom*, болг. *комина*, чеш. *kominy*); в Сербии из «кома» делают водку *komovica*⁸⁸. Правда, отдаленность значений «ячменное пиво» – «выжимки» может быть преодолена только с помощью смелого допущения, что слово *kom* могло раньше обозначать также ячменную массу, а потому и само пиво, которое из нее варится. С фонетической точки зрения здесь все безупречно: старославянское /o/, действительно, раньше произносилось скорее как лабиализованное /a/ и в греческих и латинских источниках представлено через /a/⁸⁹.

Представляют интерес следующие слова Л.Нидерле: «Название другого напитка, получаемого из ячменя, *káμος*, употребляется у балканских славян с X в. (*komina*), но его славянское происхождение сомнительно»⁹⁰. Правда, я не смог отыскать в славянских языках значения «ячменный напиток» для слов *kom*, *komina*⁹¹. Возможно, конечно, что славянское *kom(ina)* в значении ‘масса, которая бродит и из которой получают алкогольный напиток, и сам напиток из этой массы’ заимствовано из какого-нибудь дославянского языка, например, у фракийских или кельтских поселенцев (ср. английское *whisky* из кельтского языка).

Конечно, с исторической точки зрения здесь кое-что неясно. По Н.С. Державину⁹², первые сведения о славянах (правда, не в Паннонии) у Плиния, Тацита, Птолемея относятся к I–II вв., а затем у Иордана и Прокопия только уже к VI в. Предположение Л.Нидерле о том, что славяне уже в I в. н.э. селились разрозненно среди иллирийцев и фракийцев, едва ли доказуемо. Однако о славянах в VI в. и как раз в Паннонии есть недвусмысленное свидетельство у Иордана: «Склавены обитают от города Новиетунум [Новиодун] и озера, которое называется Мурсиан, вплоть до Данастра (слав. Дънѣстръ) и на север до Вислы»⁹³. Город Новиодунум, Невиодунум (у Приска *Νοβίδουνον*) расположен на реке Саве приблизительно 45°55' с.ш. Весьма возможно, что славяне селились в Паннонии уже в V в. (веке Аттилы); IV–VI вв. могли, конечно же, быть типичным переходным периодом, что, возможно, находит выражение уже в названии города у Иордана: оно ведь означает «Новгород». (Название Новиодунум, т.е. Новгород, носят различные галльские города: современные Невер, Нион, Суассон и др.).

О том, что основная масса гуннских подданных говорила во всяком случае не по-гуннски (и, может быть, на каком-либо славянском языке), кажется, свидетельствует то место у Приска, где он говорит, что скифы (пере-

носное название = гуннские подданные⁹⁴), помимо их собственного варварского языка, пользовались и гуннским (далее готским и латинским⁹⁵). В греческих источниках «скифами» именуется также готы, славяне, русские⁹⁶, т.е. (в противоположность названиям *Τουρκοί*, *Ούννοι*⁹⁷) это слово обозначает не только (первоначально) азиатские степные народы⁹⁸.

Допустим, что три нарицательных имени, о которых шла речь, все славянские (что во всяком случае не установлено в отношении третьего из них). Это, конечно, означало бы не то, что гунны были славянами⁹⁹, а лишь то, что в области Тиссы и Дуная мы можем рассчитывать найти покоренных гуннами славян¹⁰⁰, т.е. тонкий кочевой правящий слой господствует над многочисленным славянским населением – картина, хорошо знакомая из истории (болгары в Болгарии, монголы Золотой Орды в России, османы на славянских Балканах и т.п.). Мы ведь у гуннов совсем не находим славянских имен (сопоставления Ю.Венелина¹⁰¹: Баламбер, Баламер = Владимир, Аттила = Тилан, Бледа = Влад и т.д. сплошь ненадежны). Происхождение имени гуннского правителя Баламбера, например, следует вслед за Л.Шёнфельдом¹⁰² признать неизвестным, неуверительны ни славянская, ни монгольская¹⁰³ этимология; слишком смелой была бы попытка объяснить его из германского **Balamērs*¹⁰⁴, неправдоподобна и гипотеза Р.Л.Рейнольдса¹⁰⁵, что в Баламбер следует видеть тюркское *bōgi* ‘волк’. А потому также надо отвергнуть точку зрения (В) (гунны = славяне).

Г.Вернадский¹⁰⁶ истолковал встречающееся у Прокопия слово *βάλαν* (вин. падеж) ‘вороной конь с белым пятном на лбу’ как тюркское *bulan*. Ранее это слово рассматривалось как германское¹⁰⁷ (готское *bals*); в крайнем случае можно бы было привлечь и славянское *bělanu* ‘белая лошадь’¹⁰⁸ (славянское *ě* в древние времена произносилось как *ä*, а по-гречески ча-

сто передавалось буквой α^{109}). Однако ярким свидетельством против славянского или гуннского происхождения этого слова является тот факт, что оно употребляется в рассказе о битве у Мульвийского моста между Велизарием и восточными готами (537 г.) спустя приблизительно столетие после краха гуннской империи (а потому следует отдать предпочтение германской этимологии). Предположение Г.Вернадского¹¹⁰ о том, что лошадь Велизария «была, по-видимому, выращена гуннскими коневодами», ни на чем не основано. Семантически слово *bulan* также не подходит¹¹¹.

§ 14. Есть несколько имен, значение которых показалось некоторым авторам настолько прозрачным, что они были склонны уподобить их именам нарицательным. Здесь речь пойдет о двух из них.

1. Иордан говорит о Днепре, «который гунны на своем языке называют Вар».

По О.Прицаку¹¹², это просто то же, что гуннское *var* (еще и ныне чув. = волжскоболг. *var* 'овраг, долина'), которое соответствует общетюркскому $\ddot{o}z$. Этим будто бы доказывается, что гунны говорили на болгаротюркском языке. (Так, впрочем, считал уже Н.И.Ашмарин¹¹³). Фр.Альтхайм называет слово *var* в числе гуннских нарицательных имен, не давая никакой этимологии¹¹⁴. Приводимое Г.Ю.Кляпротом сопоставление этого слова с лезгинско-аварским *or, hor, oioo* 'река' невероятно¹¹⁵, им не воспользовался даже Э.Моор¹¹⁶, который считает гуннов кавказцами. Самым вероятным является гуннское происхождение этого имени¹¹⁷. В работе А.Тамба и Р.Хаушильда¹¹⁸ читаем: «И Волга тоже носила некогда индийское название: Геродот называет ее *O'aros* (ионийская передача слова *Varos*) = санскр. *var(i)* 'вода'».

Как бы мы ни объясняли это название, во всяком случае следует принять во внимание указание Э.Моора¹¹⁹ на то, что слово *var* ведь совсем необязатель-

но должно быть исконно гуннским, а является попросту обозначением жителей Приднепровья, которое гунны, конечно же, заимствовали. Слова Тибр или Волга тоже ведь употребляются в немецком языке, но не являются немецкими. Кстати, очень спорно, могло ли общетюркское $\ddot{o}z$ уже в VI в. развиться в болгаротюркское *var* и не имеем ли мы здесь дело с анахронизмом¹²⁰. Тем самым мы покончили и с точкой зрения (Ж) (гунны = тюрко-болгары), так как это была ее единственная скольконибудь состоятельная опора.

Совсем легко как анахронизм опровергается утверждение Фр.Альтхайма и Г.-В.Хауссига¹²¹, что гуннское (?) племенное название *Oul'ti'zourou* следует толковать как *ult'i' cur*, что оно представляет собой, собственно говоря, обозначение шести высших сановников и что это доказывает болгарское происхождение гуннов, поскольку только чувашский язык (= волжскоболгарский) имеет *u* в числительном *ult'tä* 'шесть' вместо *a*-в общетюркском *alt'i* (то же). Еще в волжскоболгарских надгробных надписях XIII–XIV вв. «шесть» выступает в форме *alt'i*¹²²; гласный *a* продолжает еще сохраняться и в чувашских заимствованиях в горномарийском языке, относящихся к XV–XVI вв.¹²³

2. О.Менхен-Хельфен¹²⁴ причисляет слово *Atakam* к именам, тюркская этимология которых находится вне всякого сомнения (так считал уже А.Вамбери¹²⁵). Даже Э.Моор¹²⁶ считает, что «это единственное тюркское толкование гуннского имени собственного... которое, по крайней мере, в формальном отношении может считаться безупречным» (однако это всего лишь игра случая). Г.-В.Хауссиг сделал из этого следующий вывод: «Достоинство этого верховного шамана требовало... преклонного возраста. Это также находит выражение в названии этого человека, который у гуннов именовался *Атака́м, ата-гам* 'отец шаманов'» (*Priskos. Excerpta de legationibus*, с. 122, 15)¹²⁷. Этот пример, на первый взгляд, произ-

водит впечатление совершенно убедительного – и именно поэтому я его выбрал (в частности, чтобы показать, что даже такие имена, тюркская природа которых представляется несомненной, могут оказываться нетюркскими – не говоря уж о многих именах, которым были подысканы очень вымученные тюркские этимологии; я не хочу заниматься здесь их опровержением).

Можно возразить следующее.

1. По существу вопроса: ни в одном историческом источнике нет свидетельства, что у гуннов было шаманство¹²⁸. Ведь и сам Г.-В.Хауссиг заключил об этом из упомянутого названия (гистерон-протерон*).

2. Оригинальный текст неясен. Говорится, что Аттила повелел распять некоторых перебежавших к римлянам варваров (ἐν οἷς καὶ παῖδες Μάμα καὶ Ἀτακάμ του βασιλείου γένος). Здесь форму Μάμα καὶ Ἀτακάμ следует считать родительным падежом¹²⁹. (Фр. Альтхайм, Э.Моор и Е.А.Томпсон¹³⁰ видят здесь аппозитивную связь, так что в переводе это означало бы ‘дети Мамы и Атакама’, что совершенно исключало бы толкование ‘шаман – отец’). Таким образом правильно перевести так: ‘Среди них (были) также дети Мамы и Атакама из правящего рода’. Однако родительный падеж допускает двойное толкование пола упоминаемых лиц, т.е. даже пол этих лиц (нигде больше у Приска не встречающихся) не установлен. А кроме того, ненадежно толкование ‘отец’.

3. К тому же еще мы имеем дело с анахронизмом. Тюркское слово ата ‘отец’ первоначально было детским словом, так же, как и baba, которое позднее значительно потеснило слово ата. Но последнее зарегистрировано впервые в XI в. (в «Кутадгу Билиг», датированном 1069 г.); в орхонских надписях VIII в. вместо него выступает древнее слово qan. И даже в рукописях из Дунь-Хуана царит одно лишь слово qan¹³¹. Гуннское ата отделяло бы от действительной первой регистрации этого слова шесть столетий. (Анахро-

низм в лингвистике ничем не лучше анахронизма в истории).

§ 15. Займемся теперь объяснением гуннских имен. Однако сначала мне бы хотелось высказать одно методологическое соображение. Все существенное в лингвистике может быть выражено с помощью парадокса. Парадокс ономастики гласит: «При толковании какого-либо названия или имени возможное обнаружение значения, конечно, представляет собой приятное сопутствующее обстоятельство, но его нельзя считать существенным или неизменным условием. В то время как решающее значение имеют определенные (для непосвященного совершенно незначительные) формальные критерии». Важнейшие из них следующие:

А. Релевантной является фонетическая структура слов. Например, такие анлауты как st-, sk-, gl-, tr- вообще являются признаком индоевропейских имен. Далее, в общем недопустимо приписывать какое-либо слово, имевшее в анлауте, скажем, st-, такому языку, который не знает этого анлаута, а следует возводить, например, упомянутый анлаут к сочетанию: гласный + st- или zt-.

Б. Некоторые характерные суффиксы оказываются существенными для этнической квалификации ономастического материала. Так, суффикс -bn характерен для иллирийских гидронимов. Вообще недопустимо истолковывать какое-либо слово как сочетание корня и непродуктивного суффикса, если только не будет показано, что этот суффикс в виде исключения часто встречается как раз в именах и названиях.

В. Главное внимание следует направлять на постоянно повторяющиеся характерные составные элементы. Например, германские имена собственные чаще всего двучленны, и кстати вторым часто бывает элемент -wig ‘борьба, бой’, но им никогда не бывает существительное среднего рода.

Разумеется, эти формальные критерии могут играть какую-нибудь роль

и быть действенными только, если накоплен значительный материал; с одним или двумя словами вообще ничего нельзя предпринимать. Во всяком случае в ономастике не принят прием, заключающийся в том, чтобы явно гетерогенный материал сначала превращать в некую беспорядочную смесь и затем выхватывать из нее отдельные разрозненные (подходящие для собственной точки зрения) элементы.

Причина того, что значение не играет здесь сколько-нибудь значительной роли, очевидна: ведь приписываемое значение является всегда лишь возможным, а часто и произвольным (кто ищет, тот найдет); так, при интерпретации плохо сохранившихся древних источников оно часто вообще не поддается контролю. К тому же именно в именах собственных часто содержатся обsolete элементы, т.е. такие, значение которых вообще уже не может быть выявлено (что невероятно характерно, например, для монгольских личных имен). Как раз на материале, о котором идет речь (каковым и является гуннский), выявление значений абсолютно ненадежно: каждый будет приносить в него лишь свой специфический предраассудок. Я хочу привести показательный в методологическом отношении, хотя и вымышленный, пример. Возьмем два первых попавшихся эскимосских собственных имени из книги Е.С.Рубцовой¹³². Я хочу доказать, что их без труда и превосходнейшим образом можно интерпретировать как тюркские (эту вымышленную игру с равным успехом можно было бы провести с готтентотскими или ботокудскими именами). Первое из них – мужское имя К’ал’ю. Оно, конечно же, тюркское, ведь qal означает ‘старик’¹³³ или ‘безумный, сильный’¹³⁴. Далее в нем есть элемент iyu ‘преследователь’, разлагаемый на iу- ‘преследовать, подавлять’¹³⁵ и суффикс -и/-й¹³⁶. Получается: ‘старый (или безумный) преследователь’. Совершенно подходящее имя для охотника! Второе – женское имя Ар’ыпак’и. Оно, разумеется, так-

же тюркское. В самом деле: agi значит ‘чистый, непорочный’ (часто встречающийся тюркский epitheton ornans для женщин¹³⁷) + bæk (или baqi) ‘постоянный’¹³⁸. Чудесное, украшающее женщину имя! Жаль, что эти тюркские этимологии эскимосских имен, безусловно, выдуманы; они, в сущности, намного лучше некоторых тюркских этимологий гуннских имен, которые тоже придуманы, только авторы этого просто не осознали. Красота этимологии не очень привлекательна для ономастолога, она совершенно ничего не доказывает.

А теперь два примера некорректной (1) и корректной (2) этимологии имен собственных:

(1) Допустим, что мы хотим дать объяснение имени самого великого правителя османов – Сулеймана. Как само собой разумеющееся, мы принимаем, что оно должно быть тюркским, и находим в качестве подходящей основы древнетюркское слово sülä- ‘вести войну’. Из этого следует исключительно красивая этимология – ‘тот, кто ведет войну, воин’. Это толкование крайне убедительно, в частности, по двум причинам: а) поскольку оно объясняет имя тюркского правителя на тюркской почве, б) поскольку оно так превосходно подходит правителю. Однако оно ошибочно: на самом деле Сулейман – это заимствованное из арабского языка имя Sulaiman (последнее в свою очередь происходит из древнееврейского имени, образованного от семитского корня šlm ‘мир’, т.е. нечто совершенно противоположное войне). Анализ на основе формальных критериев дал бы следующие результаты: а) в этом слове не действует гармония гласных (в настоящем тюркском слове гласные е и а никогда вместе не встречаются); и это противоречит условию первому, б) суффикс -уап в тюркских языках не обнаружен, значит толкование не отвечает и условию второму. Поэтому оно недопустимо, и слово должно быть объяснено иначе, как не-тюркское.

(2) Предположим, что в каком-нибудь центральноазиатском или восточноевропейском источнике XIII–XIV вв. мы найдем название *barulatai*. Мы хотим установить, какому языку оно принадлежало. Нам известно, что в монгольском языке (и только в нем) есть часто встречающийся тип имен, состоящих из названия племени и суффикса *-tai* (или *-dai*). Известно также монгольское племя *barulas*. Значит, *barulatai* должно быть монгольским названием. И при этом не имеет никакого значения то, что монгольское название племени *barulas* фактически не поддается этимологизации. С помощью формальных критериев можно оперировать материалом даже совершенно незнакомых языков. Предположим, что мы имеем смешанный ономастологический материал, состоящий (а) из слоя, в котором многие имена начинаются на *sk-*, *st-* и часто наряду с этим имеют суффикс *-tun* (и никогда не имеют суффикс *-lak*), и (б) из другого слоя, в котором слова никогда не начинаются на *sk-*, *st-*, не имеют суффикса *-tun*, но часто имеют суффикс *-lak*. Мы без труда сумеем различать оба слоя (а) и (б), хотя мы не сможем этимологизировать ни одного слова. Попытаемся анализировать гуннские имена собственные, руководствуясь высказанными соображениями. Но и опять-таки необходимо сделать некоторые предостережения.

§ 16. При этимологизации гуннских имен и названий мы сталкиваемся с тремя в равной степени неприятными альтернативами.

(1) Мы ограничиваемся именами таких лиц, принадлежность которых к гуннам находится вне всякого сомнения. Тогда в нашем распоряжении остаются только имена самого Аттилы и некоторых его родственников. Этот материал слишком ничтожен, чтобы можно было делать надежные выводы (т.е. он не отвечает условию накопления материала, § 15); к тому же он, как еще будет показано, имеет гетерогенное (по крайней мере, спорное) происхождение.

При самом строгом подходе остались бы только следующие имена и названия: само название гуннов (Ούννοι, *hunni*), далее имена из греческой литературы (у Ю.Моравчика): Ἀττίλας, Βλήδας, Γιέσμος, Δεγγιζίχ (также Δινζίχ, латинское *Dintzic*¹³⁹), Ἡρνάχ, Μάμας, Μουνδίουχος, Μουνδος, Ούλδης, Ούπταρος, Ῥούας, Χαράτων, Ῥηβάρσιος. Кроме того, имена, встречающиеся в латинской литературе (у Л.Шёнфельда, Т.Моммзена): *Ballamber*, *Ellac*, *Laudaricus*, *Emnetzur*, *Ultzindur*. Всего – 20 имен. Нередко трудно отграничить этот материал от того, о котором речь пойдет в пунктах (2) и (3) (отчего материал становится еще менее надежным). Не относится сюда, по всей вероятности, имя Δονάτος (это не гунн)¹⁴⁰. В отношении Ούλδης и Χαράτων тоже не совсем ясно, были ли их носители как-то связаны с родом Аттилы и были ли они вообще гуннами¹⁴¹; см. также пункт (2).

(2) Второй альтернативой могло бы быть привлечение имен гуннов («гуннов»?), которые упоминаются в качестве придворных Аттилы или в каком-либо другом в равной мере понятном качестве (что все же может служить свидетельством того, что они были иноплеменными). В таком случае из греческой литературы (у Ю.Моравчика) подошли бы, видимо, следующие имена: Ἀδαμς, Βέριχος, Ἐδέχων, Ἐσχάμ, Ἡσλας, Κρέχα (или скорее Ἡρέχα), Ὀνηγήσιος, Ούλιμουθ (?)¹⁴², Σκόττας. А из латинской литературы (Л.Шёнфельд), может быть, еще *Tuldila*. Провести границу между пунктами (1) и (2) иногда бывает трудно. Скорее к пункту (3) (а возможно, лучше бы их считать и негуннскими) относятся имена Ούάλιφ¹⁴³ и Σηγγύλαχος¹⁴⁴. А вот Βασίχ и Κουρσίχ, кажется, относятся к пункту (1). Правда, Ю.Моравчик считает их носителей просто гуннскими военачальниками (около 440 г.); но, по мнению О.Прицака и О.Менхен-Хельфена¹⁴⁵, они – ранние гуннские правители (около 395 г.)¹⁴⁶.

(3) Последней, крайней возможностью было бы привлечение к исследованию всех, кто хоть как-то связан с гуннами. Это означало бы, что мы привлекли бы и тех, которые у Ю.Моравчика упомянуты как «менее известные гунны», а также, например, имя Μοδάρης и другие, которые сопровождаются пометой «византийский военачальник скифского (= гуннского или готского) происхождения». Как заметил Ю.Моравчик, почти все такие «гунны» имеют иранские имена¹⁴⁷. Точно так же мы были бы должны привлечь такое название как акациры, хотя, собственно говоря, из слов, что гунны покорили акациров («неизвестный, но храбрый народ»), следовало бы заключить, что они как раз не были гуннами¹⁴⁸. (Слова Прииска о том, что акациры были гуннами,

наряду с его утверждением, что они – скифский народ, по-моему, следует считать «собирательным названием»: народ с определенным степным кочевым образом жизни, см. § 11). О многочисленных кавказских гуннах см. также § 19.

Таким образом, если мы будем привлекать все, что так или иначе могло быть гуннским, то мы получим совершенно ненадежный материал, поскольку ведь гуннскую империю следует рассматривать как полиэтническое государство, а истинно гуннское происхождение в каждом конкретном случае сначала следует доказывать (гистеронпротерон). Иначе наши поиски можно было бы уподобить попыткам объяснить все имена собственные и этнонимы в Советском Союзе, исключительно исходя из русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ F.Hirth. Über Wolga-Hunnen und Hiung-nu // SBAW. – 1899. – Bd II. – S.245–278; M.Schuster. Die Hunnenbeschreibungen bei Ammianus, Sidonius und Iordanis. – «Wiener Studien». Bd LVIII. – Wien, 1940. – S.119–130; K.Jettmar. Hunnen und Hsiung-nu – ein archäologisches Problem// AfV. – Bd VI–VII. Wien, 1953. – S.166–180 [правда, осторожно и деликатно]; O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen// Festschrift für Dmytro Čyževskij zum 60. Geburtstag. –В., 1954. – S.238–249; Z.Takats. Neuentdeckte Denkmäler der Hunnen in Ungarn// АОН. Т.IX, 1959. – S.85–96; R.Shafer. The earliest Huns// UAJ. Bd 38. – 1966. – С.85–96.

² Fr.Altheim, H.-W.Haussig. Die Hunnen in Osteuropa. – Baden-Baden, 1958.

³ O.Maenehen-Helfen. Huns and Hsiung-nu// B-IJBS. American Series III. –Vol.XVII. №.V. – 1944–1945. – S.222–243; E.A.Thompson. A History of Attila and the Huns. L., 1948; K.Enoki. Sogdiana and the Hsiung-nu// CAJ. –Vol.I. –1955.–P.43–62; E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen mit besonderer Berücksichtigung ihres Namenmaterials// «Beiträge zur Namenforschung». –Bd 14. –Heidelberg, 1963. – S.63–104. (Почти тот же материал повенгерски см.: «Magyar Nyelv». Т.59. Budapest, 1963. – С.53–66).

⁴ Fr.Altheim, H.-W.Haussig. Die Hunnen in Osteuropa. – S.14.

⁵ K.Jettmar. Hunnen und Hsiung-nu – ein archäologisches Problem. – S.178.

⁶ Старую литературу см.: К.Иностранцев. Хунну и гунны. –Л., 1926; K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme// ИАН. – Сеп.V. – Т.XVII. – Вып.2. –СПб., 1902. – С.1–33.

⁷ K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №2.

⁸ O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen.

⁹ W.Samolin. Hsiung-nu, Hun, Turk// CAJ. –Vol.II, 1956. – P.143–150.

¹⁰ K.Shiratori. Sur l'origine des Hiong-nou – JA. Vol.I. P., 1923. – P.71–81.

¹¹ L.Ligetii. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise// АОН. – Т.I, 1950. – P.141–185.

¹² E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese// AM.N.S. – Vol.9. L., 1962, p.1, с.58-144; p.2, с.206–265.

¹³ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.65 и сл.

¹⁴ O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, P.224 и сл.; ср. также: O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun// Studia Serica Bernhard Karlgren dedicata. – Copenhagen,

1959. – P.223–238; L.Ligeti. A kinai atirasos barbar glosszak kerdese// «Nyelvtudományi Közlemények». – Т.51. – Budapest, 1941. –С.200 и сл.; он же. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.142.

¹⁵ W.Samolán. Hsiung-nu, Hun, Turk, с.149.

¹⁶ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, P.240.

¹⁷ O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, P.224 и сл.

¹⁸ Соответствующую литературу см. в работах: L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.143; O.Pritsak. Ein hunnisches Wort// ZDMG. – Bd CIV. – 1954. – S.135; G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd I. – Wiesbaden, 1963. – S.96.

¹⁹ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.264 и сл.

²⁰ O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun, p.225.

²¹ L.Ligeti. A kinai atirasos barbar glosszak kerdese.

²² K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №1; L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.143; Fr.Altheim. Attila und die Hunnen. – Baden-Baden, 1951. – S.61,95; E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.240; G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd II. – Wiesbaden, 1965, статья 944, S.585.

²³ Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, S.53; Fr.Altheim, R.Stiehl. Das erste Auftreten der Hunnen. Das Alter der Jesaja-Rolle. Neue Urkunden aus Dura-Europos. – Baden-Baden, 1953. – S.49; G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd IV. – Wiesbaden, 1973, статья 1825, S.124–136.

²⁴ См.: K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №5 (правда, здесь предлагается иное толкование); G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd II. Wiesbaden, 1965, статья 452, S.35, 39.

²⁵ Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, с.20; он же. Geschichte der Hunnen. – Bd I, B., 1959. – S.7.

²⁶ Так считает Л.Лигети (L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.143), а до него этой точки зрения придерживался П.Пельо.

²⁷ Fr.Altheim, H.Stiehl. Das erste Auftreten der Hunnen, S.37 и сл.

²⁸ O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, p.224.

²⁹ L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise.

³⁰ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese.

³¹ K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №11.

³² E.G.Pulleyblank. The Chinese Name for the Turks// JAOS. – Vol.85. – 1965. №2. – S.121–125.

³³ L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.151.

³⁴ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.240, 244.

³⁵ См.: G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. –Bd IV, статья 1728, S.11–14.

³⁶ См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica. 2. Auflage. – Bd II. –B., 1958. –S.236 и сл.; O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun; Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen, Bd I, s.7 и сл.; К.Иностранцев. Хунну и гунны.

³⁷ См.: W.B.Henning. The Date of the Sogdian Ancient Letters// BSOAS. –Vol.XII. –1948. – P.601–615.

³⁸ См.: M.Bussagli. Osservazione sul problema degli Unni// Accademia Nazionale dei Lincei. Rendiconti della Classe di Scienze morali. –Ser.VIII. – Vol.V. Fasc.3-4. – Roma, 1950. – C.212–232; G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.236 и сл.; O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun; он же. Archaistic Names of the Hiung-nu// CAJ. – Vol.VI. – 1961. –P.249–261; O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen; он же. Hun, der Volksname der Hsiung-nu// CAJ. –Vol.V. –1959. – S.27–34; Fr.Altheim, H.-W.Haussig. Die Hunnen in Osteuropa; Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd I, s.7 и сл.; R.Shafer. The Earliest Huns; H.-W.Haussig. Probleme der Westwanderung der Hunnen// ZDMG. Supplementa. – Bd 2. – Wiesbaden. – 1969. – S.772–782; K.Jettmar. Hunnen und Hsiung-nu – ein archäologisches Problem; E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.139.

³⁹ R.Shafer. The Earliest Huns; E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen.

- ⁴⁰ H.-W.Haussig. Probleme der Westwanderung der Hunnen.
- ⁴¹ M.Bussagli. Osservazione sul problema degli Unni; G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.236 и сл.; O.Maenchen-Helfen. Pseudo-Huns// CAJ. Vol.I. 1955. – С.101–106; он же. The Ethnic Name Hun; R.Shafer. The Earliest Huns.
- ⁴² См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.279–283.
- ⁴³ Там же, с.13.
- ⁴⁴ G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd II, статья 888, с.489.
- ⁴⁵ Ср., в частности: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.13–17.
- ⁴⁶ E.Haenisch. Die Geheime Geschichte der Mongolen. –Lpz., 1948. – S.137 и сл.
- ⁴⁷ U.Harva. Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker. – Helsinki, 1938. – S.420.
- ⁴⁸ O.Maenchen-Helfen. Pseudo-Huns.
- ⁴⁹ Г.М.Василевич. Эвенкийско-русский словарь. –М., 1958. –С.576–579.
- ⁵⁰ G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd II, статья 888, S.489.
- ⁵¹ H.F.Schurmann. The Mongols of Afghanistan. ‘s-Gravenhage, 1962, p.99–101.
- ⁵² Г.М.Василевич. Эвенкийско-русский словарь, с.581.
- ⁵³ B.Spuler. Die Goldene Horde. – Wiesbaden, 1965. – S.281–285.
- ⁵⁴ O.Maenchen-Helfen. Pseudo-Huns, S.102 и сл.
- ⁵⁵ G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.231–237.
- ⁵⁶ Старую литературу см.: К.Иностранцев. Хунну и гунны.
- ⁵⁷ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen.
- ⁵⁸ O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen.
- ⁵⁹ O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, s.225. [См. В.В.Бартольд. Сочинения. Т.V. – М., 1968. – С.37. – Примеч. переводчика].
- ⁶⁰ См.: Сироткин М.Я. Ашмарин Н.И. и чувашская культура// Н.И.Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. –Чебоксары, 1971. –С.17; Каховский В.Ф. Ашмарин Н.И. о происхождении чувашского народа// Н.И.Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. – Чебоксары, 1971. –С.192.
- ⁶¹ Fr.Altheim, R.Stiehl. Das erste Auftreten der Hunnen, S.85.
- ⁶² Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd I, s.7.
- ⁶³ См.: E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, s.65.
- ⁶⁴ См., например: O.Maenchen-Helfen. Zu Moor’s Thesen Über die Hunnen// Beiträge zur Namenforschung. – Bd 14. Heidelberg, 1963. – С.273–278.
- ⁶⁵ G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.5 и сл.
- ⁶⁶ J.Harmatta. The Golden Bow of the Huns// ААН. –Т.I. –1951. –p.107–151; K.Jettmar. Hunnen und Hsiung-nu, s.178; N.Fettich. La trouvaille de tombe princiere hunnique a Szeged-Nagyszekszos. – Archaeologia Hungarica. Т.XXXII. –Budapest, 1953. – с.109 и сл.; J.Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches// АВАВ. Neue Folge. –Bd 38. –1956. – S.1; O.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun, с.237 и др.; R.Shafer. The Earliest Huns, p.6.
- ⁶⁷ Иордан. О происхождении и деяниях гетов// Пер. Е.Ч.Скржинской. –М., 1960. – С.117.
- ⁶⁸ См.: A.Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. neubearb. von J.B.Hofmann. –Heidelberg, 1938. – С.601; Th.Mommsen [ed.]. Iordanis Romana et Getica. Monumenta Germaniae historica, auctorum antiquissimorum tomi V pars prior. –В., 1961. – С.198; ср. также: W.Samolín. Hsiung-nu, Hun, Turk, с.144; O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, с.225; E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.84.
- ⁶⁹ G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd I, s.20 и сл. Иную точку зрения см.: В.v.Arnim. Bemerkungen zum Hunnischen// ZfslPh. –Bd XIII. – 1936, s.100–109; Gy.Nemeth. Attila es hunjai. Budapest, 1940. – с.217–226. Ср. Также: W.Samolín. Hsiung-nu, Hun, Turk, с.144; O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, с.225; Fr.Althelm. Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum. Halle, 1948, с.219 и сл.; он же. Attila und die Hunnen, с.209; он же. Geschichte der Hunnen. Bd IV. – В., 1962. – S.335.
- ⁷⁰ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.84.
- ⁷¹ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.106.
- ⁷² R.Trautmann. Die slavischen Völker und Sprachen. Lpz., 1948. – S.22 и сл.

- ⁷³ L.Niederle. Manuel de l'antiquite slave. Vol.II. P., 1926. – С.51, 53.
- ⁷⁴ Th.Mommsen. Iordanis Romana et Getica, С.198.
- ⁷⁵ М.Фасмер сопровождает это слово пометами: «зап.», «севск.», «укр.», «блр.», «др.-русск.», «чеш.», «слвц.», «польск.». См.: М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т.III. – М., 1971. – С.770.
- ⁷⁶ См.: J.Jungmann. Slovnik česko-nemecky. –Praha, 1838 (приводится как чешское); Fr.Miklošich. Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum. –Wien, 1862–1865 (как древнеславянское); A.Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow, 1927 (как польское).
- ⁷⁷ См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.186.
- ⁷⁸ См.: М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т.II, С.588–589.
- ⁷⁹ J.Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. – Bern-München, 1959. – S.707.
- ⁸⁰ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, S.84.
- ⁸¹ Помимо литературы, цитируемой Ю.Моравчиком (G.Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd I), см.: H.Trautmann. Die slavischen Völker und Sprachen, S.22 и сл.; Д.И.Иловайский [Цит. По:] К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.106; L.Niederle. Manuel de l'antiquite slave, с.37 (последний называет medū главным напитком славян и приводит много источников, в которых это слово встречается).
- ⁸² G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.186.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ См.: G.Nemeth. Attila es hunjai, с.217-226; Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, с.209; Fr.Altheim, R.Stiehl. Das erste Auftreten der Hunnen, с.85 и сл.
- ⁸⁵ Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd IV, S.59 и сл.
- ⁸⁶ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.106.
- ⁸⁷ См.: М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т.II, с.300.
- ⁸⁸ См.: P.Budmani. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T.V. Zagreb, 1898–1903, с.231.
- ⁸⁹ См.: Н.Н.Bielfeldt. Altslavische Grammatik. Halle, 1961, с.47; M.Vasmer. Die Slaven in Griechenland// АВАУ. – 1941. –№12. – С.238, 267.
- ⁹⁰ L.Niederle. Manuel de l'antiquite slave, с.37, примеч.4.
- ⁹¹ Slovnik jazyka staroslověnskeho (15. Praha, 1967, с.43) в качестве старославянского слова из Богемии приводит только kominy 'виноградные выжимки'.
- ⁹² N.S.Deržavin. Die Slaven im Altertum. – Weimar, 1948, S.1–9.
- ⁹³ См.: К.Г.Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. – С.32.
- ⁹⁴ См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.231.
- ⁹⁵ Там же, с.6.
- ⁹⁶ Там же, с.13.
- ⁹⁷ Там же, с.16.
- ⁹⁸ Ср.: E.A.Thompson. A History of Attila and the Huns. L., 1948. – P.10 и сл.; Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd IV, S.300, 302.
- ⁹⁹ Иную точку зрения см.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.103–109.
- ¹⁰⁰ См.: R.Trautmann. Die slavischen Völker und Sprachen, S.22.
- ¹⁰¹ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.103.
- ¹⁰² L.Schönfeld. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. – Heidelberg, 1911. – S.275.
- ¹⁰³ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.17–50.
- ¹⁰⁴ Т.Моммзен со ссылкой на К.В.Мюлленгофа пишет: Balamber... nomen nemo nisi imperitus pro germanico vendet 'Никто, кроме неопытных, не выдаст это имя за германское. См.: [Комментарий Е.Ч.Скржинской к переводу Иордана в кн.:] Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с.323.
- ¹⁰⁵ R.L.Reynolds, R.S.Lopez. Odoacer: German or Hun. – American Historical Review. Vol LII. N.Y. – 1946. – P.50.
- ¹⁰⁶ G.Vernadsky. Der sarmatische Hintergrund der germanischen Völkerwanderung// Saeculum. T.2. – Freiburg, 1951. – S.340–392.
- ¹⁰⁷ G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.85.

¹⁰⁸ Ср.: L.Sadnik, R.Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Bd I. – Wiesbaden, 1963. – S.129, 131; Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T.I. – Zagreb, 1880–1882, с.379 и др.

¹⁰⁹ См.: Н.Н.Биelfeldt. Altslavische Grammatik, s.25; M.Vasmer. Die Slaven in Griechenland, S.238, 269.

¹¹⁰ G.Vernadsky. Der sarmatische Hintergrund der germanischen Völkerwanderung, S.383.

¹¹¹ См.: G.Doerfer. Türkische und mongolische elemente im Neupersischen. Bd II, статья 810, с.356–358.

¹¹² O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen, S.238-249; он же. Ein hunnisches Wort// ZDMG. –Bd CIV. – 1954. – S.124–135.

¹¹³ Сироткин М.Я. Н.И.Ашмарин и чувашская культура, с.17; Каховский В.Ф. Н.И.Ашмарин о происхождении чувашского народа, с.192. См. также: J.Benzing. Zur Etymologie des russ. (o)vrag ‘Schlucht’// ZfsPh. –Bd XX. – 1950. – S.109–111.

¹¹⁴ Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, с.209.

¹¹⁵ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.110.

¹¹⁶ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.63–104.

¹¹⁷ Так считал уже Й.Маркварт, см.: Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd IV, с.335; а также: Н.-W.Haussig. Probleme der Westwanderung der Hunnen, с.774.

¹¹⁸ A.Thumb, R.Hauschild. Handbuch des Sanskrit. Bd I. Heidelberg, 1958, с.87.

¹¹⁹ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.86.

¹²⁰ О соответствии =z ~ =r см.: G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd II, статья 906, S.521–523; там же. Bd III. – Wiesbaden 1967. – S.208–210; там же. Bd IV, статья 1921; о соответствии ö:= ~ va= см.: G.Doerfer. Tschuwaschisch =m < urtürkisch *=m (< gemeintürkisch =n) // UAJ. Bd 45, 1973.

¹²¹ Fr.Altheim, Н.-W.Haussig. Die Hunnen in Osteuropa, S.23 и сл.

¹²² См.: Г.В.Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. –М.-Л., 1960. – таблицы 5, 48.

¹²³ См.: G.Doerfer. Tschuwaschisch =m < urtürkisch *=m (< gemeintürkisch =n).

¹²⁴ O.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun, p.231 и сл.

¹²⁵ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.111–112.

¹²⁶ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, S.95.

¹²⁷ Н.-W.Haussig. Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker// Byzantion. Vol. XXII. Bruxelles, 1953. – S.360.

¹²⁸ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, S.95.

¹²⁹ В этом, видимо, следует согласиться с Г.-В.Хауссигом и Ю.Моравчиком. См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.180.

¹³⁰ Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd I, s.365; E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.95, примеч. 42; E.A.Thompson. A History of Attila and the Huns, p.77.

¹³¹ См., например: J.R.Hamilton. Le conte boudhique du bon et du mauvais prince en version ouïgoure. – P., 1971, с.4, 116.

¹³² Е.С.Рубцова. Материалы по языку и фольклору эскимосов. Ч.1. – М.-Л., 1954. – С.38.

¹³³ См.: ДТС, с.410.

¹³⁴ Там же; см. также: G.Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. –Oxford, 1972. – P.614.

¹³⁵ См.: ДТС, с.205; G.Clauson. An Etymological Dictionary, p.266.

¹³⁶ См.: А.в.Gabain. Alttürkische Grammatik. – Lpz., 1950. – §106.

¹³⁷ См.: ДТС, с.51 и сл.; G.Clauson. An Etymological Dictionary, с.213.

¹³⁸ См.: ДТС, С.92,82; G.Clauson. An Etymological Dictionary, с.323.

¹³⁹ См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.48, 117.

¹⁴⁰ G.Schramm. Eine hunnisch-germanische Namenbeziehung? // Jahrbuch für fränkische Landesforschung. Bd 20. – Erlangen, 1960. – S.144, примеч. 45; Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, S.202 и сл., примеч.26.

¹⁴¹ См.: G.Schramm. Eine hunnisch-germanische Namenbeziehung, S.143, примеч.43.

¹⁴² См.: L.Schönfeld. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen, S.280 (по Проконию).

¹⁴³ См.: E.A.Thompson. A History of Attila and the Huns, с.217 и сл.

¹⁴⁴ Там же, с.72.

¹⁴⁵ O.Pritsak. Die sogenannte Bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren II. – UAJ. Bd XXVI. H.3–4, 1954, с.219; O.Maenchen-Helfen [Рец. На Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen I] // JAOS. –Vol.79. – 1959. – №4, S.298.

¹⁴⁶ Более подробно об этом пишет Фр.Альтхайм, который относит их к еще более раннему времени. См.: Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd I, S.12 и сл.

¹⁴⁷ G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.17, примеч.3.

¹⁴⁸ Возражение E.A.Томпсону и Фр.Альтхайму см.: E.A.Thompson. A History of Attila and the Huns, p.95; Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. –Bd IV. – S.274–279.

Библиографические сокращения

ДТС	Древнетюркский словарь. Л., 1969.
ИАН	Известия Императорской Академии наук. –Спб.
ABAW	Abhandlungen der (Berliner, d. h.) Preussischen Akademie der Wissenschaften.
AfV	Archiv für Völkerkunde. –Wien.
AM.N.S.	Asia Major. New Series. – L.
АОН	Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest.
B-IJBS	Byzantion. International Journal of Byzantine Studies. – N. Y.
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London.
CAJ	Central Asiatic Journal. The Hague – Wiesbaden
JA	Journal asiatique. – P.
JAOS	Journal of the American Oriental Society. –Chicago.
SBAW	Sitzungsberichte der (Berliner, d. h.) Preussischer Akademie der Wissenschaften.
UAJ	Ural-Altäische Jahrbücher. –Wiesbaden.
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – Lpz.
ZfsIph	Zeitschrift für slavische Philologie.

Аннотация

Г.Дёрфер на широком историческом и лингвистическом материале рассматривает проблему языка европейских гуннов. Автор статьи подробно разбирает гипотезы, бытующие в науке по этому вопросу. Имеющиеся источники не позволяют установить этническую преемственность гуннов, сюнну и восточноазиатского народа хун. Из-за скудости материала по языкам этих народов проблематично как установить их принадлежность к какой-нибудь известной языковой семье, так и доказать их тождество. На основе глубокого анализа источников автор статьи приходит к выводу об отличии языка европейских гуннов от языка сюнну, а также о том, что оба эти языка принадлежали к вымершим языковым группам.

Ключевые слова: зарубежная тюркология, лингвистика, гунны, сюнну, хун.

Summary

G. Derfer considers the problem of language of European huns on the basis of historical and linguistic material and analyzes the hypotheses on this question existing in science. The available sources do not allow establishing ethnic succession of huns, suynnu and East Asian people of hun. On account of scantiness of the material on the languages of these people it is difficult both to set their belonging to some famous language family and to prove their identity. On the basis of deep analysis of sources the author of the article draws a conclusion that the language of Euripean huns differed from the language of suynnu and both of them belonged to dead language groups.

Key words: foreign turkology, linguistics, huns, suynnu, hun.

УДК 321; 323

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА*

Михаэль Фридерих, доктор

Относительная либеральность, отличавшая искусство, литературу, историческую науку в военные годы, закончилась, как уже упоминалось выше, и в Татарстане с началом кампании против (русских) журналов «Звезда» и «Ленинград». Как и во многих других городах советской империи, в Казани проходили многочисленные собрания, на которых выражалась поддержка резолюции ЦК ВКП (б) и осуждались идеологические ошибки этих периодических изданий. В татарской прессе не только воспринимались без изменений «аргументы» русских обвинителей, даже если речь шла о переводных статьях. Функции и позиции личностей, включенных в эти акции, были у татар и у русских очень схожими. Роль татарского Жданова играл С.Гаффаров, секретарь Татарского обкома, отвечавший за пропаганду. 3 октября 1946 г. в Казани было созвано большое собрание татарских писателей, на повестке дня которого стоял только один вопрос – журналы «Звезда» и «Ленинград», и был только один выступающий – С. Гаффаров. Единственным пунктом его пространной речи, который не встречается в русской кампании, являлись взаимоотношения между татарской и русской литературами. Он охарактеризовал татарскую литературу как «растущую под влиянием оказания братской помощи со стороны великой русской литературы»⁵². При этом он не забыл упомянуть, что это наблюдается не только в советское время, так было и до Октябрьской революции: «Клас-

сики татарской литературы были способны создать прекрасные произведения, потому что они следовали лучшим традициям великой русской литературы, учились у русских классиков»⁵³. Он называет следующих «русских» классиков: Пушкин, Лермонтов, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Горький и Маяковский. Гаффаров не упоминает, кто из татарских литераторов и критиков подражал Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому и Горькому. Но я хотел бы обратить внимание на то, что татарские поэты начала и середины 1920-х гг., образцом для которых являлся футуристический Маяковский, были не только «литературно», но и «юридически» осуждены впоследствии, самое позднее, в годы «великой чистки»⁵⁴. Но понятно, что на таких «деталях» Гаффаров не останавливался. Его слова, высказанные совершенно недвусмысленно, должны были показать, что все нерусские, национальные культуры должны быть благодарны «великой русской культуре», если не за свое существование вообще, но за свои успехи. Чтобы «доказать» правильность подобного подхода, применялся метод порочного круга: избирался образец «хорошего», «национального» (т.е. нерусского) героя дореволюционного времени (предпочтение отдавалось просветителям, писавшим стихи), который отличался хотя бы временной близостью с русской культурой и языком⁵⁵. После этого из их литературного или личного наследия выбирались

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2011, № 2–4.

цитаты, при этом источники цитаты никогда не назывались, и могло быть так, что она вырезана из контекста или же просто приписана. И эти цитаты из вновь избранного национального героя должны были задним числом подтверждать советское заявление об образцовой роли всего русского. Например, одной из таких образцовых фигур из казахов являлся поэт и просветитель Абай Кунанбаев (1845–1904) со своим высказыванием: «Учитесь у русских – это ключ к жизни»⁵⁶. У татар Габдулла Тукай являлся тем поэтом, который должен был выполнять эту функцию.

Еще одним качеством, постулированным для «советского человека» и спроецированным на какие-либо русские или «национальные» образцовые фигуры из прошлого, являлся оптимизм, а советский человек, в первую очередь, был оптимистом, «иначе говоря, полностью верящий в себя, в свой народ». И это, конечно, означало, что он был полностью чист от таких вещей, как безнадежность»⁵⁷.

Свойства, которые приписывались новым старым героям, и роли, которые, как утверждалось, исполняли в истории русские и «националы», в Советском Союзе оставались неизменными и после смерти Сталина (1953 г.). И временная критика, сформулированная, прежде всего, на XX съезде Коммунистической партии (1956 г.), не могла ничего изменить⁵⁸.

Дальнейшие дискуссии вокруг татарской литературы, которые велись с середины 1940-х до конца 1950-х гг., в целом были ограниченными и концентрировались на стереотипном распределении целей, поставленных партией, в реализацию которых литература должна была внести свой вклад. Признавалось, что есть серьезные недостатки в политико-идеологическом сознании литераторов, а следовательно, и в их произведениях, а также в литературной бюрократии и выражалась надежда на скорейшее улучшение ситуации.

Самое позднее, после Второй мировой войны, цели, сформулированные

партией, лишились широкого мировоззренческого характера. Они определялись повседневной политикой и ее совершенно конкретными потребностями, которым подчинялись литература и искусство. Гаффаров очень ясно выразил это уже в своем докладе 3 октября 1946 г.: «Вся идеологическая работа теперь должна быть подчинена боевым задачам, стоящим перед советским народом»⁵⁹. Но, по мнению Гаффарова, вместо того, чтобы поддерживать государство и партию в воспитании молодого поколения в духе преданности родине, партии и товарищу Сталину, что является их первой и главной обязанностью как советских писателей, некоторые из татарских авторов (правда, Гаффаров опять не называет имен), совершенно в духе Зощенко и Ахматовой отделились от политики и актуальных событий, поддались «групповщине, приятельству, личным интересам», против чего, понятно, необходимо решительно бороться⁶⁰.

Высказывания Гаффарова и его заместителя Камиля Фасеева⁶¹ создают впечатление, что большинство татарских писателей занималось тем, что создавали произведения в духе Джеймса Джойса или Франца Кафки⁶². До начала 1950-х гг., т.е. до тех пор пока велась кампания против деполитизированной литературы (по-татарски – «бүлмә лирикасы»), однако, насколько мне известно, лишь два татарских автора были названы по именам с обвинением в подобной ошибке: Ахмет Файзи и Салих Баттал⁶³.

Аксиома о единстве народов Советского Союза и доминировании всего русского внутри «семьи народов» вела, таким образом, к тому, что все свойства, положительные или отрицательные, имевшие важность для русских, должны были иметь место и у других национальностей. Ставить этот «закон» под сомнение или же противодействовать ему могло быть интерпретировано и осуждено как «национализм» или «сепаратизм». Эта идеоло-

гическая конструкция сама себя кусает за хвост и сама же подтверждает: после того как татарские литературные функционеры и верные партии критики перенимали «обвинение» из русских дискуссий, они должны были также презентировать «обвиняемого», для того, чтобы избежать упреков в недостаточной бдительности. И чем больше «враги» старались «замаскироваться», тем почетнее было их «разоблачение». Критики не замечали, что они ведут борьбу с ветряными мельницами и тем самым фактически повторяют ту же ошибку, какую они приписывали объектам своей критики: их высказывания не имели ничего общего с реальной татарской действительностью.

«Боевые задачи» татарской литературы в советской действительности после 1946 г. имели одно название: «четвертый пятилетний план». Повседневные события являлись тем, что составляло величие и превосходство советской жизни. Преобразовать их в литературной форме – это было важнейшей задачей, которой должны были посвятить себя писатели и поэты. И потому должны были описываться постоянные новшества, успехи и прогресс, имевшиеся в промышленности, преобразовании природы, электрификации колхозов, сельском хозяйстве, на машинно-тракторных станциях (МТС), а также жизнь и работа трактористов и деревенской молодежи. Кроме того, большое и заслуженное внимание должно было уделяться Героям Советского Союза и Героям Социалистического Труда. Конечно же, на самом переднем плане должны были находиться в известной степени «вечные темы» «советского патриотизма» и «беспощадной ненависти к врагам народа». Все эти темы были объявлены основополагающими для татарской литературы не только до конца 1940-х⁶⁴, но и до середины 1950-х гг.⁶⁵, и у писателей, и у поэтов потребовали, чтобы они постоянно находились в центре их внимания. И с такой же энергией, с которой вы-

сказывались требования к темам, чаще всего упоминавшимся по отдельности, стереотипно предъявлялась и претензия, что имеются еще серьезные недостатки, что вместо «творческой активности» имеет место «творческий застой», что «авторы Татарстана отстают от жизни», и «то, что написано до сих пор татарскими советскими писателями, никак не может удовлетворить все возрастающие потребности читателей»⁶⁶. Список татарских писателей и поэтов, у которых наблюдались подобные ошибки, был велик (более четверти от всего состава Союза писателей) и авторитетен – в него входили довольно известные авторы того времени⁶⁷.

Еще одним большим недостатком, обнаруженным политическим руководством Татарстана у татар, в целом, т.е. у авторов и читателей, но также и в среде литературной бюрократии, являлось отношение к «старшему брату». Интерес татарских читателей к русской литературе ни в коем случае не мог быть определен как удовлетворительный, а поддержка и помощь, которую получали живущие в Татарстане русские писатели, определялась как совершенно недостаточная⁶⁸. Со второй половины 1930-х гг., когда было прописано ясное доминирование русских среди всех народов Советского Союза, этот упрек относился к постоянному репертуару высказываний татарских функционеров относительно «дружбы народов». И только через несколько лет после второго Съезда советских писателей, состоявшегося в Москве в декабре 1954 г., в татарской литературе и критике начались робкие изменения.

После такого длительного описания идеологического, политического и культурно-литературного фона я хотел бы, наконец, прояснить, каким же представлялся Габдулла Тукай татарской и всесоюзной общественности с середины 1930-х до конца 1950-х гг. Все важнейшие темы этого периода, занявшего практически четверть века, использовались для реабилитации Ту-

кая: реставрация дореволюционного прошлого, с особым упором на его прогрессивные и революционные традиции; «открытие» выдающейся роли отдельных личностей как предводителей народа, а поэтому и определяемое народом развитие истории; патриотизм и любовь к родине, и связанная с этим новая положительная оценка народной литературы; единство и дружба народов Советского Союза, начавшаяся еще в Российской империи, и ведущая роль русского народа и его прогрессивных писателей и мыслителей в развитии «национальных» культур, что было раньше и продолжается сейчас; наконец, требование не теряться в пустых и бессмысленных саморефлексиях, а непосредственно отражать в литературном творчестве актуальную политику и с оптимизмом смотреть в будущее.

В конце предыдущего раздела («Тукай – пессимист») я уже упомянул о публикации избранных сочинений Тукай, появившейся в 1938 г. в Казани, под редакцией Мусы Джалиля. Очевидно, что в своем вступительном слове редактор пытался принять в расчет менявшуюся в 1936–1938 гг. оценку Тукай. Осторожно он упоминает о новой знаковой линии, когда говорит, что лирика Тукай была прогрессивна и поэтому нужна народу. Эту заслугу необходимо признать, и здесь мы видим старую линию аргументации автора: «Творчество Тукай не смогло подняться до высоты идеи классовой борьбы, ограничилось мелкобуржуазным индивидуализмом, религиозностью, национализмом, но его лирика была полезным прогрессивным творчеством для народного движения»⁶⁹. Мелкобуржуазная психология Тукай была причиной и того, что он не понял значения революции, что для стихов и статей, написанных после 1907 г., характерны душевная подавленность, стремление к романтизму, безнадежность и пессимизм⁷⁰.

Попытка Мусы Джалиля угодить всем и, не занимая собственной пози-

ции, лавировать между идеологическими фронтами не удалась. Джалиль действовал неумело, и кроме того, обе линии или позиции, которые он хотел соединить, были несовместимы. Ф.Габдрахманов ясно высказал это в своей критике М.Джалиля и одновременно представил нового Тукай: «Без всяких объяснений «украшать» такими «качествами» народного поэта Г.Тукай, до самой своей смерти воспевавшего народную душу, горькую ненависть народа по отношению к эксплуататорам-капиталистам и помещикам, и никогда не замыкавшегося в самом себе; считать его беспощадную острую сатиру, поднятую как острый меч над эксплуататорами, «не имеющей ясного направления», «плодом одинокого протеста» – все это, даже если говорить мягко, является непониманием основного содержания творчества Тукай»⁷¹.

Еще более ясно выразился Гали Халит, который с конца 1930-х гг. продвигался в качестве ведущего татарского «эксперта по Тукаю». В начале 1938 г. он опубликовал в журнале «Совет әдәбияты» большую статью под названием «Тукай – халык шагыйре»⁷². В этой статье упоминаются или, по меньшей мере, обозначаются уже почти все те качества Тукай, которые в последующие 20 лет будут определять его образ для татарской общественности: принадлежность Тукай к угнетенным, к «народу»; непоколебимая вера Тукай в народ, который являет собой революционные массы, что затем и возводит поэта в ранг «народного»; большое и незаменимое значение, которое имела русская культура для развития мышления Тукай.

В отличие от представителей либеральной буржуазии, которые видели авангард в интеллектуалах и джадидистских муллах, с самого начала Тукай «призывал представителей массы, которая, как и он, была растеряна (...), пребывала в бедности, стать авангардом». Это совершенно несомненно показывает, что он являлся настоящим

народным трибуном⁷³. И он никогда не предавал народ и его идеалы, являвшиеся идентичными с его собственными, как это делали некоторые другие поэты и интеллектуалы, т.е. он не отворачивался от происходящих политических событий или же не продавался буржуазии⁷⁴, а непоколебимо продолжал свою политическую лирику⁷⁵.

Все эти качества с конца 1930-х гг. были установлены для (татарского) «народного поэта». Габдулла Тукай был первым татарским литератором, на котором был проверен такой каталог требований. Тем самым ему было представлено выдающееся положение не только в татарской литературе, но и в татарской истории в целом. Однако Тукай не был единственным: всем литераторам, которых после него удостоивали титула «народный поэт», приписывались точно такие же качества в почти идентичных выражениях⁷⁶.

Из названных требований следовало, что мировоззрение «народного поэта», отражающееся в его жизни и творчестве, должно отличаться непоколебимым и ясным оптимизмом. И для Габдуллы Тукая все это коротко и ясно установил Гали Халит. Полностью вступая в противоречие со своим современником Мусой Джалилем, Г.Халит в своем «анализе» пришел к выводу, что мировоззрение и творчество Тукая «во всем своем течении были оптимистичными»⁷⁷. Такая основополагающая характеристика поэта еще сильнее подчеркивалась в годы Второй мировой войны. Хай Хисматуллин и Адель Кутуй в апреле 1942 г. превозносили «глубокий оптимизм», с которым Тукай воспевал народ и его борьбу за счастливое будущее⁷⁸. Когда с 1946 г. стали заявлять, что «великая» русская культура постоянно имела положительное влияние на развитие «национальных» культур, это не могло не остаться без последствий и в оценке оптимизма Тукая. Так, Кави Наджми подчеркивал, что в целом оптимистичный тон творчества Тукая объясняется влиянием «великой рус-

ской литературы» и «героизмом Ямашева, шедшего в одном ряду с русскими большевиками»⁷⁹.

Упоминания об оптимизме Тукая сохранялись и в 1950-е гг. В предисловии к 4-томному собранию сочинений Тукая, вышедшему в 1955–1956 гг., Гали Халит писал: «Исторический оптимизм, орошенный пафосом демократической революции (!), (...) мотивы радости и надежды никогда не угасали в творчестве Тукая. Они время от времени вспыхивали и в самые черные дни реакции»⁸⁰. Немного забегаю вперед, хочу заметить, что и в 1960-е гг., когда многие татарские критики заменили безусловный оптимизм Тукая общим гуманизмом, Гали Халит считал, что мировоззрение Тукая отличается «историческим оптимизмом»⁸¹. Отвлекаясь от того, правильна оценка Г.Халита или нет, следует поставить ему в заслугу, что он последовательно отстаивал свою позицию и не старался, как многие из его коллег-критиков, перекраситься, подстраиваясь под новые условия.

Необходимо обратить внимание и на средства, которыми подтверждался новый, оптимистичный Тукай. В отличие от всех предыдущих периодов развития представления о Тукае, когда критики пытались доказать свои противоречивые характеристики и оценки поэта и его творчества с помощью цитат из его стихотворений, во второй половине 1930-х гг. они так же не поступали. Только с 1946 г. начали предприниматься первые попытки отыскать оптимистичный дух Тукая в его произведениях. Однако поиски оказались скудными. Я хотел бы показать это на примере одной статьи Кави Наджми, появившейся в 1946 г. по случаю 60-летия со дня рождения поэта. Здесь автор приводит две цитаты из стихотворений без упоминания их названия и одно название стихотворения. Первая цитата: «Когда же, о несчастная [мусульманская] нация⁸², придет твоя весна? Когда уйдет ночь и наступит день? Может быть, он придет, ког-

да я уже буду в могиле...(...)). Эти слова К.Наджми интерпретирует так: «Поэт с нетерпением ждал нашей эпохи, зарю свободы, весну свободы»⁸³. Вторая цитата: «Однажды во мне обрывается надежда на какое-то счастье. И откуда-то приходит ко мне утренняя звезда по имени Будущее. Она сверкает в моих небесах, усиливает надежды. (...)»⁸⁴. Для К.Наджми это означает: «Он успокаивал себя и жил надеждой, что достигнет этого счастливого будущего». Имеет ли все сказанное реальную силу доказательства, чтобы утверждать, что Тукай был оптимистом – на это даже можно не отвечать. Но даже эти исключительно слабые «доказательства» К.Наджми должен был приукрасить замалчиванием цитат и неправильными данными.

Во-первых, К.Наджми не приводит названий цитируемых стихотворений, хотя в советской литературной критике так обычно не делалось. И только потому, что они больше пробуждают ассоциации «пессимизма», чем «оптимизма»: первое стихотворение называется «Көз», а второе – «Тәрәддөд вә шөбһә» («Колебания и сомнения»). Во-вторых, неверно утверждение, которым, возможно, К.Наджми пытался подчеркнуть оптимистичный характер стихотворений – это то, что оба этих произведения были написаны, когда «Тукай был уже тяжело болен и стоял на пороге смерти»⁸⁵. На самом же деле стихотворение «Көз» было опубликовано 15 октября 1906 г., а «Тәрәддөд вә шөбһә» – 13 февраля 1909 г. В-третьих, цитируя стихотворение «Көз», К.Наджми приводит три строки из него и просто-напросто опускает последующую фразу. И это стихотворение заканчивается словами: «Может быть, он придет, когда я уже буду в могиле», за этим еще следует: «Только тогда, когда в день Страшного суда я воскресну вновь после смерти»⁸⁶. А стихотворение «Тәрәддөд вә шөбһә» завершается словами: «Она сверкает в моих небесах, усиливает надежды. Как будто идет ко мне возлю-

бленная, чтобы утереть мои слезы»⁸⁷. Ни «Страшный суд», ни «возлюбленная, вытирающая слезы» никак не вписываются в картину, которую хотел бы нарисовать К.Наджми. То, что он выбрал именно эти цитаты для доказательства оптимизма Тукая, указывает на то, что остальные строки обоих стихотворений дают для таких утверждений еще меньше возможностей.

Отрывки, цитировавшиеся другими критиками до середины 1950-х гг., также не давали особых оснований для подтверждения оптимистического мировоззрения Тукая. В 1953 г. Ахмет Исхак привел пример стихотворений «Яшьләр» и «Кыйтга»⁸⁸. Еще в 1926 г. стихотворение «Яшьләр» оценивалось совершенно иначе: Габдрахман Сагди поставил ему диагноз «национальный пессимизм»⁸⁹. А о стихотворении «Кыйтга» Ахмет Файзи в 1940 г. сказал, что оно по своему содержанию является «самым пессимистичным» стихотворением Тукая⁹⁰. В 1955 г. один из первых, кто с 1938 г. пропагандировал оптимистичного Тукая, Гали Халит попытался подтвердить свою позицию при помощи того же стихотворения, что и Кави Наджми в 1946 г. – «Тәрәддөд вә шөбһә»⁹¹. Со второй половины 1950-х гг. мне неизвестна более ни одна статья, в которой имелась бы попытка доказать оптимизм Тукая при помощи цитат из его стихотворений.

С конца 1930-х гг. не только содержание стихов Тукая имело значение в оценке той роли, которую поэт придавал народу. Его стремление донести до народа все им написанное, «не искажая реальности», привело, по мнению Г.Халита, к тому, что отказаться от таких литературных течений, как символизм и романтизм, и в стиле, и в языке осознанно выражаться так, чтобы быть понятым массами. И тем самым он стал основателем реализма в татарской литературе⁹². С 1946 г. также ясно говорилось, что реалистический стиль Тукая не восходит к традициям татарской литературы, основным образцом

для него при этом являлось «русское реалистическое искусство»⁹³.

Во время Второй мировой войны в центре внимания находился не оптимистичный Тукай, творчеству и личности поэта придавались качества, которые в годы войны были особенно важны. В первую очередь, здесь следует упомянуть «патриотизм». В 1941–1945 гг. во многих статьях в татарской прессе утверждалось, что Тукай был патриотом, что видно уже из их названий⁹⁴. Уже через год после начала войны в Казани увидела свет монография на русском языке под названием «Габдулла Тукай – патриот»⁹⁵. В качестве такового он, кроме «своего народа», конечно, любил и «свою родину»⁹⁶. Но никогда точно не говорилось, что же имелось в виду под «народом» и «родиной» Тукая. Авторы статей избегали уточнения, и для них «татары» были идентичны «советским людям», а «родина татар» – Советскому Союзу. Если следовать официальной партийной линии, даже и не было необходимости что-либо пояснять, поскольку «народ» дефинировался не в национальном/этническом, а в идеологическом смысле: «народом» являлись эксплуатировавшиеся массы дореволюционного времени, а также трудящиеся советской эпохи. Если при этом еще проводить этническое или национальное разделение, то это могло расцениваться как «национализм» и иметь соответствующие последствия. То же самое относится и к понятию «родина». Полную идентичность понятий «народ» и «рабочие и крестьяне», а также то, что национальная принадлежность не играет никакой роли, в 1943 г. очень ясно показал Якуп Агишев. В качестве «доказательства» любви Тукая к «своему народу» он назвал стихотворение «Мужик йокысы»⁹⁷. В первой публикации этого стихотворения (26 ноября 1905 г. в «Фикер») сам Тукай отметил, что это «перевод и подражание» стихотворению А.В.Кольцова. Тем самым «любовь к своему народу» – татарам доказывается на при-

мере стихотворения русского поэта Кольцова. Выбор данного стихотворения подразумевал также и два дальнейших утверждения: любовь Тукая к народу связана с прогрессивным русским влиянием; поскольку «Мужик йокысы» вообще является первым опубликованным произведением Тукая, то любовь Тукая к народу существовала с самого начала. О значении понятий «нация», «родина», «дружба народов» в представлении о Тукае ниже я остановлюсь подробнее.

Война потребовала не только патриотизма, но также и мужества, героизма, бесстрашия перед врагом. И именно эти качества, по убеждению А.Кутуя, были характерны для Г.Тукая: «Тукай в первую очередь поэт-борец. Радость от жизни он видит в борьбе, только в борьбе. (...) Тукай – певец героизма. Страх перед врагом – позор для него»⁹⁸.

По окончании войны характеристики, дававшиеся татарскими критиками Тукаю, изменились. Двумя важнейшими темами, преобладавшими с 1946 до середины 1950-х гг., в представлении о Тукае были: влияние, которое оказывали на него русская культура и литература, и значение, которое придавалось Тукаю в повседневных политических событиях.

В статье, озаглавленной «Чынлык кече», Мухаммет Гайнуллин отметил: «Источником понимания революционной ситуации для Тукая служила революционная русская пресса, выходившая на русском языке в те годы»⁹⁹. Тукай следил за политической прессой, которая выходила не только в Уральске, но и в других городах»¹⁰⁰. То, что Тукай в Уральске читал русские газеты, сомнений не вызывает, все-таки Камиль Мутыгый-Тухватуллин, в типографии которого он работал, издавал и русские газеты. Но то, что он читал и русские издания, имевшие революционное содержание и издававшиеся в других городах, – это никак не доказывается, и М.Гайнуллин только заявляет об этом. Говорить о значении, которое

имели русская литература и культура для развития мировоззрения и творчества Тукая, как об этом писалось после 1946 г., я буду ниже.

Но здесь я хотел бы обратить внимание на то, что с конца 1940-х гг. отдельные представители татарской интеллигенции признавали, что высказывания на тему «Тукай и русская культура» были стереотипными и шаблонными¹⁰¹. Хотя они, по словам Наки Исанбета, не были неправильными, но они не касались одного только Тукая. Качества и заслуги, приписываемые Тукаю, могут быть обнаружены у сотен других татарских поэтов. Тукай не играл первопроходческой роли ни в пропаганде русской культуры среди татар, ни в борьбе против религиозного шарлатанства, оторванности от мира в мышлении и литературе, игнорирования или угнетения женщины. По мнению Н.Исанбета, эти темы «у нас имели уже столетнюю историю» до того, как Тукай впервые предстал перед общественностью¹⁰². Удивительно, но за подобную реставрацию татарского прошлого, что означало отрицание или, по меньшей мере, сомнение в русском влиянии, Наки Исанбет персонально не был осужден. Однако его объективно правильный анализ не совпадал с советским видением дел. И он был отвергнут.

После 1946 г. тогдашних татарских писателей все чаще упреками в том, что они уделяют недостаточно внимания актуальным темам. И в этом случае Тукай мог служить образцом: «писучесть» Тукая, часто критиковавшаяся до Октябрьской революции, была для критиков после Второй мировой войны особо положительной чертой поэта. То, что он «направил свое перо в сторону живой жизни своего времени, каждой злободневной проблемы», превратило его в трибуна, голос которого слышался всем¹⁰³. Советские критики не придавали особого значения тому, что основание для многих стихов и статей, действительно написанных Тукаем по поводу важных и неважных

«повседневных проблем», при известных обстоятельствах не было проявлением его жгучего интереса к ним или же его желания «своей творческой силой придать направление общественным событиям»¹⁰⁴. Хотя нет прямых доказательств того, что Тукай только потому писал много, что он постоянно нуждался в деньгах, но известно – после своего прибытия в Казань осенью 1907 г. и до своей смерти в 1913 г. у него не было постоянной работы, а значит, он существовал на гонорары от публикации своих стихотворений. Чтобы выжить, он должен был продавать свои стихи. А хорошо и много можно продать только те стихи, которые написаны в духе времени, и потому в них заинтересованы редакторы газет и журналов или же книгоиздатель. Даже если бы он сам захотел, что не может быть доказано или, наоборот, опровергнуто, он не смог бы написать стихи, например, в стиле Дэрдменда, имея только цель «выжить». Обладал ли он талантом для этого – это уже совершенно иной вопрос. И Тукаю оставалось только писать о «повседневных» проблемах для того, чтобы решить свою ежедневную проблему – найти деньги на существование. Хотя или возможно из-за того, что такое объяснение является материалистическим, оно никогда не принималось во внимание советской критикой. Она предпочитала этому идеалистический подход, согласно которому Тукай обращался к «повседневной» жизни народа только из чувства большой любви к нему.

Для того чтобы показать величие и значение Габдуллы Тукая для татарской культуры и литературы, имелась не только возможность выявления олицетворяемых им (положительных) качеств. Высокое качество его литературного творчества, его любовь к народу и оценка, которая давалась ему народом, а также его «глубокий оптимизм» можно было показать и критикуя критиков, отказывавших ему в наличии этих качеств. Такой опыт, т.е.

критика критики, охотно применялся с конца 1930-х гг. Вначале, примерно с 1938 г., осуждались критики, которые что-либо высказывали о творчестве Тукая при его жизни и в начале 1920-х гг., речь идет о «правых» критиках Тукая. Осуждение критиков, которые в конце 1920-х – начале 1930-х гг. рассматривали Тукая с «ультралевых», «вульгарно-социологических» позиций», началось только в начале 1950-х гг. Основа для критики критики в обоих случаях была одинаковой: заявление о том, что именно в их руках находится ключ к пониманию Тукая, его творчества и его времени.

Выяснение взаимоотношений между Тукаем и татарской буржуазией для критиков было лишь формальностью, так как для них было совершенно ясно, что Тукай любил народ, а народ отвечал ему взаимностью. Поскольку народ и буржуазия являлись антагонистическими классами, а Тукай представлял интересы народа, из этого автоматически следовало, что Тукай и буржуазия являлись врагами. Круг врагов Тукая, а значит и врагов народа, был очень велик и пестр. К ним причислялись: «буржуазные критики», прежде всего Галимджан Ибрагимов, отказывающие Тукаю в морали, совети и поэтическом таланте; «контрреволюционные националисты» во главе с Гаязом Исхаки, упрекавшие Тукая в аполитичности; «татарская буржуазия» под руководством Риззэтдина Фахретдина, заявлявшая, что талант Тукая не раскрылся и не был оценен народом при его жизни; «реакционные романтики», как Сагит Рамиев, распространявшие ложь, что Тукай использовался как инструмент всеми слоями и группами татарского общества и что он не написал ничего, что шло бы от него самого; «капиталистические издатели», превращавшие славу Тукая в звонкую монету; наконец, «буржуазные националисты» и «муллы», угрожавшие Тукаю на смертном одре, что он не может быть погребен по мусульманскому обычаю, если не откажется

от своих стихов, направленных против них¹⁰⁵. Но все старания «врагов» принизить Тукая в глазах народа не имели никакого успеха, они и не могли иметь успеха, потому что уже сам Тукай во всем разобрался и заявил: «Народ велик, народ могуч!»¹⁰⁶. И потому «масса поняла Тукая и его почитала»¹⁰⁷.

Для советских критиков с конца 1930-х гг. не составляло особого труда объяснить, почему же «буржуазные» татарские газеты и журналы уделяли так много внимания Тукаю до и после его смерти. После того как «враги Тукая» заметили, что они не смогут расколоть и столкнуть Тукая с народом, они нашли более «эффективный» способ и попытались использовать поэта в своих собственных интересах¹⁰⁸. Они попытались представить «нацию» и «народ» как одно и то же, и Тукай, по их мнению, был «народным поэтом, переживавшим за весь народ, близкий всем слоям»¹⁰⁹. Однако все это, как анализировал Гали Халит, являлось не чем иным, как прямой попыткой «не допустить в литературном процессе классового разделения, скрыть все противоречия и отличия между угнетателями и угнетаемыми под именем «нации» и «народа»¹¹⁰. В качестве наиболее известных представителей этой теории бесклассовости в литературе Г.Халит назвал Гали Рахима, Газиза Губайдуллина и Джамала Валиди¹¹¹.

Насколько мне известно, критика «ультралевых» критиков Тукая конца 1920-х – начала 1930-х гг. началась только после смерти Сталина и велась до 1980-х гг.¹¹². Возможным объяснением такой довольно поздней реакции является то, что все или почти все такие критики стали жертвами сталинской «великой чистки» и тем самым превратились в личности, не подлежащие упоминанию и после их физической смерти. Они были отправлены в один котел с «правыми» критиками, против которых они боролись самым энергичным образом: «В 20–30-е годы буржуазно-националистические ли-

тераторы, вооружившись вульгарно-социологическим методом, постарались изобразить Тукая как представителя буржуазной литературы»¹¹³. Но это, по словам И.Нуруллина, не удалось, потому что имелся «народ», имелись «сотни тысяч читателей», которые «не дали распространиться этой фальсификации»¹¹⁴. Констатация того, что Тукай являлся представителем «буржуазной» литературы, которую из разных соображений поддерживали как «правые», так и «ультралевые», о чем не упоминает И.Нуруллин, является правильной. То, что такая точка зрения не принималась и отвергалась «сотнями тысяч читателей», остается лишь голословным высказыванием¹¹⁵. Однако И.Нуруллин не забыл отметить, что при оценке Тукая «народ» получил поддержку от своего авангарда – «партии»: «При помощи партийной общественности поэт совершенно правомерно начал рассматриваться как революционно-демократический художник, а его общественно-политическая позиция получила новую оценку»¹¹⁶.

Второй момент, который ставился в вину «ультралевым» критикам и за который они задним числом осуждались, – это их отношение к прошлому. Они оценивали себя как великих «новаторов» и предполагали выбросить за борт все культурное наследие как содержательно, так и формально. Все старое, а значит и Тукай и его творчество, не имело никакой ценности для новой эпохи, которая началась именно с них¹¹⁷. Они пропагандировали «анархизм» и «нигилизм» и отрицали все «национальное». Именно эти обвинения ставились во главу угла в 1946 г., во время начавшейся кампании против журналов «Звезда» и «Ленинград»¹¹⁸. Эта ссылка на мнение «духовного отца» об «ошибках»¹¹⁹, имеющих в советской послевоенной литературе, давала критике желаемое историческое измерение, которое в этом случае приводило к весьма острым последствиям¹²⁰. Высказывание Хасана Хай-

ри от 1961 г. о том, что с конца 1920-х до середины 1930-х гг. велись оживленные дискуссии о Тукае, определявшиеся «идеологической борьбой»¹²¹, полностью поддерживалось. Правда, Х.Хайри «забыл» упомянуть, что и после 1955 г. идеология и политика определяли, каким должен представляться Тукай.

Для представлений о Тукае конца 1950-х гг., о котором пойдет речь в следующем разделе, характерна попытка деидеологизировать поэта и его творчество. Если определять отказ от идеологического звучания не как собственно «идеологию», то можно следующую фазу назвать «антиидеологической».

1.2.5. Тукай – гуманист (конец 1950-х – 1980-е гг.)

Никита Хрущев, занявший в сентябре 1953 г. пост первого секретаря ЦК КПСС¹²², в феврале 1956 г. выступил со своей знаменитой речью на XX съезде партии, в которой сообщил о репрессиях сталинской эры. Правда, в речи Хрущев не коснулся политики Сталина до 1934 г. и ничего не сказал о разгроме различных «оппозиционных» групп, насильственной коллективизации, которые в начале 1930-х гг. стоили жизни миллионам людей. Кроме того, в своих обвинениях он ограничился самим Сталиным и его «ближним кругом». Этими ограничениями Хрущев хотя и наметил изменение положения, но все же одновременно сделал понятным, что речь не идет о начале совершенно новой эпохи сомнения во всем и тотального переустройства системы.

Самое большое воздействие на общественную жизнь в Советском Союзе, связанное с именем Хрущева, – это, конечно, разоблачение Сталина. Демонтаж Сталина, который до самой своей смерти в 1953 г. считался и почитался как «отец народов, величайший полководец в мировой истории, победитель нацистской Герма-

нии, спаситель человечества, гениальный теоретик, кумир для коммунистов всех стран»¹²³, привел к новой свободе не только в самом Советском Союзе, а также и в восточноевропейских государствах-сателлитах¹²⁴. По окончании XXII съезда КПСС в октябре 1961 г. тело Сталина было вынесено из Мавзолея (Ленина). Десталинизация в этом отразилась с двух сторон: с одной стороны, известные на то время преступления Сталина были раскрыты и осуждены; с другой стороны, однако, этим давалось понять, что данная тема закрыта, иначе говоря, дальнейшая критика нежелательна.

Партийный съезд в 1961 г. принял новую Программу партии с заключением, что строительство социализма в СССР завершено, теперь он находится в фазе перехода к коммунизму¹²⁵. Прямым следствием осуществленного социализма стало заявление о том, что закончена «диктатура пролетариата». Теперь пролетариат становился не «господствующим», а «ведущим» классом. Антагонистические противоречия исчезли, а классовая борьба осталась в прошлом.

Политика реформ и переустройства в политике, промышленности, сельском хозяйстве и культуре, проводившаяся под руководством Хрущева, не удалась. Хотя производство промышленной и сельскохозяйственной продукции увеличилось, все равно ее показатели были гораздо ниже запланированных, что вело к недовольству среди занятых в этих сферах людей. Если здесь успех был слишком мал, то в партии о политике он был «слишком большим»: многие функционеры были убеждены, что политика десталинизации, которую проводил Хрущев, зашла слишком далеко и вообще ставит под вопрос ведущую роль партии, прежде всего, в области культуры. Кроме того, его личные качества для того, чтобы занимать высший пост в СССР, были поставлены под сомнение многими советскими гражданами, когда в 1960 г. он, возмущившись, прервал свою речь

перед Генеральной ассамблеей ООН, снял свой ботинок и стучал им по трибуне¹²⁶.

На Пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г. Хрущев был смещен. На его место вступил Леонид Брежнев. Эпоха советской истории, которая началась с этого события и завершилась после смерти Брежнева в ноябре 1982 г., по выражению Дж.Хоскинга, стала временем «величественной медлительности»¹²⁷. Еще Хрущев заявил о построении в СССР социалистического общества. При Брежневе же социализм стал полностью «реальным»: «Создание выражения «реальный социализм» похоронило все утопические цели. Неподвижность стала идеалом. (...) Единственно динамичная технократическая мораль, казалось, все более и более подчинялась производству «стационарного тоталитаризма» с тенденцией – поставить собственные специфические интересы ведущих кадров в один ряд с общими ценностями»¹²⁸.

В период длительного правления Брежнева не произошло никаких важных структурных или идеологических изменений¹²⁹. Статус-кво действительным стал осуществленной утопией. Время от перехода власти к Брежневу до начала перестройки под руководством Горбачева¹³⁰ по праву называют годами застоя» (по-татарски – торгынлык еллары).

До 1962 г. оценка сталинской эпохи была темой многих произведений русской литературы. Вероятно, наиболее известным, но одновременно последним сочинением на эту тему стала повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», которая была опубликована в 1962 г. после личного разрешения Хрущева. Но совсем скоро после XXII съезда партии как Хрущев, так и Ильичев, руководитель идеологического отдела ЦК, на двух собраниях, на которые были приглашены и сотни писателей, дали понять, что потребности в новых литературных произведениях о сталинском времени нет. Они одновременно

предупредили об опасности «буржуазного влияния» в советской литературе и призвали к тому, чтобы принципам социалистического реализма (партийность, идеологическая зрелость и народность) уделялось усиленное внимание¹³¹.

Одновременно с новой «политической» литературой, разрабатывавшей и перерабатывавшей тему сталинизма, возникла и «неполитическая» новая литература. Она была «неполитической» потому, что концентрировалась на «общечеловеческих проблемах». Темой этой литературы был отдельный человек, «со своими особенностями и своими душевными переживаниями, со своей радостью и своей болью, своими сомнениями и своим несовершенством»¹³². Эта литература заявляла о праве индивидуума на собственную жизнь, жизнь, которая не определяется только политикой и идеологией, которая не похожа на ровное течение и полна поворотов, конфликтов и противоречий, а человек сам сознает это. То, что партия не была готова терпеть писателей, неугодных ей, показало дело Пастернака 1958 г., а так же события 1962 г. Молодой поэт Иосиф Бродский был арестован и в феврале 1964 г. осужден за тунеядство и «паразитический образ жизни» на пять лет принудительных работ. В августе 1965 г. милиция арестовала Андрея Синявского и Юлиа Даниэля, которые опубликовали свои сочинения на Западе без соответствующего разрешения (под псевдонимами). Приговор гласил – за «сатирическое изображение общества», и они были осуждены к семи и пяти годам принудительных работ. После дальнейших арестов и осуждений во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. власти перешли к новому методу: строптивые поэты и писатели просто выслались из СССР или же им разрешался выезд за границу, а затем запрещался въезд обратно в СССР¹³³.

Приговор Синявскому и Даниэлю «продемонстрировал конец надежд

на либеральную политику во времена Брежнева»¹³⁴. «Смещение Хрущева означало для русской поэзии конец такой политики: самообман, поддерживаемый всевластной пропагандой, становился очень значительным, и было желание от него освободиться»¹³⁵.

С 1965 г. русская литература таким образом разделилась надвое. На одной стороне стояли те писатели и поэты, которые отказывались от сотрудничества с партией и государством. Если они не были высланы за границу, то они публиковались в самиздате. Их произведения были как «неполитическими», так и «критическими» по отношению к Советскому Союзу.

На другой стороне находились официальные, верные партии авторы, произведения которых публиковались большими тиражами. На очередных съездах писателей в 1967, 1971 и 1976 гг. они подтвердили полную гармонию между литературой и партией. Такое единство было вовсе неудивительным, потому что «писатели сами превращались в партаппаратчиков, и наоборот». Это явление увенчалось тем, что в апреле 1979 г. председатель Союза писателей СССР Георгий Марков вручил Ленинскую премию по литературе Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу за его мемуары. Марков заявил, что эти произведения были отмечены высокой наградой, «потому что по своей популярности и воспитательному значению на читательские массы книги Леонида Ильича (Брежнева) единственные в своем роде и не имеют себе равных»¹³⁶.

Совершенно очевидно, что все это являлось фикцией, это даже подтверждается опросом, проведенным среди читателей во времена позднего Брежнева, в конце 1970-х гг., когда у них спросили об их литературных предпочтениях. Результат показал, что «отечественные читатели не особенно интересуются современной литературой социалистического реализма, а предпочитают классическую русскую литературу, произведения, написанные

в советское время, но находящиеся в опале, а также разного рода иностранную литературу»¹³⁷. На 8-м съезде писателей, состоявшемся уже в период перестройки, в июне 1986 г., издательская политика Союза писателей и государственных издательств впервые была подвергнута критике. Молодые авторы и критики упрекали их в том, что величина тиража устанавливается от той ступени, которую автор занимает в партийной иерархии. Книги, которые никто не желает читать, издаются сотысячными тиражами. Кроме экономических потерь, это является также грубым пренебрежением интересами читающего народа¹³⁸.

Решение о роспуске СССР 8 декабря 1991 г. решило также и многие проблемы советской литературы.

В послевоенное время татарская литература впервые обсуждалась на 2-м съезде советских писателей в декабре 1954 г. Начало дискуссии положил Гумер Баширов, который, спустя месяц после смерти Сталина, 4 апреля 1953 г., был избран новым председателем Союза писателей ТАССР. В своей речи на съезде он говорил о традиционных и совершенно общих достижениях советской литературы и о наличии в татарской литературе немало количества ошибок и недостатков. В качестве примера он привел «поэму» (это слово было поставлено им в кавычки) Махмута Хусаина «Шанлыярда туганнар», опубликованную в «Яшь сталинчы» в августе 1954 г. По словам Г.Баширова, это произведение полно «шаблонных предложений, бездушных слов», что оно написано «без волнения, без приложения особых усилий», что « в нем нет никакой поэзии»¹³⁹. Он добавил, что такого рода ошибки присущи не только поэзии, но часто встречаются и в других жанрах татарской литературы, и призвал к тому, чтобы их преодолеть. Свою критику Баширов продемонстрировал не только потому, что «ошибки» в «поэме» были очень существенными. Возможно, что основанием для его выбора стало и то, что ав-

тор поставил как дату написания произведения «1948–1954 гг.». Эти цифры дали Баширову весьма благоприятную возможность на основании одного сочинения направить свою критику против всей татарской литературы именно этого периода. Такой метод был, конечно, и тактически разумным: если бы вновь изменились политико-идеологические ориентиры, что в 1954–1955 гг. было вовсе не исключено, то он смог бы обосновать свое мнение тем, что он критиковал исключительно одно-единственное произведение. После Баширова к хору критиков присоединились и другие писатели и установили, что в татарской литературе преобладает «посредственность» (уртачылык)¹⁴⁰.

В этих обсуждениях бросается в глаза то, что звучало очень много критики и при этом явственно преобладали «негативные» высказывания, т.е. не было восхваления или признания удачных произведений, отсутствовали конструктивные предложения об улучшении, касавшиеся желаемых качеств литературы, важных тем и соответствующих времени языковых и стилистических средств. Критические высказывания, звучавшие в татарских литературных дискуссиях постоянно и еще имевшие место в конце 1950-х гг., что литература не поспевает за эпохой и не может удовлетворить потребности и ожидания своих читателей¹⁴¹, мало способствовали появлению новых импульсов для дальнейшего развития литературы. Они являлись шаблонами точно так же, как и шаблонное изложение, критикуемое в литературных произведениях¹⁴². Карикатура на титульном листе сатирического журнала «Чаян» в мае 1958 г. очень ярко демонстрирует это: здесь изображены семь человек, бегущих наперегонки по кругу. На книгах, которые каждый из них держит в руках, поставлены их названия – «Поэзия», «Юмор-сатира», «Проза», «Детская литература», «Драматургия», «Литературный перевод», «Литературная критика». Подпись к рисунку гла-

сит: «Чаян: Вот и обвиняют они друг друга: Ты отстал, нет, ты отстал! И никто не знает, кто из них впереди, а кто позади!»).

Такая неопределенность сохранялась, по меньшей мере, до начала 1960-х гг. До того времени, насколько мне известно, в татарской послевоенной литературе только одна тема стала новой и одновременно успешно развивающейся – это тема любви. Любовь, понимаемая как чувство, возникающее между людьми, а не как любовь к партии, родине или же к работе, с середины 1920-х гг. стала для советской литературы и общественности «нежелательной» темой. В 1926 г., например, Гумер Галиев констатировал, что описание автором эмоциональной связи двух людей может привести только к чрезмерному выбросу «любовных секречий», а потому все это буржуазно и совершенно чуждо для социалистической литературы¹⁴³. Афзал Шамов приравнял любовь к «половой распущенности» и «порнографии»¹⁴⁴.

«Почти неестественную чопорность», господствовавшую в советской литературе во времена Сталина, отметил и Оскар Мария Граф, принимавший участие в съезде советских писателей в 1934 г.¹⁴⁵. На этом фоне особое значение приобретают слова Ахмета Исхака, который летом 1958 г. заявил, что важнейшей тенденцией современной татарской поэзии является любовная лирика и что стихи, написанные на тему «любви», «в большинстве случаев являются достаточно сильными»¹⁴⁶. Однако, как отметил он дальше, это является единственным радующим моментом, который можно выделить при разговоре о татарской лирике конца 1950-х гг. «Политическая» и «гражданская» лирики являются поверхностными, лишены вдохновения и полны шаблонов, и в «философской лирике дела обстоят неважно», «невелики успехи в публицистической поэзии»¹⁴⁷. Решительное требование изменения такого положения в конце 1950-х гг. поставило татарскую литературу, так же как и

русскую, перед трудным вопросом: какая литература и какие писатели могли бы и должны были бы служить образцом и ориентиром для тогдашних авторов? Литература и литераторы сталинской эпохи подверглись критике, они представляли собой в высшей степени отрицательный пример. Западная, т.е. «буржуазная», литература была отвергнута, по крайней мере, верными партии критиками¹⁴⁸. Единственное, что оставалось, это опора на собственное литературное наследие¹⁴⁹.

В татарской литературе это, прежде всего, означало, что «откапывались» те писатели и поэты, которые в 1920-е – 1930-е гг. определялись, критиковались и частью «юридически» осуждались как «правые». К таковым, например, относились Галимджан Ибрагимов, Шамиль Усманов, Карим Тинчурин, а также Фатых Амирхан. Собрания сочинений или избранные труды первых из троих названных авторов появились в 1956 г., произведения Ф.Амирхана были изданы в 1957 г.¹⁵⁰. Окончательная реабилитация Дэрдменда и Сагита Рамиева произошла после острых споров только во второй половине 1960-х гг.¹⁵¹. Такие литераторы, как Гумар Тулумбайский, которые после 1936 г. были обвинены в «левом уклоне» и, большей частью, погибли во время репрессий, не были затронуты в дискуссии рубежа 1950-х – 1960-х гг. Они были реабилитированы как личности только после распада Советского Союза, но критическая оценка их литературного творчества еще по-настоящему не дана.

Одновременно с «оживлением» названных авторов, которые довольно долгое время являлись объектом жестокой критики или же просто замалчивались, началась и реинтерпретация поэтов и писателей, которые и во времена Сталина пользовались высоким признанием. Теперь же просто заявлялось, что в сталинское время они представлялись неверно, и только теперь новые оценки выявят их истинное значение. Самым известным примером

такого подхода и такой аргументации является Габдулла Тукай¹⁵².

Вновь заслужившие почет и уважение или же сохранившие свою репутацию прежние поэты и писатели представлялись молодым татарским авторам как образец и яркий пример. Они во многом были лучше, чем все, кто пришел после них. Очень ясно такую позицию выразил Сибгат Хаким в своем стихотворении «Тукай һәйкәле янында»: «В поэтическом море, оставшемся после тебя, встречается довольно много мелких мест, и то, что ты видел еще в те времена, и сегодня не видят некоторые поэты»¹⁵³. Так становилось почти обязательным, когда критики, пожелавшие позитивно оценить какого-либо (молодого) автора, особенно подчеркивали влияние на него старых поэтов. Например, о Габдрахмане Абсалямове, лауреате Тукаевской премии 1959 г., самом продуктивном татарском писателе периода Второй мировой войны, было сказано следующее: «С самого детства в его сердце вошел Тукай»¹⁵⁴. Тукай и другие поэты его времени были объявлены основателями «литературной школы» и, тем самым, прямыми родоначальниками современной татарской литературы¹⁵⁵. Наследие легитимировало наследников – максимально тесное и прямое отношение к прошлому становилось условием для успеха в настоящем.

Как уже упоминалось выше, внимание, которое уделяли писатели и поэты конца 1950-х гг. теме «любви», и благосклонный прием таких произведений со стороны критиков показывали, что теперь и в татарской литературе главными темами и основой литературного творчества являлись не политика и идеология. Точно так же, как и их русские коллеги, молодые татарские авторы с середины 1960-х гг. все больше обращались к отдельному человеку, межчеловеческим отношениям и «общечеловеческим проблемам». То, чего всегда добивалось политическое руководство, теперь без его «помощи»

становилось реальностью – единство советской литературы. Правда, эта новая литература отличалась от официальной «советской литературы» тем, что ее тематика была не специфически советской или же только «социалистической», а «человеческой»¹⁵⁶.

Изображение психологических процессов в развитии отдельного человека, описание внутренних противоречий, которые не обязательно должны быть разрешены, воспринимались молодыми татарскими авторами как абсолютная необходимость¹⁵⁷. По мнению Аяза Гилязова, одного из видных сторонников нового подхода, существовавшая до сих пор литература была примитивной и упрощала реальность. Этот недостаток можно было объяснить тем, что авторы таких сочинений и критики, которые их возвеличивали, либо были бесталанными, либо совершенно сознательно пытались разрушить способность читателей думать. Однако цель литературы не та, чтобы сказать читателю, что он должен думать. Задача литературы и литературной критики «в первую очередь заключается в воспитании граждан со свободным мышлением»¹⁵⁸.

Такое понимание литературы оставалось не бесспорным. Верные партии литераторы, как и раньше, требовали произведений, содержание которых было бы ясным и без труда могло быть понятым читателями. Литературовед Хасан Хайри, родившийся в 1910 г., был в конце 1960-х гг. важнейшим представителем таких «консерваторов». Он критиковал, что преимущественно молодыми авторами поддерживается литература, в основе которой лежит «узкий субъективизм», и при этом «мировоззренческая позиция автора» не играет никакой роли для определения разницы между «белым» и «черным», так как каждое поколение и каждый по отдельности человек имеют собственное понимание¹⁵⁹.

Таким образом, с начала 1970-х гг. в татарской литературе были представлены две противоположные позиции –

одни настаивали на действенности «советских ценностей», другие считали необходимым приобщение к (западной) современности.

Переоценка Габдуллы Тукая шаг за шагом началась уже в 1950-е гг. В своем вступительном слове к четырехтомному изданию произведений Тукая 1955–1956 гг. Гали Халит согласился с тем, что представление о примирении всех людей и классов, и мнение о том, что политические изменения могут быть достигнуты только через изменение сознания, оказали большое влияние на мировоззрение Тукая. Однако Гали Халиту было ясно, что такое мнение Тукая было неверным¹⁶⁰. После этого первого признания того, что и Тукай допускал «ошибки», во второй половине 1950-х гг. последовало и требование не приписывать Тукаю тех качеств, которыми он, во-первых, не обладал, и, во-вторых, которые не обязательны для того, чтобы доказать его величие как поэта. Насколько мне известно, одним из первых открыто выразил такую точку зрения С.Кирьянов, живущий в Татарстане русский критик, член Союза писателей ТАССР. На одном из собраний критиков 1 июля 1957 г. он заявил: «Иногда Тукай изображается так, как будто он мыслит совершенно по-марксистски, что он критикует эту эпоху с марксистских позиций. Тукай был народным поэтом, прогрессивным писателем, революционно-демократическим поэтом. И это не принижает его творчество. Зачем из него делать марксиста?»¹⁶¹.

Это требование объективности в представлении и оценке Тукая (а также и других ранних поэтов) в 1960-е гг. положило начало острой дискуссии и разделило не только татарских критиков и писателей, но и общественность, проявляющую интерес к литературе¹⁶², на два лагеря. Советские «традиционалисты» твердо и неукоснительно защищали свою интерпретацию, согласную которой Тукай, даже если и не был большевиком, был, по крайней мере,

«близким другом татарских большевиков» и «своим народным творчеством готовил татарских трудящихся к революционной борьбе»¹⁶³. Он не только боролся за коммунизм, но и «принимал участие в строительстве здания коммунизма»¹⁶⁴. Эти высказывания могли быть инспирированы идеей, что Советский Союз находится на стадии перехода к коммунизму, что было объявлено в начале 1960-х гг. при Хрущеве. С 1965–1966 гг. стало ясно, что для части критиков основной стала характеристика Тукая как борца за дело социализма. Они очень часто «доказывали» правильность такой оценки с помощью цитаты из письма, написанного Тукаем Сагиту Рамиеву. Соответствующее место из письма гласит: «Я не такой как ты, не только чистый поэт, я к тому же и дипломат, и политик, и общественный деятель»¹⁶⁵. Предложение, предшествовавшее этим словам, оставалось, однако, «забытым», а оно было следующим: «Потемнело перед глазами, я потерял все надежды на национальную жизнь, национальное существование и все мои мечты»¹⁶⁶.

В середине 1960-х гг. одним из самых решительных сторонников «социалистического Тукая», а соответственно и врагом новой деполитизированной интерпретации поэта был историк Р.Нафиков. Я хотел бы полностью процитировать его длинный список тех лиц и группировок, к «уничтожению» (себерелеп түгелергә) которых призывал Тукай своим творчеством, потому что он очень явственно показывает, что классовая ненависть и в середине 1960-х гг. напоминала прошлое: «Ишаны в чалмах как стог, мякинные головы; ахуны – доносчики и шпионы; двуличные, капустоголовые муллы, распространявшие ислам с помощью жандармской сабли; националисты, все стонущие о конце нации; жадные татарские баи – воры, жулики; волки-меньшевики и черносотенцы; самые правые среди правых Гучковы¹⁶⁷; арбузоголовые Пуришкевич¹⁶⁸ и компания – все они забра-

лись на шею простого рабочего народа, и все эти человекоподобные животные¹⁶⁹, вся их династия должны быть начисто выметена. Вот к этому и призывает поэт»¹⁷⁰. Типичным для аргументации Р.Нафикова шахматным ходом соединяются два элемента, которые не обязательно связаны друг с другом и совершенно иначе интерпретированы современниками Тукая, например, Г.Ибрагимовым: развитие литературы Тукая и идеология. Р.Нафиков пишет: «В одно время, когда Тукай все более мастерски описывал своим пером все эти социальные уродства и опухоли в России, усиливался и призыв его к революционному движению против существовавшего строя»¹⁷¹. Похоже, как со стороны содержания, так и языка представление и оценка Тукая, демонстрируемые Р.Нафиковым и другими участниками дискуссии, восходят к попыткам убрать поэта и его творчество с самого переднего фронта идеологического противостояния, имевшего место во второй половине 1950-х гг. Позиция Р.Нафикова вновь более близка представлению о Тукае, установленному во времена Сталина с середины 1930-х гг.

Некоторые критики занимали как будто срединную позицию. Они заявляли, что мировоззрение Тукая определяет «революционный гуманизм»¹⁷². Хотя они и признавали, что после 1907 г. в творчестве Тукая отражаются «грустные мотивы», одновременно они все же утверждали, что основу этого ни в коем случае нельзя видеть в «страхе Тукая перед жизнью» или же в «пессимизме»: «здесь только присутствовала боль честного художника за то, что в условиях русской действительности стремления человека к истине и справедливости не могут быть реализованы»¹⁷³. Такое объяснение с идеологической стороны являлось сомнительным, поскольку оно признавало, что условия своего времени мешали развитию Тукая, и он не был в состоянии противопоставить им что-то позитивное. Тем самым это объясне-

ние вступает в противоречие с мнением Р.Нафикова и критиков сталинского времени, утверждавших, что в годы реакции после 1907 г. идеологическое сознание Тукая развивалось и служило совершенствованию его литературных способностей.

Самая острая критика представлений о Тукае, имевших место до того времени, касалась требования прекратить, наконец, фальсификацию его личности и его творчества. Эта позиция, которую с начала 1960-х гг. одним из первых наиболее отчетливо занял Ибрагим Нуруллин, совершенно четко отличалась от всех предыдущих позиций татарской критики. И в ранних дискуссиях и спорах о Габдулле Тукае всегда встречались упреки и обвинения в том, что другая(ие) сторона(ы) неверно трактует его личность или творчество. То, что теперь требовал И.Нуруллин, – отойти в конце концов от такой манеры, чтобы инструментализировать Тукая в качестве легитимизации какой-то определенной идеологической точки зрения. Он требовал объективности, которая также не была лишена противоречий.

Первая статья, которой И. Нуруллин привел в смятение татарскую общественность, интересующуюся литературой, появилась в журнале «Совет әдәбияты» в декабре 1961 г. Речь в данном случае шла о появившемся в 1960 г. сборнике воспоминаний о Тукае¹⁷⁴. Нуруллин упрекал редактора Сагита Исанбая и ответственного редактора, автора предисловия Гали Халита в том, что они «из желания «возвеличить» и «улучшить» Тукая сознательно фальсифицировали статьи в сборнике. Отдельные предложения и даже абзацы были выброшены, некоторые части текста изменены. Просто-напросто была скрыта вся информация, которая никак не подходила под образ боевого поэта, являющегося образцом для молодежи»¹⁷⁵. Например, то, что он порой играл, как ребенок, что он уже в самые ранние годы начал курить, что ему не был чужд алкоголь,

что он был постоянным читателем газеты «Тәржеман»¹⁷⁶, что он очень почитал Толстого и, как и Толстой, нередко ходил в крестьянской одежде и босиком¹⁷⁷. Такие действия И. Нуруллин комментировал следующим образом: «Почему же лишать Тукая ветвей и листьев и оставлять его в виде сухой палки?»¹⁷⁸ (...) Ни у кого нет права заходить в чужой дом и расставлять там мебель по своему вкусу! Это настоящий произвол! И это называется наукой? И это вовсе не возвеличивание Тукая, это, наоборот, унижение его, оскорбление»¹⁷⁹.

Статья Ибрагима Нуруллина «Шагыйрне өйрәнү юлында», опубликованная в марте 1966 г., продолжила прежние его высказывания на эту тему¹⁸⁰. Он вновь критикует то, что за прошедшие 10–15 лет представление о Тукае формировалось как «одностороннее», при этом немало фактов фальсифицировалось с целью изобразить поэта как «человека, не знающего никаких колебаний и сомнений»¹⁸¹. Такой точке зрения И.Нуруллин противопоставил Тукая, в творчестве которого есть немало переломов и противоречий, который ни в коем случае не сражался всегда на переднем крае битвы за социализм и коммунизм, чье политическое сознание все-таки было развито слабо, который не всегда подавлялся царской цензурой, который писал не только «из головы», но и «из живота». Тем самым почти по всем пунктам Тукай Нуруллина совершенно отличается от Тукая, которого изображали верные партии критики, такие как Камиль Фасеев, Зиннат Ишмухаметов или Рафик Нафиков¹⁸².

Возможное возражение, что необходимо особенно выделять положительные стороны Тукая, «чтобы воспитывать молодое поколение»¹⁸³, И. Нуруллин формально признает, но считает, что «обращать внимание на положительные стороны поэта – это одно дело, и совершенно другое дело – отрицать его недостатки, противоречия, объявлять, как будто их вовсе

не было». На мой взгляд, это высказывание И.Нуруллина было в татарской критике первым, когда упоминаются не только противоречия в личности и творчестве Тукая, но и устанавливается наличие «недостатков». И.Нуруллин продолжает: «Короче говоря, не наступило ли время перестать обманывать самих себя?».

Статья И.Нуруллина привела к оживленному обмену мнениями. Если говорить о точках зрения, появившихся в татарской прессе, то сторонники и противники его позиции составляли примерное равновесие. В статье «Инәсеннән жебенә кадәр» на сторону И.Нуруллина встал Шариф Байчура¹⁸⁴, который привел новые примеры фальсификаций. Здесь я хотел бы привести только два из них. Первый – о стихотворении Г.Тукая «Китмибез!». Тукай не написал его как «ответ» на кампанию «татарских реакционеров», призывавших татар покинуть Россию, как это до 1960-х гг. представляли советские критики¹⁸⁵. Ш.Байчура показывает, напротив, что поводом для написания стихотворения стал призыв «убирайтесь в Турцию!», прозвучавший со стороны правых депутатов Государственной Думы в адрес мусульманской фракции на заседании 4 мая 1907 г.¹⁸⁶ Кроме того, Ш.Байчура обнаружил и дальнейшие редакционные «улучшения» в сборнике «Тукай турында замандашлары», который критиковался И.Нуруллиным уже в конце 1961 г. Статья Ф.Сайфи-Казанлы, включенная в этот сборник, называется «Татар халкының олуг каһарманы». Ф.Сайфи-Казанлы написал эту статью тогда, когда он еще восхищался Тукаем, и в начале текста первой публикации в «Ялт-Йолт» (10.06.1913. – № 55) привел строки из стихотворения Тукая: «Моя большая душа не любит этот мир, потому что весь мир преходящ». В сборнике 1960 г. эти строки отсутствуют, зато в конец статьи составители включили предложение, которого в оригинале вообще нет: «Тукай был народным поэтом, и он стал жертвой ка-

питалистической жизни». Такую фальсификацию Ш.Байчура оценивает как особенно неуклюжую, потому что «в 1913 г. развитие мысли и взгляд на мир Ф.Сайфи еще не дошли до такого уровня, чтобы употребить такое предложение». Кроме того, составители ни одним словом не упомянули, что Сайфи с 1923 г. превратился в одного из безжалостных критиков Тукая. Из своих наблюдений Ш.Байчура сделал все-таки достаточно мягкий вывод: «Названные выше факты ясно показывают, что в области изучения творчества великого поэта есть еще немало недостатков». Примерно в таком же духе, как И.Нуруллин и Ш.Байчура, в 1966 г. критиковали существовавшее ранее советское представление о Тукае Фатых Хусни и Гали Хикматуллин¹⁸⁷.

Однако упрек в фальсификации может быть предъявлен и самому И.Нуруллину. В сборник воспоминаний о Тукае, изданный им к 100-летию поэта совместно с Рифом Якуповым в 1986 г.¹⁸⁸, включена статья Ахмета Урманчеева, которая была опубликована в издававшемся им самим сатирическом журнале «Ялт-Йолт» 10 июня 1913 г. Так вот, в сборнике 1986 г. отсутствует последний абзац первоначальной публикации: «Среди татар Тукай, несомненно, был поэтом, не сравнимым ни с кем. Народ его не понял. И потому народ не смог извлечь пользы из его несравненных произведений. Он умер из-за страданий народа. И теперь страдания остались только народу»¹⁸⁹. Представляется невозможным, чтобы издателям сборника 1986 г. не были известны эти строки. То, что они просто-напросто были опущены И.Нуруллиным и Р.Якуповым, показывает, что и в середине 1980-х гг. еще имелись табу: характеристика Тукая как «поэта татарского народа» была и осталась аксиомой, которая потому является неточной, что в понятие «татарский народ» в разное время вкладывались совершенно различный смысл и содержание, которые не могли и не должны были ставиться под сомнение.

Консервативные, верные партии критики в 1960-е гг. были задеты инициатором И.Нуруллиным дискуссией и резко выступили против него. Р.Нафиков, позиция которого была рассмотрена выше, не был единственным, кто в самой острой форме высказал свою точку зрения. В совместной статье М.Абдрахманов и К. Фасеев осудили аргументацию И.Нуруллина как «несовместимую с марксистско-ленинской эстетикой»¹⁹⁰. По их мнению, у И.Нуруллина отсутствовали «положительные мысли» (!), он ставил под сомнение самые лучшие традиции в творчестве Тукая. И это являлось не чем иным, как «неуместным оскорблением поэта». И в конце публикации авторы заметили: «Статья И.Нуруллина производит исключительно тяжелое, некрасивое впечатление. Автора интересует не тот Тукай, которого мы все знаем, а совершенно другой Тукай, без политического лица, он хочет видеть в нем заблудившегося и запутавшегося поэта. Если проверить «объективно», говорит наш критик, действительно получился бы совершенно иной Тукай». Т.е. Нуруллина упрекали именно в том, что он сам намеренно приписывал «другой стороне». И это, по мнению Абдрахманова и Фасеева, он пытался скрыть под прикрытием поиска «объективности». Он заявлял, что ищет «истину» и «объективность» о Тукае, но то, что он нашел, это была не «истина», а «его собственная истина». И.Нуруллин позволил себе оставить без внимания творчество Тукая и, по мнению Мухаммета Гайнуллина, «допустил непростительную несправедливость»¹⁹¹.

Дискуссия об «истинном Тукае» в середине 1960-х гг. фактически «застряла». «Старые» критики и «новые» критики стояли друг против друга не без слов, но и без всякого понимания. На мой взгляд, безвыходность этой дискуссии была связана, прежде всего, с требованием объективности со стороны «новых» критиков: они не утверждали, что Тукай был аполити-

чен; они не утверждали, что творчество Тукая несовершенно с литературной стороны; они не утверждали, что аргументы, используемые «старыми» критиками, неверны. Но они утверждали, что тем самым говорится не все. Они настаивали на том, что в личности и творчестве Тукая имеются аспекты, которые «старая» критика и представление просто оставили «под столом». Вскрытие противоречий, а также и недостатков означало для Ибрагима Нуруллина, Шарифа Байчуры и Фатыха Хусни не оскорбление или принижение Тукая, не желание оспорить значительное место в истории татарской литературы, как заявляли их оппоненты. Представители «новой» критики пытались «очеловечить» Тукая. Для Нуруллина и его единомышленников было просто трудно представить поэта без каких-либо углов и шероховатостей, без сомнений в самом себе, без неуверенности, например, в своем будущем или в обществе, в котором он жил. Они представляли мнение, что нет «окончательной и единственной истины». Они утверждали, что могло произойти не только «то или другое», а именно было «то или другое».

Дискуссия между представителями двух позиций прошла безрезультатно. Ни одна из сторон не смогла убедить в чем-то другую. Можно утверждать, что дискуссии о личности и творчестве Тукая после дебатов 1966–1967 гг. явно потеряли свой накал. Повидимому, причину этого следует видеть в отсутствии новых аргументов. То, что можно было сказать, было уже сказано.

В середине 1970-х гг. Гали Халит сделал попытку психологически проанализировать Тукая. Его статья называлась «Тукай. Лирик герой. Жанр диалектикасы»¹⁹². Г.Халит теперь считает главной заслугой Тукая следующее: «(Лирика Габдуллы Тукая) смогла проникнуть в духовный мир человека, иначе говоря, поднялась до открытия диалектики индивидуальных людей на основе психологического анали-

за. Поэт был верен самому большому достижению реалистической поэзии – традиции отражения духовного мира человека, единства его мыслей и переживаний, гармонии жизненного разнообразия и противоречий, психологической глубины необходимой связи личности, ее общественного окружения и реальности»¹⁹³.

Примечателен этот отрывок потому, что со второй половины 1930-х гг. Гали Халит являлся одним из ведущих экспертов по Тукаю, и тогда он подчеркивал «правильное идеологическое сознание поэта и политическое значение его творчества. Теперь же, в 1976 г., он отошел от политизированной характеристики Тукая и дал психологические объяснения, что подтверждает – и в официальной, верной партии критике происходило переосмысление. «Психология» или «диалектика души» вовсе не были самоцелью. Г.Халит же не сказал, что нет никакого политического Тукая, но политический аспект не выдвигался теперь на передний план. «Для Г.Тукая был чужд метафизический рационализм (!), то есть заранее подготовленные и закостеневшие идеи и догмы, точно так же нехарактерно для него субъективное, индивидуалистическое понимание мира. Наоборот, он твердо встал на путь исторического и психологического понимания реальности и внутреннего мира человека. (...) И это самое важное отражение в поэзии «диалектики души»¹⁹⁴.

В середине 1970-х гг., таким образом, Тукай представал не как поэт «политического внешнего мира», а как поэт «психологического внутреннего мира». Связь между этими двумя образами Гали Халит провел очень явно уже в названии своей статьи – это диалектическая связь. Таким определением позиции, очевидно, были удовлетворены все критики – и «старые», и «новые», высказывания Гали Халита не критиковал никто. И потому в 1986 г. в монографии Наипа Лаисова, появившейся на двух языках к празд-

нованию 100-летнего юбилея поэта, не вызывая удивления или критики, устанавливалось, что хотя творчество поэта в основном было оптимистическим, но все же одновременно содержит много пессимистических мотивов¹⁹⁵. «Творчество поэта без преувеличения можно назвать энциклопедией татарской жизни начала XX в. Он стремился увидеть все и отразить все в своем творчестве»¹⁹⁶. Получалось, что автор преподнес такую оценку Тукая, которую трудно было оспорить. Все могли согласиться и быть довольными. Не высказывая это прямо и, возможно, даже не осознавая этого полностью, Н.Лаисов тем самым занял позицию, которая еще при жизни Тукая была наиболее распространённой: Габдулла Тукай был поэтом и героем всех татар.

В сборнике «Тукай эзләрәннән», изданном к 100-летию Тукая, Закия Расулева приводит слова одной старой татарской женщины. Этим высказыванием, которое можно считать словами от имени всего татарского народа, я бы хотел завершить эту главу: «Тукай – это человек, который писал книги, чтобы просветить нас – это святой человек»¹⁹⁷.

2. Габдулла Тукай и татарская общественность

В этом коротком разделе я хотел бы обратиться к следующим вопросам: В чем причины успеха и известности Тукая? Кто являлся его читателем? Какие части его творчества были особенно популярны – среди каких читателей и по каким причинам? Какую роль играл и играет Габдулла Тукай в жизни татар? Как обстоит дело с изучением биографии Габдуллы Тукая и его творчества?

Ни в дореволюционное, ни в советское время не было статьи или монографии, которые были бы специально посвящены названному вопросу. Однако замечания или ответы на них содержатся во многих публикациях о Габдулле Тукае. Хотя эти вопросы,

за исключением первого, никогда не стояли в центре внимания изучающих личность и творчество поэта, для представления о нем они довольно важны.

В разное время на эти вопросы давались разные ответы, и ответы эти всегда отражали дух времени, мировоззрение или идеологическую позицию отвечающих. Оценка Габдуллы Тукая тем самым определяла и высказывания об его читателях и их оценках творчества поэта. Точно так же, как и во всех остальных областях исследования Тукая, и здесь, в «исследовании читателей и популярности», аргументация словно двигается по кругу: если, например, сам Тукай воспринимался критиками как «плохой» поэт, а его творчество как «неверное», то в глазах таких критиков и его читатели не могли предстать как «рабочие и крестьяне».

В качестве неоспоримых могут быть приняты два пункта: Тукай являлся одним из самых продуктивных поэтов своего времени. Что касается количества в творчестве, то он оставил далеко позади своих «конкурентов», как например, Сагита Рамиева или Дэрдмента¹⁹⁸. И при этом не так уж и важно, написал ли он примерно 2655–2675 стихотворных строк, как рассчитал Габдрахман Сагди в 1926 г.¹⁹⁹, или же все его творчество включает более чем 10000 строк, как это утверждала в 1973 г. проживавшая в Турции татарская эмигрантка Наиле Бинарк²⁰⁰. Кроме того, Тукай – это такой поэт, произведения которого при жизни, а также и в советское время публиковались самыми высокими тиражами²⁰¹ и о которых писалось больше всех²⁰². Габдулла Тукай был самым известным поэтом в среде татарской диаспоры в Сибири, в Западном и Восточном Туркестане, Маньчжурии, Японии, Корее и, конечно же, в Турции и Финляндии²⁰³.

2.1. Причины успеха Тукая: поэт и народ

Еще при жизни Тукая начались споры о причинах его известности. Грубо

говоря, имелись два различных мнения: те критики, которые положительно оценивали Тукая, заявляли, что причиной успеха являлся «татаризм»²⁰⁴, что приравнялось к «любви к своему народу». Как заявил, например, Ибрагим Биккулов в 1913 г., Тукай любил татаризм превыше всего остального и принес в себя в жертву ради этого. Поскольку он любил свой народ, то и народ отвечал ему взаимностью и восхищался его личностью и его творчеством²⁰⁵. Большинство тогдашних кри-

тиков особенно обращало внимание на то, что к «народу» Тукая принадлежат «все классы народа»²⁰⁶. Успех Тукая следует приписать ему самому, качеству его творчества, он достиг всего своими собственными силами, не опираясь на чью-либо помощь, без какой-либо фальши²⁰⁷. Такое объяснение успеха и высокой степени известности Тукая при его жизни и до конца 1910-х гг. поддерживалось практически всеми авторами, кто писал о поэте и его творчестве²⁰⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁵² Гаффаров С. Совет әдәбиятының югары идеялеге өчен // СӘ. – 1946. – № 10. – 56 б.

⁵³ Шунда ук. Подобные высказывания, в которых «выражается благодарность русским старшим братьям за помощь, оказывавшуюся и до [Октябрьской] революции», Лоуэлл Тиллет определяет как «один из ритуальных элементов в речах нерусских руководителей» (Tillett, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S.359).

⁵⁴ О включении Маяковского в канон «русской классики» см. высказывание Бориса Пастернака: «Маяковский был принудительно высажен, словно картофель, во времена Екатерины. Это была его вторая смерть. Но в ней нет его вины» (Pasternak, Boris: Über mich selbst, Frankfurt 1990, S. 62).

⁵⁵ Относительно «плохих» национальных героев в 1951–1952 гг. разгорелся так называемый «спор об эпосах». Это касалось не только татар, а почти всех народов Средней Азии и частично Кавказа. О нем будет говориться ниже в разделе «Национализм и интернационализм».

⁵⁶ Цитируется, например, в кн.: Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – М., 1957. – С. 239. См.: Tillett, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S. 382; Zenkovsky, Serge: Pan-Turkism and Islam in Russia, Cambridge, Mass. 1960, S. 60–66.

⁵⁷ Жәлэй Л. С.Хәким шигырьләре турында // СӘ. – 1947. – № 1. – 113 б.

⁵⁸ Tillett, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S. 201–203, 218–224б 404.

⁵⁹ Гаффаров С. Совет әдәбиятының югары идеялеге өчен // СӘ. – 1946. – № 10. – 53 б.

⁶⁰ Шунда ук. – 56–57 б. Подобная же мысль была высказана спустя два года и Хасаном Хайри (Хәйри Х. Сугышчан поэзия өчен // СӘ. – 1948. – № 4. – 99–112 б.

⁶¹ Фасеев К. Бишеллык план һәм язучыларның бурычлары // СӘ. – 1946. – № 6. – 95–102 б.

⁶² Джойс и Кафка были двумя писателями, которые вследствие кампании против космополитов с осени 1946 г. осуждались советской критикой, среди всего прочего, за проявляемые в их произведениях «животный индивидуализм», «мистику» и «эротiku». К той же категории принадлежали Прус, Дос Пассос, Селен и Сартр (Фадеев А. Совет әдәбияты күтәрелештә // СӘ. – 1947. – № 7. – 82 б.). Соответствующий «анализ» с татарской точки зрения был сделан Хасаном Хайри (Хәйри Х. Чит илләрдәге хәзерге буржуаз әдәбияты турында // СӘ. – 1947. – № 11. – 117–128 б.).

⁶³ Критике подверглись сборник стихов Салиха Баттала, изданный в 1946 г. в Казани, а также два стихотворения без названия Ахмета Файзи, опубликованные в майском номере 1947 г. журнала «Совет әдәбияты» (с. 49). Сборник стихов С. Баттала оказался мне недоступным, а два стихотворения А.Файзи не дают основания для сравне-

ния их с мнимыми образцами из русской или западноевропейской литературы. Главным критиком Салиха Баттала и Ахмета Файзи был Хасан Хайри. Прежде всего, Файзи он поставил «диагноз» – «символизм» и тем самым представил его как наследника «реакционных бардов прогнившей буржуазии, а именно Сагита Рамиева – ранг, которого Ахмет Файзи совершенно не заслуживал. См.: Хэйри Х. Сугышчан поэзия өчен // СӘ. – 1948. – № 4. – 99–112 б. Выступления в защиту Ахмета Файзи (Бер тәнкыйть унае белән. Хәсән Хэйри иптәшкә ачык хат // СӘ. – № 6. – 124–128 б.) Хасан Хайри не принял и отверг (Хэйри Х. Жавапсызлык хатына жавап // СӘ. – 1948. – № 10. – 115–122 б.). Хотя критика на словах велась очень остро, похоже, Ахмет Файзи не имел никаких серьезных профессиональных или личных последствий.

⁶⁴ *Фасеев К.* Бишеллык план һәм язучыларның бурычлары // СӘ. – 1946. – № 6. – 95–102 б.; Хэйри Х. Сугышчан поэзия өчен // СӘ. – 1948. – № 4. – 99–112 б.; Татарстан совет язучылары союзының сугышчан бурычлары // СӘ. – 1950. – № 5. – 3–12 б. Указанные темы предложены в названных статьях.

⁶⁵ *Батыев С.* Югары таләпчәнлек өчен // СӘ. – 1953. – № 2. – 94–109 б.; Маннур Ш. Яңа бурычлар // СӘ. – 1954. – № 1. – 105–112 б.

⁶⁶ Татарстан совет язучылары союзының сугышчан бурычлары // СӘ. – 1950. – № 5. – 4–5 б. Подобный «анализ» татарской литературы проводится в бесчисленных статьях между 1946 – серединой 1950-х гг.

⁶⁷ Назывались, например (в следующем порядке): М.Амир, Р.Ишмурат, Е.Шамиль, Н.Исанбет, А.Еники, Ф.Хусни, А.Файзи, А.Ерикей, К.Наджми, И.Гази, Г.Абсаямов, Г.Баширов (Шунда ук. – 5 б.) В состав Союза писателей тогда входило 50 членов, в числе которых также и критики (Батыев С. Яңа бишеллыкта Татарстан культурасы // СӘ. – 1947. – № 2/3. – 115–122 б.).

⁶⁸ *Шунда ук.*

⁶⁹ *Тукай Г.* Сайланма әсәрләр / Ред. М.Жәлил. – Казан, 1938. – II б.

⁷⁰ «Г.Тукай был далек от того, чтобы понять основные задачи и направление революции. (...) Для Г.Тукая характерны такой упадок духа, увлечение романтикой, безнадежность. А романтика и пессимизм пришли к нему от этой самой мелкобуржуазной психологии» (Шунда ук. – III б.).

⁷¹ *Габдрахманов Ф.* Г.Тукай сайланма әсәрләренен сүз башы турында // СӘ. – 1938. – № 4. – 77–78 б.

⁷² *Халит Г.* Тукай – халык шагыйре // СӘ. – 1938. – № 1. – 70–83 б.; № 2. – 59–82 б.

⁷³ *Шунда ук.* – № 1. – 74, 76 б.

⁷⁴ Это два ясных намека на современника Тукая Сагита Рамиева. Подчеркивалось, например, что Габдулла Тукай не поддавался на уговоры братьев Шакира и Закира Рамиевых, финансировавших в Оренбурге журнал «Шура» (Фәйзи Ә. Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнен Казандагы тормышы. – 2 китап. – Казан, 1940. – 12 б.). Деньги, которые братья Рамиевы вкладывали в развитие татарской культуры, они заработали как хозяева золотых и металлических рудников на Урале. Закир Рамиев сделал себе имя не только как финансист, поддерживавший прогрессивную и просветительскую литературу, под своим литературным псевдонимом Дәрдменд он был известен как один из выдающихся поэтических современников Тукая.

⁷⁵ Халыкның мактаулы шагыйре // Кызыл Татарстан. – 15.04.1938. – № 86 (5287). Эта редакционная статья была посвящена 25-й годовщине со дня смерти Г.Тукая.

⁷⁶ См., например, описание «народного поэта» Маджита Гафури Х.Хисматуллиним, почти полностью совпадающее с описанием Тукая (Хисмәтуллин Х. Халык шагыйре Мәжит Гафури. Тууына 60 ел тулуга карата // Совет мәктәбе. – 1940. – № 9. – 21 б.

⁷⁷ *Халит Г.* Тукай – халык шагыйре // СӘ. – 1938. – № 2. – 75 б.

⁷⁸ «И, склоняя голову перед этим народом-гигантом, Г.Тукай посвятил свое честное творчество народу, борьбе за народное счастье, и, опираясь на силы народа, он пел с глубоким оптимизмом» (Хисмәтуллин Х.; Кутуй Г. Тукай-патриот. Үлүенә 29 ел тулу унае белән // СӘ. – 1942. – № 4. – 81 б.

⁷⁹ *Нәҗми К.* Халык шагыйре. Габдулла Тукайның тууына 60 ел тулу унае белән // Нәҗми К. Әсәрләр. Дүрт томда. – Т. 4: Әдәби публицистик мәкаләләр һәм очерклар,

хатлар / Ред. Н. Гыйззәтуллин, Т. Нәжметдинов. – Казан, 1984. – 175 б. Хусаин Ямашев считается первым татарским коммунистом. Он умер 13 марта 1913 г. в Казани.

⁸⁰ *Халит Г.* Габдулла Тукай (1886–1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1. / Ред. Х. Хисмәтуллин; Я. Агишев. – Казан. 1955. – XXX б. Почти дословно это говорил Иван Пехтелев еще в 1946 г. (Пехтелев И. Габдулла Тукай поэзиясендә эстетик карашлар // СӘ. – 1946. – № 4. – 68 б.)

⁸¹ См., например: Халит Г. Бәхәссез һәм бәхәсле хакыйкәтләр // КУ. – 1966. – № 4. – 76 б. Но и Г. Халит порой делал некоторые уступки и отмечал, что в творчестве Тукая чувствуется влияние «просветительского романтизма» и потому нельзя говорить, что он «в полном смысле и последовательно» представлял «революционную позицию». (Шунда ук).

⁸² Слово «милләт», употребляемое Тукаем, не следует понимать как «нация» в современном западном или же советском смысле. «Татарской нации» во времена написания стихотворения (1906 г.) еще не было. Как и в других тогдашних стихах Тукая, слово «милләт» означает и здесь «мусульманскую нацию», «сообщество мусульман России».

⁸³ *Нәҗми К.* Халык шагыйре. Габдулла Тукайның тууына 60 ел тулу уңае белән. – 176 б.

⁸⁴ *Тукай Г.* Әсәрләр. – Т. 2. – 8 б.

⁸⁵ *Нәҗми К.* Халык шагыйре. Габдулла Тукайның тууына 60 ел тулу уңае белән. – 75 б.

⁸⁶ *Тукай Г.* Әсәрләр. – Т. 1. – 48 б.

⁸⁷ *Шунда ук.* – Т. 2. – 8 б.

⁸⁸ *Исхак Ә.* Татар халык шагыйре Габдулла Тукай // СӘ. – 1953. – № 4. – 104 б. Первое стихотворение было опубликовано в журнале «Ялт-Йолт» (15.07.1910. – № 9), второе в журнале «Ан» (01.03.1913. – № 6).

⁸⁹ *Сәгъди Г.* Татар әдәбияты тарихы (Дәреслек-кулланма). – Казан, 1926. – 216 б.

⁹⁰ *Фәйзи Ә.* Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнең Казандагы торышы. Икенче китап. – Казан, 1940. – 26 б.

⁹¹ *Халит Г.* Габдулла Тукай (1886–1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1 / Ред. Х. Хисмәтуллин; Я. Агишев. – Казан. 1955. – XXX б.

⁹² *Халит Г.* Тукай – халык шагыйре // СӘ. – 1938. – № 2. – 74 б.; Халит Г. Тукай поэзиясендә пейзаж // СӘ. – 1938. – № 3. – 52 б. Ср. также: Әпсәләмов Г. Сугышчан тәнкыйть өчен // СӘ. – 1954. – № 6. – 81 б.

⁹³ *Халит Г.* Татар халкының бөек шагыйре // СӘ. – 1946. – № 3. – 86 б. Дословно такую же формулировку использовал в 1948 г. и Хасан Хайри (Хәйри Х. Бөек патриот шагыйре. Габдулла Тукайның үлүенә 35 ел тулу уңае белән // Кызыл Татарстан. – 14.04.1948. – № 75 (8093).

⁹⁴ Например: Хисмәтуллин Х., Кутуй Г. Тукай-патриот. Үлүенә 29 ел тулу уңае белән // СӘ. – 1942. – № 4. – 80–83 б.

⁹⁵ *Агишев Я.* Габдулла Тукай – патриот. – Казань, 1942.

⁹⁶ *Агишев Я.* Татар халкы һәм Тукай // СӘ. – 1943. – № 4. – 10 б.

⁹⁷ *Шунда ук.*

⁹⁸ *Кутуй Г.* Патриот Тукай. Үлүенә 29 ел тулу уңае белән // Кызыл Татарстан. – 15.04.1942. – № 89(6503).

⁹⁹ Здесь М. Гайнуллин перегибает палку: он вполне мог бы не упоминать, что тогдашняя «русская революционная пресса» выходила «на русском языке».

¹⁰⁰ *Гайнуллин М.* Чынлык көче. Татар әдәбиятының реализм сызыгында үсүенә бөек рус язучыларының һәм революцион-демократик тәнкыйтьчеләрнең йогынтысы // СӘ. – 1948. – № 7. – 68-69 б.

¹⁰¹ Кроме статьи Н. Исанбета, упоминаемой в следующей сноске, см. также: Нуруллин И. Әдәби мирасны өйрәнүгә житди игътибар // СӘ. – 1954. – № 8. – 111 б. В письме Наки Исанбету от 2 мая 1955 г. Ахмет Файзи писал: «Надо бы выйти из этих шаблонов, которые писались до сих пор!». Примечательно, что это письмо впервые было опубликовано в 1987 г. (Фәйзи Ә. Әсәрләр. – Т. 5. – Казан, 1987. – 23 б.).

¹⁰² *Исәнбәт Н. Тукай прозасы // СӘ. – 1949. – № 7. – 104 б.* Объектом критики Н.Исанбета стало вступительное слово, написанное Хаем Хисматуллиним ко второму тому собрания сочинений Г.Тукая, вышедшему под его редакцией в 1948 г. (Тукай Г. Әсәрләр. – 2 томда /Ред. Х.Хисмәтуллин. – Казан, 1948).

¹⁰³ *Исәнбәт Н. Тукай прозасы. – 103 б.*

¹⁰⁴ *Шунда ук.*

¹⁰⁵ Все группы «врагов Тукая», кроме последней, перечислены в статье: Фәйзуллина М. Тукай публицистикасы //СӘ. – 1940. – № 4. – 65–66 б. «Буржуазные националисты» и «муллы» названы у Ахмета Файзи: Фәйзи Ә. Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнең Казандагы тормышы. Икенче китап. – Казан, 1940. –24 б. Замечание А.Файзи имеет цель представить, будто бы последняя статья Г.Тукая (Уянгач беренче эшем. – Кояш. – 18.03.1913. – № 74) была написана под давлением. В ней Тукай отверг те свои стихи, в которых он высказывался демонстративно политически. Но именно эти стихи очень высоко котируются у «левых» критиков Тукая.

¹⁰⁶ «Халык зур ул, халык даһи ул!». Эту формулировку Тукай привел в конце своего доклада о народной литературе (15 апреля 1910 г. в Восточном клубе в Казани). С конца 1930-х гг. она цитировалась во всех статьях, в которых заверялась вера Тукая в народ.

¹⁰⁷ *Фәйзуллина М. Тукай публицистикасы. – 66 б.* См. также: Тукай Г. Шигърьләр / Ред. Х.Хисмәтуллин. – Казан, 1938. – 6 б.

¹⁰⁸ *Фәйзи Ә. Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнең Казандагы тормышы. – 24 б.; Халит Г. Габдулла Тукай (1886–1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1 /Ред. Х.Хисмәтуллин; Я.Агишев. – Казан. 1955. – XXXI б.*

¹⁰⁹ *Халит Г. Әдәби тәнкыйтебезнең югалмас сәхифәләре // СӘ.1959. – № 4. – 99 б.*

¹¹⁰ *Шунда ук. – 98–99 б.*

¹¹¹ См. также: *Хәйри Х. Тукай традициясе һәм совет поэзиясе //СӘ. – 1961. – № 11. – 131 б.; Башкуров Р., Воздвиженский В. Һәрвакыт халык йөрәгендә. Габдулла Тукайның тормыш һәм ижат юлы. – Казан, 1966. – 26 б.* Такой «анализ» буржуазной татарской литературной теории и исходящего из него отношения татарской буржуазии к Тукаю использовался еще и в 1960-е годы.

¹¹² *Гайнетдинов М. Давылларда. Жилләрдә. Хәсән Туфанның тормыш һәм ижат сәхифәләре. – Казан, 1989. – 87 – 89 б.*

¹¹³ *Нуруллин И. Әдәби мирасны өйрәнүгә житди игътибар // СӘ. – 1954. – № 8. – 111 б.*

¹¹⁴ *Шунда ук.*

¹¹⁵ Возможно, что И.Нуруллин в данном случае имел в виду совершенно «нормальное» татарское население, которое, конечно, не разделяло «ультралевой» позиции интеллигенции по отношению к Тукаю, но и ничего не высказывало против.

¹¹⁶ *Шунда ук.* Подобная аргументация, как и у И.Нуруллина, встречается во многих других статьях, появившихся в татарской прессе с середины 1950-х гг. См., например: Хисмәтуллин Х. Фатыһ Әмирхан. Әдәби тәнкыйть // СӘ. – 1956. – № 1. – 97 б.; Нәфиков Р. Татарлар арасындагы алдынгы ижтимагый карашлар тарихыннан // СӘ. – 1956. – № 6. – 119 б.

¹¹⁷ *Нәфиков Р. Татарлар арасындагы алдынгы ижтимагый карашлар тарихыннан. – 119 б.; Халит Г. Егерменче еллардагы татар совет әдәбияты тарихын өйрәнү тәҗрибәсеннән. Икенче мәкалә // СӘ. – 1957. – № 2. – 87 б.*

¹¹⁸ Отрицание всего «национального» тогда оценивалось как «космополитизм».

¹¹⁹ То, что «ошибки», подвергавшиеся критике после 1946 г., находились в прямой связи с позициями «ультралевых» критиков конца 1920-х – начала 1930-х гг., упоминал Сафа Раимов (Рәимов С. Шагыйрьгә әдәби суд // Такташ турында истәлекләр / Ред. Н.Юзиев, Н.Садыйкова. – Казан, 1980. – 98 б.

¹²⁰ Самое позднее, с середины 1930-х гг. советская критика постоянно старалась создать историческое измерение, поставить на (историческую) основу точки зрения и все развитие. Или же для «доказательства» того, что что-то всегда было «хорошим» или же, наоборот, «плохим».

- ¹²¹ Хәйри Х. Тукай традициясе һәм совет поэзиясе // СӘ. – 1961. – № 11. – 131 б.
- ¹²² В феврале 1958 г. он, кроме этого, занял и пост премьер-министра., т.е. зная должности, которые Сталин совмещал с 1941 г.
- ¹²³ Etkind, Efim: Russische Lyrik von der Oktoberrevolution bis zur Gegenwart. Versuch einer Darstellung, München 1984, S. 194.
- ¹²⁴ Например, в Польше и Венгрии. Попытки практиковать в этих странах «иной социализм», правда, не имели шанса быть осуществленными. Вторжением советских войск в Венгрию в ноябре 1956 г. эти надежды были окончательно сломлены.
- ¹²⁵ Несколько неразумно программа КПСС 1961 г. назвала и конкретную дату перехода к коммунистическому обществу – 1980 г.
- ¹²⁶ Hosking, Geoffrey: A History of the Soviet Union (revised edition), London 1990, S. 361.
- ¹²⁷ Ibid., S. 368.
- ¹²⁸ Beyrau, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, Göttingen 1993, S. 176.
- ¹²⁹ Allworth, Edward: A Theory of Soviet Nationality Policies, in: Soviet Nationality Policies. Ruling Ethnic Groups in the USSR. Ed. Henry R. Huttenbach, London 1990, S. 42.
- ¹³⁰ Понятие «перестройка» не было находкой Горбачева. Сталин использовал его еще в 1932 г., когда он дал указание о роспуске литературных объединений и потребовал создания единого союза советских писателей (Garrard, John and Carol: Inside the Soviet Writers Union, London, New York 1990, S. 282).
- ¹³¹ Hosking, Geoffrey: A History of the Soviet Union (revised edition), London 1990, S. 413.
- ¹³² Kasack, Wolfgang: Die russische Literatur 1945–1982, mit einem Verzeichnis der Übersetzungen ins Deutsche, München 1983, S. 30–31.
- ¹³³ Ibid., S. 33.
- ¹³⁴ Garrard, John and Carol: Inside the Soviet Writers Union, London, New York 1990, S. 141.
- ¹³⁵ Etkind, Efim: Russische Lyrik von der Oktoberrevolution bis zur Gegenwart. S. 245.
- ¹³⁶ Garrard, John and Carol: Inside the Soviet Writers Union, S. 85.
- ¹³⁷ Ibid., S.167–168. Здесь приводятся следующие данные: классическая зарубежная литература – 53,8%, классическая русская литература – 48,2%, детективы – 42,8%, современная зарубежная литература – 41,8%, советская литература – 32,1%, военная литература – 28,4%, фантастика – 28% (Ibid., S. 278).
- ¹³⁸ Ibid., S. 193; Beyrau, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, S. 130.
- ¹³⁹ Бәширов Г. Безнең бурычлар (Язучылар жылышында сөйләнгән докладка нигезләнеп язылды) // СӘ. – 1955. – № 3. – 100 б.
- ¹⁴⁰ Маннур Ш. Яңа югарылыкка // СӘ. – 1956. – № 1. – 110 б.
- ¹⁴¹ См., например: Нури З. Әдәби уңышлар мул булсын! // СӘ. – 1958. – № 6. – 83 б.; Хәйри Х. Хәзерге татар прозасы турында // СӘ. – 1958. – № 8. – 102 б.
- ¹⁴² В середине 1960-х годов об этом уже говорилось открыто. См.: Гыйләжев А. Ә син үзек кем, укучы? // КУ. – 1967. – № 11. – 152 б.
- ¹⁴³ Галиев Г. Г. Тукай шигырьләре // Кызыл Татарстан. – 29.08.1926. – № 195 (1658).
- ¹⁴⁴ Шамов А. Черек тамырлар // Безнең юл. – 1928. – № 11/12. – 29 б.
- ¹⁴⁵ Graf, Oskar Maria: Reise in die Sowjetunion 1934, Hamburg, Zürich 1992, S. 61.
- ¹⁴⁶ Исхак Ә. Бүгенге поэзиябез турында // СӘ. – 1958. – № 6. – 87, 89 б.
- ¹⁴⁷ Шунда ук. – 89–90 б.
- ¹⁴⁸ Хәйри Х. Тукай традициясе һәм татар поэзиясе // СӘ. – 1961. – № 11. – 135 б.
- ¹⁴⁹ Произошедшее в июне 1965 г. изменение названия официального татарского литературного журнала с «Совет әдәбияты» на «Казан утлары», очевидно, следует понимать именно в этой связи.
- ¹⁵⁰ См.: СӘ. – 1956. – № 3. – 127 б.; 1957. – № 2. – 125 б.
- ¹⁵¹ См.: Госманов М., Мәһдиев М. XX йөз башы татар әдәбияты һәм матбугат тарихының кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1967. – № 7. – 129 б.; Сәгыйть Рәмиев // КУ. –

1970. – № 2. – 187–188 б.; Дәрдемәнд // КУ. – 1969. – № 11. – 177–178 б.; Хәким С. Тукайларны эзлиң // Хәким С. Үз тавышың белән. – Казан, 1969. – 102–103 б.

¹⁵² Хәйри Х. Тукай традициясе һәм татар поэзиясе // СӘ. – 1961. – № 11. – 120–142 б.

¹⁵³ СӘ. – 1960. – № 11. – 13 б.

¹⁵⁴ Татар әдәбияты тарихы. – Т. 5. – 380 б.

¹⁵⁵ Гайнуллин М. Тукайның бөеклегә нәрсәдә? // Совет мәктәбе. – 1966. – № 4. – 15 б.

¹⁵⁶ Сибгат Хаким соошчал о трех семинарах молодых писателей из разных уголков Советского Союза, проведенных весной 1967 г. (в Чите, Кемерове и Казани). Их участники единодушно заявили, что все они стоят перед одной и той же проблемой – создание новой литературы, которая серьезно воспринимает человека (Хәким С. Тукайларны эзлиң // Хәким С. Үз тавышың белән. – Казан, 1969. – 96–105 б.).

¹⁵⁷ См., например: Галиуллин Т. Г. Тукай, М. Жәлил традицияләре һәм хәзерге татар поэзиясе. Балладаларыбыз хакында // Социалистик Татарстан. – 13.03.1966. – № 60 (13696).

¹⁵⁸ Гыйләҗев А. Ә син үзәң кем, укучы? // КУ. – 1967. – № 11. – 152 б.

¹⁵⁹ Әдәби хәрәкәтнең алгы сафына! «Казан утлары» журналы күзәтү // Социалистик Татарстан. – 04.02.1968. – № 30 (14277). Статья была опубликована без упоминания имени автора. О том, что автором ее являлся Хасан Хайри, в разговоре сообщил мне профессор Миркасым Усманов в декабре 1993 г. в Казани.

¹⁶⁰ Халит Г. Габдулла Тукай (1886–1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1 /Ред. Х.Хисмәтуллин, Я.Агишев. – Казан. 1955. – XXIX б. В качестве примера он назвал стихотворение «Хөрмәтле Хөсәен ядкар», написанное Тукаем по поводу кончины «первого татарского большевика» Хусаина Ямашева (13 марта 1912 г.).

¹⁶¹ СӘ. – 1957. – № 8. – 121 б.

¹⁶² С середины 1960-х гг. впервые начали публиковаться письма читателей, в которых высказывались положительная точка зрения на те моменты, которые отвергались или критиковались официальной стороной. См., например, рубрику «Письма читателей» в журнале «Казан утлары» с конца 1966 – начала 1967 гг.

¹⁶³ Туфан Х. Килчәктә яшәүче // СӘ. – 1961. – № 4. – 49 б. Вопросы, были ли вообще татарские большевики, сколько их всего было, я хотел бы оставить без ответа.

¹⁶⁴ Жунусов К. Тукай яши // СӘ. – 1961. – № 4. – 45 б.

¹⁶⁵ Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 4. – 227 б. В издание включен только отрывок из письма. Похоже, что оригинал его не сохранился. Примечание к этому отрывку (Шунда ук. – 254 б.) дает ссылку на источник: Габдулла Тукай мәжмугаи әсәре / Ред. Ж.Вәлидов. – Казан, 1914. Можно назвать статьи, в которых это письмо цитируется: Нефииков Р. Габдулла Тукай биографиясен өйрәнүнең кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1966. – № 8. – 119–128 б.; Зәкиев М. Г. Тукай һәм әдәби телебез // Совет мәктәбе. – 1966. – № 4. – 22 б.

¹⁶⁶ Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 4. – 227 б.

¹⁶⁷ Александр Иванович Гучков (1862–1936) – известный промышленник, руководитель партии октябристов, член Государственной Думы и Председатель 4-й Думы. После Октябрьской революции эмигрировал. Характеристику Гучкова как «самого правого среди правых» Р.Нафииков позаимствовал из Тукая, из его короткой статьи «Гучков» (Яшен. – 31.01.1909. – № 6).

¹⁶⁸ Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920) – монархист, депутат 2–5 Дум, член (антисемитской) «черной сотни», принимал участие в убийстве Распутина. Имя Пуришкевича не встречается в творчестве Тукая ни разу, неизвестны также и не-прямые намеки на его личность.

¹⁶⁹ Р.Нафииков здесь желает намекнуть на фельетон Тукая «Кеше-хәйваннар» (Ялт-Йолт. – 15.05.1910. – № 5).

¹⁷⁰ Нефииков Р. Габдулла Тукай биографиясен өйрәнүнең кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1966. – № 8. – 122 б.

¹⁷¹ Шунда ук.

¹⁷² Безнең Тукай // Социалистик Татарстан, 25.04.1961. – № 98 (12675).

¹⁷³ *Башкуров Р., Воздвиженский В.* Һәрвакыт халык йөрөгөндө. Габдулла Тукайның тормыш һәм ижат юлы. – Казан, 1966. – 17 б.

¹⁷⁴ Тукай турында замандашлары / Ред. С.Исанбай. – Казан, 1960. Рецензия И.Нуруллина не имеет названия. Она появилась в журнале «Совет әдәбияты» (1961. – № 12. – 138–141 б.).

¹⁷⁵ Подобные упущения и фальсификации критиковал также и Амирхан Еники при обсуждении сборника произведений Сагита Сунчалая, изданного в 1962 г. под редакцией Шарифа Сунчалая со вступительным словом Гали Халита. См.: СӘ. – 1962. – № 3. – 147–152 б.

¹⁷⁶ Газета «Тәржеман», издававшаяся Исмагилом Гаспринским, оценивалась советской критикой как рупор джадидистов. В середине 1960-е гг. велись острые дискуссии по вопросу, являлись ли джадидисты прогрессивным течением или же нет (См. о позиции «за»: Госманов М., Мәһдиев М. XX йөз башы татар әдәбияты һәм матбугат тарихының кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1967. – № 7. – 124–131 б.; о позиции «против»: Әдәби хәрәкәтнең алгы сафына! «Казан утлары» журналын күзәтү // Социалистик Татарстан. – 04.02.1968. – № 30 (14277). Как уже упоминалось выше, автором последней статьи являлся Хасан Хайри. Положительная оценка джадидизма так и не смогла одержать верх до распада Советского Союза.

¹⁷⁷ СӘ. – 1961. – № 12. – 139–140 б.

¹⁷⁸ Здесь И.Нуруллин опирается на роман М.Шолохова «Поднятая целина» (появился в 1946 г.), один из «героев» которого Аржанов заявлял: «Человек, у которого нет странностей, напоминает прямую и гладкую палку».

¹⁷⁹ СӘ. – 1961. – № 12. – 140 б.

¹⁸⁰ *Нуруллин И.* Шагыйрьне өйрөнү юлында // КУ. – 1966. – № 3. – 120–127 б. Ниже, при цитировании этой статьи, в скобках будут даваться только номера страниц.

¹⁸¹ 124 б.

¹⁸² См.: *Фассев К.* Алдынгы татар ижтимагыый фикер тарихыннан (1955) (так указано автором. – *Прим. переводчика*); Ишмөхәмәтов З. Габдулла Тукай-атеист // Социалистик Татарстан. – 25.05.1961; Нөфиков Р. Татарлар арасындагы алдынгы ижтимагыый карашлар тарихыннан // СӘ. – 1956. – № 6. – 117–126 б.

¹⁸³ 127 б.

¹⁸⁴ *Байчүра Ш.* Инәсеннән жебенә кадәр // КУ. – 1966. – № 7. – 132–134 б.

¹⁸⁵ Здесь Ш.Байчүра рассматривает вступительное слово к сборнику произведений Тукая, опубликованному в 1963 г. в русском переводе. Автором вступительного слова был Иван Пехтелев, русский литературовед, проживавший в Татарстане и после Второй мировой войны сделавший себе имя как (верный партии) специалист по Тукаю. Он автор следующих монографий о Тукае: «Габдулла Тукай: Жизнь и творчество» (Казань, 1946; в татарском переводе – 1946); «Эстетические идеи в поэзии Тукая» (Казань, 1949); «Пушкин, Лермонтов, Тукай» (Казань, 1949; в татарском переводе – 1949); «Тукай и русская литература» (Казань, 1966). Краткое изложение второй книги было опубликовано на татарском языке: Пехтелев И. Габдулла Тукай поэзиясендә эстетик карашлар // СӘ. – 1946. – 58–74 б.

¹⁸⁶ Ш.Байчүра подтверждает свое мнение цитатой из протокола заседания, опубликованного в парламентской газете «Дума» 8 мая 1907 г. (Байчүра Ш. Инәсеннән жебенә кадәр. – 133 б.).

¹⁸⁷ *Хөсни Ф.* Тукай турында уйлану // Социалистик Татарстан. – 29.04.1966. – № 103 (13739); *Хикмәтуллин Г.* Тукай турында исемдә калганнар // КУ. – 1966. – № 6. – 120–124 б.

¹⁸⁸ Тукай турында истәлекләр / Ред. И.Нуруллин, Р.Якупов. – Казан, 1986.

¹⁸⁹ *Урманчеев Ә.* «Ялт-Йолт» һәм Тукай // Ялт-Йолт. – 10.06.1913. – № 55. – 14–15 б.

¹⁹⁰ Социалистик Татарстан. – 24.05.1966. – № 121 (13757). Статья в газете опубликована без названия.

¹⁹¹ *Гайнуллин М.* Дөрөслекне төгәл яктыртык // КУ. – 1967. – № 7. – 124 б.

¹⁹² КУ. – 1976. – № 4. – 77–90 б.

¹⁹³ *Шунда ук.* – 82 б.

¹⁹⁴ *Шунда ук.* – 85 б.

¹⁹⁵ *Лаисов Н.* Габдулла Тукай. – Казан, 1986. – 72–73 б.

¹⁹⁶ *Шунда ук.* – 75–76 б.

¹⁹⁷ *Рәсүлева З.* Тукай эзләрәннән. – Казан, 1985. – 83 б.

¹⁹⁸ Третье издание стихов Сагита Рамиева, появившееся в Уфе в 1918 г., имело объем 45 страниц и содержало 25 стихотворений. Сборник Дәрдменда, изданный уже после его смерти в Казани в 1928 г., имел 108 страниц и 59 стихотворений. Установить объем сочинений Дәрдменда трудно потому, что, например, в журнале «Шура», издававшемся на его деньги, опубликованы многие стихи без упоминания автора, но, судя по содержанию и форме выражения, можно полагать, что их автором являлся именно Дәрдменд.

¹⁹⁹ *Сәгъди Г.* Татар әдәбияты тарихы. Дәрәслек-кулланма. – Казан, 1926. – 224–225 б.

²⁰⁰ Binark, Naile: Abdulla Tukaj'ın şiirlerinde çöğuk temasy, in: Kazan 1973 (10), S. 48.

²⁰¹ Только между 1907–1917 гг. произведения Тукай отдельными изданиями появились 52 раза общим тиражом около 110 000 экземпляров (Бурнашева М. Габдулла Тукай эсәрләре күпме басылган // СӘ. – 1946. – № 4. – 127 б.) С 1907 по 1983 г. книги Тукай на татарском языке были изданы 224 раза. Их тираж составил около 4 миллионов экземпляров (Рәсүлева З. Тукай эзләрәннән. – Казан, 1985. – 81 б.)

²⁰² Среди всех сочинений о Тукае (статей и монографий), изданных до 1970 г., есть две дополняющие друг друга библиографии. О периоде до 1956 г. см.: *Тукай Г.* Эсәрләр. – Т. 4. /Ред. Х.Хисмәтуллин; Я.Агишев. – Казан. 1956. – 265–274 б. (список публикаций, появившихся до Октябрьской революции, – не полный). О периоде с 1956 по 1970 г. см.: Габдулла Тукай – Библиографик күрсәткеч (1956–1970) / Ред. Л.Хәйдарова, Н.Әхмәтжанова. – Казан, 1974.

²⁰³ См. о Сибири: Тормыш. – 02.05.1914. – № 49; о Западном Туркестане до 1917 г.: *Tatarica edendum curavit Abdulla Tukain kulttuuriseura* г.у. *Studia in honorem Ymär Daher* anno MCMLXX sexagenario, *Vammala* 1987, S. 186; о Восточном Туркестане в начале 1920-х годов: *Tatarların qisqaça tarixi* / Ed. “Tatarların qisqaça tarixi”ni jeziş gruppası, *Ürümçi* 1988, S. 31; о Харбине, Маньчжурии и Дальнем Востоке около 1920 г.: *Tahir, Mahmut: Uzak doğuda neşriyat faaliyetlerimiz (Harbin'deki Türk-Tatarlar dini ve millî gemijeti)*, in: *Kazan* 1971 (5), S. 47–48; *Kreiser, Klaus: Der japanische Sieg über Rußland (1905) und sein Echo unter den Muslimen*, in: *Die Welt des Islams*, XXI, 1-4 (1981), S. 232; о Финляндии в начале 1930-х годов: *Devlet, Nadir: Kazan Türkleri ve Abdullah Tukaj*, in: *Kazan* 1971 (3), S. 10-11. См также о положении в середине 1910-х гг.: *Аң.* – 1915. – № 24. – 442 б.

²⁰⁴ Представляется довольно сложным перевести с татарского на русский язык понятие «татарлык» – что может быть понято, как «татарский мир», «все татарское». В дальнейшем слово «татаризм» употребляется именно в таком широком смысле. Прим. переводчика.

²⁰⁵ *Биккулов И.* Габдулла эфэнде Тукай // Сибиряк. – 07.04.1913. – № 96.

²⁰⁶ *Кәрәм Г.* Габдулла Тукаев // Аң. – 03.04.1914. – № 7. – 132 б. В таком же духе выразился и В.Наврузов: «Его стихи положительно воспринимались всеми классами народа» (Тормыш. – 02.04.1914. – № 49).

²⁰⁷ *Вақыт.* – 03.04.1913. – № 1170.

²⁰⁸ Одним из последних, кто представлял такое мнение, был Шакир Мухаммедьяров (Мөхәммәдьяров Ш. Тукай кем? – М., 1918. – 14 б.)

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировались сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным полити-

ческим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book «Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism» by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay's worldview, ideological interpretation of Tukay.

УДК 792

РОМАНТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТАТАРСКОМ ТЕАТРЕ

А.Р. Салихова, кандидат филологических наук

Принято считать, что в силу общественно-исторических условий, в которых развивались татарская литература, драматургия и театр, национальное сценическое искусство было и остается, прежде всего, реалистическим. Тем не менее в нем присутствуют ярко выраженные романтические тенденции, целые стилевые направления и течения романтического толка, а многие выдающиеся деятели татарского театра раскрылись именно как непревзойденные создатели возвышенно романтических образов.

Еще до Октябрьской революции в репертуаре татарских театральных трупп наряду с бытовыми драмами и сатирическими комедиями значительное место занимали романтические (в основном переводные) произведения: «Разбойники», «Коварство и любовь» Шиллера, «Альмансор» Гейне [1, с.67] и др. Большой популярностью пользовались пьесы азербайджанских драматургов-романтиков: «Надир шах» Н. Нариманова, «Трагедия Фахрутдина» Н. Везирова, «Ага Мухамед шах Каджар» А. Ахвердиева и другие [1, с.67-69, 71]. Романтическое стилевое своеобразие этих произведений требовало соответствующего воплощения и на сцене. Вместе с тем и оригинальная национальная драматургия в своем развитии все увереннее осваивала романтическое направление. В качестве примера можно привести произведения Мирхайдара Файзи, Ф. Бурнаша, Гали Рахима, некоторые пьесы Карима Тинчурина и т.д.

Выявлению романтических тенденций в татарском театре посвяще-

ны критические статьи и научные исследования Г. Ибрагимова, Г. Карама, Б. Гиззата, А. Ахмадуллина, Х. Махмудова, Ф. Кадыровой и других. Тем не менее проблема остается недостаточно изученной. По понятным причинам основное внимание в имеющихся работах уделяется «революционному романтизму» и именно с социальной борьбой и победой Октябрьской революции увязывается расцвет этого направления в татарском театре. Некоторые исследователи относят к романтическому направлению творчество Г. Кулахметова, но это весьма спорно. Его так называемые «пролетарские» драмы «Молодая жизнь», «Красное и черное» действительно нельзя отнести к чистому реализму, скорее это философско-символическое течение, использующее лишь некоторые романтические приемы. К собственно же романтизму можно отнести довольно большое количество любовно-приключенческих пьес, идущих от традиций восточной литературы.

Среди них наиболее яркими являются произведения Ф. Бурнаша. Трагедия «Тагир и Зухра» основана на сюжете из общетюркской средневековой литературы, который восходит к «Дастану Бабахан» Сайяди (XV век). В конце XIX века Ахмед Уразаев-Курмаши пересказал этот сюжет, придав ему литературную форму, где чередуются проза и поэзия, и опубликовал в 1876 г. Книга обрела всенародную популярность и выдержала десятки изданий. Ф. Бурнаш взялся за переработку этого произведения для сцены в 1917 г., а в 1918 г. она уже была поставлена Г. Кариевым на

казанской сцене. Спектакль стал значительным и ярким событием. Главные роли в нем исполнили Г. Кариев (Хан), К. Тинчурин (Тагир), Г. Болгарская (Зухра). Художник П. Беньков создал изысканные, сказочно красивые декорации, а композитор С. Габаши написал музыкальные номера. Само представление состояло из пяти актов, пролога и эпилога и шло семь с половиной часов. Такая затянутость объясняется бережным отношением театра к неординарной пьесе, стремлением сохранить ее особую поэтику, все ее тонкости и нюансы.

Сохранив романтическую приподнятость, восточную поэтичность, трагический накал первоисточника, Ф. Бурнаш творчески переосмыслил его, добавив новые детали и повороты сюжетной линии, усилив социальные мотивы. Главная тема трагедии – любовь, не признающая сословных предрассудков, бросающая вызов несправедливому миру и классовому неравенству, оказалась созвучна революционной эпохе. Это отмечал, в частности, Г. Ибрагимов [2]. Вместе с тем трагедия Ф. Бурнаша утвердила в национальной драматургии романтический стиль, характерный для классического типа восточного романтизма. Это сказалось и в поэтизации содержания, и в стихотворной форме, и во многом другом. Автор придерживался канонических форм и стиля восточного романтизма. Его персонажи объясняются торжественно и пышно. Частое обращение к традиционным поэтическим средствам, украшение разговорной речи орнаментами национальной поэзии создают особый стиль и усиливают восточно-романтическое воспроизведение легенды на сцене.

Трагедия «Тахир и Зухра» открыла в татарской драматургии новое направление. Вслед за ней появились другие пьесы, обращенные к национальной истории, религиозным легендам, воспеваящие романтическую любовь: «Буз егет» К. Рахима, «Юсуф и Зулейха», «Палачи трона», «Ляйля и Меджнун», «Га-

шик гарип» К. Амири, «Борьба за трон» М. Укмаси, «Сак-Сок» А. Сагиди, «Голубой ковер» К. Тинчурина и многие другие. Интересно, что усиление романтизма, связанного с историческими национально религиозными мотивами, присуще в первые годы советской власти лишь драматургии, а не прозе и не поэзии. Причину этого исследователи видят в условиях нэпа, когда репертуар складывался исходя из кассовых соображений, то есть с учетом запросов платежеспособной публики. Тем не менее они отмечают, что хотя в большинстве этих произведений история предстает в идеалистической легендарно-мифической окраске, в целом они играли прогрессивную роль. Выступая против средневековой схоластики, они защищали духовное укрепление личности, возвеличивали естественные человеческие взаимоотношения, критиковали социальное неравенство и несли в себе идеалы гуманизма. К середине 1920-х гг. ситуация в корне изменилась, произведения данного направления не просто исчезали со сцены, но и подвергались жесточайшей критике с вульгарно классовых позиций.

Отдельную яркую романтическую страницу вписал в историю татарской драматургии М. Файзи. Его произведениям свойственно конкретно-чувственное воспроизведение действительности. Для драматурга характерно некоторое абстрагирование в изображении, возвышенность в стиле и идеализация отдельных человеческих качеств. В ставших национальной классикой мелодрамах «Галиябану», «Асылъяр», «Заблудшая душа», «Белый калфак» воспевается любовь как самое чистое и благородное чувство, не знающее корысти, способное стать выше социальных преград и бросить вызов всему миру. При этом романтика М. Файзи тесно связана с устремлениями крестьян, особое место уделяется в его произведениях духовной красоте простых людей. В их изображении автор особую роль отводит фольклору и музыке, что

придает его пьесам особую красоту и поэзию, неповторимый национальный колорит.

Близки к произведениям М. Файзи и лирико-романтические пьесы К. Тинчурина: «Голубая шаль», «Казанское полотенце» и, особенно, «Угасшие звезды». Хотя в целом они более оптимистичны, в них проповедуется та же вера в торжество любви и красоты и так же сильны социальные мотивы. Тут следует отметить, что (по мнению А. Ахмадуллина) драма как сценический жанр всегда тяготеет к конкретности и жизненности. Романтическая драма, при всей приверженности ее авторов к романтическому мировосприятию, ближе к реальной жизни, чем, скажем, романтическая поэма. Это часто достигается вплетением в сюжетную линию комедийных и сатирических сцен и образов. Не нарушая общей тональности и стилового своеобразия произведения, подобные сцены и персонажи играют значительную роль в образной системе, в художественном оформлении основной мысли пьесы.

С точки зрения развития революционного романтизма в направлении к синтезу с реализмом А. Ахмадуллин делит произведения на две группы [3, с.225]. К первой он относит романтические драмы М. Файзи, Ф. Бурнаша и т.д., которые насыщены элементами реализма: отдельные сцены и эпизоды, некоторые характеры, особенности сюжетного построения. Ко второй – трагедии и драмы, отличающиеся напряженностью конфликта, сильными страстями, бурным динамизмом, емкостью слога, возвышенным пафосом. Образцом такого чисто романтического произведения является «Трагедия сынов земли» Х. Такташа (1921) [3, с.195]. Богоборческая, бунтарская пьеса, насквозь пронизанная антирелигиозным пафосом, была созвучна времени. Несмотря на это, она подверглась резкой критике с вульгарно-социологических позиций за увлечение романтико-символическими образами, религиозно-мифический сюжет, за уход от реальности. Интересно,

что явно под воздействием произведения Х. Такташа К. Тинчурин написал трагедию «Зар» («Ропот») [3, с.173], где также попытался поднять проблемы революционной действительности в традиционных библейских сюжетах. Придавая религиозно-мистическим образам современное звучание, драматург персонифицировал как отдельные явления общественной жизни, так и некоторые черты характера. Это был своеобразный творческий эксперимент. Однако данная линия в развитии драматургии не получила общественного признания.

Время социальных потрясений и коренных перемен способствовало распространению романтических течений не только в литературе. Именно с этой эпохой связан расцвет сценического романтизма в татарском театре, творчество таких его ярких представителей, как М. Мутин, Ш. Шамильский, Ф.Ильская.

Справедливости ради следует отметить, что романтические тенденции на татарской сцене уверенно заявляли о себе и в дореволюционный период. Большую роль в этом сыграли такие факторы, как романтические традиции восточной поэзии, богатый произведениями русской и западноевропейской классики репертуар, влияние русской сценической культуры того времени. Особое значение имела работа татарских актеров в «Кавказско-тюркской мусульманской труппе» под руководством Гусейна Араблинского, где они имели возможность приобщиться к традиционно высокому, романтическому стилю азербайджанского театрального искусства. Кроме того, стремление к возвышенности, романтической приподнятости и одухотворенности было изначально присуще таланту первой татарской актрисы С. Гизатуллиной-Волжской. Это отмечают многие рецензенты. Г. Карам видел в этом и отрицательную сторону, поскольку даже в комедиях, где стилистика должна быть несколько снижена, игра актрисы напоминала драму и потому не всег-

да оставляла «правильное впечатление» [4]. В 1912 г. С. Гизатуллина-Волжская основала в Уфе труппу «Нур», направление которой несколько отличалось от бытового психологизма труппы «Сайяр». Многие из тех, кто начинал свою творческую биографию под руководством легендарной актрисы, затем проявили себя как исполнители романтического, возвышенного плана. В труппе «Нур» играли до революции М. Мутин, Ш. Шамильский и другие.

Как отмечают исследователи, Мухтар Мутин был подлинно романтическим актером, его называли Мочаловым татарской сцены. В формировании его актерского мастерства значительную роль сыграли его индивидуальные психологические особенности, склад мышления — способность мыслить размашисто, объемно, быстро вникать в суть явлений и делать философские обобщения, тяга к ярким поэтическим контрастам. Высокая патетика и пафос, пламенная страстность в манере исполнения соответствовали также и духу времени. Таланту М. Мутина были близки образы шекспировского масштаба, он укрупнял характеры, отбрасывал излишние с его точки зрения бытовые детали, романтически приподнимал все чувства. Будучи начальником культурно-просветительского отделения Центральной мусульманской военной коллегии в Москве, в 1919–1921 годах М. Мутин стал основным лицом, определяющим художественное направление театра. При этом он считал, что пламенный пафос трагедии и героической драмы является школой высоких мыслей и чувств. Он с упоением ставил на татарской сцене произведения западноевропейских классиков: Шекспира, Шиллера, Гейне и других, выступая не только как режиссер, но и как исполнитель главных ролей: Отелло, Гамлета, Карла Моора, Альманзора и т.д. Особенности его темперамента, художественного видения и трактовки образов, характер исполненных им ролей дают возможность отнести М. Мутина к числу актеров-романтиков клас-

сического характера, тяготеющих к искусству монументальному и героическому [5, с.86].

Актером-романтиком иного психологического плана, в исполнительской манере которого нашли свое отражение и высокая патетика, и мягкий задушевный лиризм, был Ш. Шамильский. Он играл много и самые разнообразные роли: Зиннат («Горемычные» М. Файзи), Сулейман («Живи, Зубэйда — буду жить и я» С. Рамиева), Хайрутдин («Молодые сердца» Ф. Бурнаша), Миркай («Миркай и Айсылу» Н. Исанбета) и т.д. Его герои как бы светились изнутри, им были присущи полифоническая многоплановость настроений, гибкость перехода от высоких взлетов души в мир поэтических полутонов. Ш. Шамильский как актер романтического плана созревал в поэтически-возвышенных ролях национального репертуара, однако классические романтические произведения также оказывали на него сильное влияние. Романтизм в творчестве Ш. Шамильского проявлялся в стремлении запечатлеть необыкновенное в обыкновенном, сосредоточить внимание на душевном благородстве и нравственной красоте своих героев (6).

Незаменимой партнершей Ш. Шамильского была Фатыма Ильская — актриса высоких поэтических порывов и страстей, в игре которой переплетался лиризм мягких, нежных тонов с глубоким трагизмом. Как свидетельствуют очевидцы, этому способствовали ее индивидуальные актерские данные: горячий темперамент, выразительность пластики, тембровое богатство голоса и особая, лишь ей присущая речь, с небольшими паузами между взлетающими ввысь фразами, речь, которая создавала ощущение перекатовающихся волн. Самые яркие из ее ролей: Джульетта («Ромео и Джульетта» Шекспира), Дездемона («Отелло» Шекспира), Амалия («Разбойники» Шиллера), Динана («Собака на сене» Лопе де Вега), Катерина («Гроза» А. Островского), Идея («Гимн труду» Андриенко), Зух-

ра («Тахир и Зухра» Ф. Бурнаша), Айсылу («Миркай и Айсылу» Н. Исанбета) и многие другие. Большую роль в формировании Ф. Ильской как актрисы романтического направления сыграл режиссер Г. Девишев [6].

С 1930-х гг. в советском искусстве утвердился единый метод соцреализма. Этот процесс не всегда шел естественно и безболезненно. Жертвами сталинских репрессий стали многие выдающиеся деятели татарского театра — К.Тинчурин, М.Мутин и другие. Творческий метод военного и послевоенного времени не был лишен ярких эмоциональных всплесков, но все же был ближе к классицизму и жесткими эстетическими канонами, тяготеющими к единообразию, и идеологией: превалянием долга над чувствами, а общественных интересов над личными.

Возвращение на сцену романтики связано с хрущевской оттепелью. Причиной тому стал общественный подъем. Кроме того, после XX съезда партии на сцене театра были возрождены постановки пьес К. Тинчурина и Ф. Бурнаша, незаконно репрессированных в период культа личности: «Без ветрил» (1958), «Голубая шаль» (1956), «Казанское полотенце» (1956) Тинчурина, «Тахир и Зухра» Бурнаша (1958) — в ТГАТ им. Камала, «Молодые сердца» Бурнаша (1956) — в Альметьевском театре и др.

Большую роль сыграло и омоложение актерского состава. В 1950 г. труппа пополнилась выпускниками Татарской студии ГИТИСа им. А. В. Луначарского (класс О. И. Пыжовой): Ш. Асфандиярова, А. Галеева, А. Хайруллина, Г. Камалова, Р. Бикчантаев, П. Исанбет, Д. Ильясов. Из театральной студии и Казанского театрального училища пришли Р. Хайретдинова, В. Закиров, Ш. Биктимиров, А. Губайдуллин и др. В 1960–1961 гг. были приняты на работу выпускники Татарской студии Театрального училища им. Щепкина (класс М. Н. Гладкова): Р. Тазетдинов, Н. Дунаев, Г. Исангулова, Ф. Ахтямова, Р. Шарафеев, Н. Ихса-

нова и др. В этот же период происходило и обновление национальной драматургии: лирические комедии и мелодрамы Х. Вахита, Р. Батуллы, И. Юсеева, Т. Миннуллина и других были пронизаны романтическими настроениями. Созвучно им было и творчество молодых тогда режиссеров Р. Бикчентаева, П. Исанбета, М. Салимжанова, открывавших для себя чувственную поэзию театра.

Яркими романтическими мотивами были пронизаны спектакли ТГАТ им. Г. Камала «Анжелю» В. Гюго, «Легенда о любви» Н. Хикмета, «Король Лир» В. Шекспира, «В ночь лунного затмения» М. Карима, «Эзоп» Г. Фигейредо, «Нэркес» И. Юмангулова и другие.

Новый всплеск романтизма в татарском театре пришелся на начало девяностых годов двадцатого века и связан с началом профессиональной деятельности артистов Р. Тухватуллина, И. Тухватуллиной, Л. Хамитовой, И. Габдрахманова, И. Хайруллина и др., а также режиссера Ф. Бикчентаева. Яркими примерами являются спектакли «Ромео и Джульетта» В. Шекспира, «Асылъяр» М. Файзи, «Индианка» Г. Каюмова, «Учитель танцев» Лопе де Вега и др.

«Ромео и Джульетта» В. Шекспира в постановке Ф. Бикчентаева в 1990 г. стал одним из программных спектаклей условного, метафорического театра. В противовес устоявшейся в те годы эстетике жизненного правдоподобия, яркой зрелищности и идейной определенности, Ф. Бикчентаев основное внимание уделил созданию атмосферы, не просто романтической, а какой-то тревожно-неопределенной, щемящей, местами болезненной, сопровождающей первое, неловкое и неумелое, и потому особенно острое и страстное чувство. Декорации использовались как символ: огромная бесконечная городская стена, разрезающая сцену пополам, олицетворяла непреодолимость преград на пути искренней, чистой, возвышенной любви. Но главным в спектакле была актерская энергетика. Сцена была буквально пропи-

тана ощущением юности — в массовых и батальных сценах играли тогдашние студенты Института культуры и искусства. Главные роли с большим внутренним напряжением и самоотдачей исполнили молодые актеры Люция Хамитова и Ильдус Габдрахман. «Ромео и Джульетта» в постановке Ф. Бикчентаева при всей своей сдержанности и целомудрии и по сей день остается одним из самых чувственных и эротичных спектаклей на татарской сцене.

Созвучна ему и постановка романтической комедии Лопе де Вега «Учитель танцев». Это спектакль исключительно о любви. Причем о любви возвышенной, нереальной, волшебной, какой она нам представлялась в детских и юношеских мечтах. Словно из мира сладких грез — усыпанное сияющими звездами и украшенное неправдоподобно огромной золотой лунной небой, интимность таинственного ночного сада, страстная и нежная испанская мелодия... И оживала наивная вера в то, что в жизни все сложится как в красивой сказке, где благородный рыцарь преодолеет все преграды ради своей прекрасной дамы, где непременно победят добро и правда. Приподнятое, поэтическое настроение — главное в спектакле, и поэтому важным было не то, что происходит на сцене, а то, как происходит. Особую значимость обрели и изысканно вычурные костюмы, и сложная, выразительная хореография, и молодость, обаяние актеров [7].

Романтические тенденции ощутили и в творчестве современных молодых режиссеров. Один из ярких примеров — постановка в ТГАТ им. Г. Камала спектакля «Перстень» (по повести Фатыха Хусни). Режиссер — Лилия Ахметова.

В первую очередь, примечательно само произведение Ф. Хусни. С одной стороны, оно историческое — поэзия довоенной татарской деревни, аромат эпохи, ненавязчивые приметы конкретных социальных процессов придают ему особый ностальгический коло-

рит. С другой стороны, оно психологическое — чувства деревенского паренька Айдара к дочке торговца яблоками Василе показаны удивительно точно, искренне, последовательно. Оба главных героя, безусловно, обладают и ярким темпераментом, и цельными оригинальными характерами. Однако не в этом движущая сила действия и причина, на первый взгляд, нелепых поступков Айдара, так и не соединившегося со своей любимой. Она в характере самой их любви — настоящей, возвышенной, бескорыстной. Именно небытовое и небанальное отношение Айдара к женщине придает его образу теплоту и поэтичность, а всему спектаклю ощущение внутренней правды, значительность и одухотворенность.

Эта особенность очень сильно выделяет «Перстень» из ряда традиционных постановок о татарской деревне, идущих на национальной сцене. В любви Айдара к Василе есть что-то блоковское, не совсем мужское. Он ее боготворит, словно Прекрасную Даму. Земная страсть борется в нем с робостью и преклонением. Если для большинства мужчин любовь — это прежде всего действие, у которого есть начало и конец, за которым следуют другие подобные действия, то поэтически одаренные натуры ценят любовь как состояние, придающее высокий смысл обыденным поступкам, озаряющее жизнь нереальным, волшебным светом. То, что Айдар словно сам бежит от своего счастья, находя для этого разные причины, обусловлено вовсе не его вспыльчивостью и противоречивостью: он просто инстинктивно боится потерять свою любовь, ставшую для него смыслом жизни, путеводной звездой. Он не хочет лишиться своей трепетной мечты, утратить романтические иллюзии, буднично и просто удовлетворив свою страсть, опуститься с небес на землю. В этом смысле конфликт произведения приобретает обобщенный, философский характер: это извечный конфликт мечты и реальности, поэзии и прозы, романти-

ки и быта. Поэтому спектакль и звучит современно: у этой проблемы нет временных и пространственных рамок.

Подводя итог, отметим, что романтические тенденции в татарском театре

устойчивы и плодотворны. Это вполне закономерно, поскольку пропаганда любви, красоты, возвышенности и благородства является одной из важнейших задач театрального искусства.

Список литературы

1. *Махмутов Х.К., Илялова И.И., Гиззат Б.* Дооктябрьский татарский театр (на тат. яз.). – Казань, 1988.
2. *Ибрагимов Г.* Татарская литература // Татарстан хэбэрлэре, 1922, № 31 (на тат. яз.).
3. *Ахмадуллин А.Г.* Татарская драматургия. Истоки и формирование социалистического реализма. – М.: Наука, 1983.
4. Йолдыз. – 1910. – 23 дек.
5. *Арсланов М.Г.* Татарское режиссерское искусство (1906–1941). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1992.
6. *Кадырова Ф.С.* Романтизм в татарском театре. Автореферат на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – М., 1978.
7. *Габаши А.* В честь прекрасной дамы // Известия Татарстана. – 3 мая 1995.

Аннотация

В статье рассматриваются романтические тенденции в татарском театральном искусстве с момента возникновения до наших дней, их отражение в репертуаре, актерской игре, режиссуре. Эволюция романтического стиля в татарском театре показана на фоне исторических процессов. Если в начале века источником романтизма служили переводные произведения (Шиллера, Гейне, Нариманова) и большое значение имело влияние европейского и азербайджанского искусств, то впоследствии романтические тенденции все увереннее заявляют о себе в собственно татарском театре. Это наглядно видно как в драматургии (в произведениях Х. Такташа, М. Файзи, К. Тинчурина), так и в актерском творчестве таких мастеров сцены, как М. Мутин, Ш. Шамильский, Ф. Ильская и др. Романтическое направление остается востребованным и плодотворным и в современном татарском театре.

Ключевые слова: романтизм, искусство, театр, исполнение, пьеса, актер, драматург.

Summary

The article deals with the romantic tendencies in the Tatar theatrical art from its appearance to the present day, their reflection in the repertoire, acting, directing. Evolution of the Romantic style in the Tatar theatre is shown on the background of historical processes. If at the beginning of the century the main sources of Romanticism were translated works (Schiller, Heine, Narimanov) and the influence of European and Azerbaijan art was of great importance, later romantic tendencies declared themselves more confidently in the proper Tatar theatre. This is clearly seen both in plays (the works of H. Taktash, M. Faizi, K. Tinchurin) and in the art of such actors as M. Mutin, C. Shamilsky, F. Ilskya and others. Romantic tendency remains popular and productive in the modern Tatar theatre.

Key words: romance, art, theatre, performance, play, actor, playwright.

УДК 81'373

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК (на материале юмористических произведений классиков английской литературы)

В.Н. Хисамова, доктор филологических наук

Изучение языкового богатства художественных произведений известных писателей и их переводов на русский, татарский и другие языки народов РФ – одно из перспективных направлений в современной науке, так как вносит определенный вклад в разработку теории индивидуальной языковой картины мира. Более того, языковая и образная интерпретация текста западного автора при переводе, в частности на татарский язык, не изучена на сегодняшний день.

Явная недостаточность исследований в области межъязыковых лингво-прагматических соответствий не может не сказаться на качестве перевода и адекватности отражения этноязыковой картины мира в сознании генофонда.

В современных условиях усиления международных отношений исследовательский интерес к проблеме развития переводческой теории, в частности в татарской филологии, стал особенно актуальным.

Настоящая работа посвящена лексическим особенностям перевода юмористических произведений, точнее каламбура как одного из наиболее остроумных типов передачи юмора, классиков английской литературы на татарский язык.

Интерес к данному жанру перевода на татарский язык обусловлен тем, что в юмористических текстах особым значением обладает национальный юмор, в котором представлено наибольшее количество эмоционально оценочных и экспрессивных средств выражения языка.

Задача передать в переводе игру слов наиболее трудная в переводческом деле. Некоторые виды игры слов относительно легко переводятся с английского языка на татарский язык, другие виды могут быть опущены при переводе без ущерба для полной образности текста, а в ряде случаев единственным выходом является использование приема компенсации.

По удачной классификации А.А. Щербины, каламбур делится на три группы:

игра слов, основанная на использовании полисемии;

игра слов, основанная на использовании омонимии и омоформы;

игра слов, основанная на использовании приблизительного звукового сходства [А. Щербина, 1958:55–56].

В случае передачи игры слов, основанной на использовании полисемии, для создания юмористического эффекта используется переносное (метафорическое) значение слова совместно с его прямым значением. Игра слов подобного рода не представляет обычно особых трудностей для переводчика с английского языка на татарский язык. Например: *Whenever a young gentlemen was taken in hand by Doctor Blimber, he might consider himself sure of a pretty tight squeeze* [Ch. Dickens, 1982].

Әгәр табиб Блаймбер берәр яш джентельменны уз кулына алса, аны кысып тотачагы билгеле иде.

Этот же случай игры слов широко распространен и в татарском языке:

Укытучы дәрестә бер малайга авазларның бүленешен сөйләргә куш-

кан. Малай: **-тартыклар** «б,в,з,д»; **сузыклар** – «а,ә,у,ү»...Эй,ни... – *дип туктап калган*.

– Ә калганнар?

– *Калган авзлар, ана, тартылмый да, сузылмый да*, – *дигән малай* [Бәширов, 1973]. Приведем еще один пример из английской классической литературы, когда при переводе с английского языка на татарский язык происходит замена слова, близкого по значению к оригиналу.

He says he'll teach you to take his boards and make a raft of them; but seeing that you know how to do this pretty well already, the offer... seems a superfluous one on this part... [Jerome].

В этом предложении речь идет о владельце досок, который пытается поймать нарушителя, взявшего без спроса эти доски, чтобы смастерить себе плот. Юмористический эффект достигается путем взаимодействия прямого и переносного значения глагола *to teach* – учить, научить – өйрәтергә.

Ул сезгә, курсәтермен әле мин сиңа кешенен такталарын ничек сорамайча алырга, аннан ничек сал ясарга икәннен, дип кычкыра, тик сез моны инде болай да яхшы белгәнлектән, бу тәкъдим сезгә артык булып тоела.

Можно было попытаться оставить в переводе глагол *өйрәтергә*, но для разговорного стиля оригинала более целесообразно использовать близкий по значению глагол *курсәтергә*, который также имеет переносное значение наказывать, проучить.

Говоря о передаче игры слов на основе омонимии и омоформы было бы уместным, на наш взгляд, обратиться к мнению известных татарских лингвистов В.Хакова и К.Сабирова о том, что все разновидности омонимов (абсолютные омонимы, омоформы, омофоны) и близко стоящие к ним явления (паронимы, омографы) – ценное богатство языка для игры слов [Хаков 1971:94]. Если обнаруживается какая-либо неожиданная смысловая связь или случайная смысловая противоположность между омонимами, тем

интереснее, – например омонимичная рифма или каламбур. Вот образцы из татарской классики:

Яхшылыкка эреп китәм –

балавыз мин,

Мактап сөйлим изге эшнә –

бал авыз мин!

[Г.Тукай].

Гөлбану: Кемгә тап булдым бит! Бер генә кеше дә аның телләренә чыдый алмый бит! (Жылый). Хур булдым бит, хур булдым!

Хужа (янында торып юата): *Һә,син узеңнең хур булуыңны яңа белдеңмени? Мин соң сиңа егерме елдан бирле шуны әйтәм ич: син минем хурым, син минем оҗмаһ хурым, дип!* [Н.Исәнбәт 1967].

Бу нинди булды чи генә?

Эшем йитте чигенә:

Сәхибем кире чиген –

Исем китерде җанкай ла!

[Г.Кандалый].

В романе У.Теккерера «Ярмарка тщеславия» имеется пример игры слов, основанной на омонимичности слов *rack* в сочетании *rack-punch* – араковый пуши – и *rack* – мучительная боль, пытка:

O ignorant young creatures! How little do you know the effect of rack-punch! What is the rack in the punch at night to the rack in the head of morning?

Вряд ли можно подобрать татарские омонимы, один из которых был бы связан со спиртными напитками, а второй – с головной болью. При переводе на татарский язык у нас получилось следующим образом:

Һай тәҗрибәсез яшь дусларым! Ничек аз беләсез сез исеркәч тәэсире турында! Кичтән эчелгән «акбаи» белән иртән авырткан баи арасында нинди уртаклык булсын?

В наиболее сложных случаях приходится вообще отказываться от передачи игры слов, полагаясь лишь на возможность компенсации этой потери в другом месте текста.

Один из таких трудных случаев встречается в переводе романа Дж. Голсуорси «Серебряная ложка» в эпизоде, когда чиновника, прибывше-

го вручить повестку для вызова в суд, в связи с предъявленным обвинением, принимают за посылного от портного:

«*Who are from?*»

«*Messrs Settlewhite and Stark – a suit...*»

«*Dressmakers?*»

Игра слов, основанная на омонимах *suit – судебное дело и костюм*, при переводе будет утрачена.

«Сезне кем жибәрде?» – «Сеттелвит энд Старк фирмасы, сезгә сүзем бар». – «Ә, сез тегүчедәнме?»

И, наконец, передача игры слов, основанной на приблизительном звуковом сходстве, когда сравнительно просто решается задача замены образа:

By-and-by, he said: «No sweethearts, I b'lieve?»

«Sweetmeats did you say, Mr. Barkis?» [Ch. Dickens].

В этом отрывке возчик Баркис осведомился у маленького Дэви, нет ли возлюбленного у служанки Пегготти, но мальчик слово *sweetheart* воспринимает как *sweetmeat* – конфета. Игра слов основана на частичной омонимичности слов *sweetheart* и *sweetmeat*, причем важно заметить, что второе слово означает сладости, близкие сердцу мальчика и хорошо ему известные.

Учитывая эти обстоятельства, мы попытались заменить образ, сохранив игру слов в переводе:

Аннан ачты Баркис соран куйды: – Ә аның сойгәне юк микән?

– Пилмәне дисезме, мистер Баркис?

В татарском языке тоже употребляется игра слов такого рода. Приводим пример из известного произведения Г.Камала «Беренче театр»:

Вәли: Тыңласан, шул менә без хәзер театрга китәбез...

Биби: Кая?

Вәли: Театрга!

Биби: Нәрсә таятергә?

Вәли: Баш таятергә! [Г.Камал 1931]

Вот еще один пример такого рода из английской литературы:

«*Can you herd sheep?*» asks the little ranchman.

«*Do you mean have I heart sheep?*» says I. [O. Henry 1967].

Можно переделать игру слов следующим образом:

«Ә сез сарыклар котә беләсезме?» – диде әлеге бәләкәй адәм.

«Сарыклар оркетә дисезме?» – дип гажәпләндем мин.

В пьесе Б.Шоу «Пигмалион» Элиза говорит: «I'm nothing to you – not so much as them slippers». Хиггинс поправляет ее: «*Those slippers*». Разницу между *them* и *those* очень трудно обыграть в татарском языке. Но эту «утрату» можно легко компенсировать неправильной последовательностью окончаний слова «башмак». Таким образом, в переводе Элиза скажет: «Мин сезнең өчен беркем дә түгел, хәтта менә бу *башмагымпардан* да начаррак», а Хиггинс поправит ее: «*башмакларымпан*».

Служанка маленького Дэви в романе Ч.Диккенса «Дэвид Копперфилд» часто неправильно произносит английские слова. Эту особенность ее речи надо передать в переводе, тем более что в следующем предложении автор ее особо выделяет:

«*I ought to have made it, perhaps, but I couldn't azackly,*» that was always the substitute for *exactly*, in Peggotty's militia of words – «bring my mind to it.»

Если не передать неправильное произношение слова *exactly*, то придется выбросить все авторские слова. Это было бы серьезным отклонением от оригинала. Как же передать такое искажение в переводе?

Фонетическая форма возможных татарских контекстуальных соответствий английскому слову *exactly* слишком проста и поэтому не может быть искажена в произношении, но в данном случае не так важно перевести слово *exactly*, которое и не имеет в тексте особого смысла, как показать, что Пегготти неправильно произносит трудные слова, следовательно можно отказаться от точного перевода слова *exactly* и компенсировать эту потерю употреблением совсем другого слова, в котором малообразованному челове-

ку будет естественно ошибиться с точки зрения татарского языка:

«Бәлки мин монны эшләргә дә тиеш булганмындыр, тик хилбуки, – Пегготти телендә бу һәрвакыт “хәлбуки” дигәнне аңлата иде, – үз-үземне кулга ала алмадым».

В татарском языке довольно много таких произносительных вариантов, которые уже не могут претендовать на литературное произношение, но которые могут оказаться как бы выразительным штрихом, яркой краской в обрисовке образа так же, как мы наблюдали на примере вышеупомянутого предложения из английского произведения: *йок, жок, жэ, хош, элбиттә* вместо *юк (нет), я (ну), элбэттә (разумеется, конечно)* и пр.

Таким образом, лексический аспект перевода английского юмора на татарский язык, как одно из актуальных направлений в развитии переводческой теории, имеет свои особенности.

Исходя из вышеизложенного, игра слов, основанная на многозначности слова, не представляет обычно особых трудностей при переводе с английского языка на татарский. Часто соответству-

ющее слово в татарском языке также обладает аналогичным прямым и переносным значением и может быть непосредственно использовано в переводе.

Когда для создания игры слов автор использует действительные омонимы, порой их бывает очень сложно перевести. Этот случай игры слов наиболее труден для перевода. Единственным способом передачи подобной игры слов является контекстуальная замена образа в переводе. Такая замена – дело очень нелегкое, требующее от переводчика большой изобретательности и языкового чутья.

Сравнительно проще решается задача замены образа, когда игра слов основана на словах, лишь частично одинаково звучащих.

Если автор использует нелитературный произносительный вариант какого-либо слова, который является выразительным штрихом, яркой краской в обрисовке образа, можно отказаться от точного перевода слова и компенсировать эту потерю употреблением совсем другого слова, которое соответствовало бы задумке автора оригинала.

Литература

1. *Виноградов В.С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы / В.С. Виноградов. – М.: Просвещение, 1978.
2. *Горбовский Н.К.* Теория перевода / Н.К. Горбовский. – МГУ, 2004.
3. *Хаков В.Х.* Развитие татарского национального литературного языка и его стилей: автореф. дис... докт. филол. наук / В.Х.Хаков. – Алма-Ата, 1971.
4. *Щербина А.А.* Сущность и искусство словесной остроты (каламбур) / А.А. Щербина. – Киев, 1958.

Аннотация

Работа посвящена лексическим особенностям перевода юмористических произведений, а именно каламбура как одного из наиболее остроумных типов передачи юмора классиков английской литературы на татарский язык.

Ключевые слова: английский и татарский языки, перевод, лексические особенности, полисемия, омонимия, омофоны, каламбур.

Summary

The paper deals with lexical peculiarities of translation of pun as one of the most witty types of expressing humor in the process of translating classical English writers' novels into Tatar language.

Key words: English and Tatar languages, translation, lexical peculiarities, polysemy, homonymy, homophones, pun.

УДК 34 (091)

ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ (первая половина XIX в.)

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан*

В первой половине 19 века органы и должностные лица прокуратуры много внимания уделяли вопросам религии и вероисповедания. Этим занимались как Казанский губернский прокурор Г.И. Солнцев, работавший на этой должности с 1824 по 1844 год, так и его подчиненные на местах – уездные стряпчие. Наиболее распространенными являлись дела о раскольнических сектах, о переходе в другую религию и т.д.

В секретном указании от 24 января 1828 г. генерал-губернатор Бахметьев потребовал от Казанского гражданского губернатора обратить внимание на деятельность раскольнических сект. При этом самыми опасными он назвал секты перекрещенцев. Раскольников, которые подговаривают людей в свои секты, необходимо было преследовать, избивать и предавать суду, как «вредных развратителей»¹.

Списки раскольнических сект и их членов (пофамильно!) по г. Казани и Казанской губернии за 1828 г. составили целый пухлый том на 247 листах. Эти сведения собирали при помощи полиции и местных властей. Тут и старообрядцы, перекрещенцы, Спасово согласие, Поморские, скопцы, духоборцы, субботники и др.² Причем ведомости – списки раскольников по всем уездам, городам и деревням – составлялись ежегодно и доставлялись Казанскому гражданскому губернатору.

В мае 1827 г. Цивильский уездный стряпчий донес Казанскому губернскому прокурору Солнцеву Г.И. о том, что в уезде более 200 человек из нескольких деревень изъявили желание перейти из христианской веры в магометанскую. Это были крещеные татары. Они написали и отправили по почте соответствующее прошение на имя государя-императора. При этом крещеные татары объясняли, что их деды и прадеды были магометанской веры, что они живут вместе с татарами, и сейчас не исполняют правил ни той, ни другой веры. Правил христианской веры они не знают.

Как указано в прокурорских документах, крестьяне были вовлечены в это дело народной молвою – о якобы последовавшей на сей счет высочайшей воле государя. Солнцев Г.И. указал, что это «совершенно противопоказано государственным узаконениям», может принести для общества «зловредные последствия».

В связи с этими событиями Казанский губернский прокурор направил срочный циркуляр всем стряпчим – чтобы они «со всей осторожностью и благоразумием» приняли необходимые меры по прекращению подобных действий со стороны крещеных татар.

Кстати, в данном деле имеются сведения о том, что с прошением о возвращении к своей вере к царю обращались крещеные татары не только из Казанской, но и Симбирской губернии.

Указанные прошения рассматривались в Святейшем Правительствующем Синоде. Был и специальный Синодальный обер-прокурор, занимавшийся этими делами.

Но государство не хотело так просто отпустить крещеных татар обратно в свою веру. Наоборот, было предложено раздать им книги Ветхого завета на татарском языке, послать к ним священника для назидания колеблющихся и т.д. В конечном счете, «внушить кротким образом» христианскую веру, а кто окажется непреклонным, предать суду³.

Были случаи, когда суды по таким делам принимали решения о переселении крестьян в другие деревни. Например, тех, кто пытался вернуться в магометанскую веру (крещеных татар), могли направить на новое место жительства в старорусскую деревню. И там уже волей-неволей, когда вокруг тебя одни русские, придется соблюдать их обычаи, приобщаться к их вере. В общем, всеми правдами и неправдами пытались всех загнать в одну веру.

Интересно, что и уголовное законодательство того периода содержало нормы, которые, по сути, подталкивали людей к смене веры. Например, М. Динеев и Б. Байрашев из Свяжского уезда привлекались за лихоимство (взятие 400 рублей у обывателей деревни Нурлат) и прочие законопротивные поступки. Их дело рассматривалось в Казанской палате уголовного суда. Родной брат Динеева и мать Байрашева в феврале 1825 г. обратились к Казанскому губернскому прокурору Солнцеву Г.И. с прошением о том, что арестованные Динеев и Байрашев желают из магометанской веры вступить в христианскую веру с тем, чтобы их освободили от наказания, которое им будет назначено уголовным судом.

В марте 1825 г. арестованных Динеева и Байрашева в Свяжском тюремном замке посетили губернский секретарь Свечников и Свяжский городничий Гессель. Арестанты подтвердили свое согласие о переходе в греко-российское

исповедование христианской веры, о чем дали письменные показания⁴.

То есть законодательство того времени допускало возможность освобождения от назначенного судом наказания в случае перехода виновного-иноверца в христианскую веру.

Религиозные обычаи, обряды других народностей (инородцев) не одобрялись, более того, они преследовались, объявлялись преступными действиями. Сегодня обычным делом являются жертвоприношения мусульман, когда во время праздника курбан-байрам режут барана и приносят его в жертву аллаху. В те далекие годы все это делалось скрытно, и если становилось известно властям, то начинались преследования. Вот одна из типичных историй, которая отложилась в толстом деле Казанского губернского прокурора.

В ноябре 1827 г. Царевококшайский уездный стряпчий донес Казанскому губернскому прокурору о том, что под селом Варангуш собрались крещеные и некрещеные черемисы и вотяки из Казанской, Вятской, Костромской губерний — «для принесения какой-то жертвы, противной христианской религии». Узнав об этом, исправник Микулин, голова Уразлинского волостного управления, его писарь, уездный стряпчий, собрав из соседних деревень ясашных татар и русских (около 60 человек), 20 ноября 1827 г. явились в рощу у деревни Варангуш. Как следует из рапорта уездного стряпчего, для жертвоприношения собрались около четырех тысяч человек! В роще были поставлены столы, а на них — печеный хлеб со свечами. Был приготовлен и скот для принесения в жертву — около 400 голов! Стояли множество кадок, бочек, наполненных пивом и медом.

Когда исправник и другие прибывшие спросили у вотяков и черемис — по какому позволению они здесь собрались? — в ответ их окружили. Началась стычка. Исправнику Микулину угрожали убийством, его поколотили, он вытащил саблю, размахивая ею, вырвался из окружения и ускакал на лошади в Ураз-

линское волостное правление. Бывших вместе с исправником крестьян-татар и русских тоже побили и они все убежали с места столкновения. Одного татарина ранили топором в руку. Волостного главу даже связали. У казака Худякова в ходе стычки сломали пополам саблю. Несколько человек захватили его «в плен», но потом отпустили. Черемисы преследовали прибывших с вехами, жердями и оглоблями в руках. О случившемся срочно сообщили гражданскому губернатору, чтобы тот прислал солдат для ареста главных зачинщиков и бунтовщиков. Также сообщили и земскому суду — чтобы он прислал должностное лицо для увещевания собравшихся и приступил к следствию.

А по сути, ничего страшного эти люди не совершили и не собирались совершать. Оказалось, что четыре года назад градом побило хлеб у деревни Варангуш и других соседних деревень. И после этого каждый год был неурожай хлеба. Крестьяне задумались и договорились между собой: если будет хороший урожай, по древнему обычаю, от предков им переданному, провести моление и принести богу жертву. И вот летом 1827 г. случился, наконец, большой урожай хлеба. В августе крестьяне, желая исполнить свое обещание перед богом, отблагодарить его за урожай, договорились о принесении богу жертвы. Они известили своих единоплеменников, назначили день сбора — в ноябре в воскресный день в роще у деревни Варангуш.

Обряд происходил таким образом. У каждого дерева в роще поставили по столу. Так как народу собралось более четырех тысяч человек, то деревьев не хватило. Недостающие деревья выкопали в лесу и пересадили в рощу. Столы были сделаны в виде козлов, сверху их прибили досками, все столы были накрыты белыми скатертями. Эти скатерти были присланы в том числе женщинами и девками, находившимися в болезнях. В средней роще был подготовлен особый стол — божеский, царский. На столах стоял печеный хлеб, в

бураках — пиво и мед. На столах стояли зажженные молельные восковые свечи, и перед каждым столом на земле стояла большая свеча. При столах находились пожилых лет служители. На столы клали деньги, на царский больше, на другие — меньше.

Каждый приносил с собой свечу, а также холст. Само жертвоприношение состояло в закалывании скота: быков, коров, овец, а также гусей, уток и кур. Мясо варили и подавали присутствующим. Шкуру рогатого скота хозяева оставляли себе. Жертвоприношение длилось три дня, после чего все «разошлись по домам без всякого беспокойства». Причем в своих молитвах участвующие в жертвоприношении провозглашали молитвы и просили бога о даровании всякого благоденствия императорскому дому.

Все жертвоприношения проводились по древним черемисским обычаям. За скот, который приносился в жертву, платили хозяевам по его настоящей цене за счет собранных на столах денег. Деньги и холсты (отрезы) также отдавались и бедным.

В ходе следствия выяснилось, что в целом-то народ вел себя разумно и стычка произошла по вине исправника и прибывших с ним лиц. Когда исправник дал команду схватить одного из зачинщиков, то народ отбил его. Когда казак Худяков саблей стал сшибать со столов свечи, у него отобрали саблю и сломали. Волостного голову вначале связали, но потом отпустили.

Приехавшие вместе с исправником понятые особо не рвались избивать избивших их черемис и вотяков. Большинство показывали на то, что они не узнали тех, кто их бил. Черемисы и вотяки дружно отпирались. Зачинщиками по показаниям волостного головы и понятых были признаны семь человек. Однако достаточных доказательств в их виновности не было. Опасаясь акций протеста, их не стали подвергать тюремному заключению.

О случившемся известили и столицу. По поручению Святейшего Сино-

да, по повелению министра внутренних дел Казанское епархиальное начальство направило на место протоиерея Андрея Альбинского — для разбора дела об идолопоклонстве вотяков у деревни Варангуш. Он донес, что распространителями заблуждения якобы являются какие-то Микибай и Пектубай, которые совращают черемис к многобожию и идолопоклонству. Был составлен и список людей, участвовавших в обряде жертвоприношения.

Впоследствии данное дело было рассмотрено Царевококшайским уездным судом и в феврале 1829 года представлено на ревизию в Казанскую уголовную палату. Решение суда было таким. Крещеного Иванова Григория (он долго скрывался, но потом был пойман), зачинщика буйства, наказать плетью 45 ударов и сослать в Сибирь. Еще семерым определили по 4 недели ареста каждому, с последующей отдачей под присмотр односельчан.

Отдельное решение Казанская уголовная палата в апреле 1829 г. вынесла и в отношении Царевококшайского исправника Микулина. В его действиях никакого преступления не обнаружили, кроме одной только неосмотрительности, за что ему объявили замечание.

Интересно узнать содержание молитв, которые читались при этом жертвоприношении. Вот собранный следствием перечень пожеланий простых людей к богу. Итак, что просили у бога, о чем мечтали простые бедные люди?:

Кто Богу принес жертву, того спаси, помилуй и благослови здоровьем.

Родившихся детей награди Бог счастьем, чтобы они имели деньги, хлеб, пчел и скот.

Награди Бог и тем счастьем, чтобы пчелы в новый год отпустили от себя рои.

Когда рои пустят, умножь их медом.

В ловле зверей и птиц благослови Бог счастьем.

Награди Бог счастьем иметь серебро и золото.

Товар благослови Бог продать высокою ценой.

Какие есть сокровища на земле и во всем свете, Бог награди счастьем получить их.

Государевы подати заплати Бог пособи, в том счастья дай.

Когда наступит весна и мы пустим по трем дорогам скотину трех сортов, то ее от глубокой грязи, медведей, волков, воров помилуй.

Из оной скотины яловые были бы стельные.

Худые по счастью детей были бы жирными.

Когда намерены будем продать яловую скотину, то пошли Бог встретиться с добродушным купцом, которому бы ту скотину одною рукой отдать, а другою от него получить деньги.

В дальнем пути от худых и глупых людей, несносной болезни, злого и вздорного судьбы, коштана и кляузника, от руки злого человека и от языка зловерного Бог помилуй.

Как хмель полон и зрел, так и меня в жизни счастьем награди.

Как свеча горит светло, так меня жить сподоби и здравием награди.

Как воск тверд в своем осадке, так меня в жизни укрепи.

Голодного наевстить (наестся), в том спорынью дай.

И еще — в деле имеется список богов, которым поклонялись люди:

Бог Ильи Пророка,

Бог матери Ильи Пророка,

Бог пророка Ильи Пророка,

Бог ангела Ильи Пророка,

Бог государя,

Бог матери Государя.

Как отмечается в деле, список молитв получен «частно» — т.е. скорее всего через осведомителей⁵.

Уездные стряпчие время от времени сообщали Г.И. Солнцеву о появлении раскольнических сект, которые отошли с пути истинной христианской религии.

Например, в сентябре 1827 г. Тетюшский уездный стряпчий сообщал Казанскому губернскому прокурору о появлении раскольнической секты под названием «Спасово согласие» в количестве 60 человек. Причем эта секта по-

явилась после того, как в Тетюшах обожновался купец, главный раскольник Феокист Стрелков.

В феврале 1828 г. Тетюшский уездный стряпчий снова бил тревогу, сообщая о том, что Стрелков продолжает вовлекать новых людей в свою секту.

О крестьянах, отошедших от христианской веры в раскольническую секту в селе Отарки, сообщал и Мамадышский уездный стряпчий⁶.

Казанский губернский прокурор, в свою очередь, эти сведения о сектах направлял Казанскому гражданскому губернатору, а также архиепископу.

В апреле 1827 года священник Сюкеевского приходского училища Тетюшского уезда Иоанн сообщал Казанскому губернскому прокурору о том, что многие крестьяне из данного села ушли в разные секты раскола, не отдают детей в училище для обучения их чтению и письму. Священник также сообщал, что это училище уже с 1825 г. стоит «совершенно праздным». Он просил содействия в том, чтобы крестьяне отдавали своих детей в училище для обучения грамоте⁷.

Лиц, состоящих в раскольнических сектах, запрещалось избирать к общественным должностям, и даже сборщиками. Их нельзя было определять в качестве опекунов. На всякие общественные должности могли быть назначены только лица православного вероисповедания. По этому поводу имелось предписание Правительства, за исполнением которого следила прокуратура.

Немало людей заключалось под стражу за религиозные преступления. Например, с ноября 1832 г. до февраля 1834 г. содержался в Чебоксарском тюремном замке мещанин Бочкарев. Обвинение — богохуление. Результат рассмотрения — освобожден из-под стражи.

С ноября 1832 г. содержались под стражей Дубров и его жена — за неповоленную отлучку, учиненную ими без письменных видов для богомоления в г. Киев. Их осудили в декабре 1833 г.,

мужа — к отдаче в военную службу, жену — в Сибирь на поселение.

Как видно из дел, людей осудили за то, что они молились другому богу⁸.

Среди преступлений против веры было и так называемое «совращение» — то есть склонение кого-либо путем насилия, угроз или обмана в то или иное вероисповедание. За такие преступления нередко привлекались священнослужители.

За совершение ряда преступлений (прелюбодеяние и др.) могло быть применено и такое наказание: «передать для очищения совести церковному покаянию духовной власти».

Кроме обычных российских законодательных актов, прокурору необходимо было знать и религиозные положения, которые также осуществляли регулирование определенных вопросов. Например, от рекрутской повинности (т.е. от армии) освобождались указные муллы и азанчеи. Этим часто пользовались указные муллы, которые определяли своих сыновей в азанчеи. Удобно ведь — в армию не возьмут, и потом свою должность можно передать сыну.

По поводу освобождения указных мулл и азанчеев от повинности действовало постановление Оренбургского Духовного Магометанского собрания. Именно оно и назначало на эти религиозные должности.

Когда возник такой вопрос в Казани, то Солнцев Г.И. написал запрос Оренбургскому губернскому прокурору. Тот в ответе подтвердил, что указные муллы и азанчеи освобождаются от рекрутской повинности, и приложил копию соответствующего постановления Оренбургского Духовного Магометанского собрания⁹.

Таким образом, в первой половине 19 века практика деятельности Казанского губернского прокурора и его подчиненных по рассмотрению и разрешению вопросов религии и вероисповедания была достаточно обширной и разнообразной.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 1, Опись 1, Дело 122.
- ² Национальный архив Республики Татарстан Фонд 1, Опись 1, Дело 120.
- ³ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 16, Дело 90.
- ⁴ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 14, Дело. 76.
- ⁵ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, опись 16, Дело 161.
- ⁶ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 16, Дело 131.
- ⁷ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 16, Дело 81.
- ⁸ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 22, Дело 175.
- ⁹ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 17, Дело 178.

Аннотация

В статье освещается практика работы Казанского губернского прокурора Солнцева Г.И. и его подчиненных по разрешению вопросов религии и вероисповедания в первой половине XIX века.

Ключевые слова: история Казанской губернской прокуратуры, Казанский губернский прокурор Солнцев Г.И., XIX век, вопросы религии и вероисповедания.

Summary

The article deals with the practical work of Kazan Provincial prosecutor Solntsev G.I. and his inferiors which was aimed at solving the questions concerning religion and creed in the first half of the XIXth century.

УДК 347.195.22

ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ВУЗАМИ ПРАВА ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ*

О.А. Чепарина, кандидат юридических наук

Для характеристики правового режима имущества государственных вузов немаловажное значение имеет исследование правовых стимулов и ограничений в отношении реализации государственными вузами права оперативного управления¹, которые непосредственно в содержание указанного права не входят.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в п.2 ст.1 предусматривает, что гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Под правовыми ограничениями А.В. Малько понимает установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц. Ограничения вводятся в целях обеспечения общего блага, нормального развития и функционирования социальной системы и ее структурных подразделений. Правовые ограничения выступают как общепризнанные установления, необходимые для организации жизни в любом цивилизованном обществе, для упорядочения отношений между всеми субъектами права².

Д.В.Петров справедливо отмечает, что в случае с правом оперативного управления нормы различных отраслей публичного права выступают рамками, пределами действия гражданско-правовых норм, и «право оперативного управления регламентируется в пределах «межевых знаков» (отправных пунктов), установленных публичным правом...»³. Можно сказать, что одним из проявлений указанных границ в отношении реализации правомочий, связанных с осуществлением государственными вузами права оперативного управления, выступают правовые ограничения, закрепленные с помощью публично-правовых средств.

Существование целой системы таких правовых ограничений продиктовано первичностью публично-правового статуса государственных вузов, государственным характером стоящих перед ними задач, а также фактом нахождения имущества, закрепленного за вузом в государственной собственности. В случае с государственными вузами большинство правовых ограничений имеют целью обеспечение сохранности имущества, собственником которого и выступает государство. Кроме того, в настоящее время государство выступает субсидиарным ответчиком по обязательствам казенного учреждения, а также по обязательствам бюджетных учреждений, возникших до

* Настоящая статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Правовой статус государственных вузов в современных условиях: проблемы и перспективы» по гранту № 10-03-29314 а/В / 2010 (РГНФ).

1 января 2011 г. В связи с этим в бюджетном законодательстве установлены запреты в отношении бюджетных и казенных учреждений на осуществление сделок с ценными бумагами, а также на размещение средств на депозитах в кредитных организациях, на создание иных организаций (ст. 6 ФЗ от 13 декабря 2010 г. № 357-ФЗ «О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов»⁴). Указанные ограничения сами по себе в содержание права оперативного управления государственного учреждения не входят. Их введение направлено на обеспечение контроля со стороны государства как учредителя (собственника имущества) за сохранностью имущества вузов, которое исключительно на уровне института права оперативного управления не может быть обеспечено.

В Концепции развития гражданского законодательства отмечается, что объем ограничений права оперативного управления может зависеть от категории субъекта данного права и от вида объекта, на которое данное право распространяется⁵. Примером тому могут служить различия в ограничениях правоспособности учреждений различных типов. Так, автономное учреждение не обладает статусом получателя бюджетных средств. Соответственно в отношении него, в отличие от казенных и бюджетных учреждений, не распространяются ограничения, установленные на уровне бюджетного законодательства.

Что касается ограничений в зависимости от объекта права, то соответствующим примером могут служить особенности использования государственными учреждениями публичных денежных средств. Выделяются два основных источника финансирования бюджетного и казенного учреждений: за счет бюджета и внебюджетных источников. Казенное и бюджетное учреждения обязаны размещать свои денежные средства на лицевом бюджетном счете, который, в частности, в отношении всех федеральных учреждений ведется Федеральным казначейством, как прави-

ло, в соответствующем подразделении Центрального банка РФ. Таким образом, по поводу финансирования между государственным вузом — бюджетным и казенным учреждением — и государством как его учредителем складываются бюджетно-правовые отношения. Их существование накладывает дополнительные ограничения на осуществление такими учреждениями имущественных прав, например, в части распоряжения средствами, полученными от приносящей доход деятельности⁶. Помимо ограничений на совершение учреждениями ряда сделок, бюджетное законодательство определяет иные рамки расходования выделяемых им бюджетных средств. Так, в соответствии с п. 5 ст. 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации⁷ (далее — БК РФ) заключение и оплата казенным учреждением государственных (муниципальных) контрактов, иных договоров, подлежащих исполнению за счет бюджетных средств, производятся ... в пределах доведенных казенному учреждению лимитов бюджетных обязательств, если иное не установлено БК РФ, и с учетом принятых и неисполненных обязательств⁸. Заключение и оплата федеральным бюджетным учреждением и федеральным казенным учреждением договоров, подлежащих исполнению за счет средств от приносящей доход деятельности, производятся в соответствии со сметами доходов и расходов по приносящей доходы деятельности (п.5 ч.19 ст. 33 Федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»⁹).

Правовые ограничения в осуществлении государственными вузами имущественных прав существуют и на уровне гражданско-правовых средств. К таковым, например, относится требование закона о соответствии предпринимательской деятельности целям государственного вуза (п. 3 ст.50 ГК РФ).

Другим примером подобных ограничительных служат институты крупной сделки и сделки с заинтересованностью, которые действуют в отношении вузов – бюджетных и автономных учреждений. Так, в соответствии с п.13 ст.9.2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹⁰ крупная сделка может быть совершена бюджетным учреждением только с предварительного согласия соответствующего органа, осуществляющего функции и полномочия учредителя бюджетного учреждения. Аналогичные нормы предусмотрены также законом в отношении крупной сделки, совершаемой вузом – автономным учреждением. Согласие на совершение таких сделок дает наблюдательный совет вуза¹¹. В соответствии со ст. 27 ФЗ «О некоммерческих организациях» сделки с заинтересованностью совершаются бюджетным вузом с одобрения учредителя (соответствующего органа). В отношении вуза – автономного учреждения согласие на совершение подобной сделки дает наблюдательный совет¹².

Ряд ограничений в реализации прав государственных вузов предусмотрен также законодательством об образовании. Так, в соответствии с п.3 ст. 8 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»¹³ [13] государственный вуз лишен права самостоятельно создавать филиалы, такое право принадлежит государству как учредителю государственного вуза. Пункт 1 ст.29 указанного закона предусматривает изъятие учредителем высшего учебного заведения средств, полученных от платной образовательной деятельности высшего учебного заведения, в случае если она осуществлена взамен образовательной деятельности, финансовое обеспечение которой осуществляется за счет средств соответствующего бюджета. В соответствии с п.5 ст. 47 Закона РФ «Об образовании»¹⁴ учредитель вправе приостановить приносящую доходы деятельность образовательно-

го учреждения, если она идет в ущерб образовательной деятельности, предусмотренной уставом, до решения суда по этому вопросу.

Итак, систему ограничений при осуществлении государственными вузами права оперативного управления можно представить следующим образом:

– ограничения имущественных прав казенных и бюджетных вузов, предусмотренные бюджетным законодательством в части запрета на совершение ими ряда сделок; в части заключения и оплаты государственных (муниципальных) контрактов, иных договоров, исполняемых за счет бюджета, в пределах доведенных таким учреждениям лимитов бюджетных обязательств и с учетом принятых и неисполненных обязательств; в части требования о заключении и оплате договоров, подлежащих исполнению за счет средств от приносящей доход деятельности, в соответствии со сметами доходов и расходов по приносящей доходы деятельности;

– ограничения, предусмотренные гражданским законодательством, в части требования о соответствии сделок государственного вуза характеру его специальной правоспособности; в части запрета на совершение бюджетным вузом крупных сделок и сделок при конфликте интересов без одобрения учредителя, а вузом – автономным учреждением – без одобрения наблюдательного совета;

– ограничения, предусмотренные законодательством об образовании, выраженные в праве учредителя или органа местного самоуправления приостановить предпринимательскую деятельность образовательного учреждения, если она идет в ущерб образовательной деятельности, предусмотренной уставом, до решения суда по этому вопросу, а также ограничения, выраженные в праве учредителя изымать средства, полученные от платной образовательной деятельности вуза, в случае если она осуществлена взамен образовательной деятельности, финансируемого из соответствующего бюджета.

Развитие законодательства о государственных вузах долгое время шло по пути введения все большего числа ограничений в осуществлении такими вузами имущественных прав. Однако создание условий для обновления российской системы образования в соответствии с потребностями развития инновационной экономики, расширения образовательных прав граждан невозможно на уровне одних лишь правовых ограничений. В связи с этим перед законодателем встал вопрос о правовом стимулировании деятельности государственных вузов.

Под правовым стимулом А.В. Малько понимает правовое побуждение к законопослушному деянию, создающее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования¹⁵. Ученый отмечает, что предметом правового стимулирования выступает «собственный» интерес субъекта, а характер воздействия сопровождается благоприятными юридическими условиями (свободой выбора, добровольностью, расширением возможностей и т.п.) способствующих его удовлетворению (достижению блага)¹⁶. Справедливым представляется также замечание А.В. Малько, что с помощью правовых стимулов можно повысить активность, развивать в нужном направлении социальные отношения¹⁷.

К правовым стимулам в деятельности государственных вузов можно отнести следующие меры:

- закрепление в законодательстве нового типа государственного учреждения – автономного учреждения – и предоставление государственным вузам права изменения типа учреждения (переход из бюджетного в автономное учреждение);

- закрепление в законодательстве модели федерального университета, обладающего широкой правоспособностью;

- изменение правового статуса бюджетного учреждения в части расширения гражданской правоспособности.

Среди примеров правовых стимулов применительно к осуществлению

вузами права оперативного управления можно выделить право бюджетных вузов, а также вузов, созданных академиями наук, выступать учредителями хозяйственных обществ, деятельность которых заключается в практическом применении результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат данным вузам¹⁸, а также право вуза безвозмездно предоставлять научным организациям и медицинским учреждениям в пользование движимое и недвижимое имущество (п.4 ст.27 ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»). Такое право государственные вузы осуществляют с согласия учредителя (собственника).

Проект Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»¹⁹ (п. 2 ст. 104) предусматривает также право государственных и муниципальных образовательных организаций предоставлять во владение и (или) пользование движимое и недвижимое имущество без проведения конкурса или аукциона на возмездной или безвозмездной основе организации общественного питания для обеспечения обучающихся и работников образовательной организации питанием, физкультурно-спортивной организации в целях организации физкультурно-спортивной работы с обучающимися, иной образовательной организации в рамках осуществления сетевого взаимодействия. Таким образом, развитие законодательства об образовании идет по пути расширения правового стимулирования деятельности вузов.

А.В. Малько отмечает, что правовые стимулы и правовые ограничения выступают как целенаправленные средства государственного управления, как важнейшие элементы политики государства²⁰. Указанный вывод справедлив и в отношении государственной политики в сфере высшего образования.

Проведенное исследование позволяет нам сформулировать следующие выводы. Роль правовых ограничений в осуществлении государственных

ми вузами права оперативного управления состоит в создании на уровне механизма правового регулирования гарантий защиты государственной собственности, не обеспечиваемых в полной мере на уровне института права оперативного управления. Система указанных правовых ограничений представлена нормами бюджетного, гражданского законодательства, законодательства об образовании. Если ранее в указанной системе правовых ограничений преобладали ограничения публично-правового характера (главным образом, бюджетно-правового), то в настоящее

время тенденцией становится введение правовых ограничений на уровне норм гражданского права (например, институты крупной сделки и сделки с заинтересованностью). Эффективное правовое обеспечение деятельности вузов невозможно лишь на уровне правовых ограничений. Для сбалансированного развития системы отношений в сфере высшего образования необходимо использование правовых стимулов. Развитие законодательства о государственных вузах идет по пути расширения правового стимулирования в осуществлении вузами имущественных прав.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По смыслу ст. 296 ГК РФ право оперативного управления представляет собой субъективное гражданское право соответствующих субъектов (учреждений и казенных предприятий) владеть, пользоваться и распоряжаться закрепленным за ними имуществом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями деятельности соответствующих субъектов, заданиями собственника и назначением имущества. Содержание права оперативного управления различается в зависимости от его субъектов.

² Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – 2-е изд., перераб. и доп. / А.В. Малько. – М.: Юрист, 2005. – 250 с. – С.91.

³ Петров Д.В. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления Д.В.Петров. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 361 с. – С.175.

⁴ СЗ РФ. – 2010. – № 19. – Ст. 2291.

⁵ <http://www.privlaw.ru/>.

⁶ Так, казенным учреждениям запрещено предоставлять и получать кредиты (займы), приобретать ценные бумаги, а также получать субсидии и бюджетные кредиты (п.10, ст.161 Бюджетного кодекса РФ), а также направлять средства на создание других организаций (п. 1 Федерального закона от 13 декабря 2010 г. № 357-ФЗ «О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов»). В отношении бюджетных учреждений действует запрет на осуществление сделок с ценными бумагами, если иное не предусмотрено федеральными законами и на размещение средств на депозитах в кредитных организациях (п. 2 ст.6 указанного закона).

⁷ СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

⁸ В соответствии с п. 19 ст. 33 ФЗ №83 в течение переходного периода (с 1 января 2011 г. до 1 июля 2012 г.) за федеральным бюджетным учреждением сохраняется статус получателя бюджетных средств, а значит, на него распространяются нормы БК РФ в части порядка его финансирования на основании бюджетной сметы.

⁹ При этом органы федерального казначейства отслеживают природу денежных поступлений на лицевые счета казенного и бюджетного учреждения в органах казначейства, оставляя без права расходования те средства, которые поступили от неразрешенных учреждению видов деятельности. Кроме того, органы казначейства при оплате денежных обязательств, принятых такими учреждениями (оплате государственных контрактов, договоров, иных сделок), осуществляют проверку документов, подтверждающих возникновение у таких учреждений денежных обязательств, в том числе соответствие платежных документов кодам бюджетной классификации. Таким образом, на уровне бюджетного законодательства существует механизм, обеспечивающий контроль соответствия деятельности учреждений требованиям его специальной правоспособности (Приказ Министерства финансов от 12 ноября 2007 г. № 101н с изм. и доп. «Инструкция о порядке открытия и ведения органами федерального казначейства Министерства финансов Российской Федерации лицевых сче-

тов для учета операций по исполнению расходов федерального бюджета» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2008. — № 2.

¹⁰ СЗ РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 145.

¹¹ Статьи 14 и 15 Федеральный закон от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» // СЗ РФ. — 2006 г. № 45 ст. 4626.

¹² Статьи 16 и 17 ФЗ «Об автономных учреждениях».

¹³ Федеральный закон от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. — 1996 г. — № 35. — Ст. 4135.

¹⁴ Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (с изм. и доп.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 30. — Ст. 1797.

¹⁵ Малько А.В. Указ. соч. — С. 60.

¹⁶ Там же. — С. 55.

¹⁷ Там же. — С. 84.

¹⁸ Указанное право предоставлено вузам Федеральным законом от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности». Настоящим законом закреплена упрощенная процедура согласования такого учредительства: согласия собственника имущества бюджетного вуза на такое учредительство не требуется, необходимо лишь уведомление федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности.

¹⁹ <http://mon.gov.ru/dok/proj/>

²⁰ Малько А.В. Указ. соч. — С. 200.

Аннотация

Правовой режим имущества государственных вузов помимо права оперативного управления включает систему правовых стимулов и ограничений при осуществлении государственными вузами прав владения, пользования и распоряжения имуществом. Настоящее исследование имеет целью проведение научного анализа системы таких стимулов и ограничений в целях определения их оптимального соотношения, а также выявления тенденций развития законодательства о государственных вузах в части закрепления в нем соответствующих правовых стимулов и ограничений.

Ключевые слова: государственный вуз, право оперативного управления, правовые стимулы, правовые ограничения.

Summary

The legal regime of property rights among public higher operational management system includes legal incentives and legal constraints in the implementation of public universities of ownership, use and disposal. The present study aims to conduct a scientific analysis of these incentives and constraints in order to determine their optimal ratio, as well as identify trends in the development of legislation on universities in terms of fixing it legal incentives and disincentives.

Key words: state university, the right of operational management, legal incentives, legal restrictions.

ХУДОЖНИК И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

(о новой книге заслуженного деятеля науки Республики Татарстан Ю.Г. Нигматуллиной)

*И.Л. Данилова, доктор филологических наук,
Гётеборг, Швеция*

«ТатАвангард и современный цивилизационный процесс» — так называется новая книга Ю.Г. Нигматуллиной, вышедшая в конце 2011 г. в издательстве «Фэн» Академии наук РТ.

В этом небольшом по объему исследовании Ю.Г. Нигматуллина показывает путь, по которому следует идти ученому, стремящемуся понять внутреннюю логику развития национального искусства в контексте современной динамической цивилизации. С другой стороны, большое внимание уделено тому, какое огромное значение имеют индивидуальность художника и сила его таланта при противостоянии тенденциям утраты ценности искусства.

Реальность такова, что особенности современного цивилизационного процесса приводят к усилению противоречий между экономикой, политикой и культурой, ослаблению исторической и культурной памяти, стиранию черт самобытности национальных культур, формированию потребительского отношения к искусству. Парадоксально, что при увеличении комфорта жизни нарастает чувство душевного дискомфорта.

Дети космической цивилизации, счастливые пользователи интернет-сетей и удобных авиалайнеров, не говоря о других информационных и транспортных средствах, мы живем в ожидании катастрофы. Возможно, мы не придаем значения тревожному состоянию душ, но художники чувствуют противоречия современности острее и отображают этот процесс.

Творчество, направленное на гармонизацию душевного мира современников, имеет особый характер: оно более открыто как традициям, идущим из прошлого, так и будущему. Постепенно из синтеза образов, давно хранимых в истории культуры, и модернистских экспериментальных образов формируется новый язык искусства. Анализ этих процессов и посвящена новая книга Юлдуз Галимзяновны Нигматуллиной.

Остановимся на главных концептуальных моментах новой книги ученого. Прежде всего, автор обосновывает понимание культуры как сложной динамической самоорганизующейся системы, способной влиять на цивилизационные процессы. Ее концепция в более развернутом виде уже была представлена в ранее написанных ею книгах «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур» и «Синергетический аспект в исследовании художественного творчества», взаимно дополняющих друг друга¹.

Согласно концепции, принятой и развиваемой в работах Ю.Г. Нигматуллиной, процессы культурного и цивилизационного развития не совпадают. В рамках одной цивилизации могут существовать несколько типов культур диахронно или синхронно, при этом сосуществующие культуры обладают избыточностью, имеющей огромное адаптивное значение. Следовательно, цивилизация сохраняет устойчивость благодаря «сотрудничеству» локальных культур при совпадении их главных функ-

ций — адаптивной и творческой. При этом каждая культура рассматривается как динамическая самоорганизующаяся система, обладающая большой степенью неопределенности. Для изучения и описания таких систем наиболее эффективно нужно применять принципы синергетики, дающей ключ к пониманию параметров хаоса и порядка, процессов качественных изменений, внутренних и внешних колебаний, соотношения стабильности и нестабильности при функционировании культуры в целом и художественной культуры как ее подсистемы.

В новой книге «ТатАвангард и современный цивилизационный процесс» Ю.Г. Нигматуллина уделяет особое внимание введению термина «срединная культура» и осмыслению соответствующего этому термину концептуального аппарата. Сам термин был введен Б.С. Ерасовым² для обозначения центральной зоны культуры, в рамках которой возможно снятие крайностей и непримиримости ценностных ориентаций, приводящих к культурным конфликтам. Главная функция «срединной культуры» — достижение стабильности духовной жизни общества благодаря интеграции философских, этических и эстетических принципов высокой культуры, а также мудрости культуры народной. Иначе говоря, сохранение и интеграция ценностных общечеловеческих основ культурных традиций обеспечивает жизнеспособность культуры, ее потенциал, направленность в будущее.

Новый подход к научной проблеме функционирования «срединной культуры» заключается в том, что Юлдуз Галимзяновна применяет принципы синергетики и делает вывод, что «срединная культура» предстает «параметром порядка» в сложной стохастической системе, какой является художественная культура. Функции «срединной культуры» заключаются в том, что она выступает носителем «общего правила», общей закономерности, носителем хранимой в культуре информации,

которой она обменивается как с внешней средой, так и с отдельными своими компонентами³. Автор считает, что каждая эпоха формирует свою «срединную культуру»: в советскую эпоху это было искусство и литература социалистического реализма, а в постсоветскую эпоху на пространстве бывшего СССР еще не сложилось такое культурное единство, которое могло бы стать параметром порядка культурного развития. Открытым также остается вопрос о содержании «срединной культуры» для стран Восточной и Западной Европы, Центральной Азии и Дальнего Востока. Видимо, для каждой страны и каждого региона это содержание является специфическим, особенным, видимо, оно находится в прямой зависимости от национального содержания эстетического идеала, сохраняемого в данной культуре.

В книге «ТатАвангард и современный цивилизационный процесс» Ю.Г. Нигматуллина рассматривает только одну подсистему современной культуры республики. В книге выдвинута гипотеза, что функцию «срединной культуры» в культуре изобразительного искусства Татарстана первого десятилетия XXI века осуществляют художники-авангардисты и их творческие объединения.

Как строится система доказательств?

Ранее в книге «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и искусстве⁴ автором были рассмотрены основные особенности художественного языка татарского авангарда и его типологическое единство с европейским модернизмом начала XX века. Одним из важнейших положений концепции был вывод, что во время расцвета европейского модернизма в татарском искусстве сформировалась возможность развития модернистского экспериментального искусства, и она ярко проявилась в литературе в символизме Дердменда и Х. Такташа, в футуризме А. Кутуя, имажинизме К. Наджми, но не в изобразительном искусстве⁵. Модернизм же в татарском изобразитель-

ном искусстве становится ярким явлением только в начале XXI века. Он формирует своеобразный и сложный символический художественный язык с тенденцией к синтезу символизма, сюрреализма, экспрессионизма и романтизма. При этом универсальной структурообразующей базой для художников остаются традиции татарского национального искусства: традиции народного примитива, декоративизма коврового ткачества, народных игрушек, искусства шамаилей, а также идеи мусульманского искусства о божественной светоносности явлений и предметов реального мира⁶.

Модернизм в изобразительном искусстве Татарстана становится сложной открытой системой, направленной в будущее, и принимает функции «срединной культуры». Это становится ясно, если рассматривать особенности модернизма с точки зрения синергетического подхода. Он аккумулирует главные гуманистические тенденции татарского искусства. Почему эту роль выполняет модернизм, а не реализм? При анализе взаимодействия модернизма и реализма в «срединной культуре» Юлдуз Галимзяновна отмечает, что «реалистический тип творчества, реалистический тип художественного мышления имеют прочные национальные корни и в татарской классической литературе, и в других видах искусства, ...традиции реалистического искусства оказывают значительное воздействие на сравнительно молодой по историческому возрасту татавангард. Однако в искусстве Республики Татарстан конца XX – начала XXI столетий возрастает роль модернистских направлений»⁷. Основным содержанием книги является доказательство того, что татарские художники-модернисты, формируя свой язык, актуализируют коды древнего национального искусства, имеющего корни в мифологии, а также коды русского, европейского искусства и искусства стран Азии, придавая своим картинам гуманистический смысл, имеющий цивилизационное значение.

С этой точки зрения Ю.Г. Нигматуллина рассматривает особенности структуры образной системы и инвариантные, постоянно повторяющиеся темы в работах татарских художников-модернистов. Она выделяет три главные темы, выражающие тревогу современного человека.

Во-первых, ярко выражена тема потери смысла существования людей, городов, стран, всего мира. В картинах З. Миннихметова, Р. Мухаметдинова, Б. Гильванова воплощен один из образов современного мирового искусства, связанный с архетипом коллективного бессознательного, описанного К.Г. Юнгом, – архетип пустого города – образ стагнации и деградации жизни как в социуме, так и в духовной жизни (Глава II, п.1). У художников Татарстана пустоте и смерти противопоставлена либо красота в природе (картина З. Миннихметова «Цветы мира»), либо попросту красочность изображения жизни (З. Миннихметов «Радость бытия», «Хорошо»).

Во-вторых, загадочно звучит тема связи внутреннего мира людей с древними мифологическими образами. В исследовании показано, что мифологические образы Шурале, Водяной, духов дома и природы имеют двойственное значение в картинах З. Миннихметова, Б. Гильванова, В. Ханнанова, Х. Шарипова. С одной стороны, они олицетворяют силы зла, у которых люди оказываются в плену, с другой – они воплощают поэтический настрой народной (коллективной) души, создавшей эти образы и вдохновляющей художников (Глава II, п.2).

Особенное значение имеет то, как в картинах решена тема осознания человеком сил космоса, а осмысливается она метафорически, так как космос предстает современному сознанию мифологическим, религиозным и реальным. Поэтому тема рождает широкий спектр образов, связанный с синтезом всех аспектов понимания стихии космоса, от «Поцелуя Земли и Неба» Х. Шарипова до «Апокалипсиса» И. Ха-

нова. Эта тема имеет большое значение в творчестве Х. Шарипова, М. Хазиева, Х. Латипова, И. Ханова. Объединяет же художников желание противостоять чувству ожидания катастрофы и «вечеловечить» силы космоса.

Решение каждой из названных тем имеет отрицательный и положительный полюсы, что лишает картины однозначности и усиливает их воздействие на зрителей. В книге представлен тонкий и глубокий анализ образной структуры отдельных картин и творчества каждого из рассматриваемых художников.

Согласно концепции рецензируемой книги очень важным является вопрос об этнической самоидентификации художников и понимании ими своей роли в современном обществе. Этот вопрос рассмотрен Ю.Г. Нигматуллиной в третьей главе «От этнической к субэтнической (евразийской) самоидентификации». В искусстве татавангарда равным образом выражается историческая память народа (что было отмечено в книге и ранее – при анализе мифологических образов во второй главе) и осознание евразийства – своей принадлежности к искусству и культуре как Европы, так и Азии. При этом Запад и Восток оказываются со- и противоположенными в картинах В. Ханнанова, Б. Гильванова и Х. Шарипова. При том, что эти художники мыслят совсем по-разному и их художественные манеры абсолютно непохожи, картины построены на свободном использовании живописных образов и символов западной и восточной культур. Индивидуально и по-разному выражена объединяющая их идея о большей значимости ценностей восточной культуры для развития современной цивилизации. Символы восточных культур – арабской, иранской, китайской и японской – в наши дни обладают большей синтезирующей и гуманистической силой, чем образы культур западных стран. Художники чувствуют значимость этих символов, используют их для усиления символизма своих картин, поэтому их собствен-

ная этническая принадлежность и образы этнического искусства становятся основой для разработки тем не только национального, но и мирового искусства.

Книга «ТатАвангард и современный цивилизационный процесс» невелика по объему, но, может быть, она является прообразом научных книг будущего, где не количество написанных страниц, а лаконичность и четкость выражения основных положений концепции станут главным параметром ценности труда исследователя.

Масштаб постановки и решения проблем в книге Ю.Г. Нигматуллиной не просто осознать. Материал представлен на четырех уровнях обобщения:

1. Описание образного языка картин, стилей и творческих идей художников татавангарда является описанием неповторимых единичных художественных явлений.

2. Однако их стили рассматриваются сквозь призму типологического единства и «диалога» с европейским модернизмом.

3. В творчестве татарских художников раскрываются связь и «напряжение» между символами искусства и культур Запада и Востока.

4. В конечном итоге все культуры мира объединены цивилизационными процессами и их общечеловеческое единство выражено в эпитафиях к главам книги – в стихотворных отрывках, принадлежащих лучшим поэтам мира. Эпитафии утверждают гений Человека, способность к творческому мышлению, проявлением которого и стало цивилизационное развитие на Земле.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть: эта книга содержит в себе замысел большой исследовательской работы и дает ученым ключ к исследованию связей творческой личности, культуры и цивилизационных процессов в разных странах.

Сфера моих научных интересов – развитие современной драматургии и театра. Если, например, поставить вопрос об изучении работы европей-

ских театральных групп в Германии, Англии, Франции и Северных стран — Швеции, Дании, Норвегии, то окажется, что в их постановках очень много общих приемов модернизма, создающих некую общность языка выражения, свойственного моде и времени. Эта общность определяется единым уровнем развития техники сцены, сценографии и приемов театральной работы. В европейских странах «глобализация» культуры воспринимается театрами положительно, потому что она дает больше возможностей для творческого общения и развития. Но все же как ни стремятся страны Европейского Союза к созданию единой общеевропейской культуры, культура каждой страны связана с особой на-

циональной традицией, выражающейся и в стиле пьес, и в способе создания актерами сценических образов, и в образе мышления режиссера. Образы искусства Востока тоже используются, но совсем иначе. Они остаются экзотическими, непонятыми знаками чужой культуры и не обладают синтезирующей силой.

Как относится театральное искусство европейских стран к цивилизационным процессам? Этот вопрос до сих пор совсем не исследован и представляется интересным, по-настоящему насущным в наши дни. Ключ к изучению проблемы такого большого масштаба уже дан в новой книге заслуженного деятеля науки Татарстана Ю.Г. Нигматуллиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии русской и татарской литератур. — Казань: Фэн, 1997; Нигматуллина Ю.Г. Синергетический аспект в исследовании художественного творчества. — Казань: Фэн, 2008.

² Ерасов Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. — М.: Наука, 2002.

³ Нигматуллина Ю.Г. ТатАвангард и современный цивилизационный процесс. — Казань: Фэн, 2011. — С. 7.

⁴ Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и искусстве». — Казань: Фэн, 2002.

⁵ Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и искусстве». — С. 12–13.

⁶ Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и искусстве». — С. 159–160.

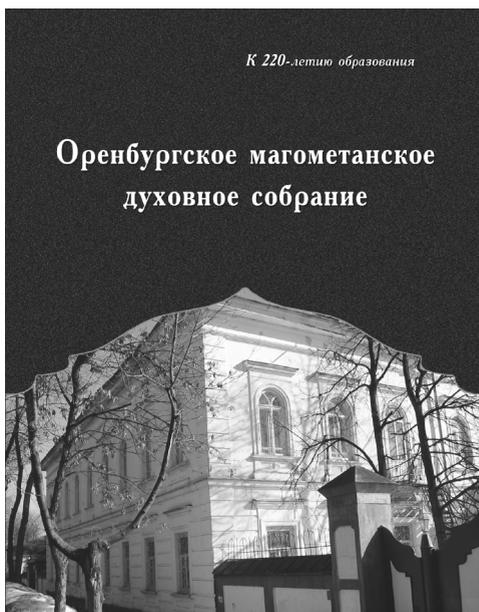
⁷ Там же. — С. 15.

Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.) / Редколлегия: И.К. Загидуллин (сост. и отв. ред.), Л.Ф. Байбулатова, Р.Р. Исаков. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 212 с.

Издание из серии «Исламские институты в Российской империи. В сборнике статей представлены материалы научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.), в котором приняли участие ведущие специалисты, занимающиеся историей данного института. В статьях освещаются: деятельность мусульманских духовных лиц в Западной Сибири и ахунов в Оренбургской губернии (Г.Т.Бакиева, Д.Н.Денисов) и мутавеллиев в Таврическом духовном правлении (Д.В.Конкин), первого оренбургского муфтия М. Султанова (Г.С. Султангалиева, М.А. Мубаракзянов), функции Духовного собрания и проек-

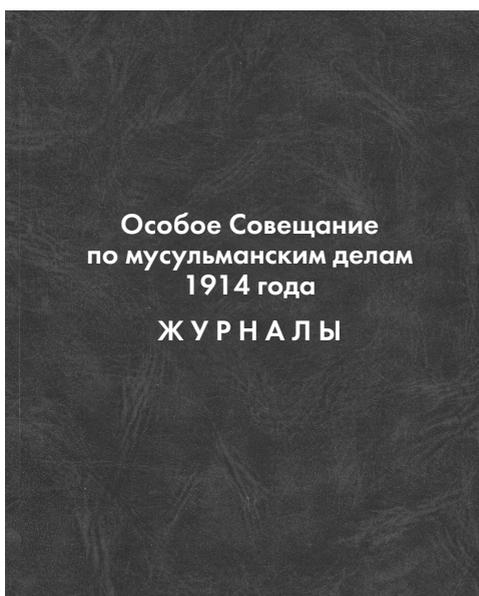
Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К. Загидуллин; редколлегия: И.К. Загидуллин, Л.Ф. Байбулатова, Р.Р. Исаков. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 296 с.

Издание из серии «Исламские институты в Российской империи. Журналы Особого совещания по мусульманским делам 1914 г. хранятся в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД в Российском государственном историческом архиве. В издании впервые представлена полная версия журналов совещания, в котором наряду с чиновниками и учеными-востоковедами при-

его реорганизации (Н.К. Гарипов, И.К. Загидуллин, А.Ю. Хабутдинов, Р.А. Набиев, О.Н. Сеньюткина), религиозные движения среди крещеных татар (Р.Р. Исаков), вопросы разработки и составления энциклопедического словаря «Ислам в Российской Федерации (Д.В. Мухетдинов, И.К. Загидуллин), история татарской мечети в Ташкенте (У.А. Султанов).

Сборник завершается резолюцией, принятой участниками научного семинара.

няли участие и представители духовных управлений мусульман Оренбургского и Таврического округов. Материалы позволяют определить взгляд высокопоставленных чиновников на «мусульманский вопрос» на заключительном этапе существования Российской империи; выявить различные точки зрения участников совещания на обсуждаемые проблемы, определить приоритетные направления внутриполитического курса правительства в отношении мусульман-

ских народов; ознакомиться с вынесенными решениями-рекомендациями по наиболее узловым проблемам государственно-исламских и христианско-исламских отношений начала XX в.

Структура издания: предисловие составителя; журналы Совещания; приложение: Проект устава Всероссийского мусульманского народного союза «Сыратуль-Мустакам»; Примечания; Список сокращений названий законодательных, нормативных актов и терминов.

История Казани в документах и материалах. XIX век. Кн. 3. Управление, бюджет, хозяйство / Авт.-сост. И.К. Загидуллин, Д.И. Ибрагимов, Н.С. Хамитбаева, Л.М. Свердлова, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова; науч. ред. И.К. Загидуллин; отв. ред. Н.С. Хамитбаева. — Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2011. — 820 с.

В издании представлены документы и материалы по ключевым вопросам истории городского самоуправления г. Казани.

Книга состоит из пяти разделов, имеющих целью раскрыть перед читателем характерные особенности управления крупным губернским городом в XIX веке.

В первом разделе книги «*И чудилось: рядом шептали века*» дается общее представление о внешнем облике Казани, вводят читателя в эпоху XIX столетия. Материалы этого раздела показывают губернский город той эпохи глазами современников и путешественников, в определенной степени выявляют те изменения, которые происходили во внешнем облике города в XIX веке.

Материалы и документы второго раздела «*Даровано было городам самоуправление*» освещают деятельность органов городского самоуправления, их структуру, изменения в структуре в результате городских реформ.

Следующая группа материалов и документов, представленная в третьем разделе «*Артерии хозяйственной жизни*», позволяет проследить каким образом, из каких источников складывались городские доходы и каковы были городские расходы, как, куда и на что затрачивались собираемые суммы городского бюджета.

В четвертом разделе «*К пользе и благу города*» раскрываются многочисленные проблемы сложного механизма городского хозяйства, их обсуждение в органах городского самоуправления, поиск

возможностей решения насущных проблем города.

Материалы и документы пятого раздела «*Час мужества пробил на наших часах*» показывают Казань в экстремальных ситуациях: во время пожаров и эпидемий, позволяют увидеть деятельность местной администрации в организации помощи жителям города, предпринимаемые меры по предотвращению бедствий, по сохранению безопасности и спокойствия горожан.

К сборнику составлен научно-справочный аппарат: краткое предисловие к каждому разделу; словарь устаревших слов, технических терминов и понятий, в словаре даны необходимые дополнения, пояснения устаревших слов, технических и иных специальных терминов; список сокращенных слов и их полное написание.

Научная новизна сборника заключается в том, что он впервые комплексно, в широком плане представляет материалы и документы для исследования ключевых проблем городского самоуправления в Казани XIX века.

В сборник включены источники, представляющие научный интерес, прежде всего, это документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Татарстан: фонд 1 (Канцелярия казанского губернатора), 2 (Казанское губернское правление), 22 (Казанская татарская ратуша), 98 (Казанская городская управа), 114 (Казанская городская общая и шестигласная дума), 115 (Казанский приказ общественно-го призрения), 359 (Казанский губернский статистический комитет), а также в ОРРК Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского КФУ (ф.7).

Работы современников К.Фукса, М. Рыбушкина, Н. Баженова, М. Пинеги-

на, Н. Загоскина и др., путеводители и указатели Казани С.М.Шпилевского, С.Монастырского, М.В.Казанского и Н.Г.Шебуева представляют собой особую ценность, помогая восполнить недостающие сведения о жизни губернского города в XIX веке.

Следующую группу опубликованных источников составляют подзаконные акты, позволяющие выявить в значительной степени внутренние механизмы регулирования вопросов городской жизни: «Постановления городской думы» (1872), «Инструкция о порядке ведения дел в заседаниях городской думы» (1880), «Обязательные постановления для жителей гор. Казани» (1883), «Протоколы заседаний Казанской городской думы» (1888), «Инструкция Казанской городской управы» (1895) и др.

Динамика финансовых вложений в городской бюджет показана на основе выписок, смет, росписей городского органа самоуправления.

Также широко использованы извлечения из докладов, обзоров, отчетов разных учреждений и организаций, которые воссоздают общую картину того или иного явления или события.

Из периодической печати были привлечены материалы из газет: «Казанские известия» (1811 по 1820), Прибавления к «Казанскому вестнику» (1821–1824, 1828–1834) и «Казанские губернские ведомости (1838–1917), «Волжский вестник» (1884–1906), «Казанский биржевой листок» (1869–1892), «Казанский телеграф» (1893–1917).

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей вузов, студентов, школьников старших классов, краеведов и всех, кто интересуется историей Казани.

Образование и просвещение в губернской Казани: сб. ст. — Вып. 3 / отв. ред. И.К. Загидуллин, Л.Ф. Байбулатова. — Казань: Изд-во «Яз»; Ин-т истории АН РТ, 2011. — 208 с.

В сборнике статей представлены материалы 3-й научно-практической конференции «Образование и просвещение губернской Казани», состоявшейся 12 октября 2009 г. В статьях раскрываются разные направления и аспекты развития системы образования губернского города: история отдельных учебных заведений Казани (юнкерское пехотное училище, Высшие женские курсы, Ксенинская гимназия, хирургическая школа Казанского адмиралтейского морского госпиталя, трехклассные начальные школы), проблемы и особенности татарского образования (А.Х.Махмутова, Л.Ф.Байбулатова, Р.Р.Исхаков), влияние образования на эффективность деятельности управленческих кадров (А.Н.Бикташева), особенности формирования профессорского состава Императорского университета (Л.А.Бушуева), деятельность попечителей Казанского учебного окру-

Образование и просвещение в губернской Казани

Выпуск 3

га (Р.Х.Галиуллина), деятельность отдельных педагогов (Ф.Ф.Исламов), методика преподавания (Р.М.Кадиоров, Р.Р.Сафиуллина, Ш.С.Хамматов), внешнее пространство учебных заведений (С.А.Фролова).

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. ст. / Редколлегия: И.К. Загидуллин (сост. и отв. ред), Л.Ф. Байбулатова, Н.С. Хамитбаева. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. — 210 с. (13,0 п.л.).

В сборнике представлены 18 статей ряда сотрудников отдела средневековой истории, прочитанные главным образом на итоговых конференциях Института истории за 2009 и 2010 г., а также трех соискателей отдела, посвященных различным аспектам социального и общественного развития татар Средневолжского региона и проблемам искусства и образования в губернской Казани в XVII — XIX в.: Чаллынский городище по дозорной книге 1619 г. и первом татарском печатном издании 1722 г.

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья

(Р.Г.Галлям); особенности развития промышленности в Казанском крае во второй половине XVIII в., служащие в Казанском адмиралтействе в первой трети XIX в. (И.З. Файзрахманов) социокультурная жизнь татарской общины Петропавловска второй половины XVIII – начала XX в., правовые основы перехода крещеных татар в ислам в на-

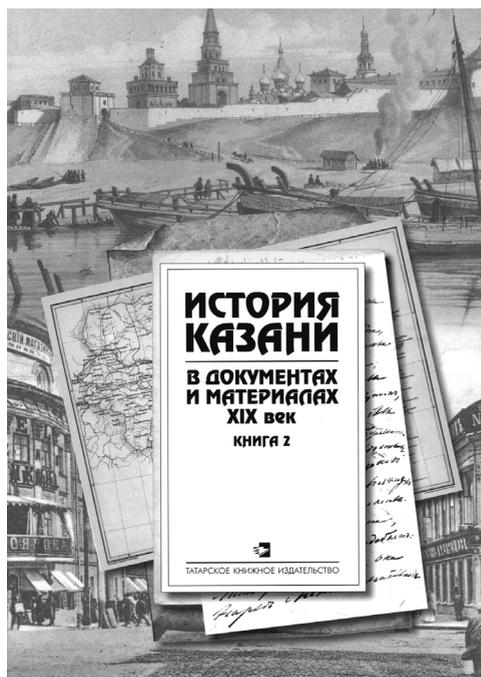
чале XX в., движение вынужденного переселения татар в Османскую империю в 1890-е гг., политика христианизации татар в Волго-Камье и ее историография (Р.Р. Исхаков); воскресные школы, театральная и музыкальная жизнь, книгопечатание в учебных заведениях Казани в XIX в. (Н.С. Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова) и др.

История Казани в документах и материалах. XIX век. Кн. 2. Население, конфессии, благотворительность / Авт.-сост. И.К. Загидуллин, Н.С. Хамитбаева, Л.М. Свердлова, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова; науч. ред. И.К. Загидуллин; отв. ред. Н.С. Хамитбаева. – Казань: Тат. кн. из-во, 2011. – 708 с.

Книга состоит из трех тематически взаимосвязанных разделов, несущих определенную смысловую нагрузку и имеющих своей целью раскрыть перед читателем характерные особенности жизни населения крупного губернского города в XIX веке.

Первый раздел *«Жители казанские»* дает сведения по статистике и динамике населения Казани в XIX веке, его социальном и национальном составе, занятости в различных сферах городской жизни. Материалы этого раздела позволяют в определенной степени выявить те изменения, которые происходили в составе населения Казани, раскрывает ряд аспектов повседневной жизни сословных обществ города, внутренние сословные проблемы и их решение, обособленность сословных групп, вопросы самоуправления и т.д.

Материалы и документы второго раздела *«Да не украдено будет душевное богатство»* позволяют увидеть внутреннюю жизнь разных конфессий, действующих в Казани на протяжении XIX века, их положение в обществе, их взаимоотношения, внутренний механизм их деятельности, особенности повседневной жизни религиозных общин.

В третьем разделе *«Богатство обязывает»* раскрывается картина возникновения благотворительных обществ в Казани, трудности и сложности в их деятельности, поиск возможных решений разного рода проблем, результаты их деятельности.

К сборнику составлен научно-справочный аппарат: краткое предисловие к каждому разделу; словарь устаревших слов, технических терминов и понятий, в словаре даны необходимые дополнения, пояснения устаревших слов, технических и иных специальных терминов; список сокращенных слов и их полное написание. В приложении дано краткое описание культовых сооружений, существовавших в Казани

в XIX веке, как мечетей, так и христианских монастырей, соборов, церквей, часовен города, культовых сооружений других исповеданий.

Научно-популярный характер сборника определил принцип отбора документов. В него включены источники, представляющие научный интерес. Прежде всего, это документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Татарстан, а также Центрального исторического архива РБ и Российского государственного исторического архива.

Не менее важным представляется привлечение опубликованных работ дореволюционных историков, экономистов, статистиков, которые сегодня малодоступны для широкого круга читателей и которые главным образом раскрывают качественные изменения в населении города, происходившие в XIX веке.

Значительную группу источников представляют издания различных ведомств и обществ; разного рода документы официального делопроизводства: постановления, циркуляры, протоколы и другие законодательные акты, которые позволяют в определенной степени выявить внутренние механизмы регулирования городской администрации жизни и деятельности городских обществ.

Из нормативно-юридических документов в сборник включены уставы некоторых городских обществ, позволяющие рассмотреть их внутреннюю структуру.

Достаточно широко в сборнике представлены извлечения из докладов, обзоров, отчетов разных учреждений и организаций, которые дают общую картину того или иного явления.

Небольшую группу опубликованных источников представляют материалы из казанских периодических изданий: газет «Казанские известия» (1811–1820), Прибавления к «Казанскому вестнику» (1821–1824, 1828–1834), «Казанские губернские ведомости» (1838–1917), «Казанский телеграф» (1893–1917), «Волжский вестник» (1884–1906). Материалы ведомственного издания «Известия Казанской епархии» (1867–1918) позволяют представить некоторые аспекты жизни и деятельности православной конфессии.

Предлагаемый читателям сборник является попыткой свести воедино накопленный материал по истории населения г. Казани XIX века, создать документальную базу для дальнейших исследований. Он предназначен для научных работников, преподавателей вузов, студентов, школьников старших классов, краеведов и всех, кто интересуется историей Казани.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

31 октября по 5 ноября 2011 г. в Академии наук Республики Татарстан находилась с деловым визитом делегация из Иранской республики. Принимал гостей президент академии А.М.Мазгаров.

Делегация состояла из ведущих специалистов нефтяной отрасли Ирана: Mr. Mahmood Taraki – вице-президент RIPI; Mr. Masour Bazmi – директор газового департамента RIPI; Mr. Mohammadeza Asadi – руководитель департамента NIOC; Mr. Alireza Kiani Aliabadi – менеджер департамента NIOC; Mr. Ghodrattollah Mohtaghd Larijani – директор оффшорного отдела NIOC; Mr. Fariborz Zolfaghari – менеджер исследовательского центра NIOC; Mr. Saeed Nasseripour – менеджер департамента NIOC; Mr. Alireza Boojari – инженер-технолог NIOC; Mr. Zand Nooman Ardeshir – переводчик.

Главной целью визита иранских нефтяников было ознакомление с действующей в Нурлатском районе установкой по очистке тяжелых нефтей от серодоворода, созданной по технологии ВНИИУС АН РТ, а также обсуждение дальнейших планов сотрудничества с татарстанскими учеными. Принято решение о расширении сотрудничества.

В рамках визита гости также посетили Институт истории им. Ш.Марджани и Центр иранистики, где встретились с директором института, академиком Р.С.Хакимовым и с руководителем Центра А.А.Арслановой.

* * *

1 ноября 2011 года научная библиотека Академии наук РТ провела встречу-выставку, посвященную «Знаменательным и памятным датам ноября. Библиографический обзор для воспитанников и преподавателей», с участием вице-президента АН РТ, академика Н.М. Валеева. В гости был приглашен Центр детско-юношеского туризма и краеведения, экскурсий «Простор» Ново-Савиновского района. Гости познакомились с работой Академии наук Татарстана, с богатствами академической библиотеки, которой нынче исполнилось 75 лет. Центру «Простор» были переданы в дар книги ученых Татарстана.

* * *

9 ноября в Академии наук Республики Татарстан открылась Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур», посвященная 75-летию со дня рождения выдающегося поэта и писателя, лауреата премий им. М.Горького и Г. Державина Рустема Кутуя. Организаторами мероприятия выступили Академия наук Татарстана, Министерство культуры РТ и Институт языка, литературы и искусства АН РТ.

* * *

10 ноября в малом зале АН РТ состоялось очередное заседание президиума Академии наук Республики Татарстан.

* * *

10 ноября 2011 г. выдающемуся российскому астрофизику – академику Рашиду Алиевичу Сюняеву в городе Киото (Япония) вручена премия Киото – главная научная премия Японии.

Премия присуждена ему Фондом Инамори за вклад в прецизионную наблюдательную космологию, связанный с разработкой теории флуктуаций космического микроволнового фона.

Почетный академик АН РТ, академик РАН, выдающийся астрофизик Рашид Сюняев объявлен лауреатом премии «Россиянин года-2011» за весомый вклад в развитие страны, а также выдающиеся успехи в профессиональной деятельности на благо России.

* * *

13–17 ноября 2011 г. Академия наук РТ совместно с Казанским (Приволжским) федеральным университетом провела III научно-техническую конференцию «Низкотемпературная плазма в процессах нанесения функциональных покрытий» с элементами молодежной школы.

* * *

14 ноября 2011 года в малом зале Академии наук Республики Татарстан состоялась презентация научно-популярного сборника «Мәшһүр татар галимнәре» («Выдающиеся татарские ученые») (Татарское книжное издательство, 2011; составители Р.А.Шакирзянов, А.И.Нарбеков, Ф.Р.Шакирзянов).

* * *

22 ноября в малом зале Академии наук Татарстана состоялась научно-практическая конференция «Медресе «Буби»: крупнейший центр просвещения и его вклад в развитие истории и культуры татарского народа». Организатором мероприятия стал Центр истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Конференция посвящалась 230-летию медресе «Буби» и юбилею Габдуллы Буби (1871–1922).

Группа ученых Татарстана удостоена премии Правительства Российской Федерации 2011 г. в области образования и звания «Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования» за комплекс работ «Разработка и реализация комплексной системы опережающей подготовки высококвалифицированных инженерных кадров для модернизации и инновационного развития важнейших отраслей национальной экономики: модели подготовки, технологии обучения, совершенствование управления образовательными процессами».

Решено присудить премии Правительства Российской Федерации 2011 г. в области образования и присвоить звание «Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования» авторам уникальной разработки, среди которых – первый заместитель Премьер-министра Республики Татарстан, член президиума Академии наук Республики Татарстан, доктор экономических наук Р.Ф.Муратов; академик АН РТ, профессор Ю.Ф.Гортышов; доктор экономических наук, профессор Н.Г.Багаутдинова. В группу разработчиков комплекса, которые также стали лауреатами, входят академик РАН, почетный академик АН РТ, директор Института проблем управления им. В.А.Трапезникова РАН С.Н.Васильев; профессор Национального исследовательского университета «МЭИ» Г.Н.Курдюкова; доцент этого же учреждения Е.М.Табачный; заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, профессор В.Р.Окороков; профессор, доктор технических наук, первый заместитель генерального директора ЗАО «ЭСКОТек» Н.Д.Роголев.

* * *

С 22 по 26 ноября 2011 г. состоялся визит президента Академии наук Республики Татарстан А.М.Мазгарова в Великобританию. В ходе поездки были проведены встречи с исполнительным директором Королевской инженерной академии наук

Великобритании Ф.Гринишем и вице-президентом Британской Королевской академии наук М.Поляковым.

А.М.Мазгаров также посетил главные научные центры Шотландии - Эдинбургский и Сент-Эндрюсский университет, где встретился с проректором Эдинбургского университета по международным связям профессором С.Хиллером и проректором по исследовательской работе Сент-Эндрюсского университета профессором К.Хоуксвортом.

Главным итогом поездки президента АН РТ по Соединенному Королевству Великобритании стало достижение принципиальных договоренностей о перспективах научного сотрудничества между Академией наук Республики Татарстан и научными центрами Великобритании.

* * *

23 ноября 2011 г. состоялась презентация книги «Современная химико-физическая энциклопедия-лексикон» ученых отца и сына Сайфуллиных (Сайфуллин Ренат Салляхович – академик АН РТ, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники ТАССР, РСФСР, лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники, заслуженный профессор КНИТУ; Сайфуллин Адель Ренатович – кандидат химических наук, специалист в области электрохимии, информационных технологий и маркетинга).

* * *

28 ноября в ИТ-парке состоялось вручение грантов и премий молодым ученым и научным коллективам республики от имени Правительства Республики Татарстан в рамках Республиканского молодежного форума-2011. В церемонии вручения принял участие вице-президент АН РТ Д.Ш. Сулейманов.

Гранты в размере 250 тыс. рублей получили 20 руководителей проектов. Например, таких как создание виртуального музея-библиотеки членов Академии наук РТ, оценка перспектив использования минерально-сырьевой базы глинистого сырья в Татарстане, противодействие коррупции в сфере образования и прочие.

* * *

29 ноября 2011 г. Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов подписал Указ «О присуждении Государственных премий Республики Татарстан 2011 года в области науки и техники».

На основе предложений Комиссии при Президенте Республики Татарстан по Государственным премиям Республики Татарстан в области науки и техники присуждено восемь Государственных премий Республики Татарстан 2011 г.

* * *

30 ноября 2011 г. в рамках Всероссийского Дня матери в библиотеке Академии наук Татарстана состоялась выставка «Прекрасен тот, кто жил для добрых дел». Мероприятие приурочено к юбилею супруги писателя Гарифа Ахунова, писательницы и переводчицы Шахиды Максудовой. В этот день в читальном зале библиотеки была организована выставка книг супругов Ахуновых, их детей Рашида и Наи-ли Ахуновых.

* * *

1 декабря 2011 г. состоялось очередное заседание президиума Академии наук Республики Татарстан. На повестке дня были следующие вопросы: проект «Геодемографическая инфраструктура Республики Татарстан»; изменения в Уставе Академии наук РТ; итоги конкурса именных премий АН РТ 2011 г.

* * *

1 декабря 2011 г. Премьер-министр Татарстана Ильдар Халиков посетил Институт информатики Академии наук РТ. Глава Правительства и сопровождающие его лица осмотрели здание института.

В ходе посещения Института информатики АН РТ Ильдару Халикову рассказали о том, чем занимаются в научном учреждении, какие проекты реализуются. Во встрече приняли участие президент АН РТ Ахмет Мазгаров, руководители ведущих научных направлений института. Как отметил Премьер-министр РТ в начале встречи, целью визита является ознакомление с деятельностью института. По его словам, важно ознакомиться с тем, какая работа ведется в данном институте, какие проекты реализуются и как научное учреждение взаимодействует с министерствами и ведомствами, предприятиями. В дальнейшем он планирует посетить и другие институты АН РТ с ознакомительными визитами.

С докладом «Фундаментальные исследования и прикладные разработки Института информатики» выступил его директор Фарид Аблаев. Он сообщил, что основными направлениями деятельности института являются: перспективные исследования и разработки в области квантовой информатики высокопроизводительных вычислений, защиты информации и криптографии; разработка прикладных проектов, имеющих коммерческую и социальную значимость для Республики Татарстан.

* * *

7 декабря в Академии наук состоялся учебно-методический семинар по проблемам поддержки официального портала Республики Татарстан. Был презентован новый «Официальный портал Татарстана».

В работе семинара приняли участие представители министерств и ведомств республики.

Академия наук Татарстана в лице вице-президента АН РТ Д.Ш. Сулейманова выступила с инициативой оказать методическую поддержку по созданию татарской версии официальных сайтов органов власти на базе Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова и Научно-исследовательского института «Прикладной семиотики» АН РТ.

Впервые на территории Российской Федерации и стран СНГ смонтирована и запущена в эксплуатацию в ОАО «ТАНЕКО» в городе Нижнекамске крупная промышленная установка биологической очистки промышленных сточных вод с использованием мембранных реакторов. Руководителем проекта является Н.А. Таузари (ОАО «Инвент»), в качестве консультанта выступил советник президиума АН РТ, член-корреспондент А.Ш. Зиятдинов.

* * *

8 декабря 2011 г. состоялось заседание Организационного комитета VII Республиканского конкурса «Пятьдесят лучших инновационных идей для Республики Татарстан». Заседание проходило под председательством президента Академии наук Татарстана А.М. Мазгарова. Были подведены итоги второго этапа конкурса.

* * *

С 13 по 17 декабря 2011 г. в Казани находился с визитом Ж.И.Алферов – выдающийся ученый-физик, лауреат Нобелевской премии, научный руководитель инновационного центра в Сколково. 14 декабря с гостем встретился Президент Республики Татарстан Р.Н.Минниханов. Стороны обсудили вопросы дальнейшего развития

научного потенциала Республики Татарстан, сотрудничества с инновационным центром в Сколково. Жорес Алферов, в частности, отметил, что казанская научная школа всегда имела высокий потенциал, в том числе он упомянул Казанский физико-технический институт и другие вузы. Рустам Минниханов вкратце рассказал о реализации в Татарстане ряда инновационных проектов, о работе «Электронного правительства РТ», использовании в органах государственной власти электронного документооборота и др.

14 декабря в Академии наук Татарстана состоялся прием академика РАН, вице-президента РАН, лауреата Нобелевской премии Жореса Алферова. Почетного гостя принял президент АН РТ Ахмет Мазгаров, присутствовали министр образования и науки РТ А.Х.Гильмутдинов и заместитель президента АН РТ А.М.Гумеров.

15 декабря Жорес Алферов провел публичную лекцию в Академии наук РТ. Тема лекции «Полупроводниковая революция в XX веке». Затем гостю республики была предложена экскурсия по IT-парку, где состоялась презентация электронных проектов и встреча с резидентами. В этот же день он встретился с руководством КФУ и молодыми учеными и студентами.

16 декабря состоялась встреча Жореса Ивановича с руководством и сотрудниками Казанского физико-технического института РАН. Затем Ж.Алферов принял участие в приветственном форуме выпускников программы «Алгарыш», который прошел в Академии наук РТ.

* * *

17–18 декабря президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров посетил Исламскую Республику Иран в составе татарстанской делегации во главе с Президентом РТ Рустамом Миннихановым.

В состав татарстанской делегации также вошли директор Департамента внешних связей Президента РТ, помощник Президента Татарстана Искандер Муфлиханов; директор Института нефтехимического синтеза им. А.В. Топчиева (РАН), академик РАН, почетный член Академии наук РТ Саламбек Хаджиев; первый заместитель генерального директора ОАО «Татнефть» Наиль Маганов, генеральный директор ОАО «Татнефтехиминвест-холдинг» Рафинат Яруллин и др.

* * *

19 декабря в Академии наук Татарстана состоялся «круглый стол» под председательством Президента республики Рустама Минниханова по вопросам внедрения инновационных технологий добычи нефти на месторождениях ОАО «Татнефть» и малых нефтяных компаний (МНК).

Во встрече приняли участие президент АН РТ Ахмет Мазгаров, генеральный директор ОАО «Татнефть» Шафагат Тахаутдинов, его заместители, представители МНК, научных и внедренческих организаций Татарстана.

Перед началом мероприятия его участники ознакомились с выставкой-презентацией разработок татарстанских специалистов. Экспозиция ОАО «Татнефти» дала представление о масштабах инновационной компании. ОАО «НИИнефтепромхим» представило разработки для повышения нефтеотдачи залежей нефти в сложных горно-геологических условиях и остаточных нефтей длительно эксплуатируемых месторождений. Были представлены перспективные разработки Казанского федерального университета в области углубленного исследования недр, разработки месторождений природного битума и его переработки. Ряд разработок привлек особое внимание Рустама Минниханова и Шафагата Тахаутдинова, которые дали поручения предметно рассмотреть предложения казанских ученых.

Объявлены имена лауреатов именных премий Академии наук Татарстана за 2011 г. в области биологии, медицины, ветеринарии и животноводства.

Премия имени В.А. Энгельгардта в области биологии присудили заведующему лабораторией молекулярных основ патогенеза Казанского института биохимии и биофизики РАН Владиславу Моисеевичу Чернову и ведущему сотруднику этой лаборатории Ольге Александровне Черновой за серию работ совместной тематики «Молекулярно-генетические механизмы адаптации микоплазм к стрессовым условиям и персистенции у высших эукариот».

Премия имени А.Г. Терегулова присуждена за работу по теме «Комплексная и клиничко-лучевая диагностика заболеваний, функциональных нарушений, пороков развития, опухолевых поражений желудочно-кишечного тракта, кишечной непроходимости у взрослых и детей» Ренату Фазыловичу Акберову, профессору кафедры лучевой диагностики ГБОУ ДПО КГМА Минздравсоцразвития России.

Премией имени К.Г. Боля в области ветеринарии и животноводства удостоены: доктор биологических наук, научный консультант ГНУ ТатНИИСХ Россельхозакадемии Рамиль Ришадович Вафин и доктор ветеринарных наук, профессор, заведующий кафедрой эпизоотологии Казанской государственной академии ветеринарной медицины Рустам Хаметович Равилов за «Создание специфических средств диагностики, лечения и профилактики хламидийных инфекций на основе анализа антигенной структуры и генома возбудителя хламидиоза».

* * *

23 декабря на общем собрании РАН были оглашены результаты выборов новых членов Российской академии наук. Академиками РАН от Татарстана стали еще трое ученых: Евгений Никольский, Кев Салихов и Юрий Михайлов.

Теперь в Казанском научном центре РАН 7 действительных членов и 3 члена-корреспондента Российской академии наук. Усиление академического статуса КазНЦ даст дополнительную возможность для создания в Татарстане «центров превосходства» по тем направлениям, по которым научные школы Казани занимают лидерские позиции.

Публикация группы татарстанских ученых о магнетизации клеток человека включена в еженедельный анонс Американского химического общества (ACS PressPac). Первой среди авторов работы стоит Маша Дзамукова, студентка второго курса биофака КФУ.

Среди авторов публикации — академик АН РТ О.Н.Ильинская, член-корреспондент А.П.Киясов, доктор биологических наук Р.Фахруллин и др. Ранее работы этой группы в журналах ACS не включались в подобные пресс-релизы. Анонсы статей из российских вузов в ACS PressPac являются большой редкостью.

Американским Биографическим Институтом объявлен «Человеком года — 2011» действительный член Академии наук Татарстана, академик-секретарь Отделения медицинских и биологических наук АН РТ Марс Константинович Михайлов в знак признания «его профессионализма и многолетнего труда в науке, которые стали полезны всему обществу». Примечательно, что татарстанский академик удостоился этого престижного титула уже второй раз. Впервые это имело место в 1997 г.

Определены победители VII республиканского конкурса «50 лучших инновационных идей для РТ», организованного Академией наук РТ и Инвестиционно-венчурным фондом РТ совместно с Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (г.Москва) и Инновационно-производственным технопарком «Идея» (г.Казань). В церемонии награждения приняли участие Президент РТ Р.Минниханов, премьер-министр РТ И.Халиков,

президент Академии наук РТ А.Мазгаров, директор Инвестиционно-венчурного фонда РТ А. Айдельдинов и директор технопарка «Идея» С.Юшко.

Казань до сих пор славится своими учеными, многие из которых представляли на конкурс свои проекты. По словам директора Инвестиционно-венчурного фонда РТ Айнура Айдельдинова, за семь лет проведения мероприятия поступило более 7 тысяч заявок, выявлено свыше 700 победителей. В этом году победители получили денежные премии от 25 до 50 тысяч рублей. В рамках конкурса проводится и отбор по программе инновационных проектов «Идея-1000». В рамках «Идеи-1000» профинансирован 191 проект, создано 99 инновационных компаний, зарегистрировано 105 патентов.

Президент Татарстана Рустам Минниханов провел церемонию награждения 10-ти победителей в номинации «Перспектива». По его словам, главная задача «50 лучших инновационных идей для РТ» – вовлечь в процесс подрастающее поколение.

Медаль Бенджамина Франклина присуждена Рашиду Сюняеву – выдающемуся астрофизику, действительному члену РАН, почетному академику АН РТ, главному научному сотруднику Института космических исследований РАН, директору Института астрофизики Общества им. Макса Планка (Германия).

Институт имени Франклина объявил о присуждении медали Франклина по физике за 2012 г. академику Рашиду Сюняеву за «фундаментальный вклад в понимание ранней Вселенной и свойств черных дыр».

Медали имени Бенджамина Франклина (Benjamin Franklin Medal) – крупнейшего естествоиспытателя, дипломата и общественного деятеля США XIX века присуждаются ежегодно по семи дисциплинам – химии, компьютерным наукам, наукам о Земле и окружающей среде, электротехнике, наукам о живом, механике и физике. Медаль имени Франклина – одна из наиболее престижных наград в физике. Первая медаль была присуждена в 1915 г.

Действительному члену Академии наук Татарстана Мирфатыху Закиеву вручен диплом почетного доктора Башкирского государственного университета. Это звание было присвоено татарстанскому ученому единогласно решением ученого совета БашГУ от 19 октября 2011 г.

Вручение диплома состоялось во время открытия Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения башкирского ученого и писателя Джалиля Гиниятовича Киекбаева.

* * *

26 декабря Центризбирком РТ выдал мандат депутата республиканского парламента академику АН РТ, директору Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Рафаилю Хакимову.

* * *

Первый вице-премьер РТ, доктор экономических наук, член президиума Академии наук РТ Равиль Муратов стал лауреатом премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Р.Ф.Муратов удостоен этой награды «за комплекс работ по разработке и реализации комплексной системы опережающей подготовки высококвалифицированных инженерных кадров для модернизации и инновационного развития важнейших отраслей национальной экономики: модель подготовки, технологию обучения, совершенствование управления образовательными процессами».

Добавим, что дипломов Правительства Российской Федерации по результатам работы по созданию в республике системы образовательных кластеров удостоены также академик АН РТ, директор Института энергоэффективных технологий «Ка-

занского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ» Юрий Гортышов и профессор, заведующая кафедрой «КНИТУ им. А.Н. Туполева – КАИ» Наиля Багаутдинова.

* * *

30 декабря в Казанском кремле состоялась торжественная церемония вручения Государственных премий Республики Татарстан в области науки и техники. Награды вручал Президент РТ Рустам Минниханов. Затем в Академии наук Республики Татарстан победителей поздравил президент Академии наук Татарстана А.М.Мазгаров, который вручил ученым удостоверения и дипломы.

* * *

24 января 2012 г. в Академии наук Республики Татарстан открылась XII Казанская школа-семинар TEL'2012 «Корпусы национальных языков: модели и технологии». XII Казанская школа-семинар по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL'2012 (Theory, Engineering, Language) проходила в Казани с 24 по 28 января 2012 г.

Организаторы школы-семинара: Институт прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Институт филологии и искусств и Институт вычислительной математики и информационных технологий), Татарстанское отделение Российской ассоциации искусственного интеллекта и Татарстанский молодежный общественный фонд «Сэлэт».

Казанская школа-семинар по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL проводится с 1999 г. Основная тематика школы-семинара TEL'2012 затрагивает круг тем, связанных с разработкой корпусов национальных языков и применением лингвистических моделей и технологий. Корпусно-ориентированный подход приобрел особую актуальность для исследования национальных языков, и в ходе школы-семинара своим опытом в данной области поделятся видные зарубежные ученые, а также ученые из Московского государственного университета, Московского государственного института стали и сплавов, Вычислительного центра РАН, Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и других.

* * *

2 февраля состоялось очередное заседание Президиума Академии наук Республики Татарстан. На повестке дня стояли следующие вопросы: деятельность Совета по научно-технической и инновационной политике РТ; перспективы развития Института информатики АН РТ; итоги конкурса «Лучший ученый 2011 года», «Молодой ученый 2011 года»; подведение итогов конкурса стипендий Академии наук РТ.

Президиум АН РТ на очередном заседании, состоявшемся 2 февраля, принял предложение Комиссии по проблемам отбора и поддержки талантливой молодежи и вынес решение присудить на весенне-летний семестр 2012 учебного года (с 1 марта 2012 г. по 31 августа 2012 г.) стипендии Академии наук Республики Татарстан 15 студентам вузов республики.

* * *

8 февраля в Академии наук Республики Татарстан состоялось торжественное мероприятие, посвященное празднованию Дня науки. Программа мероприятия включала в себя лекцию академика РАН и АН РТ, вице-президента К.М.Салихова по теме «Наука и общество», чествование научных династий Татарстана, вручение государственных наград, награждение победителей конкурсов «Лучший ученый 2011»,

«Лучший молодой ученый 2011» и «Эксперт года», лауреатов именных премий АН РТ, а также вручение дипломов вновь избранных членов Академии наук РТ.

На торжестве присутствовали первый заместитель Премьер-министра РТ Р.Ф.Муратов, заместитель министра образования и науки РТ Андрей Поминов, председатель КазНЦ РАН Олег Синяшин, ректор КФУ Ильшат Гафуров и другие.

В ходе мероприятия прошло чествование трех научных династий Татарстана: Шагидуллиных, Валеевых-Сулеймановых, Хабибуллиных-Габдреевых. Первый заместитель Премьер-министра РТ высказал пожелание создать серию книг о научных династиях Татарстана и обещал в этом благородном деле свою поддержку.

Премии им. В.А.Энгельгардта АН РТ в области биологии удостоены зав. лабораторией молекулярных основ патогенеза Казанского института биохимии и биофизики РАН В.М.Чернов и ведущий научный сотрудник лаборатории молекулярных основ патогенеза О.А.Чернов.

Премии им. А.Г.Терегулова в области медицины и здравоохранения удостоен профессор кафедры лучевой диагностики КГМА Р.Ф.Акберов.

Премии им. К.Г.Боля в области ветеринарии и животноводства – научный консультант ТатНИИСХ Россельхозакадемии Р.Р.Вафин и зав.кафедрой эпизоотологии Казанской государственной академии ветеринарной медицины Р.Х.Рапилов.

В академии каждый год проводится конкурс среди научных работников академических институтов и НИИ, находящихся под научно-методическим руководством Академии наук РТ, на звание «Лучший ученый года». В этом году на конкурс были номинированы более 20 научных сотрудников.

Лауреатами конкурса «Молодой ученый 2011 года» стали 4 сотрудника.

* * *

17 февраля в Академии наук Татарстана прошла Региональная научно-практическая конференция «Формирование и развитие рынка интеллектуальной собственности в регионе». Организаторы – АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет и Казанский научный центр РАН.

*Хронику событий подготовил
отдел по связям с общественностью
и СМИ АН РТ*

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от технической доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.

- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.

- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.

- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).

- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями

и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!